

В.А.МЕЛЬЯНЦЕВ

**ВОСТОК
И
ЗАПАД
ВО ВТОРОМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ:
ЭКОНОМИКА,
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

МОСКВА

Издательство

Московского университета

1996

ББК 65.5; 63.3
М48

Рецензенты:
доктор экономических наук,
профессор *А.И. Динкевич*,
доктор экономических наук,
профессор *А.Я. Эльянов*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Мельянцев В.А.

М48 Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история
и современность. — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 304 с.
ISBN 5-211-03598-4

В монографии проведено сравнение уровней, траекторий и факторов
экономического развития Востока и Запада за последнее тысячелетие.
Исследуется диалектика общего и особенного в генезисе современного
экономического роста ныне развитых и развивающихся стран.

Для экономистов, историков, преподавателей, аспирантов и студентов
гуманитарных вузов, всех, интересующихся проблемами мирового развития
в долгосрочной ретроспективе.

М $\frac{0604000000(0503000000) - 041}{077(02) - 96}$ Без объявл.

ББК 65.5; 63.3

ISBN 5-211-03598-4

© Мельянцев В.А., 1996

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
ИЗМЕРЕНИЕ И СРАВНЕНИЕ ОСНОВНЫХ ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ	12
1. Оценка конечных результатов экономического развития	12
2. Методология расчетов важнейших факторов экономического роста	35
ГЛАВА ВТОРАЯ	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СТРАН ВОСТОКА И ЗАПАДА В ДОИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ	55
1. Экономическая динамика стран Востока в средние века и новое время	55
2. Доиндустриальный рост стран Запада: темпы, факторы, итоги и межцивилизационные сопоставления	74
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА	98
1. Экономический рост ведущих стран Запада и Японии в период промышленного переворота	98
2. Особенности экономической эволюции колониальной и полуколониальной периферии	124
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД	146
1. Развитие капиталистические страны: на пути к новой модели экономического роста	147

2. Экономическая модернизация развивающихся стран: тенденции, факторы, социальные последствия	193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	205
ПРИМЕЧАНИЯ	228
ПРИЛОЖЕНИЯ	241
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	273

ВВЕДЕНИЕ

Уходящее тысячелетие оставляет много нерешенных экономических, социальных, экологических и других проблем, а также массу неразгаданных загадок. Например, далеко не ясно, когда, почему и как одни страны, ныне развитые, а в далеком прошлом очень бедные, периферийные, сумели встать на путь современного экономического роста. Другие, в прошлом более богатые страны Востока и Юга, имевшие солидную историческую фору, разнообразные природные ресурсы, бесспорный приоритет во многих технологических и культурных инновациях (например, Китай), отстали в своем развитии. Остается, однако, непонятно, когда и почему началось отставание стран Востока и Юга, в каких формах оно реализовалось, было ли оно абсолютным или относительным.

Несмотря на значительный объем публикаций и исследований, по-прежнему неясно, почему одни страны, например, Тропической Африки, после нескольких десятилетий самостоятельного развития едва ли в целом сколько-нибудь существенно увеличили подушевой ВВП. В то же время другие развивающиеся государства, включая новые индустриальные страны (НИС), а также такие гиганты, как Китай, Индия и Бразилия, в целом стремительно наращивают хозяйственный потенциал, диверсифицируют структуру экономики. Ответы на эти вопросы, по-видимому, могут способствовать лучшему пониманию или решению наиболее актуальных проблем современного мира. Автор, естественно, не претендуя на разгадывание всех отмеченных загадок, стремился в меру

своих возможностей уточнить и скорректировать ряд сложившихся представлений по некоторым из этих проблем, опираясь на собранный им банк данных, собственные расчеты и оценки.

В качестве объекта исследования выбраны 12 крупных стран мира: 6 ныне развитых государств (Великобритания, Франция, Германия, Италия, США, Япония) и 6 ныне развивающихся стран (Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Индонезия, Египет), играющих значительную роль в мировой экономике и политике. На первую группу приходится 4/5 численности населения и совокупного ВВП стран ОЭСР, на вторую — примерно 3/5 соответствующих показателей развивающегося мира. Отмеченные страны представляют почти все основные типы регионального развития современной цивилизации (за исключением России¹, а также Тропической Африки, писаная история которой еще сравнительно невелика). Таким образом, выбранная группа государств достаточно репрезентативна для сравнительного анализа долговременных закономерностей экономического развития стран Востока и Запада.

Цель настоящей работы — исследовать условия, предпосылки, тенденции и факторы генезиса и распространения современного (интенсивного) экономического роста в ведущих странах Запада и Востока/Юга. В соответствии с поставленной целью автор стремился решить следующие основные задачи:

- уточнить инструментарий исследования, верифицировать принятые процедуры измерений и сопоставлений результатов долгосрочного и среднесрочного экономического роста;
- выявить возможности и ограничения факторного анализа долговременного экономического развития;
- реконструировать важнейшие макроэкономические и социально-культурные показатели по отмеченным странам (субрегионам и регионам) за возможно более длительную ретроспективу;
- определить уровни, темпы и факторы экономического развития стран Востока и Запада в доиндустриальную эпоху, в период промышленного переворота и послевоенный период, связанный с началом широкомасштабной модернизации периферийных стран и возникновением основ постиндустриальной цивилизации в центрах мирового хозяйства;
- выявить специфику синтеза современного и традиционного, внутренних и внешних факторов развития, материальных, социальных и духовных компонентов производительных сил

стран Востока и Запада на основных этапах их экономической и социальной трансформации.

Данная монография, представляющая собой сравнительно-ретроспективную работу, опирается на широкий круг источников и исследований по вопросам методологии и практики социально-экономических измерений, сопоставлений, факторному анализу экономической динамики, современным проблемам экономического развития стран Востока и Запада, а также всемирной экономической истории.

В российской литературе фундаментальные исследования закономерностей экономического роста (общественного воспроизводства) развивающихся стран выполнены А.З. Арабаджяном, Н.С. Бабинцевой, Е.А. Брагиной, А.Е. Грановским, А.И. Динкевичем, С.В. Жуковым, В.А. Исаевым, А.П. Караваевым, А.П. Колонтаевым, П.П. Моисеевым, Ю.М. Осиповым, В.Г. Растяжниковым, Л.И. Рейснером, Н.А. Симонией, А.С. Солоницким, С.И. Тюльпановым, Л.А. Фридманом, Г.И. Чуфриным, В.Л. Шейнисом, Г.К. Широковым, Н.П. Шмелевым, А.Я. Эльяновым, В.А. Яшкиным и др., а ныне развитых стран — М.В. Барабановым, А.В. Барышевой, Ю.А. Васильчуком, М.И. Гельвановским, Е.А. Громовым, А.И. Динкевичем, А.А. Дынкиным, В.К. Зайцевым, В.М. Кудровым, В.И. Кузнецовым, В.И. Марцинкевичем, С.М. Никитиным, Л.П. Ночевкиной, И.М. Осадчей, Я.А. Певзнером, А.В. Полетаевым, В.Б. Рамзесом, Р.М. Энтовым и др.

Автор также опирался на исследования и разработки российских и зарубежных ученых, посвященных измерению и моделированию экономического развития. Особую помощь оказало изучение работ А.И. Анчишкина, Б.М. Болотина, К.К. Вальтуха, Е.З. Демиденко, В.М. Зубова, С.М. Никитина, Я.Ш. Паппэ, Н.В. Суворова, Е.П. Шпаковской, а также М. Абрамовича, И. Адельмана, Д. Ашера, П. Бэрока, М. Бейли, Р. Барро, Р. Голдсмита, Р. Гордона, Ц. Грилихеса, Э. Денисона, Ф. Джастера, Д. Джоргенсона, П. Дюбуа, Дж. Кендрика, К. Кларка, С. Кузнеца, Р. Люкаса, А. Мэддисона, О. Моргенштерна, К. Оппенлендера, П. Ромера, Р. Солоу, П. Студенского, М. Сыркина, Д. Триплета, Т. Хилла, К. Цухимур, Х. Ченери, Э. Шолинга, Т. Шульца, Р. Эйзнера.

Весьма полезными были также труды И. Крэвиса, Р. Саммерса и А. Хестона, касающиеся расчетов паритетов покупательной способности валют, а также исследования по факторному анализу экономики развивающихся стран, в частности Д. Перкинса и

Р. Дернбергера по Китаю, Б. Дхолакя и П. Брахмананды — по Индии, Р. Луни, К. Рейнольдса, А. Хофмана и В. Элиаса — по Мексике, Бразилии и другим странам Латинской Америки, С. Радвана и Р. Мабро — по Египту, К.-С. Кима, Дж.-К. Пака и Г. Ошимы — по Южной Корее и Тайваню.

Важную роль при разработке темы сыграли монографии и статьи российских ученых, посвященные проблемам долговременной экономической и социальной эволюции стран Востока и Запада, в особенности работы Л.Б. Алаева, К.З. Ашрафян, М.А. Барга, О.Г. Большакова, Е.Ю. Ваниной, Л.С. Васильева, М.Ф. Видясовой, З.Н. Галич, Е.В. Гутновой, Д.Е. Еремеева, Е.М. Жукова, В.А. Зарина, Н.А. Иванова, Э.С. Кульпина, В.В. Макаренко, М.С. Мейера, А.В. Меликсетова, А.С. Мугрузина, О.Е. Непомнина, Р.М. Нуреева, В.И. Павлова, А.М. Петрова, Л.И. Рейснера, А.А. Сванидзе, Н.А. Симонии, И.М. Смилянкой, З.В. Удальцовой, Л.А. Фридмана, А.И. Фурсова, А.И. Чичерова, Г.К. Широкова и др.

Большой интерес представили выводы, обобщения и фактический материал, содержащийся в трудах зарубежных специалистов по экономической и социальной истории мира и его важнейших регионов. Следует выделить работы Ж. Абу-Лугод, П. Андерссона, Э. Бозерап, Ф. Броделя, И. Валлерстайна, Дж. Голдстейна, Ж. Ле Гоффа, Д. Гулда, Э. Джоунса, Ж. Жимпеля, Ч. Иссави, Р. Кемпера, П. Кеннеди, Д. Ландеса, У. Макнила, М. Манна, Дж. Мокайра, Д. Нортона, Дж. Нидэма, А. Пейси, Л. Рейнольдса, У. Ростова, Б. Сликера ван Баса, А.Г. Франка, К. Чиполлы, П. Шоню, М. Эльвина.

Особенно ценны, на наш взгляд, ретроспективные расчеты и оценки ВВП, сельскохозяйственной и промышленной продукции, физического и человеческого капитала, структуры занятости населения и ряда других показателей, содержащиеся в работах Р. Джексона, Ф. Дин, Н. Крафтса, У. Коля, Ч. Харли, Дж. Хоппита, Ч. Файнштейна по Великобритании, М. Леви-Лебуае, Ж.-Кл. Тутена, О. Маршана и Кл. Телота по Франции, В. Хоффмана, К. - Л. Холтфрериха и Р. Тилли по Германии, С. Клафа, Н. Росси, Г. Тонило, Г. Тортелла по Италии, Р. Гальмана, П. Дэвида, С. Кузнеца по США, К. Окавы, Р. Минами, С. Хэнли, К. Ямамуры по Японии, Х. Ву, Д. Перкинса, Т. Равского, Р. Хартвела, К. Чжао по Китаю, А. Десаи, М. Мукхерджи, Ш. Мусви, С. Сивасубрамоньяна, С. Свами, И. Хабиба, А. Хестона по Индии, Р. Луни, М. Рамиреса, Ч. Рейнольдса по Мексике, Р. Голдсмита,

Н. Леффа, К. Фуртадо, К. Хаддада по Бразилии, К. ван дер Меера, П. ван дер Энга по Индонезии, С. Амина, Э. Аштора, Ч. Иссави, А. Махкука, О. Окьяра, Б. Хансена по Египту и ряду других ближневосточных стран.

Вместе с тем в отмеченных работах, а также в обобщающих исследованиях по экономической истории, выполненных П. Бэроком, К. Кларком, А. Мэддисоном и У. Росту, во-первых, содержится много разных спорных, не всегда согласующихся между собой оценок уровней и темпов развития различных стран мира в XIX и XX вв., нуждающихся в дополнительном обосновании и верификации; во-вторых, отсутствуют сколько-нибудь систематизированные, даже ориентировочные оценки соотносительных уровней подушевого ВВП/ВНП и его динамики по основным странам и регионам мира (Евразии) за доиндустриальный период; в-третьих, все еще преобладают западноцентричные подходы к анализу мировой экономической динамики/истории, причем набор (число) объясняющих переменных (факторов, детерминант), как правило, весьма ограничен.

Для решения поставленных задач автору пришлось проделать весьма сложную работу по уточнению многих первичных данных с использованием натуральных и стоимостных показателей. Отсутствие в российской и зарубежной научной литературе, а также в национальных и международных публикациях ряда необходимых социально-экономических индикаторов заставляло часто прибегать к многочисленным расчетам и оценкам на основе широкого привлечения разнообразной статистической и общеэкономической информации. Использовались материалы многотомных изданий: “Экономическая и социальная история мира” (Париж, 1977-1978), “Кембриджская экономическая история Европы” (Кембридж, 1977-1989), “Исследования дохода и богатства” (т.24-56. Чикаго 1960-1992), сборники по мировой социально-экономической статистике, подготовленные и периодически пополняемые Т. Лизнер, П. Флорой, Б. Митчелом. Кроме того, автор за 1960-е — начало 1990-х гг. произвел своеобразный “мониторинг” ряда ведущих экономических и историко-экономических журналов по указанной теме. Были использованы также ежегодные отчеты и специальные обзоры Всемирного банка и МВФ, а также других международных организаций.

В качестве важнейшего измерителя выбран подушевой уровень ВВП (ВНП), рассчитанный в международных долларах по паритетам покупательной способности валют в двух инвариантах — 1980

и 1990 гг. За основу взяты уточненные расчетные оценки исследовательской группы Пенсильванского университета под руководством Р. Саммерса и А. Хестона, в которые были внесены авторские поправки, корректирующие существенный недоучет продукции неформального и полунатурального секторов по Китаю, Индии, Бразилии, Мексике и Египту.

Данные за XIX — XX столетия получены путем тщательной верификации исходного статистического материала, многочисленных уточнений, многократных смыканий и взвешиваний различных “готовых” или специально рассчитанных индексов производства (и их субститутов).

Авторские расчеты за более ранние периоды основаны на ряде аппроксимаций, оценивающих общую численность населения, размеры обрабатываемых площадей, урожайность основных культур (главным образом зерновых), производство железа, уровни реальной заработной платы чернорабочих, удельный вес горожан, среднюю продолжительность жизни. Также использованы некоторые ретроспективные оценки экономического роста стран Западной Европы, сделанные С. Кузнецом, А. Мэддисоном, Р. Голдсмитом, П. Бэроком, Д. Ландесом, Ф.-В. Хеннингом, П. Шоню и К.Г. Перссоном, которые были взаимно скорректированы и в которые в ряде случаев внесены необходимые поправки относительно динамики численности населения, отдельных секторов производства, отраслевых пропорций распределения валового продукта.

К числу важнейших результатов исследования можно, вероятно, отнести следующие. Во-первых, на базе самостоятельных расчетов и оценок душевого ВВП, индекса развития (включающего материальные и социально-культурные компоненты), совокупного производительного богатства (суммарная оценка природных ресурсов, физического и человеческого капитала), трех- и семифакторных производственных функций и ряда других индикаторов воссозданы основные контуры экономической динамики ведущих стран Востока/Юга и Запада за длительную ретроспективу, охватывающую по ряду государств и субрегионов последнее тысячелетие. Во-вторых, был проведен комплексный анализ причин и факторов в целом относительно медленного развития (до последних десятилетий) стран Востока и сравнительно ускоренного роста стран Запада. В-третьих, в монографии показано, что элементы современного экономического роста, в том числе повышение роли его интенсивных составляющих, впервые проявились не в эпоху

промышленного переворота, как это обычно принято считать, а в доиндустриальный и protoиндустриальный периоды. При этом, как свидетельствуют расчеты, симптомы относительной интенсификации экономического роста обнаружались впервые не на Западе, а на Востоке, в танско-сунском Китае (VIII-XI вв.), т.е. за 800-1000 лет до начала промышленной революции. В-четвертых, расчеты показывают, что Западная Европа, отстававшая в начале второго тысячелетия от ведущих стран Азии по подушевому национальному продукту по меньшей мере в 1,5-2 раза, сумела догнать по этому показателю Восток (Китай, Индию) не во второй половине XVIII в., как это следует из некоторых последних публикаций (например П. Бэрока), а двумя столетиями раньше. В-пятых, судя по рассчитанным моделям, во втором тысячелетии догоняющее и перегоняющее развитие стран Запада, а в XX столетии ускоренное развитие ряда стран Востока и Юга (Японии, НИС, Китая, Индии, Бразилии) оказалось возможным не только, а в некоторых случаях не столько благодаря росту обеспеченности труда землей, сырьевыми ресурсами и физическим капиталом, сколько в результате быстрого наращивания энергоинформационного потенциала, средств коммуникаций, опережающего развития социально-институциональных и духовных компонентов производительных сил.

ИЗМЕРЕНИЕ И СРАВНЕНИЕ ОСНОВНЫХ ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Сравнительный анализ динамики и факторов экономического развития ведущих стран Востока и Запада за ряд прошедших столетий — непростая задача, требующая предварительного рассмотрения некоторых методологических вопросов, выявления возможностей и ограничений, связанных с количественным (статистическим) подходом к исследованию долговременных процессов, а также уточнения ряда операционных понятий и системы индикаторов.

1. Оценка конечных результатов экономического развития

Многие аспекты этой обширной проблематики основательно изучены в отечественной и зарубежной литературе [1; 60; 105; 155; 173; 178; 234; 462; 506; 527]. Вместе с тем продолжается поиск репрезентативных показателей, способных точнее отразить реальные итоги хозяйственного и социального развития, “очищенные” от промежуточных затрат и издержек производства (нередко выдаваемые за конечные достижения). Далеко не однозначны и не совершенны некоторые из ныне принятых и широко используемых процедур межстрановых и временных сопоставлений экономических результатов. Весьма сложной и, по сути дела, нерешенной остается проблема адекватного учета структурных изменений и качественных сдвигов (различий) в синтетических (агрегативных) индикаторах, имеющая особо важное значение для корректного

осуществления компаративных, в том числе ретроспективных, исследований.

Прежде чем перейти к анализу преимуществ и недостатков тех или иных показателей, уточним ряд операционных понятий (категорий), подлежащих изучению и формализации. Как известно, результативность функционирования социально-экономических систем может быть оценена исходя из разных критериев. Один из них выражается категорией гомеостаза, означающей способность системы сохранять относительно динамичное постоянство структуры, устойчивость основных свойств и функций (за счет активизации механизмов приспособления к внешней среде). В этом смысле долговременность существования и способность к регенерации в пределах прежней (или близкой) идентичности различных микро- и макросоциальных объектов (субъектов), например государств, империй, может расцениваться при определенных обстоятельствах не только (а быть может, не столько) как признак стагнации и слабости, но и как важный симптом эффективности и внутренней мощи системы.

Однако абсолютная, полная гомеостатичность, если учитывать фактор времени, весьма редкое явление, ибо поддержание внутреннего равновесия, устойчивости перед лицом внешнего “вызова” (среды, хаоса) предполагает изменчивость. Дело в “дозе”, мере и направленности изменчивости. Поэтому наиболее распространенным критерием результативности функционирующих систем является категория развития, основной принцип которого — устойчивая, направленная изменчивость, связанная в конечном счете с возникновением нового качества системы.

Развитие, как известно, может быть регрессивным (деволюционным), означающим снижение качества, деградацию системы до более низкого уровня адапционного равновесия; инволюционным, предполагающим внутреннее усложнение состава и функций без внешней экспансии и/или увеличения ее продуктивности (что сближает такой тип развития с описанным выше состоянием относительной гомеостатичности); прогрессивным (в зависимости от скорости, масштабов и интенсивности протекания соответствующих процессов они могут быть эволюционными или, что в природе и обществе встречается намного реже, революционными).

Существует много дефиниций прогресса. Сравнительный анализ их полноты и адекватности — интересная, но самостоятельная тема. В данной работе под социально-экономическим прогрессом понимается процесс расширения спектра способностей и возмож-

ностей человека (включая улучшение качества среды обитания), обеспечивающих реализацию его растущих потребностей и увеличивающих меру его самоорганизации и адаптации, а следовательно, и степень относительной свободы (автономности) по отношению к изменяющимся внешним обстоятельствам (окружающему миру, стихии, хаосу).

Моделирование социально-экономического прогресса, даже при условии достижения консенсуса относительно его сущности и критериев, остается предельно сложной проблемой [65, с.7]. И было бы, наверное, наивно предполагать, что существуют, в принципе, адекватные и однозначные способы ее решения. Следовательно, любые разработки в рамках данной проблематики будут носить сугубо вероятностный характер. Но, несмотря на условность получаемых результатов (а модели и цифры всегда относительны и условны), формализация категорий развития и прогресса на основе верификации и обобщения разнообразных историко-экономических материалов с применением математического аппарата достаточной степени сложности (“не превышающей” качества используемой информации) ценна и полезна.

Исследование тенденций и факторов экономического развития в странах Востока и Запада в пределах второго тысячелетия производится в настоящей работе в контексте изучения особенностей, возможностей и форм их перехода к индустриальной и постиндустриальной цивилизации, генезиса современного экономического роста. Этот термин, как и сама концепция современного экономического роста, был предложен известным американским ученым Саймоном Кузнецом. В дальнейшем дефиниция этого процесса и важнейшие составные части теории уточнялись многими исследователями [155, с.11-13; 461, р.1, 426-427, 491; 464, р.165-166].

Под современным экономическим ростом в данной работе понимается существенное, длительное, относительно устойчивое увеличение уровня реального производства (конечного общественного продукта) в расчете на душу населения, а также глубокие и сравнительно быстрые изменения в его натуральных, стоимостных, функциональных структурах, в материальных, социальных и духовных элементах исторически созданных производительных сил, ведущие к увеличению эффективности (совокупной производительности факторов производства) и повышению меры интенсификации экономики.

Современный экономический рост, в отличие от тех или иных (в том числе “азиатского” и “западного”) вариантов традиционного роста, о которых речь пойдет ниже, предполагает достижение

более высокой степени свободы, увеличение богатства выбора средств адаптации и возможностей реализации растущих потребностей человека за счет совершенствования состава и структуры искусственных средств производства, институтов, форм коммуникаций и связи, а также человеческого фактора.

Процесс роста не линеен, флуктуации — весьма важный и необходимый элемент саморазвития и функционирования открытых, неравновесных биосоциальных систем. Однако отличие современного экономического роста от эпизодически встречавшихся в прошлом периодов относительно быстрого расширения производства состоит прежде всего в значительно возросших (в среднем в 4-8 и более раз) темпах прироста продукта, обгоняющих увеличение численности населения при том, что данный феномен “самоподдерживается” на протяжении жизни не менее одного-двух поколений людей (т.е. не менее 30-40 лет) [461, p.27]. Другая важнейшая отличительная черта отмеченного феномена — существенное повышение устойчивости и качества роста (о чем и пойдет речь в данной работе).

Остановимся на трудностях и возможностях соизмерения в пространстве и во времени конечных результатов развития. Начнем с показателей конечного общественного продукта (ВВП, ВНП и др.). О сути и содержании этого важнейшего компонента системы национальных счетов большинства стран мира (который на рубеже 80-90-х гг. был “принят” и в России) уже достаточно много написано в отечественной специальной литературе, в газетах и журналах.

Существует мнение, что ВВП, фиксирующий сумму конечной продукции (добавленной стоимости) отраслей, созданной на территории страны, и служащий главным (в экономическом смысле) источником жизнеобеспечения общества, не идеальный, но, возможно, наименее худший из имеющихся синтетических (агрегативных) показателей.

Теоретически одним из лучших измерителей мощи и движения экономической системы мог бы считаться индикатор национального богатства, отражающий результат всей предыдущей деятельности общества, учитывающий как материальные блага, созданные человеком, так и вовлеченные в хозяйственный оборот природные ресурсы, а также накопленный интеллектуальный потенциал. Однако данные по национальному богатству в силу множества проблем — методологических и статистических — в целом менее точные, чем по конечному общественному продукту, содержат

больше условностей. Ошибка измерений, судя по оценкам С.М.Никитина и Е.П.Шпаковской, может достигать в развитых странах 10-20% [139, с.178-183], что ограничивает, но не исключает применения этого индикатора (для решения ряда задач) в компаративно-ретроспективных исследованиях.

Показатель национального дохода (чистого продукта), ввиду существующих условностей и неточностей учета фонда возмещения, вычитаемого из ВВП/ВНП¹, искажает результаты экономического развития, по-видимому, больше, чем ВВП. ВНП также менее точен, чем ВВП, поскольку по многим, даже развитым, странам далеко не полностью учитывается сальдо трансфертов с границей (фиксация в нем движения доходов по труду производится лучше, чем по капиталу).

В целях обеспечения более или менее адекватного отражения итогов экономической деятельности того или иного общества методология и практика расчетов ВВП нуждаются в существенных изменениях. При этом его измерение должно производиться не только традиционными способами, но и с учетом альтернативных подходов и приемов.

Как известно, показатели ВВП и его важнейших элементов, рассчитываемые национальными статистическими службами развитых и развивающихся государств с использованием значительного числа стандартных допущений, оценок и поправок, в нынешних условиях прогрессирующей “дематериализации” общественного производства (прежде всего в наиболее развитых странах) во многом неполно и неточно отражают процесс экономического роста и его результаты, недооценивают многие качественные изменения в составе конечного общественного продукта и в структуре затрат на его производство.

Прежде чем перейти к более конкретным вопросам, связанным с конструированием альтернативных оценок, необходимо уточнить концепцию сферы (границ) экономической деятельности (производства).

Со времени появления homo sapiens и до наших дней основными формами человеческой деятельности (помимо биологического воспроизводства) были следующие: а) различные виды деструктивной активности, насилия и грабежа, включая безвозмездное присвоение продуктов природы, ограбление и уничтожение себе подобных, паразитизм; б) созидательная деятельность в основных отраслях материального производства и сферы услуг; в) духовное производство, познание и саморазвитие индивида как

особые, но не всегда должным образом оцениваемые современными формы созидательной деятельности.

На протяжении тысячелетий отмеченные виды человеческой активности были тесно переплетены, и значительное место в мировой истории принадлежало (и принадлежит) ее первому подтипу (связанному с экоцидом, войнами, явлениями геноцида и другими разрушениями). Однако вектор общественного прогресса (при всей неоднозначности этой категории) в конечном счете определялся реальными достижениями во второй и особенно в третьей сферах человеческой активности.

Эти обстоятельства, во-первых, фиксируют значительную сложность моделирования процесса долговременного экономического развития, во-вторых, обуславливают необходимость (в целях осуществления адекватного компаративного анализа) перехода к более широкой концепции производства по сравнению с ныне принятой ООН и другими международными организациями². При этом под производительным трудом, демаркирующим экономическую сферу, может пониматься целесообразная вознаграждаемая деятельность, т.е. приносящая, а также экономящая доход (например, домашнее вещное и невещное производство, не получающее рыночную оценку), в ходе которой создаются материальные и духовные блага, удовлетворяющие прямо или косвенно человеческие потребности [146, гл.1; 171, с.21].

Рассматривая вопросы практического измерения экономических явлений в статике, целесообразно подчеркнуть, что основные элементы ВВП рассчитываются по разным принципам. Если сфера материально-вещественного производства в развивающихся и развитых странах в большей мере оценивается по выпуску, то значительная часть продукции третичного сектора (услуги администрации, сферы народного образования, науки и т.п.) — преимущественно по затратам [23, с.8-11; 173, гл.1; 252, с.169-171]. Следовательно, эта часть продукции третичного сектора в некоторых случаях явно и значительно занижается. Сфера же торговли, финансов и т.п. в большей или меньшей степени осуществляет перераспределение части продукта, созданного в отраслях материально-вещественного производства. Вряд ли можно положительно оценивать “вклад” в ВВП армии, полиции и вообще военно-репрессивного аппарата как в его “человеческом”, так и в материально-вещественном выражении (эти услуги, имеющие в лучшем случае промежуточный, компенсационный характер, нецелесообразно классифицировать как конечные).

Часто в развивающихся странах величина стоимости, созданная в неведущей сфере экономики, рассчитывается методом “остатка”, когда из всего ВВП, полученного на основе тех или иных экстраполяций, вычитают размеры учтенного материально-вещественного продукта. Обобщая указанные тенденции, можно предположить, что по мере развития общества и при сохранении прежних методов учета значение “затратных” отраслей третичного сектора все более недооценивается, а следовательно, занижается и величина всего ВВП.

В развивающихся странах существенная часть обычной хозяйственной деятельности (приготовление пищи, стирка, чистка, ремонт, пошив одежды и обуви, строительство жилья и т.п.), которая в развитых государствах в большей мере опосредуется рынком, осуществляется в рамках домашних хозяйств, вследствие чего ее результаты не учитываются или недостаточно учитываются в стоимостной форме и обычно не включаются в ВВП. К тому же в развивающихся странах, как правило, далеко не полностью принимается во внимание натуральное и полунатуральное производство в земледелии, ремесле, неформальном секторе обрабатывающей промышленности и т.п. [641, p.16].

По имеющимся оценкам, в 1960-1980-е гг. размеры неформального сектора достигали в ряде латиноамериканских и азиатских государств 25-40% их ВВП [574, p.305; 614а, p.42, 44, 72, 112]. В Индии, согласно подсчетам П. и С.Гуптов, недоучтенный налоговыми и статистическими службами “рыночный” доход был эквивалентен в 1953-1954 гг. 6% ВНП, в 1969 г. — 13-14, в 1972 г. — 28-29 и в 1979 уже 48-49% ВНП [382, p.196-197]. Эти данные не включают, судя по всему, оценку домашнего производства в целях самопотребления, о недоучете которого говорилось выше.

В развитых странах, несмотря на все видимые успехи налоговых служб, размеры неучтенного рыночного производства (в процентах к ВВП, включая подпольный бизнес) возросли в 1960-1980-е гг. примерно в 1,5-2,5 раза, достигнув 10-20%. В Италии, являющейся, по оценкам специалистов, “лидером” среди крупных развитых стран по относительным размерам недоучета рыночной продукции, статистические ведомства в 70-80-е гг. дважды корректировали в сторону увеличения данные об учтенном ВВП: в 1977 г. — на 10 и в 1982 г. — на 16%. При этом в 1982 г. продукция строительства была “повышена” на 12-13%, обрабатывающей промышленности — на 18-19, “рыночных” услуг — на 31-32%, внутреннее конечное потребление “выросло” на 10-11%, капиталовложения — на 35-37,

в том числе инвестиции в оборудование (исключая транспортные средства) — на 85-90% [240, р.35, 64; 515а, р.21].

При всей неполноте имеющихся данных о размерах недоучета ВВП в разных группах государств, исчисленного в основном в соответствии с рыночной концепцией производства и с применением ряда затратных показателей, можно констатировать, что процент недооценки совокупной продукции в развивающихся странах в целом выше, чем в развитых (возможная пропорция 35-45 : 10-20).

В ряде модификаций разрабатываемого показателя чистого национального благосостояния делается попытка дать экономическую оценку свободного времени³, вне рыночной деятельности, связанной как с восстановлением рабочей силы, так и с увеличением (развитием) физических и интеллектуальных возможностей человека, наращиванием человеческого капитала, повышением эффективности использования разнообразных потребительских благ, а также качества проведения досуга [184, с.9]. Есть интересные попытки рассчитать явно недоучтенный исследователями вклад женщин и учащихся в прирост национального благосостояния [339, р.275-288; 527, р.392].

Однако эти оценки сделаны специалистами по весьма узкому кругу стран и выполнены по далеко не унифицированной методологии, нередко спорной, нуждающейся в обосновании и уточнении. Часто подсчеты производятся методом вменения стоимости (т.е. придания статуса рыночной цены нестандартизованному продукту, услуге, не прошедшим рыночной “аттестации” на качество и полезность; применяются при этом затратные показатели, например отработанного в домашнем хозяйстве времени) [97, с.138; 252, р.159, 161; 330, р.1673; 527, р.163-167]. Согласно некоторым из имеющихся оценок по США, Германии, Франции и Японии, их официальный ВВП в 1960-1980-е гг. мог быть увеличен в результате отмеченных поправок на 30-60% [355, р.281; 541, р.41; 574, р.56].

При окончательной доработке новой системы национальных счетов, проекты которой предлагаются различными учеными и организациями, придется не только упорядочить методики учета валовой продукции — в соответствии с более широкой концепцией производства, — но и унифицировать критерии определения промежуточного и конечного, в том числе чистого, продукта. Несмотря на существенный прогресс, достигнутый в последние два-три десятилетия в изучении этих проблем, остается еще немало спорных вопросов.

Дело в том, что определенная часть расходов — материальных затрат и услуг (прежде всего в развитых странах), относимых

обычно к элементам конечного потребления, представляет на самом деле то, что в реальности можно назвать издержками цивилизации. Речь идет об урбанизационных, транспортных, оборонных расходах, производственных, в том числе государственных, услугах, которые не столько способствуют повышению уровня жизни, сколько компенсируют, а в какой-то мере увеличивают (например военные расходы) отрицательные последствия современного этапа развития цивилизации⁴ [65, с.14; 97, с.131, 139; 462, р.80-85; 492, р.146].

По некоторым оценкам, в ряде отраслей сферы услуг до 40-50% их так называемого конечного “производства” в действительности (в макроэкономическом смысле) составляют промежуточные затраты. Эта характеристика, однако, не относится к врачам, учителям, к “сектору” домашних услуг и развлечений, непосредственно способствующих увеличению или восстановлению деятельных (креативных) способностей человека [556, р.81, 88; 583, р.241].

Согласно результатам исследований ряда американских специалистов, занимающихся проблемами национального счетоводства, размеры недоучтенного промежуточного продукта (так называемые “цивилизационные затраты”, которые надо дополнительно вычесть из конечного общественного продукта США) достигали в 1950-1970-е гг. от 20-25 до 35-40% ВВП [330, р.1617; 461, р.226-227; 527, р.157, 520; 654, р.136-137]. Однако не следует чрезмерно абсолютизировать результаты расчетов, нацеленных на получение “сверхчистого” конечного продукта. Необходимо производить подобные исчисления в связке с другими поправками, фиксирующими более широкое “поле полезности” (т.е. расширенные границы сферы экономической деятельности), изменяющееся, но пока еще с трудом идентифицируемое в статистике качество товаров и услуг.

Один из существенных недостатков современной системы национальных счетов — недоучет масштабов “отрицательного благосостояния”, связанного с ухудшением природной среды, в том числе экологическим загрязнением и ускоренным истощением природных производительных сил. По оценкам, в 70-80-е гг. общие расходы ныне развитых стран на сохранение окружающей среды не превышали 2-3% их ВВП, что, как считается, было в 2-2,5 раза меньше необходимой суммы средств для компенсации только текущего экологического ущерба [354, р.175; 446, р.505].

Не меньший разрыв между необходимыми и реальными затратами на экологические нужды был характерен в 60-80-е гг. и для большинства развивающихся стран; в некоторых из них разруше-

ние, в том числе антропогенное изнурение, природных систем достигло весьма опасных размеров [172, с.227].

Для оценки итогов и возможных будущих результатов хозяйственного развития традиционный показатель ВВП/ВНП должен быть скорректирован не только на величину экологического загрязнения (компенсированного или некомпенсированного), которая может быть оценена по статье промежуточных затрат, но и на размер истощения природных производительных сил (ресурсов). Учет последнего компонента должен, на наш взгляд, проходить по статье амортизации (выбытия) совокупного (исторически созданного + природного) капитала.

Ряд стран начал разрабатывать и публиковать соответствующие материалы по “экологически скорректированному ВНП” (Япония, Норвегия, Франция, Нидерланды, Канада). Методики еще не унифицированы, в самих расчетах много спорного. Первые расчеты подобного рода появились и по некоторым из развивающихся стран. Данные по Индонезии (табл.1) показывают, что в 70-х — первой половине 80-х гг. скорректированный ВВП (СВВП) составлял в среднем около 90% ее “традиционно” рассчитанного ВВП, причем это соотношение уменьшилось по сравнению с началом 70-х гг.: среднегодовой темп прироста СВВП (в 1971-1984 гг. 4,0-4,2% в год) оказался существенно меньше соответствующего показателя по ВВП (7,0-7,2% в год).

Скорректированный индикатор валовых внутренних инвестиций в 1971-1984 гг. не превышал в среднем 2/3 показателя внутреннего капиталонакопления. Уточненный на размер экологических потерь индикатор нормы капиталовложений составлял в среднем 10-12%, т.е. вдвое меньшую величину по сравнению с традиционным показателем⁵.

Однако неправильно считать, что абсолютные и относительные масштабы инвестиций, определенные в соответствии с традиционной системой национальных счетов, однозначно завышаются. Они могут занижаться, во-первых, потому, что недооценивается (прежде всего в развивающихся странах) известная часть материально-вещественных капиталовложений, реализованных в рамках натуральных хозяйств, будь то земледелие, ремесло, инфраструктура или сфера обслуживания. По данным американского экономиста У. Маленбаума, в Индии в 1950-1951 гг. “натуральные инвестиции” достигали четверти чистого внутреннего капиталобразования [375, р.124]. Во-вторых, по мере перехода к более высоким стадиям индустриализации (и постиндустриального развития) суммарная величина и норма капиталовложений могут и занижаться и завь-

шаться в зависимости от того, к капиталовложениям (капитальным благам) или к предметам потребления относятся некоторые группы товаров длительного пользования. В соответствии с расширительной трактовкой (классификацией) капиталовложений их норма в развивающихся и развитых странах может быть “повышена” за счет отмеченной поправки на величину, равную в некоторых случаях 2-6-12 процентным пунктам (от ВВП/ВНП).

Таблица 1

**Показатели ВВП и валовых внутренних инвестиций (ВВИ)
Индонезии, скорректированные на величину истощения
природных ресурсов**

Год	ВВП	СВВП	ВВИ	СВВИ	СВВП	СВВИ	ВВИ	СВВИ
	млрд индонез.рупий 1973 г.				ВВП	ВВИ	ВВП	СВВП
1971	5545	6671	876	2002	1,203	2,285	0,158	0,300
1972	6067	5967	1139	1039	0,984	0,912	0,188	0,174
1973	6753	6474	1208	929	0,959	0,769	0,179	0,143
1974	7296	9901	1224	3829	1,357	3,128	0,168	0,387
1975	7631	6510	1552	431	0,853	0,278	0,203	0,066
1976	8156	7472	1690	1006	0,916	0,595	0,207	0,135
1977	8882	7171	1785	74	0,807	0,041	0,201	0,010
1978	9567	7960	1965	358	0,832	0,182	0,205	0,045
1979	10165	7946	2128	-91	0,782	-0,043	0,209	-0,011
1980	11169	8506	2331	-332	0,762	-0,142	0,209	-0,039
1981	12055	9840	2704	489	0,816	0,181	0,224	0,050
1982	12325	10561	2783	1019	0,857	0,366	0,226	0,096
1983	12842	9972	3776	906	0,777	0,240	0,294	0,091
1984	13520	11186	3551	1217	0,827	0,343	0,263	0,109

Примечания. 1. СВВП — скорректированный ВВП (за вычетом оценки потерь природных ресурсов — нефти, лесных богатств, обрабатываемых земель). 2. СВВИ — скорректированный показатель валовых внутренних инвестиций (за вычетом компоненты, указанной в прим.1).

Составлено и рассчитано по: [46, 1990-1991, p.235-236].

В-третьих, обычно не рассматривается в качестве долгосрочных инвестиций та часть “вложений в человека”, которая проходит по статистике текущих расходов на образование, здравоохранение, науку и т.п. и имеет долговременный эффект. Увеличившаяся за последние 3-4 десятилетия в 2-3 раза доля указанных расходов в ВВП развивающихся стран составила в среднем в 80-е гг. 5-7%,

что было эквивалентно примерно четверти их общего фонда развития (обычные физические капиталовложения + текущие затраты на просвещение, медицинское обслуживание и науку) [36, 1985-1992; 44, 1987-1992]. В развитых странах доля соответствующих текущих затрат в ВВП была по крайней мере вдвое больше. Как показывает опыт развитых и развивающихся государств, экономическая и социальная отдача от инвестиций в “человеческий фактор” обычно существенно выше, чем у традиционных капиталовложений в основные физические фонды⁶.

Выявление и адекватное сравнение реальных уровней и пропорций народнохозяйственного развития стран Востока и Запада предполагает существенную и разностороннюю корректировку ныне действующей системы национальных счетов, без чего становится все труднее понять, что, как и почему происходит в мировой экономике. Эта задача связана со значительным увеличением банков информации о различных странах мирового сообщества и преодолением ряда методологических трудностей (речь идет о взаимной увязке новых субсчетов, касающихся недостаточно изученных сторон жизнедеятельности общества, а также о введении систематизированных, взвешенных поправок и уточнений к существующим расчетам ВВП и его основных компонентов).

Отмеченные проблемы широко обсуждаются в некоторых научных публикациях ООН, Всемирного банка, МВФ, но, насколько нам известно, приемлемый вариант их решения, позволяющий значительно усовершенствовать ныне действующую систему национальных счетов, еще не найден.

Вместе с тем в последние 2-3 десятилетия рядом исследовательских организаций и отдельными учеными (И.Крэвис, Р.Саммерс, А.Хестон и др.) проведена большая работа по переводу существующих данных о традиционном ВВП в единую систему цен, что делает эти показатели более сопоставимыми.

Публикуемые до сих пор в статистических изданиях ООН, МВФ и Всемирного банка сравнительные данные о ВВП/ВНП, переведенные в американские доллары на базе валютных курсов (официальных, рыночных или даже усредненных), нередко значительно искажают (по развивающимся странам занижают) относительные уровни развития различных государств. Поэтому стали исчисляться паритеты покупательной способности валют на основе так называемых международных цен, которые обычно рассчитываются методом Р.Гири — С.Камиса как средневзвешенные величины из национальных цен (в качестве весов выступают физические объемы продукции в сопоставимых странах).

Отмеченный метод взвешивания по усредненным интернациональным ценам лучше системы взвешивания, при которой статистические показатели сравниваемой (например, менее развитой) страны выражаются в ценах и долларах США потому, что во втором случае искусственно увеличивается стоимость прежде всего трудоемких товаров и особенно услуг, которые в американской экономике оцениваются относительно дорого [329, p.28].

В табл.2 представлены два варианта расчетов относительных уровней развития — в валютных курсах и по паритетам покупательной способности валют (в международных ценах). Последний вариант (принятый нами за основу для межстрановых и временных сопоставлений) свидетельствует о существенном, но в целом на много меньшем отрыве развивающихся стран от развитых.

В этой связи представляются интересными следующие оценки экспертов МВФ. По подсчетам, выполненным на базе валютных курсов, на рубеже 1990-х гг. доля развитых капиталистических стран в мировой экономике составляла примерно 73,2%, а развивающихся стран — лишь 17,7%, т.е. примерно в 4 раза меньше. Судя по данным в паритетах покупательной способности валют, отмеченные показатели оказались равны 54,4% и 34,4%. Иными словами, удельный вес развитых стран превышал аналогичный индикатор по периферийным государствам всего в 1,6 раза [14, с.117]. Таким образом, уточнение системы расчетов существенно меняет картину мира.

Исчисления в паритетах покупательной способности валют периодически (не реже одного раза в 5 лет) уточняются на основе увеличения числа стран, а также количества одновременно сравниваемых товаров и услуг. По мнению экспертов, средняя величина ошибки достигает 10%. Но для некоторых развивающихся стран, по которым данные получены косвенным путем, на базе регрессионных уравнений (по ряду важнейших характеристик — подушевое производство стали, энергии, число телефонов, численность учащихся средней школы и др.), погрешность расчетов может составлять 16-48% (весьма неудовлетворительны индикаторы по африканским странам) [632, p.8].

Относительно больший в развивающихся странах (по сравнению с развитыми государствами) недоучет рыночного и нерыночного компонентов традиционного ВВП (о котором говорилось выше), возможно, в известной мере “компенсируется” тем, что исчисления, выполненные в паритетах на компаративной основе, с одной стороны, несколько завышают качественный уровень товаров и услуг периферийных стран, а с другой — отчасти недооценивают качество

и объем продукции наиболее современных товаров и услуг в развитых странах [391, р.330; 475, р.46].

Таблица 2
ВВП/ВНП в расчете на душу населения, 1990 г.

Страна	В усредненных валютных курсах		В паритетах покупатель. способности валют	
	дол.	% от США	дол.	% от США
Индия	350	1,6	1340-1400	6,1-6,7
КНР	370	1,7	2500-2600	11,5-12,5
Индонезия	570	2,6	2200-2270	10,0-11,0
Египет	610	2,8	1700-1800	7,8-8,6
Мексика	2490	11,4	4300-4400	20,0-20,8
Бразилия	2680	12,3	4800-4870	22,2-23,0
Великобритания	16060	73,7	14900-15000	69,5-70,5
Италия	16860	77,4	14500-14600	67,5-68,5
Франция	19520	89,6	15100-15300	70,5-71,5
Германия (ФРГ)	22360	102,6	16200-16400	76,0-77,0
Япония	25890	118,8	16900-17000	79,0-80,0
США	21790	100,0	21200-21500	100

Составлено и рассчитано по: [44, р.276-277; 45, 1992, р.3-5, 261,273, 341, 349, 625, 629; 632, р.18-20].

Говоря о проблеме измерения и сравнения **ретроспективных** показателей экономической динамики развитых и развивающихся государств, следует подчеркнуть, что существующие “технологии” долгосрочных расчетов хотя и позволяют в некоторых случаях получать ориентировочные результаты, отражающие общий порядок величин (речь идет, в частности, о работах А. Мэддисона, Р. Голдсмита, П. Бэрока, Н. Крафтса) [234, 1992; 293; 359; 361; 504; 506], в целом еще несовершенны. Сказанное относится не только к исчислениям за прошедшие несколько столетий, по которым необходимая информация очень ограничена (что заставляет исследователей прибегать к различным оценкам), но и в значительной мере касается последних, послевоенных десятилетий.

При построении исторических рядов ВВП значительная часть его компонентов, отражающих движение как вещной, так и не-вещной сферы производства, рассчитывается не по индикаторам выпуска, а “затратным” способом: по данным о динамике занятости (и численности населения), фонда зарплаты, потребления энергии, сырья, материалов, по индексам валового производства сопряженных отраслей. Расчеты часто производятся по косвенным показателям — материалам налоговой и таможенной статистики, с применением различных экстраполяций и интерполяций (с фиксированными отраслевыми весами и условными коэффициентами промежуточного продукта) [235, p.183-187; 404, p.391, 432-437; 462, p.32-33; 483, p.261; 511; 563; 591, p.330-331; 647, p.206-211; 655; 657].

В США до 1971 г. более 50% индексов промышленного производства представляли показатели отработанных человеко-часов. В конце 70-х — начале 80-х гг. соответствующий индекс был все еще на 20% представлен отработанными (точнее, оплаченными) человеко-часами, на 30% — показателями потребления электроэнергии. В целом более чем наполовину сводный индекс промышленного производства конструировался на основе косвенных показателей [139, с.195-201]. Данные о динамике выпуска в сфере услуг в еще большей мере, чем по промышленности, опираются на косвенные показатели (в США до 1929 г. и в Японии до начала 1950-х гг. продукт сферы услуг рассчитывался “остаточным способом”: из ВВП, полученного на основе тех или иных экстраполяций, вычитался его материально-вещественный компонент [104, с.59, 227-228, 256; 561, p.226]). Подобные дефекты измерения народно-хозяйственной динамики не только развивающихся, но и развитых государств увеличивают неопределенность в оценках экономического роста, затрудняя межстрановые и межвременные сопоставления.

В целом темпы роста выпуска продукции в развивающихся и ныне развитых странах на этапе их индустриализации отчасти завышены. Это связано с рядом обстоятельств. Во-первых, неполнота учета произведенной стоимости на начальном этапе развития обычно выше по сравнению с последующими периодами. Во-вторых, сказывается эффект вымывания натурального хозяйства, т.е. с каждым новым “циклом” учетом охватываются те сферы и участки производства, которые раньше не вовлекались в орбиту товарно-денежных отношений. По оценке П.Бэрока, указанные выше причины вызывают искусственное завышение темпов роста промышленной продукции развивающихся стран не менее чем на

1/10 [741, 1979, № 80, p.682-683]. В прошлом аналогичная тенденция была характерна и для стран Запада и Японии [586, p.370].

В-третьих, в практике национального счетоводства как развивающихся, так и развитых государств расчет динамики конечного общественного продукта и его важнейших отраслевых составляющих часто производится методом экстраполяции добавленной стоимости тех или иных подотраслей по величине их валового производства и/или натуральным показателям.

Однако такой подход, приемлемый для традиционных обществ (с весьма медленными структурными изменениями), не вполне корректен для индустриализирующихся и развитых государств. Когда преобладает (или становится все более заметным) ресурсосберегающий тип воспроизводства, динамика добавленной стоимости в реальном выражении может обгонять рост валового выпуска, а в государствах, не завершивших первичной индустриализации и развивающихся во многом экстенсивно, наоборот, рост добавленной стоимости может происходить темпами более низкими, чем увеличение валового производства.

В рамках более широкой системы национальных счетов, которая конструируется в значительной мере благодаря усилиям американских ученых, абсолютные и относительные масштабы промежуточных расходов и цивилизационных затрат, а также их темпы роста в развитых (как, вероятно, и в некоторых развивающихся) странах существенно увеличиваются, временами перекрывая учетный (полезный) эффект реализации досуга. Согласно альтернативным расчетам (с поправкой на недооценку промежуточного продукта), темпы роста скорректированного ВВП США в 1870-1960-е гг. могли быть по крайней мере на 1/5-1/4 меньше общепринятых (традиционных) показателей [330, p.1635; 461, p.231-232; 527, p.520; 654, p.145].

В-четвертых, определенная завышенность темпов общеэкономического роста развивающихся, некоторых полупериферийных и ряда развитых государств на этапе их индустриализации связана с относительно высокими ценами на несельскохозяйственную продукцию. Согласно расчетам и данным С. Кузнеця, А. Мэддисона и Х. Ву, в 1960-1980-е гг. отношение промышленных цен к сельскохозяйственным было в 1,4-1,5, а цен третичного сектора к соответствующему показателю первичного сектора народного хозяйства в 1,2-1,3 раза выше на периферии мирового хозяйства по сравнению с его центрами [463, p.203, 209; 684, p.70, 76-77, 80; 720, 1983, № 1, p.38].

Данные ценовые пропорции (при всей условности полученных коэффициентов, которые вряд ли целесообразно рассматривать как константы), “сообщив” дополнительный вес наиболее динамичным секторам экономики развивающихся стран, способствовали относительному улучшению темповых характеристик ее роста (расчеты по КНР за 1952-1990 гг. показывают, что применение альтернативных секторных весов по сельскому хозяйству и промышленности “понижает” официальный показатель общеэкономического роста этой страны примерно на 0,5-0,8 процентных пункта в год) [684, p.70-77, 80].

В-пятых, дефляторы, чаще всего построенные по официально объявленным ценам крупных магазинов и рынков и без систематического пересмотра ценовых весов, нередко значительно отклоняются вниз от траектории общего (реального) роста цен. В послевоенный период, когда большинство развивающихся стран осуществляло индустриализацию, ускоренным темпом расширялся ассортимент новых промышленных товаров, производство которых налаживалось в соответствии с планами общеэкономического и особенно промышленного развития. Поскольку для развивающихся стран в большей или меньшей степени характерны инфляционные тенденции, а иногда и гиперинфляция, новые товары фактически оцениваются в текущих ценах, хотя им формально придается статус постоянных базовых цен. Это означает, что по мере расширения круга новых товаров масштабы завышения индекса промышленного (а в какой-то мере и общеэкономического) роста увеличивались.

В идеале для нейтрализации этой, в известном смысле объективной, тенденции следовало бы индексы производства Ласпейреса, т.е. базисно взвешенные, заменять на другие, например, Пааше, т.е. взвешенные по ценам последнего года (субпериода), или усреднять показатели роста путем построения “скрещенного” индекса Фишера⁷, а также выбора ценовой базы, находящейся в середине периода [60, с.60-61]. Однако перестройка базы индексов в развивающихся странах осуществляется государственной статистикой нерегулярно и к тому же через достаточно длительные промежутки времени. В этом (явно) сказывается осознанная или неосознанная заинтересованность плановых органов, правительств целого ряда развивающихся государств в получении “благополучных” цифр.

Часто индексы производства индустриального и третичного секторов рассчитываются по базовому, весьма ограниченному

кругу товаров и услуг и на протяжении известного времени не включают новых товаров, темпы роста которых особенно высоки. Поэтому, на наш взгляд, один из лучших способов измерения экономической динамики — цепной индекс с периодически меняющимися весами и детализированной системой периодически обновляющихся субиндексов (так как изменение физического объема продукции для каждого субпериода в индексе согласуется при этом с современной структурой цен и производства).

В практике ретроспективных расчетов многими исследователями широко применяются не только (и даже не столько) индексы Ласпейреса, Пааше и Фишера, сколько метод Дивизиа, позволяющий часто (теоретически непрерывно) производить взвешивание детализированных субиндексов производства (и цен) по соответствующим показателям добавленной стоимости, а также смыкание индексных чисел для получения непрерывных рядов динамики [406, с.117; 527, с.259-261]⁸. Относительная простота процедур получения (и в случае необходимости — разложения) цепного индекса делает метод Дивизиа весьма удобным для проведения исторических сопоставлений временных рядов [647, р.50].

Пересчет существующих данных об экономической динамике развитых стран (Германия, Франция, США, Италия) за XIX — первую половину XX в. на основе подвижных статистических весов, выполненный в последнее время рядом исследователей, показывает, что некоторые прежние оценки, произведенные с помощью постоянных весов, возможно, занижали индикаторы роста (и завышали дефляторы ВВП/ВНП) в среднем на 0,2-0,4 процентных пункта в год [232, р.21; 415, р.130-131].

Для более точного отражения конечных результатов экономического роста в развитых странах в послевоенный период (по которому больше необходимой информации) часто применяется метод двойного дефлятирования. Речь идет об исчислении в постоянных ценах и валового производства, и промежуточного продукта для получения путем вычитания второго из первого добавленной стоимости (в развивающихся странах, ввиду отсутствия хороших индексов цен, эта процедура используется реже) [23, р.7; 406, р.25, 58-59; 654, р.152].

По сравнению с методами взвешивания преимущество вышеуказанного метода (в странах с хорошо поставленной системой статистического учета) состоит в том, что дефляторы измеряются в целом обычно более надежно, чем физические объемы продукции; с их помощью можно получить более или менее объективные

оценки реального промежуточного продукта (чего, как считают специалисты, нельзя добиться методом тех или иных экстраполяций, производимых нередко на базе затратных показателей); кроме того, этот метод позволяет хотя бы отчасти уловить прирост продукта, вызванный изменением качества.

Точность измерения макроэкономических индикаторов по развитым и развивающимся странам за последние несколько десятилетий вызывает у специалистов не меньшую озабоченность, чем ориентировочные показатели по традиционному и полутрадиционному Востоку и Западу, оценки по которым — они стали все чаще появляться в литературе — упираются не столько в методологические, сколько в информационно-статистические проблемы. В отличие от аграрных и полуаграрных обществ с ограниченным в целом ассортиментом основных производимых продуктов и услуг, крайне медленными структурными сдвигами современные развитые общества, намного более сложные по своей организации, переживают почти перманентную, интенсивную трансформацию хозяйственных и социальных механизмов, быть может, не всегда адекватно учитываемую исследователями.

Многие экономисты находятся в затруднительном положении: как оценить динамику экономического роста, если по важнейшему сектору народного хозяйства — сфере услуг (а это, по оценкам, не менее $1/2$ — $2/3$ традиционного ВВП/ВНП) — разработано сравнительно мало хороших незатратных измерителей? Представляется, что при оценке прошлых и особенно современных тенденций ученые скорее всего несколько занижают динамику производства продукции (полезностей), ассоциируемую с этим сектором. При этом значительно недооценивается растущий вклад в обеспечение жизнедеятельности общества системы здравоохранения, образования, науки, развития информационных и коммуникационных средств, которые составляют органическую часть формирующейся постиндустриальной цивилизации [120, с.44, 66, 72, 82; 252, p.164, 174; 378a; 548, p.300; 586, p.92; 621, p.13-14].

Попытки корректировки затратных показателей по сфере услуг при помощи поправочных коэффициентов (на рост производительности труда) носят до сих пор в основном субъективный и паллиативный характер. Например, статистические службы Германии и Италии считали необходимым добавлять к индикаторам роста административных услуг корректирующий показатель в 0,5 процентного пункта в год (“отражающий рост квалификации персонала”). В Великобритании соответствующие поправочные коэф-

фициенты по научно-исследовательским учреждениям и сфере здравоохранения составляли в 80-е гг. 4,0 и 2,5 процентного пункта в год [23, р.9-11, 40, 42].

По данным Ф.Блока, рост “выпуска” в банковской сфере стран Запада, традиционно определяемый на основе динамики человеко-часов, недооценивался в 1970-е гг. по крайней мере на 3-4 процентных пункта в год [252, р.170-171]. И даже если эти расчеты американского ученого преувеличивают реальные тенденции (хотя вряд ли существенно, ибо в этот период происходила интенсивная компьютеризация банковского дела), в целом можно говорить о значительном недоучете общего потенциала экономического роста, вызванного применением устаревших норм и процедур макроэкономического счетоводства [65, с.12].

По мнению американских экономистов, индексы физического объема производства крайне плохо “схватывают” качественные изменения в выпускаемой продукции. Что касается дефляторов стоимостных показателей, то они в развитых государствах включают известную компоненту, связанную не с обычным, инфляционным повышением цен, а с ростом качества продукции. Для некоторых групп товаров длительного пользования, по которым были сделаны необходимые расчеты (способом квалитетических регрессионных уравнений, фиксирующих новые характеристики продуктов), данная компонента, завышающая величину дефлятора (и соответственно занижающая темпы роста выпуска продукции), составляла в 50-60-е гг. 1-2 процентных пункта в год [526, р.157-159; 528, р.25; 576, р.404; 654, р.152-162].

В США в 1950-1980-е гг. при колоссальном улучшении качественных характеристик важнейших компонентов компьютерных систем регистрируемые цены на них (в частности на процессоры) снижались в среднем ежегодно на 23-24%, в то время как реальный темп дефляции (по этим товарам), по мнению У.Баумоля, был выше — по крайней мере на 1-3 процентных пункта. По данным М.Бейли, опиравшегося на материалы регрессионного анализа, размер недоучета ежегодного роста качества компьютерных систем США в отмеченный период был как минимум в полтора-два раза больше [232, р.19; 243, р.321; 649, р.127, 194, 196].

Учитывая значительные изменения в структуре экономики и качестве выпускаемой продукции развитых государств, произошедшие в 70-80-е гг., В.М.Кудров отмечает, что для учета разницы в качественных параметрах новой и хотя бы аналогичной по назначению старой продукции необходимо каждый процентный

пункт “нового” индекса приравнять к 1,5-2 процентным пунктам “старого индекса” [111, с.195].

Американские эксперты пришли к выводу, что ввиду недоучета изменения качества товаров и услуг официальный темп роста ВВП США начиная примерно с 1979 г. занижался на треть (по другим оценкам — наполовину), или примерно на 1 процентный пункт ежегодно [5, 1993, p.229].

Хотя в нашем распоряжении нет аналогичных данных по другим странам, вполне вероятно, что подобную (или близкую к ней) поправку можно — в целях соблюдения адекватности сопоставлений — внести в макроэкономические показатели других развитых, а также быстро развивающихся стран. В последних, несмотря на все переживаемые ими трудности, происходит становление индустриальной системы с вкраплением элементов производительных сил эпохи НТР. Качество роста в некоторых периферийных и новоиндустриальных государствах, по-видимому, также недоучитывается [124, с.102-103].

Обобщая приведенные выше материалы, а также принимая во внимание результаты специальных исследований ряда экспертов, можно предположить, что в целом за послевоенный период ошибка измерения традиционных макроэкономических показателей (ВВП/ВНП) в развитых странах составляла в среднем $\pm 5-10\%$ и в крупных развивающихся государствах $\pm 10-15\%$, а аналогичный показатель погрешности в оценках среднегодовых темпов экономического роста (рассчитанных за несколько десятилетий) не превышал соответственно $\pm 0,3-0,7$ и $\pm 0,5-1,5$ процентного пункта [576, с.77].

Однако это не должно пугать исследователя, ибо, как отмечал известный французский историк-экономист Жан Фурастье, “оценка с ошибкой в 50% лучше, чем отсутствие каких-либо цифр” [342, p.67], поскольку последнее означает, что мера точности наших знаний о принципиально исчисляемом предмете может находиться в этом случае в гораздо более широком диапазоне — от $-\infty$ до $+\infty$ (что намного хуже).

Что касается общей характеристики расчетов, сделанных в данной работе (более подробно они обычно даются в тексте основных глав), заметим следующее. Учитывая методологические подходы и материалы исследований С. Кузнецца, Р. Голдсмита, К. Кларка, А. Мэддисона, П. Бэрока, Ф. Дин, Ж.-К. Тутена, В. Хоффмана и ряда других ученых, мы посчитали возможным при всей условности полученных результатов осуществить долговре-

менное, ретроспективное сопоставление уровней развития ряда крупных стран и регионов. Суть метода — итеративная, постадийная экстраполяция в прошлое (ретрополяция) итоговых индикаторов, относящихся к новейшему времени (например, данные о подушевом ВВП за 1980 или 1990 г. в паритетах покупательной способности валют), с применением прямых и косвенных показателей производства.

Сравнение между крайними точками ситуации во времени (XI и XX вв.), на наш взгляд, сопоставимо со сравнением между весьма отдаленными точками в пространстве. По нашим подсчетам, разрыв в уровнях развития (ВВП на душу населения) между Китаем (Египтом или Индией) 1913 или 1950 г., с одной стороны, и Великобританией 1950 или 1990 г. — с другой, составил 10-20-кратную величину. Примерно таков же, судя по предварительным оценкам, был диапазон разрыва между уровнем реального подушевого продукта западноевропейского региона 1950 (1990) г. и в XI (XVI) в.

Итеративный метод позволяет, как нам представляется, избежать больших потерь информации при проведении межвременных сопоставлений, ибо традиционное общество сравнивалось с традиционным или полутрадиционным, а полутрадиционное (полусовременное) — с современным.

Данные за XIX — XX столетия получены путем тщательной верификации исходного статистического материала, многочисленных уточнений, многократных смыканий и взвешиваний “готовых” или специально рассчитанных индексов производства (и их субститутгов). Авторские расчеты за более ранние периоды основаны на ряде аппроксимаций, учитывающих приблизительные оценки общей численности населения, размеров обрабатываемых площадей, урожайности основных культур (главным образом зерновых)⁹, производства железа, уровней реальной заработной платы чернорабочих¹⁰, удельного веса горожан¹¹. Были также использованы некоторые ретроспективные оценки экономического роста стран Западной Европы, сделанные С. Кузнецом, А. Мэддисоном, Р. Голдсмитом, П. Бэроком, Д. Ландесом, Ван Дер Вее, Г. Сноксом, Ф.-В. Хеннингом, П. Шоню, К.Г. Перссоном, в которые в ряде случаев были внесены необходимые поправки, корректирующие динамику численности населения, отдельных секторов производства, их относительные веса.

Для уточнения итогов (уровней), динамики, пропорций и важнейших детерминант развития в работе наряду с показателями

подушевого ВВП использовался модифицированный нами “индекс человеческого развития”, применяемый в последние годы научно-исследовательскими подразделениями ООН. В отличие от исходной, несколько усложненной версии этого интегрального индикатора (она часто критикуется за то, что не вполне пригодна для одновременного межстранового и межвременного анализа), скорректированный нами индикатор — среднегеометрическое взвешенное трех относительных индексов — подушевого ВВП/ВНП¹² (рассчитанного в паритетах покупательной способности валют), грамотности (среднего числа лет обучения) населения, средней продолжительности жизни. Каждый из частных показателей достаточно репрезентативен, ибо способен отразить существенные результаты изменений в важнейших сферах развития, достигнутый уровень реальных возможностей и способностей человека.

В отличие от индекса ООН при расчете скорректированного индекса за базу принимаются значения страны с наиболее высоким для данного периода уровнем развития, что позволяет производить сопоставления во времени и пространстве. Обобщенная формула скорректированного индекса (D) может быть представлена в следующем виде:

$$D_{ij} = \left(\frac{A_{ij}}{A_x} \cdot \frac{B_{ij}}{B_x} \cdot \frac{C_{ij}}{C_x} \right)^{1/3},$$

где A_{ij} , B_{ij} , C_{ij} для каждой (i) страны и для каждого (j) года означают соответственно подушевой ВВП в паритетах покупательной способности валют, среднюю продолжительность жизни, уровень грамотности населения; A_x , B_x , C_x — аналогичные показатели по стране-лидеру.

Возможны и другие модификации “индекса человеческого развития”, уточняющие базовые показатели (с учетом поправок на степень дифференциации доходов населения, различия в достигнутом уровне образования, меру реализации политических свобод, особенностей экологического развития) [35, 1992, р.91-95; 1994, р.90-91; 487, р.89-101]. Эти и другие важнейшие характеристики учитывались в настоящей работе в той мере, в какой была доступна необходимая статистическая информация.

2. Методология расчетов важнейших факторов экономического роста

Несмотря на значительное число теоретических и эмпирических разработок, появившихся в последние 3-4 десятилетия, целостная концепция долговременного экономического роста (развития), как отмечают видные экономисты (С.Кузнец, А.Мэддисон, П.Бэрок и др.), еще не создана. Существует много сложностей не только в адекватной оценке общего результата экономического роста (о чем говорилось выше), но и в выявлении “набора” и иерархии важнейших детерминант развития, а также соответствующих “вкладов” конкретных факторов экономической динамики, в принципе поддающихся измерению.

В отличие от точных и естественных наук, имеющих по сравнению с гуманитарными науками более прочный экспериментально-теоретический фундамент, экономическая теория, и в том числе теория роста производства (факторов производства), базируется на немалом числе гипотез, допущений, упрощений и условностей (например, о чистой конкуренции, полном равновесии факторов производства, о соответствии вкладов факторов в экономический рост их предельным продуктам — зарплате, прибыли, ренте и т.п. [65, с.3-23; 141, с.111; 148; 549, с.309-329; 635, р.75, 98]¹³). Их верификация ввиду сравнительно невысокого качества информации о достаточно сложном объекте изучения (“общество хозяйствующих индивидов”) затруднена и/или же дает весьма относительные результаты.

Вопреки распространенным представлениям, основанным, наверное, на широком использовании математического аппарата в экономических исследованиях, хозяйственные системы еще слабо поддаются алгоритмизации (по одной из имеющихся оценок, едва ли несколько процентов реально существующих систем могут быть более или менее адекватно описаны математически) [54, с.241]. Не умаляя значения и необходимости разумной и “дозированной” формализации экономических процессов¹⁴, многие экономисты, известные своими статистико-математическими разработками, — В. Леонтьев, М. Фридман, Э. Денисон и другие, — выражают сомнение в целесообразности применения сложных регрессионных моделей, которые, по мнению Э.Денисона, являются, как правило, “малонадежными монстрами” [90, с.389].

Недостаточная надежность сложных моделей определяется, кроме того, значительными потерями содержательной информации (о качестве которой говорилось выше) на всех этапах формализации — при переходе от наиболее высокого, абстрактного уровня анализа с использованием тех или иных категорий до операционных понятий, индикаторов и конкретных данных. Большинство исследователей, применяющих количественные методы в экономической истории и в анализе экономической политики, предпочитают более простые и “ясные” (с точки зрения адекватной интерпретации) модели, ибо они содержат меньшее число ошибок [99, с.56-57; 516, р.6-11, 202]. Нельзя не согласиться в этой связи с известным немецким эконометриком К. Оппенлендером, который полагает, что “лучше, чтобы статистика была лучше методов, чем методы были лучше статистики” [141, с.114].

При построении моделей народнохозяйственного развития, связывающих итоговые характеристики и обуславливающие их факторы, многие важные составляющие процесса воспроизводства остаются как бы за “кадром”, в составе экзогенных и “прочих равных (?) условий”. Речь идет о недоучете в связи с большими трудностями количественной идентификации, быть может, главных детерминант среднесрочного, а тем более долгосрочного роста — о природно-климатических, политико-институциональных и внешнеэкономических факторах.

В последние десятилетия рядом ученых предприняты, на наш взгляд, плодотворные попытки хотя бы отчасти восполнить существующие пробелы и дать на основе регрессионного анализа приблизительную оценку роли некоторых из отмеченных выше “латентных” факторов мирового развития. В частности, эмпирические разработки американских профессоров И.Адельман и Ц.Т.Моррис по широкому кругу ныне развитых и развивающихся стран XIX и XX вв. в целом подтвердили приоритетную роль институциональных факторов (по сравнению с ресурсно-экономическими) в долгосрочном народнохозяйственном развитии [211; 212].

Весьма интересным представляется также исследование немецких ученых Э.Шолинга и В.Тиммермана, позволяющее оценить в более широкой системе координат источники различий в темпах экономического роста развивающихся стран [610]. Один из итогов их работы может быть сведен к следующему уравнению:

$$y = 0,12a_1 + 0,36a_2 + 0,41a_3 + 0,34a_4 - 0,22a_5, \quad (1)$$

где y , a_1 , a_2 , a_3 , a_4 , a_5 означают соответственно темпы прироста ВВП, рабочей силы, качества трудовых ресурсов, реального капитала,

международной конкурентоспособности и политической нестабильности. (Вторая, третья, четвертая и пятая характеристики комплексные, полученные методом кумулирования ряда первичных социально-экономических и политических индикаторов на базе регрессионных уравнений; заметим, что весовые характеристики, в частности второго фактора — человеческого капитала, рассчитанные по компонентам “образования” и “здравоохранения”, оказались равными соответственно 0,44 и 0,53 [610, p.1278, 1285]).

В этой “неортодоксальной” модели “схвачены” некоторые важные факторы, обычно выпадающие из поля зрения исследователя: практическая дееспособность трудовых ресурсов, накопительный и абсорбционный потенциал общества, а также его технологическая результативность и социально-политическая адаптивность. Расчеты соответствующих коэффициентов ввиду нехватки стохастической, погодовой информации произведены на межстрановой основе, главным образом, по данным 1970-х гг. Полученные параметры, как показывает индикатор множественной детерминации ($R^2 = 0,70$), репрезентативны в целом для всей группы учтенных стран. Однако для каждой конкретной ситуации (соответствующая страна, период) исчисленные коэффициенты не являются фиксированными и единственно возможными.

Разработка Э.Шолинга и В.Тиммермана, несомненно, важный шаг в нужном направлении, но информационные и некоторые методологические проблемы (прежде всего неустойчивость параметров регрессионных уравнений) ограничивают возможность ее широкого применения для межстрановых и межвременных сопоставлений (что особенно важно для целей настоящего исследования).

Ввиду указанных объективных трудностей анализ долгосрочной экономической динамики как развитых, так и развивающихся стран на практике нередко производится при помощи модели (производственной функции), аппроксимирующей результаты и основные факторы развития на базе следующей (или даже более упрощенной) формулы [109, с.417-424; 506, p.11-12; 669, p.50]:

$$\frac{O}{P} = \frac{f[(N^x, L^x, K^x) \cdot E \cdot C] + A - B \pm D}{P}, \quad (2)$$

где O — располагаемый доход (продукт); P — численность населения; L^x , K^x , N^x — трудовые, капитальные, природные ресурсы,

вовлеченные в хозяйственный оборот, с поправкой на их качество; E и C — соответственно эффективность использования и распределения ресурсов; A — чистый приток товаров, услуг и технологий из-за рубежа; B — всевозможные потери, связанные с антропогенными и природными катаклизмами (войны, эпидемии, катастрофы); D — неучтенные воздействия (неидентифицированные факторы).

“Конкретизация” этой модели осуществляется обычно путем: а) исчисления факторов-индикаторов, по которым есть необходимая информация, в виде индексов или среднегодовых темпов прироста; б) определения “весов” (эластичностей) соответствующих факторов на основе регрессионного анализа или по “предельным продуктам” (заработная плата, прибыль, рента); в) перемножения темпов прироста основных ресурсов на коэффициенты эластичности и получения таким образом вклада факторов в прирост продукции, а также “остатка” (образующегося после вычитания из темпа роста продукта взвешенного темпа роста затрат ресурсов), который обычно идентифицируется как вклад технического прогресса или интенсивных составляющих экономического роста.

В логдифференцированной форме простейшая производственная функция выглядит следующим образом:

$$\dot{Y} = \alpha \dot{L} + \beta \dot{K} + \gamma \dot{N} + \dot{R}, \quad (3)$$

где $\dot{Y}, \dot{L}, \dot{K}, \dot{N}$ — среднегодовые темпы прироста производства, трудовых, капитальных и природных ресурсов; α, β, γ — соответствующие коэффициенты эластичности; \dot{R} — темп прироста совокупной производительности.

Условности, допущения и упрощения, о которых говорилось выше, в немалой мере присутствуют на всех фазах расчета данного типа экономических моделей. В первую очередь сказанное касается самой процедуры разделения вкладов факторов и постулирования гипотез об общей величине (сумме) и постоянстве соответствующих весов [65, с.109; 209, р.220, 229; 502, р.660, 669-678; 529, р.146].

Рассмотрим способ оценки каждого из основных факторов производства. В самом общем виде расчет вклада труда производится на базе измерения динамики реально отработанного времени. В отличие от более развитых стран, по которым за последние 100-150 лет рассчитаны и опубликованы основные компоненты необходимой информации, ситуация по многим странам Востока

и Юга более сложная. Исходные материалы переписей и обследований населения, которые в большинстве развивающихся стран стали проводиться в послевоенный период, дают весьма ориентировочную картину структуры занятости и ее общей динамики ввиду недостаточной разработанности и унифицированности ее критериев. Речь идет о трудностях адекватного учета от переписи к переписи (и на межстрановом уровне) женской занятости, определения статуса безработных, временной занятости в неформальном секторе экономики, а также о феномене двойной занятости (распространенной не только в периферийных странах).

Поэтому для получения относительно приемлемых данных по развивающимся странам необходимы немалые предварительные корректировки. Правда, погрешности в расчетах динамических характеристик, особенно за длительные периоды, в целом относительно невелики. Что касается надежной ретроспективной статистики количества отработанных человеко-часов, то она в большинстве периферийных стран, как правило, отсутствует. Однако и в развитых государствах относительно надежные данные о количестве отработанных человеко-часов имеются лишь по обрабатывающей промышленности и строительству [697, 1988, № 5, p.1016]. В то же время по сельскому хозяйству и сфере услуг соответствующие оценки варьируют в достаточно большом диапазоне.

В связи с переходом к расширенной системе национальных счетов возникает серьезное основание включать в оценки затрат труда его нетрадиционные, но весьма важные виды: учебу, профподготовку, домашний труд, прежде всего женский [73, с.14-17; 120, с.54, 175]. Если трудовые затраты на производство и восстановление основного капитала считаются производительными, то, думается, не менее производительными являются соответствующие расходы на формирование и восстановление дееспособности главной производительной силы¹⁵.

Помимо трудовых ресурсов (затрат), к числу важнейших факторов производства относится также капитал. Адекватное измерение и сопоставление его объемов, динамики и вклада в прирост продукции сопряжены с гораздо большими трудностями и условностями, чем в предыдущем случае. В немалой мере они связаны с недостаточной определенностью понятия капитала как такового (несмотря на все то, что о нем написано). В этой связи нельзя не согласиться с Джоан Робинсон, которая полагает, что “наиболее сложная проблема не измерение капитала, а установление его конкретного содержания” [699, 1984, № 151, p.400]. В рассматри-

ваемой нами упрощенной модели экономического роста целесообразно использовать относительно простой, “обычный” (и легче измеряемый) тип физического капитала — основные производственные фонды (без учета жилья, земли, природных ресурсов, потребительских предметов длительного пользования, товарно-материальных запасов, военного имущества, драгоценных металлов, а также человеческого и других видов неимущественного капитала).

По ряду развитых и некоторым развивающимся государствам за послевоенный период (а по отдельным странам — и за более длительное время) государственными статистическими службами и независимыми исследователями рассчитаны динамические показатели физического капитала. Хотя большинство имеющихся оценок выполнено на основе общей методологии “непрерывной инвентаризации капиталовложений”, разработанной американским экономистом Р.Голдсмитом, сопоставимость и репрезентативность этих данных весьма приблизительны ввиду существенных различий в конкретных методиках, характере использовавшихся гипотез и допущений, качестве исходной информации о стоимости произведенных инвестиций и дефляторах капиталовложений [208, p.159].

Оценки капитала осуществляются: а) по остаточной стоимости (вносится поправка на амортизацию); б) по полной стоимости (учитывается выбытие или скрапирование фондов). За длительные периоды времени среднегодовые темпы прироста капитала по первому и второму вариантам обычно весьма близки. Например, в Канаде в 1926-1980 гг. они составили соответственно 3,8-4,0 и 3,7-3,8%; в Японии в 1880-1940 гг. 3,4-3,5 и 3,3-3,4% и в 1950-1979 гг. 8,6-8,7 и 8,7-8,8%; в 1870-1979 гг. отмеченные индикаторы равнялись в Великобритании 1,7 и 1,8% и в США 3,4-3,5 и 3,5%.

На этапах, когда происходит интенсификация капиталонакопления, например в первые послевоенные десятилетия, темпы роста капитала, рассчитанного по остаточной стоимости, обычно превышают соответствующий показатель по его полной стоимости. Согласно имеющимся оценкам, в 1950-1973 гг. темповые характеристики капитала по варианту “а” и варианту “б” составили в Великобритании 4,1-4,2 и 3,4-3,5%, во Франции 4,9 и 4,1%, в ФРГ 6,4-6,5 и 5,6-5,7%, в США 4,2 и 3,8% и в Японии 9,5 и 9,0%. В условиях замедления капиталобразования отмеченная тенденция меняется на противоположную. В 1973-1979 гг. показатели по первому и второму вариантам равнялись соответственно в Великобритании 3,0 и 3,2%, во Франции 4,3 и 4,8%, в Германии 4,0 и

4,3%, в США 2,8 и 3,3%, в Японии 5,1 и 7,6% (Рассчитано по: [501, р.225-232]).

Концептуально показатель капитала по остаточной стоимости предпочтительней, поскольку он лучше должен отражать реальный поток услуг оставшегося в употреблении капитала (а не всей массы в той или иной мере применяемого капитала — по полной стоимости) [587, р.11]. Однако его измерение связано с большим числом условностей. Речь идет, в частности, о том, в какой степени бухгалтерская оценка “физического объема” амортизации соответствует реальному обесценению фондов (этот вопрос несколько подробнее будет рассмотрен ниже) [208, р.18; 462, р.64; 528, р.333]. Поэтому нередко исследователи делают выбор в пользу показателя капитала по полной стоимости. К тому же последний в большей мере соответствует применяемым в моделях “валовым” индикаторам — ВВП и рабочей силы.

Балансовое уравнение динамики физического капитала может быть представлено в следующем виде:

$$K_t = K_0 + \sum_i (I_i - A_i), \quad (4)$$

где K_0 и K_t — объем капитала в начальном и конечном году; I — валовые вложения в основной капитал без учета изменения запасов; A — величина амортизации (или выбытия) капитала; i — обозначение соответствующей (отраслевой, технологической или иной) структуры капитала.

Начальный объем капитала можно получить из материалов обследований физического имущества, которые проводятся в ряде развитых стран (хотя далеко не на унифицированной основе), а также методом непрерывной инвентаризации путем кумулирования чистых инвестиций, взвешенных по базовым ценам капитальных товаров, за период, равный среднему сроку жизни того или иного типа капитала [492, р.172; 526, р.5-6; 528, р.25]. В некоторых развитых и развивающихся странах оценка начального объема капитала по полной стоимости иногда производится путем кумулирования 3-4 среднегодовых значений валовых инвестиций (в неизменных ценах) вокруг базового года [331, р.103].

Что касается ретроспективных оценок капиталовложений, то, как уже отмечалось, их качество по многим развивающимся странам, а также по ныне развитым государствам в целом за довоенный период (включая имеющиеся данные за XVIII — первую половину XX в.) оставляет желать лучшего. Они рассчитаны, как правило,

либо методом остатка, когда из показателей ВВП вычиталось “видимое” потребление, либо с применением косвенных индикаторов (налоговой и таможенной статистики), затратным способом (по использованию строительных материалов, металлоконструкций, производству и импорту оборудования и транспортных средств) без соответствующей корректировки на рост производительности в секторе производства средств производства [263, vol.7, pt.1, p.236; 375, p.297-300; 483, p.272-285; 492, p.175; 587, p.17-85]. В результате существенно занижается стоимостной объем капиталовложений в традиционных и полутрадиционных подразделениях экономики, особенно в инфраструктуре и сельском хозяйстве. (Ввиду идеологических и престижных соображений размеры инвестиций, произведенных в госсекторе развивающихся стран, обычно завышаются — методом приписок.)

Дефляторы капиталовложений за послевоенный период в развитых странах стали рассчитываться в целом намного точнее. Вместе с тем, как подчеркивает американский исследователь М.Пайпер, даже в США ценовые индексы, в частности, на продукцию строительства, до сих пор конструируются с применением устаревших весов (в том числе начала этого века), а свыше половины объема новой продукции этой отрасли исчисляется с использованием дефляторов других секторов экономики. Ввиду этих факторов, а также применения упрощенных процедур дефлятирования, а не метода двойного обесценения реальный объем чистых инвестиций в США в 70-80-е гг. недооценивался, по мнению специалистов, примерно на 15-20% [578, p.319-322]. (Необходимо также принять во внимание систематический недоучет роста качества инвестиционных товаров и капитала в целом.)

Что касается развивающихся стран, то, по мнению экспертов, существующие дефляторы инвестиций, как и общий индекс цен, обычно занижают инфляционные тенденции. Это вынуждает исследователей вносить те или иные поправки в официальные данные или рассчитывать собственные дефляторы [331, p.106; 572, p.628-630; 587, p.29].

Исчисление амортизационных списаний по развитым и развивающимся странам (в которых производятся соответствующие расчеты) обычно базируется на ряде предположений относительно среднего срока жизни (службы) тех или иных капитальных благ, а также гипотетической траектории обесценения основных фондов. В целом по развитым странам в 1950-1960-е гг. нормативные (“установленные”) сроки жизни производственного капитала со-

ставляли в среднем по оборудованию 10-12 лет и по зданиям и сооружениям — 30-32 года [442, p.47; 526, p.25-26, 124; 527, p.276-277; 699, 1984, № 150, p.312].

Это означало (если принять гипотезу о прямо пропорциональной траектории обесценения капитала), что в среднем ежегодно амортизировалось не более 3,5-4% стоимости капитала. Некоторые экономисты, допуская, что по крайней мере до 1973 г. указанная выше формула износа по линейному тренду была достаточно реалистичной, считали, что отмеченные сроки жизни капитала были скорее занижены, а нормы амортизационных списаний, наоборот, завышены (это выгодно предпринимателям), в результате чего темпы роста реального капитала в развитых странах были, возможно, несколько занижены [375, p.123].

Но существует и другая точка зрения, согласно которой реальный износ (прежде всего активных средств труда) и соответственно масштабы обновления капитала во многом недооценивались уже в 1950-1960-е гг., но значительно больше — в 70-80-е гг. [285, p.198; 528, p.25]. По мнению ряда экономистов, наиболее адекватная гипотеза “списания” для периода после 1973 г. — это формула ускоренного, т.е. геометрического, убывания стоимости (хотя есть и другие версии) при одновременном уменьшении среднего нормативного срока службы капитала [527, p.292; 529, p.82; 548, p.131]. Согласно оценкам К.Кларка, в 70-е гг. вследствие быстрого физического, а главное морального старения капитала ежегодный темп его обесценения мог достигать 7-13% [699, 1984, № 150, p.310-311].

Информация о нормах амортизации капитала по развивающимся странам более фрагментарна и менее сопоставима. (Даже по некоторым из наиболее развитых государств третьего мира, например Бразилии, в макроэкономических счетах амортизационные расходы даются в виде фиксированного процента к ВВП.) Считается, что средний срок службы капитала в этих странах выше, чем в развитых в силу “пролонгации” времени его использования (дефицитный фактор) до полного физического износа (как это было во многих ныне развитых странах на заре промышленной революции) [483, p.274].

Как полагает аргентинский экономист В.Элиас, реальный объем капиталовложений и динамика капитала могли быть отчасти завышены ввиду известной недооценки реального обесценения фондов, особенно с 70-х гг., в связи с крупными изменениями в энергетической и технологической основах мирового хозяйства. По его мнению, среднегеометрическое списание стоимости основ-

ного капитала в пределах 4-6% в год могло быть вполне реалистичным для латиноамериканских и ряда других развивающихся стран [331, р.103].

Данные о нормах выбытия и амортизации за прошлые столетия — чаще всего более или менее “разумные” оценки экономических историков. Наиболее интересные гипотезы и вероятностные расчеты такого рода по доиндустриальным и раннеиндустриальным обществам содержатся в работах С.Кузнеца, К.Чиполлы, Р.Голдсмита и Ч.Файнштейна [464; 284; 361; 629]. Имеющиеся материалы и оценки позволяют предположить, что в традиционных и полутрадиционных обществах, во-первых, норма сбережений и накоплений была хотя и нестабильной, но существенно выше нулевой отметки; во-вторых, значительную долю составлял фонд возмещения (гл. II). Данные о динамике нормы капиталовложений и ВВП дают возможность рассчитать вероятностные, ретроспективные оценки роста физического капитала. Резюмируя сказанное, заметим, что статистическая база для сравнительного анализа движения основного капитала весьма ограничена. Существующие материалы позволяют выявлять лишь наиболее общие, ориентировочные тенденции.

Для обеспечения большей сопоставимости показателей основных производственных фондов английский экономист А.Мэддисон предпринял попытку пересчитать имеющиеся данные по 6 странам (Великобритания, Франция, Германия, Нидерланды, США, Япония), приняв для них идентичными средние сроки службы капитала (в целом за период 1870-1990 гг. 15 лет для машин и оборудования и 40 лет для нежилых зданий и сооружений) и единую “прямолинейную” формулу списания его стоимости. Основные компоненты физического капитала были исчислены в относительных ценах США 1985 г. По США, Великобритании и Японии соответствующие индикаторы ретрополированы до 1890 г. [506, р.281-291; 507].

Расчеты выявили, что в 1950-1980-е гг. официальные данные об уровнях основного капитала в Германии и Великобритании были на 20-90% выше, чем стандартизированные показатели (табл.3). Было установлено, что в 1950-1973 гг. среднегодовые темпы прироста основного капитала по “новому” варианту оказались в Германии на 1,1-1,4, а в Великобритании на 1,6-1,7 процентного пункта выше, чем по “старому” варианту.

Вместе с тем, как отмечает и сам автор, необходимы дальнейшие коррективы расчетов. Соответствующие исчисления следует произвести

Таблица 3
**Сравнение оценок основного капитала
(без учета жилья)**

Год	Официальные данные				Стандартизированные оценки				Соотношения, %	
	Полная стоимость	Темп прироста, %	Остаточная стоимость	Темп прироста, %	Полная стоимость	Темп прироста, %	Остаточная стоимость	Темп прироста, %	1:5	3:7
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Германия, млрд марок 1980 г.										
1950	935,2	-	563,5	-	640,8	-	326,1	-	146	173
1973	3263,5	5,6	2333,5	6,4	2834,6	6,7	1823,3	7,8	115	128
1987	5132,7	3,3	3514,1	3,0	4537,8	3,4	2637,9	2,7	113	133
Великобритания, млрд ф.ст. 1985 г.										
1950	341,6	-	190,2	-	185,4	-	99,1	-	184	192
1973	745,7	3,5	474,6	4,1	582,7	5,1	359,8	5,8	128	132
1987	1055,2	2,5	642,9	2,2	877,8	3,0	494,4	2,3	120	130

Составлено и рассчитано по: [506, p.283].

не по нескольким видам капитальных благ, как у А.Мэддисона, а по крайней мере по нескольким десяткам позиций (национальные статистические службы Германии и США осуществляют расчеты по нескольким сотням типов основных фондов). Необходимо, вероятно, отказаться от чрезмерно “жесткой” гипотезы о фиксированных сроках жизни капитала для всех стран и периодов, а также от единой формулы обесценения капитала, которые в немалой мере зависят как от хозяйственной конъюнктуры, так и от конкретной экономической политики государства.

Роль природного фактора в качестве неотъемлемой детерминанты хозяйственного развития не оспаривается никем из серьезных экономистов. Вместе с тем в конкретных макроэкономических моделях по развитым и развивающимся странам его воздействие нередко игнорируется или недооценивается (что в ряде случаев приводит к некоторому преувеличению вклада труда, капитала и производительности).

Как представляется, это во многом связано не только с недоучетом потребления “даровых благ” (воздуха, воды, солнечной

энергии), но и с трудностями адекватной формализации остальных природных ресурсов. Имеющиеся по некоторым странам оценки совокупного объема естественных богатств в стоимостной форме не могут быть непосредственно “задействованы” в моделях ввиду, во-первых, сложности обеспечения их длительного ретроспективного “мониторинга” в неизменных ценах, а во-вторых, наличия значительного разрыва в оценках потенциальных, примененных и реально использованных ресурсов [526, p.347-354; 528, p.553].

Поэтому исследователи, учитывающие природный фактор, чаще всего для простоты берут индикатор изменения площадей обрабатываемых земель. Мы также использовали этот подход. Однако предпочтение в целом отдавалось иной методике: природный фактор аппроксимировался по объему ресурсов, вновь вовлекаемых в хозяйственный оборот, на базе учета продукции в аграрном секторе и добывающей промышленности [109, с.417; 694, 1987, № 3, p.27].

Агрегирование затрат основных учтенных факторов (труда, капитала, природных ресурсов) — один из наиболее деликатных вопросов, связанных с построением производственных функций. В теоретических разработках нередко рассматриваются сложные модели, в частности с суммой эластичностей (весов) факторов, не обязательно равных единице. Для практических расчетов, производимых на компаративной основе в межстрановом и ретроспективном плане, обычно берутся более простые модели, удобные для содержательной интерпретации (с суммой эластичностей, равной единице).

Веса можно определить по регрессионным уравнениям методом наименьших квадратов. Но этот способ нередко дает сбой, оценки бывают неустойчивы в силу ошибок в измерении индикаторов, невозможности полностью избавиться от эффекта мультиколлинеарности (взаимной корреляции) факторов [141, с.45-49; 169, с.27; 728, 1989, № 2, p.209]. Все это заставляет исследователей прибегать к иным, отчасти паллиативным вариантам решения проблемы взвешивания.

Весьма распространенный метод, применяемый в макроэкономическом счетоводстве, — взвешивание основных производственных ресурсов (или их затрат) по так называемым “предельным” продуктам: заработной плате, валовой прибыли (с учетом или без учета амортизационных расходов), земельной ренте. Но это всего лишь более или менее разумная неоклассическая гипотеза, “работающая” в случае реализации некоторых необходимых условий, в

частности при наличии совершенной конкуренции (которой не только в полуразвитых, но и в развитых странах нигде и никогда не было).

Наиболее часто приводимые в специальной литературе показатели эластичности по развитым странам XIX — XX вв. соответственно по труду, капиталу и природным ресурсам/земле (когда этот фактор учитывался) составляли: 0,5-0,7; 0,25-0,35-0,40 и 0,02-0,10. Согласно некоторым расчетам, в ныне развитых странах на начальных этапах индустриализации, а также в развивающихся государствах эластичность по капиталу (относительно редкому фактору в менее развитых экономиках) в целом выше. Есть оценки, по которым “весовая нагрузка” капитала достигает 0,4-0,5 [209, p.223, 229; 276, p.244-247; 398, vol.2, p.1742]. В табл.4 приведены примерные пропорции распределения соответствующих долей “предельных продуктов” в разных группах стран мира в 70-е гг. (как до, так и вскоре после начала энергетического кризиса).

Таблица 4
Доли “предельных продуктов” (факторов производства)
в ВВП различных групп стран, %

Страны	Начало 70-х гг.			Конец 70-х гг.		
	Рента	Прибыль	Зарплата	Рента	Прибыль	Зарплата
Густонаселенные страны с низким доходом	5-7	25-27	67-69	3-5	27-29	67-69
Нефтеэкспортеры	23-25	38-40	36-38	34-36	35-37	28-30
Страны со средним уровнем доходов	19-21	38-40	40-42	13-15	41-43	43-45
Развитые капиталистические страны	3-5	36-38	58-60	1-3	37-39	59-61

Составлено и рассчитано по: [324, vol.1; p.198-201].

Представляется, основные тенденции распределения доходов по факторам производства среди различных групп стран отражены

в табл.4 более или менее корректно (и, возможно, справедливы также для ситуации 1980-х гг.). Но целесообразно внести некоторые поправки в эти расчеты. Дело в том, что исчисления произведены по ВВП в рыночных ценах (измеренному с учетом косвенных налогов за вычетом субсидий), с весьма ориентировочной разбивкой смешанных доходов независимых (товаро) производителей (крестьян, ремесленников и др.) на соответствующие доли. Так как размеры трудовых доходов при этом обычно несколько недооцениваются, то соответственно завышаются показатели по ренте и прибыли, получающиеся в значительной мере методом остатка. (По нашему мнению, в наибольшей степени это характерно для второй и третьей групп стран, отмеченных в табл.4) [331, р.50-54, 103, 208; 502, р.658].

Однако взвешивание затрат основных учетных ресурсов можно осуществлять не только по “предельным продуктам”, но и по “долям” основных факторов производства в общей структуре производительных сил, или совокупного производительного капитала (богатства) [504, р.86-87]. С использованием методологических подходов Р.Голдсмита и Дж.Кендрика (речь идет о методе непрерывной инвентаризации соответствующих инвестиционных и потребительских расходов), а также некоторых статистических материалов этих исследователей нами были рассчитаны необходимые характеристики по природному фактору, вовлеченному в хозяйственный оборот (земля и недра), физическому и человеческому вещественному и неимущественному капиталу, измеренным — в первом приближении — по издержкам производства (оценка земли и недр — по текущей стоимости) [105, с.11, 37-53; 359, р.332-333].

Этот вариант расчетов дает, как нам представляется, относительно более устойчивые и реалистичные оценки, поскольку весами являются характеристики не потоков благ, а совокупных объемов реально применяемых ресурсов (табл.5).

Для иллюстрации процедуры взвешивания и получения вкладов соответствующих факторов и динамики совокупной производительности обратимся к скрупулезно выполненному исследованию индийского экономиста П.Р.Брахмананды, из которого можно почерпнуть необходимую информацию для наших расчетов (табл.6).

При всех различиях во вкладе отдельных, “затратных”, факторов (по труду диапазон вклада составил 26-31%, по капиталу — 29-40, по земле и природным ресурсам — 0-9%), различия в учетном вкладе совокупной производительности оказались хотя

и достаточно заметными, но в целом не столь уж огромными — 31-37%. Последний вариант (В), думается, все же лучше учитывает роль природного фактора и поэтому не завышает вклада труда и капитала (а индикатор совокупной производительности получает при этом “сбалансированную”, усредненную оценку).

Таблица 5
**Веса основных факторов по пропорциям распределения
совокупного производительного капитала, %**

Факторы	Крупные развитые страны			Крупные развивающиеся страны		
	1913 г.	1950 г.	1990 г.	1913 г.	1950 г.	1990 г.
Земля и другие природные ресурсы, вовлеченные в хозяйственный оборот	14-15	7-8	6-8	19-20	16-17	13-15
Физические воспроизводимые активы	19-21	13-15	17-19	12-13	14-16	30-32
Человеческий капитал	65-66	78-79	74-76	67-69	68-69	54-56

Составлено по материалам гл. III и IV.

Рассчитанные значения вкладов факторов производства можно скорректировать и дополнить путем внесения ряда поправок, учитывающих сдвиги в отраслевой, региональной и других структурах распределения основных применяемых ресурсов, а также изменение их качества и реального использования (потребления). Подобные расчеты были выполнены нами по ряду крупных стран [109, с.99, 417-424; 125, с.79].

Некоторые исследователи, пытаясь уменьшить неидентифицированный остаток в производственных функциях, стараются расщепить его, выявляя такие компоненты, как экономия на масштабах производства, сдвиги в структурах совокупного спроса, изменение экологической и криминогенной обстановки и т.п. Многие в методиках и результатах расчетов, связанных со второй и особенно третьей фазой уточнений, остается условным, основанным на интуиции исследователей. “Масштаб” некоторых поправок эквивалентен величине, не превышающей в среднем 0,1 процентного

пункта роста ВВП [307, 502, p.678-680], что находится в пределах статистической погрешности.

Таблица 6
Расчет факторов экономического роста Индии
по трем вариантам весов за 1950-1980 гг., %

Варианты расчетов	А				Б			В		
	I	IIa	IIIa	IVa	IIб	IIIб	IVб	IIв	IIIв	IVв
Факторы										
ВВП	3,5	1,0	3,5	100	1,0	3,5	100	1,0	3,5	100
Рабочая сила	1,5	0,74	1,1	31	0,68	1,0	29	0,62	0,9	26
Капитал	4,9	0,20	1,0	29	0,28	1,4	40	0,23	1,1	31
Земля	1,0	0,06	0,1	3	0,04	0,0	0	-	-	-
Природные ресурсы	2,3	-	-	-	-	-	-	0,15	0,3	9
Совокупные затраты ресурсов			2,2	63		2,4	69		2,3	66
Совокупная производительность			1,3	37		1,1	31		1,2	34

Примечание. В первом вертикальном столбце (I) представлены среднегодовые темпы прироста ВВП и основных учетных факторов. Во втором столбце даны веса: вариант IIa рассчитан по данным П.Р.Брахмананды; вариант IIб взят из табл.4, строка 1 (густонаселенные страны); вариант IIв — из табл. 5 (крупные развивающиеся страны, усредненные веса за 1950-1990 гг.). В столбце III, (IIIa, IIIб, IIIв) приведены данные, характеризующие взвешенный вклад затрат ресурсов в динамику ВВП (в процентных пунктах). Расчет сделан по формуле (3), приведенной на с.38. В четвертом столбце (IV) данные третьего (III) рассчитаны в процентах, причем за 100% принят среднегодовой темп изменения ВВП.

Рассчитано по данным табл.4 и 5, а также по: [258, p.141-145].

Другая серия поправок, которые при наличии соответствующей информации целесообразно, на наш взгляд, вводить в базовые расчеты (по крайней мере по ряду развитых, а может быть, и по некоторым развивающимся государствам), в основном базируется на методологии и конкретных методиках, разработанных Э.Денисоном, Дж.Кендриком, Д.Джоргенсоном, А.Мэддисоном, С.Сыркиным и др.

Для выделения эффекта структурных сдвигов (R^x) обычно используется следующая формула: [442, p.3; 635, p.80-81]:

$$R^x = \bar{R} - \sum \bar{W}Y_i \cdot \bar{R}_i, \quad (5)$$

где \bar{R} — остаточный элемент в агрегативной темповой производственной функции (см. формулу (3) на с.38; R_i — темп прироста совокупной производительности в секторе (отрасли) i ; $\bar{W}Y_i$ — усредненная доля сектора (отрасли) i в ВВП в целом за весь изучаемый период.

Однако далеко не всегда есть в наличии данные об отраслевой разбивке основного капитала, необходимые для расчетов по формуле (5). В таком случае учитывается эффект (вклад в прирост ВВП) отраслевых сдвигов только по трудовым ресурсам (отработанному времени), в частности по следующей формуле:

$$Z = \frac{\dot{Y}/\dot{L} - \sum_i \dot{Y}_i/\dot{L}_i \cdot W L_i}{\dot{Y}} \cdot 100, (\%), \quad (6)$$

где \dot{Y}/\dot{L} и \dot{Y}_i/\dot{L}_i — соответственно темпы прироста производительности труда в целом по народному хозяйству и в секторе i ; $W L_i$ — доля сектора i в общей структуре занятости в базисном периоде, \dot{Y} — среднегодовой темп прироста ВВП.

При этом вклад эффекта передислокации ресурсов будет в целом тем больше, чем активнее и значительнее сдвиги в структуре занятости и больше исходный разрыв в уровнях производительности между секторами.

Качество экономического роста, учтенное в виде материализованного научно-технического прогресса, определяется интенсификацией потока факторных услуг или, другими словами, увеличением доли в общем объеме того или иного ресурса наиболее эффективных (действенных) компонентов. Соответствующие показатели можно получить путем деления индексов труда (и капитала), взвешенных по качеству, на нескорректированные индексы труда (и капитала) [442, p.66, 269; 548, p.5; 650, p.149-172].

Уточняя методику расчетов, заметим, что, например, скорректированный индекс занятости (или отработанных человеко-часов) представляет средневзвешенное ряда ее важнейших характеристик (половозрастной, образовательной, профессиональной и др.). Весами служат ставки зарплаты, которые, как считается, в условиях “более или менее” конкурентного рынка отражают в целом дифференциацию в предельной производительности труда¹⁶. Однако многие важные особенности совокупной рабочей силы — физическое здоровье, производственный опыт, мотивация труда и ряд других — пока еще не поддаются адекватной формализации.

Если взвесить различные виды основного капитала не способом прямого агрегирования (с применением обычных базисных цен), а по рентным ценам (амортизация + прибыль) каждого типа активов, то можно получить иную, более реальную динамику потока капитальных услуг. Это связано с тем, что во втором случае относительно больший вес приобретают активные элементы физического капитала (машины, оборудование), средний срок жизни которых намного меньше, а нормы амортизации существенно выше, чем у пассивных элементов (здания, строения) [208, p.20; 442, p.48; 502, p.656]. О масштабах различий по двум вариантам оценок можно судить по данным табл.7.

Сопоставление результатов инвариантных исчислений выявляет не только общий (весьма значительный) масштаб расхождений в темповых характеристиках затрат капитала (на 0,2-0,8 процентного пункта в год), но и существенные различия в изменении этих показателей от периода к периоду. Все это сказывается на динамике показателей эффективности (в данном случае — капиталотдачи). Вариант Б фиксирует более резкие перепады в ее траектории в зависимости от хозяйственной конъюнктуры.

Таблица 7
**Среднегодовые темпы прироста основного капитала
и капиталотдачи в частном секторе экономики США, %**

Годы	Динамика капитала		Динамика капиталотдачи	
	Вариант А	Вариант Б	Вариант А	Вариант Б
1948-1965	2,6	3,1	1,1	0,6
1965-1973	3,7	4,5	0,1	-0,7
1973-1978	2,1	2,3	0,6	0,2

Примечание. Вариант А рассчитан способом прямого агрегирования; вариант Б — методом Дивизиа с использованием рентных цен.
Составлено по: [529, p.81].

Некоторые исследователи считают, что качество услуг капитала может быть аппроксимировано изменением его среднего возраста (если он уменьшается, то качество увеличивается, и наоборот) [252, p.133; 680, p.578]. В краткосрочных и среднесрочных моделях полезны также поправки на степень использования производственных мощностей (чаще всего эти уточнения делаются ориентировочно — по величине использования труда и энергии) [208,

р.171; 549, р.314, 321]. Хотя отмеченные поправки и уточнения полезно вносить в макроэкономические расчеты, основное в определении вклада капитала (как уже отмечалось) зависит от точности измерения дефляторов, которая и по развитым, а тем более по развивающимся странам оставляет желать лучшего [169, с.63; 442, р.300; 549, р.324].

Таблица 8

Вклад количественных, идентифицированных качественных факторов, а также нематериализованного научно-технического прогресса в экономический рост США, Японии и Франции в 1960-1979 гг.

Показатели	США		Япония		Франция	
	Процентные пункты	%	Процентные пункты	%	Процентные пункты	%
ВВП	3,5	100	8,5	100	4,8	100
Затраты труда	1,0	29	1,6	19	-0,2	-4
Затраты капитала	1,2	34	2,2	26	1,8	38
Качество труда	0,3	9	0,5	6	0,4	8
Качество капитала	0,4	11	1,2	14	0,4	8
Неидентифицированный остаток (нематериализованный НТП)	0,6	17	3,0	35	2,4	50

Примечание. Веса капитала и труда, использованные исследователями, составили по США 0,39 и 0,61; по Японии и Франции — 0,35 и 0,65. Затраты труда и капитала — соответственно взвешенные темпы прироста человеко-часов и основного капитала. Качество труда включает учетные характеристики изменения половозрастной, образовательной и отраслевой структур занятости. Качество капитала отражает сдвиги в технологических структурах основных фондов (веса — рентные цены), а также изменение среднего возраста капитала.

Составлено и рассчитано по: [317, р.6, 9, 21, 26; 442, р.315; 548, р.633, 636, 639-640; 650, р.164].

В качестве иллюстрации аналитических возможностей “усложненной” производственной функции рассмотрим данные табл.8. В 1960-1970-е гг. общие затраты количества труда и капитала обеспечили в США 63%, в Японии — 45 и во Франции (где происходило сокращение отработанных человеко-часов) — 34% прироста их ВВП. В простейшей производственной функции все остальное

можно было бы отнести на счет производительности. Вместе с тем, как показывают расчеты, еще 16-20% прироста продукции связано с так называемым материализованным НТП, т.е. с улучшением качества трудовых и капитальных ресурсов. Неидентифицированный остаток, вошедший в себя как нематериализованный (экзогенный) НТП, так и ошибки и неточности измерений, оказался в целом достаточно существенным, его значения колебались в широком диапазоне: в США он был вдвое меньше (17%), чем в Японии (35%), и втрое уступал индикатору по Франции (50%).

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что количественные оценки весьма сложных, неоднозначных процессов общественно-экономической эволюции стран Востока (Юга) и Запада во многом остаются приблизительными, позволяющими в лучшем случае установить лишь ориентировочные тенденции. Стремление же к чрезмерной точности и детализации расчетов, основанных на различных допущениях, гипотезах, а главное — не всегда достоверной информации, часто оборачивается неоправданной категоричностью выводов и обобщений¹⁷.

Между тем остаются нерешенными многие проблемы, связанные с идентификацией конечных результатов и итогов долгосрочного экономического развития, с обеспечением их более или менее приемлемой сопоставимости (в межстрановом и межвременном ракурсах), с адекватной оценкой качества важнейших ресурсов и факторов роста. И тем не менее даже грубая оценка все же лучше, чем ее отсутствие. С учетом всей относительности наших знаний, о которой говорит история естествознания и развития общества, представляется целесообразным изучать настоящее и прошлое так же, как мы воспринимаем будущее, — в инвариантах, уточняя существующие и возникающие гипотезы старым, быть может не очень оригинальным способом — на базе всемерного пополнения банков данных, их верификации и обработки с применением статистико-математического аппарата необходимой и “разумной достаточности”.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СТРАН ВОСТОКА И ЗАПАДА В ДОИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

В отечественных и зарубежных научных публикациях встречаются неоднозначные, но преимущественно описательные характеристики уровней, тенденций и факторов долгосрочного экономического развития стран Востока и Запада. Это связано с рядом обстоятельств, в том числе с особенностями методологии различных исследователей, наличием или отсутствием в их распоряжении тех или иных материалов, источников, статистических показателей. Опираясь на собранный нами банк данных¹, попытаемся уточнить некоторые контуры и детерминанты долгосрочной экономической динамики этих стран (речь пойдет главным образом о Китае, Индии и Египте, а также о ряде крупных западноевропейских государств).

1. Экономическая динамика стран Востока в средние века и новое время

Судя по описаниям, наблюдениям и оценкам, имеющимся в историко-экономической литературе, страны и народы Востока, реализовав в прошлом историческую фору, предоставленную относительно щедрой, хотя и весьма нестабильной и не во всем благодатной природой, сумели, адаптируясь к ней, освоить (но далеко не полностью подчинить себе) мощные естественные производительные силы, развив при этом немалые для своего времени материальные, социальные и духовные средства общественного производства (и общения).

Речь идет об ирригационных и иных инфраструктурных сооружениях, внедрении разнообразных технических и технологических инноваций (некоторые из них позднее стали достоянием западной части

ойкумены), сравнительно высоком уровне общественного разделения и координации труда, относительно эффективных формах организации производства, впечатляющем уровне развития культуры, искусства, религиозных и этических систем, отражающих заметный прогресс в эволюции духовных элементов производительных сил.

Ханьский Китай к началу нашей эры по уровню развития, возможно, не отставал, а даже несколько опережал Римскую империю эпохи раннего принципата, экономика которой базировалась на естественных и общественных производительных силах не только Южной и Западной Европы, но также Северной Африки и Передней Азии. Усредненные показатели подушевого национального продукта в ханьском Китае и Римской империи достигали, по нашим ориентировочным расчетам и оценкам, соответственно 340-440 и 300-400 дол. (в относительных ценах 1980 г.)², урожайность зерновых — 8-10 и 6-8 центнеров с гектара, уровень урбанизации (города с населением более 5 тыс. человек) — 11-12 и 9-10%, продолжительность жизни — примерно 24-28 и 22-26 лет (рассчитано по: [112, с.69, 89, 97, 169; 222, р.39-40; 237, р.127-128, 264, 278; 266, р.40; 270, р.30, 47-48, 89, 93, 215-217; 348, р.91, 95, 102, 104; 358, р.270, 281, 283; 512, р.265]).

Первое тысячелетие нашей эры отмечено многими событиями, среди которых — гибель империй, переселения народов, массовые пандемии, вызвавшие — в долгосрочной ретроспективе — стагнацию (Китай, Индия, Западная Европа), а в некоторых регионах мира (Ближний Восток) снижение общей численности населения (табл.9).

Таблица 9
**Динамика численности населения
в странах Востока и Запада, млн человек**

Регион, страна	1-й г.	1000-й г.	1800-й г.
Китай	60-70	60-70	320-330
Индия ¹	45-75	55-75	180-200
Ближний Восток ²	38-42	28-32	28-34
Западная Европа ³	28-30	28-30	114-118 (125-130)

1. Включая нынешние территории Пакистана и Бангладеш.

2. Включая Северную Африку.

3. Данные в скобках — оценки, учитывающие также численность европейских эмигрантов и их потомков в переселенческих колониях и странах.

Составлено и рассчитано по: [250, р.15-16; 264, vol.1, p.167; 286, p. 63-64; 399, p.369, 427; 340, vol.1, p.36; 429, p.93-94; 519, p.135-153, 223, 227].

Вместе с тем за первое тысячелетие нашей эры, особенно за его последнюю треть, некоторые страны Востока, включая Китай, Индию и мусульманский мир, совершили немалый рывок в развитии производительных сил, о чем не следует забывать в контексте рассуждений об относительной застойности экономических систем “восточного” феодализма (деспотизма) или “азиатского способа производства”.

В этот период получили широкое распространение технические, технологические, организационные и культурные инновации, многие из которых появились в Европе (частично они были заимствованы с Востока) лишь спустя 300-500-1000 лет [214, p.278-280; 226, p.295; 264, vol.1, p.47-52, 285; 332, p.85, 113-130, 167; 465, vol.1, p.48; 535, p.23-24; 546, p.13-14; 666, p.29-30].

За десять веков, отделявших сунскую эпоху от ханьского Китая, производство зерновых в расчете на душу населения возросло по меньшей мере в 1,5 раза, что в немалой степени было связано с ростом их урожайности: средневзвешенный показатель, возможно, повысился с 8-10 до 14-16 центнеров с гектара [270, p.210-217]. На рубеже первого и второго тысячелетий этот индикатор в среднем по Ближнему Востоку и Северной Африке, а также в центральных районах Индии составил примерно 10-13 центнеров с гектара, превышая, таким образом, соответствующий показатель по Западной Европе по меньшей мере в 4-5 раз [74, с.95-96; 431, p.282].

По ориентировочным оценкам Р.Хартвелла, подушное производство железа в Китае, увеличившись за три столетия в 5-6 раз (в 806 г. — 0,2-0,3 кг, в 998 г. — 0,5-0,6, в 1064 г. — 1,2-1,4 кг), достигло к концу XI в. (1078 г.) не менее 1,3-1,5 кг. Этот индикатор, вероятно, не уступал средневропейскому показателю (без России) XVI — первой половины XVII в. (в 1500 г. — 1,2-1,3 кг, в 1530 г. — 1,3-1,5, в 1700 г. — 1,6-2,0, в 1750 г. — 2,1-2,4 кг)³.

Согласно нашим расчетам и оценкам (табл.10), подушное национальный продукт Китая в 750-800/1050-1100 гг. мог возрасти примерно в 1,6-2,0 раза, или в среднем ежегодно на 0,15-0,25% (этот показатель был выше, чем в целом по западноевропейскому региону в XI-XIII и XVI-XVIII вв., но, возможно, соответствовал темпу подушного экономического роста наиболее динамичных стран Западной Европы — Голландии и Англии в XVI-XVIII вв.). В соответствии с построенной нами производственной функцией, за счет количественных затрат трудовых, капитальных и природных ресурсов было получено 65-75%, а в результате роста совокупной производительности — 25-35% прироста валового продукта страны.

Все это позволяет предположить, что некоторые важные признаки (предпосылки) перехода к интенсивному экономическому росту впервые обнаружили не в Европе, как это принято считать, а на Востоке, в Китае, возможно, за 500-700 лет до начала аналогичного (или по крайней мере близкого по ряду существенных характеристик) процесса на Западе.

Таблица 10

Темпы и факторы экономического роста Китая, %

Показатели	750-800 гг.	1050-1100 гг.	
		1050-1100 гг.	1750-1800 гг.
Среднегодовой темп прироста: ВВП, y		0,35-0,45	0,10-0,15
массы применяемого труда, l		0,17-0,23	0,14-0,18
основного капитала, k		0,55-0,65	0,20-0,25
площади обрабатываемых земель, s		0,15-0,20	0,03-0,05
совокупной производительности, r		0,10-0,15	(-) 0,02-0,03
Доля в темпах прироста ВВП: экстенсивных факторов $\frac{\alpha \cdot l + \beta \cdot k + \gamma \cdot s}{y} \cdot 100$		65-75	115-125
интенсивных факторов $\frac{r}{y} \cdot 100$		25-35	(-) 15-25

Примечания. 1. Индекс ВВП рассчитан как средневзвешенный показатель, учитывающий динамику производства зерновых, железа, численности населения (последний индикатор неплохо обобщает изменение уровней выпуска "продукции" в услугах и строительстве). 2. В качестве индекса массы применяемого труда использован показатель численности населения (это вполне допустимо, если принять во внимание длительность периода и традиционный характер экономики). 3. Индекс основного капитала аппроксимирован средневзвешенным индикатором кумулированного числа крупных ирригационных объектов, а также динамики производства железа (соответствующие веса субиндексов взяты равными 2/3 и 1/3). 4. Коэффициенты эластичности прироста ВВП по живому труду (α), основному капиталу (β) и земельным ресурсам (γ) составили, по оценкам Д.Перкинса, для средневекового Китая соответственно 0,6; 0,2; 0,2.

Рассчитано по: [270, p.89, 93, 199, 215-216; 398, p.34; 399, p.369; 570, p.17, 61-64, 82, 334].

По нашим ретроспективным оценкам, учитывающим динамику производства зерновых, железа, индексы реальной заработной платы и ряд других индикаторов, в XI в. ВВП в расчете на душу населения мог достигать в Китае 600-700 дол., в Индии — 550-650, на Ближнем

Востоке (Египет)⁴ — 470-530 дол. (в относительных ценах 1980 г.; табл. 11). Сравнивая эти данные с полученными нами показателями по некоторым европейским обществам той эпохи, можно сделать вывод о том, что в начале второго тысячелетия уровень развития в странах Востока был почти в 2 раза выше, чем в Западной Европе.

Следующие оценки также свидетельствуют о значительных различиях, существовавших в то время между Востоком и Западом в других компонентах социально-экономического и культурного развития. Если в Китае в начале второго тысячелетия в городах с числом жителей более 2 тыс. человек проживало около 20% населения (при критерии “не менее 5 тыс. человек” 10-14%), а в мусульманском мире — 15-20% (10-13%), то в Западной Европе (без Испании) этот показатель не превышал 11-13% (8-9%) [66, с.138; 237, р.159-162, 457, 481; 270, р.56; 458, р.320].

С учетом некоторой условности ретроспективных показателей грамотности населения оценки К.Гут и П.Бэрока были скорректированы (в сторону снижения). Итоговые данные на начало текущего тысячелетия составили по Китаю 20-30%, по Индии — 10-15, по Египту и Сирии — 8-12, а по Западной Европе (по оценкам К.Чиполлы) 1-2-3% (табл.11)⁵. Следовательно, превосходство Востока над христианским миром было особенно заметным в интеллектуальных компонентах производительных сил, опирающихся на накопленный веками и тысячелетиями потенциал культуры, опыта и знаний⁶.

Вместе с тем по такому емкому и значимому показателю, как средняя продолжительность жизни, страны Востока (23-27 лет) в целом несколько отставали от Западной Европы (26-30 лет) [340, vol.1, p.47; 615, p.82], что, думается, было связано с относительно большей подверженностью первых стихийным бедствиям, в том числе наводнениям, засухам, землетрясениям, тайфунам, а также эндемическим и эпидемическим заболеваниям.

Обобщая приведенные данные, характеризующие уровень производительных сил с разных сторон, рассчитаем своеобразный индекс развития, представляющий среднегеометрическое невзвешенное трех относительных показателей — подушевого ВВП, средней продолжительности жизни и грамотности населения (табл.11). Судя по этому индикатору, реальное отставание западной от восточной части ойкумены было примерно двух-трехкратным (1 : 2,5). Прежняя оценка разрыва в уровнях развития двух макромиров, исходившая из критерия подушевого ВВП, возросла, таким образом, почти на треть.

Резюмируя, отметим, что к началу нынешнего тысячелетия некоторые страны Востока, и прежде всего Китай, пройдя длинный путь социоестественной адаптации, сумели в целом существенно продвинуться вперед на шкале экономического прогресса.

Достаточно рационально используя “природную машину”, широко применяя экстенсивные, а также (когда для этого складывались необходимые социально-экологические условия) интенсивные методы ведения хозяйства и организации производства, они достигли примерно двух-трехкратного превосходства в уровнях развития по сравнению с Западом. Экономический рост в тех странах Востока, где он действительно был более или менее заметным (например, в танско-сунском Китае), во многом происходил за счет наращивания материальных, социальных и духовных средств и условий производства, распространения технологических и иных инноваций. В значительной мере это явилось результатом прогресса в накоплении опыта, знаний, повышении грамотности, культуры, а также некоторого развития частного предпринимательства и инициативы людей (земледельцев и ремесленников, купцов, чиновников и ученых).

Достигнув в прошлом сравнительно высокого по историческим меркам “рейтинга”, страны Востока не сумели его сохранить в последующие столетия. Возникает ряд вопросов. Когда, почему и как отстал Восток? Можно ли говорить об абсолютной деградации производительных сил? Или речь идет об относительном упадке в расчете на душу населения, к уровню стран Запада?

Не ставя перед собой непосильной задачи — досконально исследовать всю гамму вопросов, связанных с отставанием Востока (которые широко обсуждаются в научной литературе), сфокусируем основное внимание на проблематике эволюции производительных сил в доиндустриальную эпоху.

Начнем с демографической составляющей, которая в традиционных обществах с преимущественно экстенсивным способом производства определяла важнейшие контуры их экономической динамики. При всех неточностях и условностях имеющихся оценок очевидно, что в рамках исследуемого восьмисотлетнего периода (XI-XVIII вв.) в ряде крупных стран (регионов) Востока обнаружился в тенденции существенный рост населения. Особенно рельефно сопоставление с первым тысячелетием (табл.9).

В 1000-1800 гг. численность населения Китая, несмотря на ее значительные флуктуации в этот период, возросла примерно в 5 раз; в Индии отмеченный показатель увеличился почти втрое, а по Ближнему Востоку он практически не изменился. Многократное увеличение демографического потенциала в двух крупнейших странах Востока означало также и существенное, хотя, возможно, и не вполне адекватное расширение потребительного и производительного потенциалов. Иными словами, тезис об абсолютной деградации производительных сил не корректен для крупнейших восточных сообществ.

Таблица 11
Динамика индекса развития¹ в странах Востока и Западе в XI-XVIII вв.

Страны	Середина XI в.				Конец XVIII в.			
	A	B	C	D	A	B	C	D
Китай	600-700	27-30	20-30	58-64	470-530	27-29	15-25	50-53
Индия	550-650	20-25	10-15	42-46	410-470	20-25	4-6	28-32
Египет	470-530	20-25	(8-12) ²	36-40	300-350	22-25	1-5	20-24
Средняя взвешенная ³ E ₁	580-620	23-27	15-20	48-52	450-500	24-28	10-18	40-44
Великобритания	1000-1060	35-37	53-57	100
Франция	730-770	32-34	36-40	75-79
Германия	770-810	31-33	63-67	91-95
Италия	650-690	29-31	25-30	63-67
США	—	—	—	—	670-710	35-37	56-60	88-90
Средняя взвешенная, E ₂	290-340	26-30	1-3	18-22	760-800	32-34	44-48	80-85
Соотношение уровней развития, H=E ₁ :E ₂	1,8-2,0	0,8-1,0	7-10	2,4-2,6	0,5-0,7	0,75-0,85	0,25-0,35	0,4-0,6

$$D_{ij} = \left(\frac{A_{ij}}{A_x} \cdot \frac{B_{ij}}{B_x} \cdot \frac{C_{ij}}{C_x} \right)^{\frac{1}{3}} \cdot 100 (\%),$$

1. Индекс развития (D) рассчитан по формуле

где A_{ij} , B_{ij} , C_{ij} для каждой (i) страны и для каждого (j) года означают соответственно подушевой ВВП в паритетах покупательной способности валют (международные доллары 1980 г.), среднюю продолжительность жизни, процент грамотных среди взрослого населения; A_x , B_x , C_x — аналогичные показатели по Великобритании за 1800 г.

2. В скобках даны оценки.

3. Средние по группам стран показатели взвешены по численности населения.

Рассчитано и составлено по: [125; 224, p.92, 466, 521-523; 234, 1983, p.170, 282, p.55, 61; 374, p.70-71; 546, p.84; 603, p.61].

Вместе с тем, судя по нашим расчетам и оценкам (табл.11), подушевой национальный продукт в ряде крупных стран и регионов Востока в XI-XVIII вв. не имел тенденции к росту и, по-видимому, несколько сократился. Важно подчеркнуть, что, во-первых, величина учтенного нами снижения — за 7-8 веков примерно на 1/5 — весьма небольшая, позволяющая говорить скорее о стагнации (падение в среднем ежегодно на 0,02-0,04%), чем о сколько-нибудь глубоком кризисе⁷. Во-вторых, в рамках изучаемого длительного периода во всех трех странах удалось диагностировать, правда пока еще в самом общем виде, по 2-3 колебательных контура (волны), каждый из которых включает фазы подъема, стагнации и спада и по своей протяженности примерно в 5-6 раз превышает длину обычного кондратьевского цикла (40-60 лет).

Хотя идентификация длинноволновых процессов — тема специального исследования, предполагающего в качестве предварительного условия создание весьма солидного и специфического банка данных, тем не менее можно констатировать, что первая серия расчетов (подушевой динамики производства зерновых), выполненных по ряду “опорных” точек, в целом подтверждает высказанную учеными-китаистами гипотезу о существовании длительных “династических” циклов экономической конъюнктуры⁸. Нечто подобное “просматривается” на материалах фатимидско-айюбидского (969-1250), мамлюкского (1250-1517) и османского Египта (1517-1798-?), а также Индии эпохи Делийского султаната (1206-1526) и Великих Моголов (1526-1707-1857 ?).

Итак, три крупные страны Востока имели во многом не схожие траектории, разные ритмы и неодинаковые темпы развития в средние века и новое время. Если перемножить индексы изменения численности населения и подушевого продукта, то окажется, что в 1000-1800 гг. национальный продукт в Китае возрос в 3,5-4 раза, в Индии — более чем вдвое (на 100-130%), а в Египте (а возможно и в целом на Ближнем Востоке) он сократился примерно на 1/3. Вместе с тем у этих государств (субрегионов) есть и немало общего: несмотря на отдельные попытки, предпринятые в рамках длительных циклов хозяйственной конъюнктуры, странам Востока в силу ряда обстоятельств (которые будут рассмотрены ниже) не удалось создать долговременно действующий механизм расширенного воспроизводства, выходящего за пределы экстенсивного роста.

Анализируя причины возникновения и развития феномена отставания (отсталости) стран Востока, заметим, что в XII-XIX вв.

для них была характерна сравнительно высокая степень нестабильности воспроизводственного процесса (резкие перепады в численности населения, уровнях производства, объемах используемых ресурсов). В отличие от Западной Европы, расположенной в умеренных широтах на периферии Евразии, страны и народы Востока взаимодействовали с могучей и не всегда благодатной природой, часто испытывали жестокие экологические и социальные потрясения⁹. Засухи, наводнения, землетрясения, тайфуны, цунами, а также опустошительные набеги кочевников и иные проявления крайней нестабильности обусловили значительные, периодически повторявшиеся разрушения производительных сил стран Востока [438, р.6-9; 544, р.116].

Серьезные последствия имели различные эпидемии и пандемии, масштабы которых, по мнению специалистов, в отдельные периоды средневековья и нового времени превосходили размах аналогичных процессов в Западной Европе [225, р.238, 302; 315, р.232, 283; 521; 567, р.4,7]. Население стран, расположенных в тропиках и субтропиках, было в значительной мере подвержено инвазионным и эндемическим заболеваниям (малярия, шистосоматоз и т.п.). Вследствие ослабленного здоровья, жаркого, изнурительного климата, недоедания индивидуальная производительность в странах Южной, Юго-Восточной Азии и Северной Африки в среднем снижалась в 1,5-2 раза [180, с.371; 438, р.7; 595, р.98].

В отличие от Западной Европы, сумевшей к началу второго тысячелетия укрепить свои основные рубежи и приступить к интенсивному освоению окраин, ведущие страны Востока испытывали периодически возраставший натиск со стороны обширной периферии (степи, полупустыни, пустыни), эффективный контроль которой при тогдашнем уровне военной технологии был практически невозможен.

Последствия опустошительных набегов и завоеваний кочевников трудно переоценить. К примеру, монголы в XIII в. и маньчжуры в XVII в. уничтожили в ходе установления своего господства соответственно 1/3 и 1/6 часть китайского населения [439, р.109]. Разрушения эффективных, но весьма хрупких производительных сил стран Востока, например ирригационных сооружений, без их своевременного восстановления обращало цветущие края либо в пустыни, либо в ядовитые болота. Голод и эпидемии, вызванные и/или усиленные войнами, увеличивали размеры гекатомб, обусловленных “чисто военными” действиями¹⁰. Угон в плен квалифицированной части населения, значительное сокращение общей

его численности, а также поголовья скота крайне затрудняли восстановление разрушенного хозяйства.

Отмеченные выше экологические и военно-политические факторы наложили немалый отпечаток на особенности эволюции общественных структур и производительных сил стран Востока. Возникшее в целях мобилизации подданных для коллективной эксплуатации могучей природы¹¹, а также для ожесточенной борьбы с внешними и внутренними врагами за право распоряжаться значительным прибавочным продуктом государство в азиатских и североафриканских обществах сложилось, вероятно, раньше, чем возникли относительно развитые, в том числе рыночные, формы горизонтальной интеграции социума. Оно приобрело при всех немаловажных различиях, существовавших между странами и регионами Востока, основные черты того, что обычно называют восточным деспотизмом.

Общество подобного типа с преобладанием вертикальных (командных) импульсов и связей над обратными, а также горизонтальными связями, самодовлеющее, в известном смысле тотальное (т.е. без четкого разделения властей, скажем, на светскую и духовную) и дистрибутивное по своему характеру, было при всех его изъянах вовсе не ошибкой истории, а достаточно жизнеспособной системой, просуществовавшей не одно тысячелетие.

Поддержание и восстановление определенного уровня стабильности после необычайно жестких экологических и военно-политических шоков нередко достигалось ценой существенного ослабления горизонтальных связей, подавления индивида, консервации традиционных институтов, ограничивавших импульсы к развитию.

В результате завоеваний кочевники к началу (или в начале) второго тысячелетия установили, а потом неоднократно “возобновляли” свое господство во всех трех крупнейших субрегионах Востока, воспроизводя, где это им удавалось, периферийные, архаичные формы хозяйствования [93]. Господство кочевников в странах Востока по своему характеру и последствиям, как правило, далеко не в лучшую сторону отличалось от более поздней европейской колонизации. Важной чертой восточных деспотий, сложившихся в результате завоеваний номадов или испытывавших достаточно ошутимое воздействие (военное давление) кочевников извне, была временами усиливавшаяся тенденция к превалированию непроизводительных, в том числе разрушительных и паразитических, функций государства над созидательными¹².

Говоря о хищничестве и паразитизме восточных правителей, уместно привести следующие факты. Рента и налоговые изъятия, отчуждаемые у крестьян в юаньском, минском и цинском Китае, в делийском султанате, могольской Индии, сефевидском Иране, а также в ближневосточных государствах эпохи средневековья и нового времени, порой достигали 40-50% собранного урожая (конечно, крестьяне, бывало, утаивали часть продукции, но и чиновники и откупщики нередко выколачивали больше, чем это было “положено”) [165, с.61; 264, vol.1, p.359; 361, p.64, 117; 439, p.131]. По данным О.Г.Большакова, в XI-XIII вв. на Ближнем Востоке (Египет, Сирия) отчуждалось у крестьян-землевладельцев 25%, арендаторов — 62, издольщиков — 75 и у батраков 82% произведенного ими сельскохозяйственного продукта [66, с.232]. Р.Оуэн считает, что на Ближнем Востоке в конце XVIII — начале XIX в. феллахи, случалось, отдавали в виде налогов (и ренты) до 2/3 урожая [567, p.36, 96]. По нашим расчетам и оценкам, основанным на данных Р.Голдсмита, А.Мэддисона и Э.Джонса, элита (0,1-0,3% населения) в могольской Индии, Османской империи, сефевидском Иране присваивала 15-20% национального продукта. В цинском Китае этот показатель в среднем был, возможно, вдвое меньше (8-10%)¹³, однако и он превышал европейские “стандарты”: в ранней Римской империи и в Англии эпохи королевы Елизаветы I этот индикатор достигал, по оценкам, 5-7% [361, p.108, 234, 235; 438, p.4, 197, 209; 500, p.33].

Стремясь сохранить и увеличить свои богатства, восточные правители, во-первых, как правило, ограничивали развитие частной инициативы, справедливо усматривая в ней серьезную опасность своему существованию, угрозу стабильности; во-вторых, всемерно наращивали средства военно-политического и идеологического давления на своих подданных и ближайших соседей. Согласно нашим расчетам, сделанным на основе данных Р.Хартвела, в Китае в последней четверти XI в. военные расходы (по минимальным оценкам) могли составлять 3-6% ВВП (впоследствии, как отмечает М.Элвин, груз коммуникационных и оборонительных затрат возрастал) [332, p.18; 400, p.3, 31].

В аббасидском халифате во времена правления аль-Мансура, Харун ар-Рашида и аль-Мамуна (754-833) этот показатель, возможно, равнялся 6-7% национального продукта стран Ближнего Востока. В государстве Салах-ад-Дина во времена третьего крестового похода (1189-1192) военные расходы достигали не менее 8-10% национального продукта. Примерно в такую же величину можно

оценить военные затраты Османской империи к концу правления турецкого султана Сулеймана I Кануни (1520-1566) [рассчитано по: 66, с.210, 217-230, 257-258; 225, р.237; 361, р.64, 82-83, 89]. По нашим расчетам, в могольской Индии военные расходы возросли с 12-15% ее национального продукта в 1595-1605 гг. до 18-23% в 1680-1688 гг. Эти данные в известной мере подтверждаются оценками И.Хабиба, согласно которым около четверти населения империи непосредственно обслуживало ее вооруженные силы [264, vol.1, р.179; 361, р.98, 104, 106, 121].

В целях сопоставления приведем некоторые материалы по странам Запада. В древних Афинах накануне пелопонесских войн (431-404 гг. до н.э.) расходы на содержание армии составляли 5-6% национального продукта. В ранней Римской империи, в конце правления Октавиана Августа (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.), учтенные нами военные затраты были эквивалентны 2-3% ее ВВП. После реформ Диоклетиана (римский император в 284-305 гг.) было увеличено налогообложение, усилена армия, численность которой в 324-364 гг. составила примерно 650 тыс. человек, что почти в 4 раза превышало ее размеры в период раннего принципата. Принимая во внимание, что рост населения империи был остановлен в результате массовых эпидемий, начавшихся в эпоху антонинов (с середины II в. н.э.), а подушевой ВВП, по мнению Р.Голдсмита, стал сокращаться с III в. н.э., можно предположить, что доля военных расходов в национальном продукте поздней Римской империи возросла до 8-12% [321, р.37; 358, р.274, 287; 361, р.31-32, 55; 512, vol.1, р.292].

По имеющимся оценкам, в средневековых государствах Западной Европы затраты на содержание армий в среднем не превышали 5-10% их национального продукта. Например, в Англии в 1688 г. этот показатель составлял 5-6%. Вместе с тем в периоды особенно ожесточенных конфликтов, к которым следует отнести тридцатилетнюю и ряд других войн, отмеченный показатель возрастал до 6-12%. Обобщая приведенные данные, заметим, что в восточных деспотиях относительная доля военных, по сути дела непроизводительных, расходов была в целом несколько выше, чем в досовременных обществах Запада.

Подданные в странах Востока часто страдали не только от произвола, хищничества и паразитизма власть имущих, но также от их инертности и бездеятельности, отражавших глубокую асимметричность взаимных “обязательств” верхов и низов. Последние были, как правило, весьма слабо защищены от всевозможных бедствий (налеты

кочевников, грабителей, чума или голод) [50, с.125; 225, р.218-219; 264, vol.1, р.463; 385, р.76, 81-82; 570, р.172-173].

После Акбара моголы не имели постоянно действовавшей системы помощи голодающим. Сефевидский режим кое-как поддерживал бедствовавших во время засух. По мнению исследователей, помощь голодающим в странах Востока была меньше, чем в странах Западной Европы в XVII-XVIII вв. Однако в цинском Китае XVIII в. была, по-видимому, создана относительно развитая для того времени система зернохранилищ и экстренного снабжения населения. Но в Китае и других азиатских обществах не было эффективно действовавших карантинных и санитарных кордонов, подобных тем, что существовали в Европе для борьбы с распространением эпидемий [264, vol.1, р.463; 439, р.133].

История стран Востока насчитывает немало мудрых правителей. Вместе с тем система, в которой ничем не ограниченный деспотизм был доминантой общественного устройства, порождала обстановку, в которой порой царило некомпетентное всевластие. Так, в Османской империи после смерти Сулеймана Великолепного и вплоть до начала XVIII в. сменилось 13 весьма слабых и ограниченных султанов [385, р.109; 409, vol.3, р.269; 429, р.176].

В отличие от западноевропейских стран, где уже в XIII-XVI вв. государство способствовало формированию разнообразных компонентов инфраструктуры (на основе которой выросла система меркантилизма), страны Востока оказались в целом не способны реализовать подобную политику. Начиная с XVI-XVII вв. стало заметно их отставание от европейских стран по темпам наращивания транспортных средств (строительство кораблей, портов, дорог, каналов) и систем коммуникаций (книгопечатание, развитие грамотности) [225, р.221; 429, р.4].

Если западноевропейские государства, проводя экспансионистскую политику, как правило, поощряли внутри- и межцивилизационные контакты, стимулировали экспорт готовых изделий, то страны Востока в позднее средневековье стали в большей или меньшей мере придерживаться изоляционистской или недостаточно активной внешнеэкономической политики. Правители династии Мин в Китае наложили запрет на морскую торговлю с 1436 г. (и это после колоссальных достижений китайских флотоводцев; а северная граница была блокирована кочевниками). Немалые препятствия на пути расширения внешнеэкономических связей существовали и при Цинах, опасавшихся утечки технологий производства различных китайских изделий, в том числе оружия, в другие

страны и едва ли в полной мере отдававших себе отчет, что империя, несмотря на все ее экономические успехи, начиная с XVIII в. все больше и больше технически отставала от ведущих европейских держав [440, р.11; 449, р.7; 523, р.42, 46, 48].

Кастовые ограничения, а также грабительская политика могольских властей сдерживали, хотя и не блокировали развитие внешней торговли, отдавая ее в распоряжение инонациональных меньшинств. Если в Цинской и Османской империях внешнеторговая квота (доля в ВВП) не превышала 1-2%, то в могольской Индии, согласно расчетам Ш.Мусви, этот показатель был в несколько раз больше. В торговле с Индией, вывозившей высококачественные текстильные и иные товары, европейцы вплоть до последней трети XVIII в. имели пассивное сальдо, компенсируя его экспортом драгоценных металлов [150; 361,р.236; 536, р.376, 381, 388].

Ближневосточные государства в конце первого — начале второго тысячелетия активно участвовали в междивилизационных контактах, обогащая свою и мировую культуру, имели интенсивные внешнеэкономические связи, экспортируя в страны христианского мира преимущественно готовые товары (ткани, металлоизделия, бумагу, стекло и т.п.). Однако в последующие столетия ситуация изменилась. Это было связано не только с технологическим прогрессом Западной Европы, в том числе с “малой” промышленной революцией XI-XIII вв., но и с существенным ослаблением экономических позиций арабо-мусульманского мира, ставшего зоной интенсивных войн, вторжений, разрушений и пандемий, которые повлекли за собой упадок различных производств и ремесел, деградацию техники и снижение качества продукции [225, р.247; 427, р.254, 257].

Ближний Восток начиная с XIV-XV вв. стал постепенно превращаться в полупериферию, а впоследствии — в сырьевую периферию Европы, чему в немалой мере способствовала торгово-экономическая политика Блистательной Порты, стимулировавшая импорт (османы, как известно, боялись голода и товарного дефицита) и ограничивавшая экспорт, вводя на него чрезмерные налоги [121, с.20].

Потенциальные возможности накопления капитала на традиционном Востоке были намного большими, чем в средневековой Европе (в которой норма сбережения в нормальные годы могла достигать 2-15% национального дохода [284, р.40]). По расчетам американского исследователя В. Липпита, в цинском Китае потенциальные сбережения были эквивалентны по меньшей мере 1/3

национального дохода страны [312, с.41–42]. Вместе с тем природные катаклизмы и депрессанты, а также военные разрушения (требовавшие больших восстановительных работ и значительного фонда возмещения), равно как и грабежи, экспроприации, произвол и паразитизм деспотов, их наместников и чиновников, крайне дестимулировали производственные капиталовложения и технические инновации. В результате разрушений и пандемий XII–XV вв., а также утвердившихся впоследствии ксенофобии (изоляциялизма), консерватизма и обскурантизма многие полезные технологии и традиции были забыты и утрачены [214, p.280; 264, vol.1, p.297; 321, p.228; 385, p.82; 465, vol.1, p.311; 543, p.70]¹⁴.

Начиная с XIV в. в Китае резко сократилось количество изобретений, а технологический упадок на Ближнем Востоке и в Индии обозначился в XII–XV вв. [264, vol.1, p.291; 270, p.195; 332, p.204; 430, p.9]. Производство железа в расчете на душу населения, достигавшее в Китае в конце XI в. 1,3–1,5 кг в год, в середине XVIII в. уже не превышало 0,8–1,2 кг (как и в Индии) [568, p.115]. Социально-институциональные (например, кастовые), а также экологические ограничения и ресурсные дефициты (непостоянство водного стока рек, вырубка лесов, нехватка тяглового скота и т.п.) привели к существенному отставанию стран Востока по уровню энергообеспеченности [71, с.150, 185, 191; 673, p.222–223]. Как считает П.Шоню, средняя энерговооруженность китайца уступала соответствующему показателю по Западной Европе в XIII в. в 2,5–3 раза, а в XVI в. уже в 4–5 раз. Согласно расчетам Ч.Иссави, в XVI в. в Передней Азии совокупный энергетический потенциал мельниц в расчете на душу населения был примерно в 1,5–3 раза меньше, чем в норманнской Англии конца XI в. [409, vol.1, p.55, 267; 431, p.284]¹⁵.

В силу изложенных выше обстоятельств размеры чистого производительного накопления были в целом весьма ограничены. По расчетам Р.Голдсмита, в могольской Индии даже в благоприятные времена доля чистого накопления в национальном доходе не превышала 0,8%. (Это, пожалуй, даже меньше, чем в ранней Римской империи или в средневековой Западной Европе XI–XIII вв.) Хотя в отдельные периоды минского и цинского Китая указанный показатель, возможно, был больше, чем в Индии, вряд ли он достигал размеров чистого накопления в ведущих странах Западной Европы XVI–XVIII вв. (3–5% их национального продукта) [125, с.72; 361, p.101]¹⁶.

Представляется вероятным, что в этих условиях основная часть жителей азиатских стран, ограниченная, как правило, в других формах экономической адаптации, приспособлялась к неста-

бильной и в целом неблагоприятной социально-экологической обстановке путем своеобразных демографических “инвестиций”, осознанно или неосознанно стремясь к увеличению численности детей [438, р.19]. Этот механизм социодемографической “компенсации”, действовавший более или менее эффективно на протяжении многих столетий, при ослаблении мальтузианских факторов, сдерживавших рост населения, давал значительные сбои, что вызывало серьезные экономические, экологические и социально-политические последствия.

Демографические “вспышки”, или “взрывы”, подобные тем, что произошли в Китае в XVIII — первой половине XIX в.¹⁷, приводили к распашке всех возможных земель (включая неудобья), сведению лесов, ограничению поголовья скота, “конкурировавшего” с населением за ресурсы, а также тормозили распространение трудосберегающих технологий. По нашим расчетам, основанным на материалах и источниках табл.10, показатель капиталовооруженности труда в минском и цинском Китае в целом имел тенденцию к сокращению (его среднегодовые темпы изменения составили в 750-800/1050-1100 гг. 0,35-0,45%, в 1100-1400 гг. — 0,25-0,30, в 1400-1600 гг. — (-)0,1, в 1600-1800 гг. — (-)0,2% и в 1800-1900 гг. (-)0,15%).

Во многих странах Востока к моменту появления европейских колонизаторов в целом наблюдался общественно-экологический кризис, во многом обусловленный длительной экстенсификацией естественных (природных и трудовых) ресурсов в ущерб наращиванию исторически созданных (материальных, социальных и духовных) производительных сил. Сделанный вывод можно проиллюстрировать на материалах, отражающих эволюцию аграрного сектора. Сложившаяся во многих странах Востока система институтов предопределила то, что основная часть верхушечных слоев была слабо заинтересована (в силу ограниченности прав собственности) в сохранении и умножении производительных сил. Они нередко игнорировали реальные нужды земледелия, допуская разрушение и обветшание оросительных систем. (В большей мере это касается стран Ближнего Востока и Южной Азии). В то же время низы, доведенные до крайности налоговым гнетом и кабалой, не стремились, как правило, да и не могли в этих условиях существенно улучшить плодородие земель, а то и попросту забрасывали малопродуктивные земли [165, с.74].

Вследствие интенсивных процессов, связанных с эрозией и истощением почв, деградацией ландшафтов [74, с.100, 256; 225, р.51-52] для Ближнего Востока (в отличие от других регионов) было

характерно абсолютное сокращение обрабатываемых земель: в Египте их общая площадь уменьшилась с 2,0-2,2 млн га в конце XII — первой половине XIII в. до 1,2-1,3 млн га в конце XVIII — начале XIX в.; в расчете на душу населения этот показатель понизился примерно с 0,50-0,55 до 0,30-0,35 га. В Индии последний индикатор сократился примерно с 0,50-0,60 га (первая половина XVII в.) до 0,35-0,40 га (1850 г.), а в Китае — с 0,4-0,5 га (вторая половина XI в.) до 0,18-0,22 га (конец XVIII — начало XIX в.) (рассчитано и составлено по источникам к табл.10, а также [66, с.219; 429, р.361, 364; 500, р.24, 172]). Произошло также уменьшение доли орошаемых земель. В Индии этот показатель, составивший при моголах (XVII в.) около 5%, в середине XIX в. не превышал 3-4%. В Китае он понизился с 33-37% в начале XV в. до 25-27% в начале XX в. Средняя урожайность зерновых в Китае в XI-XVIII вв. увеличивалась, но затухающими темпами (с 14-16 до 18-19 центнеров с гектара), в Индии в XVI-XIX вв. она практически не изменилась (11-13 центнеров с гектара), а на Ближнем Востоке средняя урожайность сократилась примерно с 11-13 до 7-9 центнеров с гектара [74, с.228-229; 270, р.215; 431, р.282; 500, р.24; 536, р.82, 90, 402; 570, р.17, 27, 64-65].

Попытаемся оценить динамику совокупной эффективности (производительности) в странах Востока. Однако в нашем распоряжении необходимые материалы есть только по Китаю, сумевшему обогнать ряд других стран Востока по общим темпам экономического роста в первые семь-восемь столетий текущего тысячелетия. Согласно нашим оценкам (табл.10), увеличение валового продукта Китая в 1100-1800 гг. определялось главным образом экстенсивными факторами. При этом если в VIII-XI вв. доля интенсивных составляющих достигала (+)25-35%, то на протяжении последующих семи столетий этот вклад стал отрицательным, равным примерно (-)15-25%. (По нашим расчетам, в странах Запада в XI-XVIII вв. за счет роста совокупной производительности было получено около 1/3 увеличения валового продукта [гл. II, § 2].)

Учитывая динамику изменения обрабатываемых площадей, урожайности основных культур (зерновых), а также имеющиеся оценки производства железа, можно предположить, что относительно эффективные в прошлом технологии и институты, имевшие значительную инерционную силу, скорее всего, истощили, выработали свой “ресурс”. В то же время экосистема (и это особенно четко проявилось в первой половине XIX в.) деградировала [87, с.80-81, 84; 114, с.157-172]. Необходима была смена прежней

трудоемкой парадигмы роста, усугублявшей многие проблемы старого Китая (сказанное в значительной мере справедливо для Индии и стран Ближнего Востока).

Уточняя контуры экономической эволюции стран Востока за первые 7-8 столетий этого тысячелетия, дополним приведенные характеристики другими, в основном социально-культурными показателями. Если в странах Запада уровень урбанизации (города с населением не менее 5 тыс. человек) повысился с 8-9% в X-XI вв. до 11-13% в конце XVIII в., то в Китае он понизился с 10-14 до 6-8% (1820-1830), а в Индии¹⁸ — примерно с 15% в 1600 г. до 13% в 1800 г. [237, p.279, 457, 462, 517; 264, vol.1, p.169; 270, p.58; 536, p.305].

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предположить, что на Ближнем Востоке ввиду существенной деградации аграрного сектора и стагнации общей численности населения урбанизационные процессы оказались достаточно своеобразными. В отличие от Китая и Индии, в которых абсолютная численность горожан выросла, но процент “концентрированного населения” сократился, на Ближнем Востоке отмеченный показатель урбанизации, возможно, увеличился с 10-13% в X-XI вв. до 14-16% в конце XVIII — начале XIX в. (рассчитано по: [74, с.120, 249; 165, с.85; 429, p.100]). С учетом сказанного вряд ли правомерно квалифицировать этот рост как безусловно прогрессивное явление (тем более в отсутствие прямых доказательств, говорящих об усилении производительных, а не перераспределительных функций ближневосточных городов).

Средняя продолжительность жизни за указанный период не изменилась, находясь в Китае на уровне 27-30 лет, а в Индии и на Ближнем Востоке — в пределах 20-25 лет. Показатель грамотности, по имеющимся оценкам, снизился в Китае с 20-30 до 15-25%, в Индии — с 10-15 до 4-6 и на Ближнем Востоке с 8-12 до 4-5, а по некоторым данным, до 1-2% (табл.11).

Если подушевой национальный продукт уменьшился в Китае и Индии примерно на 1/4, а на Ближнем Востоке — на 1/3, то индекс развития (среднегеометрическое относительных индикаторов душевого продукта, грамотности и продолжительности жизни населения) понизился в Китае лишь на 1/7, в то время как в Индии он сократился на 1/3, а на Ближнем Востоке — почти наполовину. Эти показатели достаточно рельефно отражают меру качественной (относительной) деволуции производительных сил в каждом из трех крупных регионов Востока, имевших, как все более становится очевидным, далеко не одинаковые траектории их изменения в долгосрочной ретроспективе.

Итак, некоторые важные атрибуты экстенсивно-интенсивного типа расширенного воспроизводства, свойственного начальной (обычно индустриальной) фазе современного экономического роста, обозначились впервые не в западноевропейских странах в условиях промышленной революции (или даже протоиндустриализации), как это нередко до сих пор считается, а на Востоке, в Китае, на рубеже первого и второго тысячелетий, т.е. за сотни лет до начала “промышленного рывка” (“рывков”) в странах Запада.

В крупных странах и регионах Востока, за исключением, пожалуй, Передней Азии и Северной Африки, в первые семь-восемь веков нашего тысячелетия наблюдался в тенденции не медленный (как в древности) и тем более не замедленный (т.е. затухающими темпами, переходящими в стагнацию, регресс), а ускоренный рост производительных сил (совокупного производства, богатства, численности населения, производительного и потребительного потенциалов).

На фоне более быстрой и бурной экономической, социальной, географической и духовной экспансии стран Запада этот процесс на Востоке был менее динамичным и происходил за счет экстенсивного расширения производства при возможной стагнации или некотором снижении подушевого уровня производства и совокупной производительности.

Это во многом определялось ухудшением состояния экологической среды, истощенной не одним тысячелетием антропогенного воздействия; уменьшением продуктивных возможностей некогда гибких, адаптивных и достаточно жизнеспособных социальных систем, подвергшихся на протяжении последнего тысячелетия жестоким социоестественным шокам, усилившим процессы их “естественной” деградации; слабым, неадекватным развитием энергоинформационного потенциала индивида, испытавшего на себе негативное влияние вышеперечисленных факторов. Между тем — и это особенно важно подчеркнуть — прогресс стран Запада, реализация ими сначала догоняющего, а затем и перегоняющего развития (по отношению к Востоку) в течение семи-восьми столетий, предшествовавших промышленной революции, были главным образом (согласно модели, представленной в табл.11, на 2/3 — 3/4) вызваны эффектом “раскованного Прометея”, высвобождения творческой энергии личности, усилением роли интеллектуальных и духовных элементов производительных сил.

2. Доиндустриальный рост стран Запада: темпы, факторы, итоги и межцивилизационные сопоставления

Экономический рывок Западной Европы в доиндустриальную эпоху — один из величайших и по-прежнему загадочных феноменов мировой экономической истории¹⁹. В самом деле, почему и как отсталая, бедная, полудикая периферия Евразии, какой, по существу, была Европа во второй половине первого тысячелетия н.э., сумела к началу промышленной революции значительно продвинуться вперед, догнав и перегнав другие, прежде могущественные империи и государства, обратив некоторые из них в колонии и зависимые страны?

Как отмечалось, к началу нынешнего тысячелетия отставание западной от восточной и южной частей Евразии было значительным: по подушевому ВВП — по меньшей мере двухкратным; с учетом иных показателей, включающих уровень развития культуры и грамотности населения, общий разрыв достигал, возможно, двух-трехкратной величины.

Важнейший показатель развития — структура экспорта. В вывозе европейских государств на Восток в конце прошлого — начале нынешнего тысячелетия преобладали рабы, серебро, меха, дерево, в то время как с Востока поступали в основном готовые изделия [210, р.47; 587, р.97]. Эти факты говорят не только об отставании Европы, но и об ее периферийном положении в существовавшей в то время системе мирохозяйственных связей.

Интересный, но крайне сложный вопрос: сумела ли Европа к началу второго тысячелетия восстановить “античный” уровень производства (развития)? Скудость и противоречивость имеющейся информации, неадекватность ареалов хозяйствования и ряд других методологических и статистико-экономических проблем затрудняют окончательное решение этого вопроса. Представляется весьма реалистичным предположение американского исследователя Р.Камерона, который считает, что общий уровень развития классического периода (VIII в. до н.э. — II в. н.э.) не был превзойден Европой до XII-XIII вв. [266, р.32]. В самом деле, если учесть, что подушевой национальный продукт Римской империи во времена Октавиана Августа составлял, как отмечалось, 300-400 дол. (в относительных ценах 1980 г.), уровень грамотности населения — не менее 3-6%, а средняя продолжительность жизни равнялась 22-26 годам, то соответствующий индекс развития (среднегеометрическое трех относительных индикаторов) Западной Европы

середины XI в. не превышал 70-90% от “римского” уровня (табл.11, а также [125, с.69])²⁰.

Вместе с тем отмеченный низкий уровень не оставался неизменным. При всех зигзагах, попятных движениях, субрегиональных и общих кризисах Западная Европа в целом в течение семи-восьми веков, предшествовавших промышленному перевороту, относительно быстро двигалась вперед.

Во втором тысячелетии в этом регионе сложились необходимые и достаточные условия для обеспечения ускоренного развития производительных сил, роста капиталовооруженности и в конечном счете — производительности труда. Ввиду климатических особенностей этой части Евразии ее народы (в отличие от народов Востока и Юга) в сравнительно меньшей степени были избалованы богатством естественных условий труда и средств существования, но в то же время и меньше зависели от “роковых капризов” природы. Вместе с тем Западная Европа располагала благоприятными возможностями для развития относительно дешевых, надежных и эффективных по меркам традиционных обществ средств коммуникаций (обилие судоходных рек, большая протяженность морских берегов), а также для наращивания основного капитала и энергетического потенциала (ввиду наличия не истощенных в результате длительного антропогенного воздействия макроландшафтов с огромными лесными массивами).

В известной мере благодаря географическому расположению Западной Европы (удаленность от основных мест дислокации кочевников) ее народам в целом удалось избежать или свести к минимуму последствия социально-политических шоков, связанных с завоеваниями кочевников. Уместно напомнить, что их набеги были отбиты не только силами западноевропейцев. Немалую роль сыграли стойкость и мужество восточноевропейских и южноевропейских народов, ослабивших натиск кочевников, но заплативших при этом дорогую цену: многие из них в результате отстали в своем развитии.

В то же время многократные попытки объединения Европы изнутри силовыми способами, как известно, в конечном счете терпели неудачу. Ввиду разнообразных обстоятельств, многие из которых нуждаются в уточнении (географическая фрагментация, особенности более позднего этногенеза?), в Западной Европе постепенно сложилась своеобразная система более или менее равновесных конкурентно-контрактных отношений, препятствующая образованию губительной для прогресса монополии власти.

Сформировались относительно независимые, децентрализованные источники силы: церковь, города, феодалы, университеты, гильдии и т.п. [75, с.185-194; 385, р.143].

В ходе длительной эволюции был постепенно ограничен произвол королей и князей, которые в целях более успешной борьбы со своими соседями-конкурентами оказались вынуждены опираться на экономическую силу третьего, главным образом торгово-промышленного сословия, предоставив ему некоторые свободы и гарантии существования.

Во время интенсивных европейских войн стали оформляться национальные государства, которые начали проводить относительно последовательно политику меркантилизма уже с XV в. [350, р.261-263; 579, р.189]. (В Англии отдельные элементы этой политики, например навигационные законы, стали действовать еще с XIII в; при Эдуарде III (1327-1377) английское государство активно стимулировало экспорт и поощряло иммиграцию фламандских мастеров и купцов [227, р.23-25; 497, р.76].

Централизованные монархии (прежде всего Англия) совершенствовали систему правопорядка и управления государством, регулировали размеры налогообложения (учитывая, что завышение ставок влекло за собой эмиграцию квалифицированной рабочей силы, предпринимателей и капиталов), проводили политику протекционизма, развивали экономическую и социальную инфраструктуру (строили дороги, каналы, порты, школы, возводили санитарные кордоны в целях борьбы с распространением эпидемических заболеваний, налаживали системы помощи голодающим) [282, р.24; 522, р.62].

Таким образом, в обстановке острой внутренней и внешней конкуренции [523, р.86-87; 550, р.45] государство в западноевропейских странах было вынуждено учитывать интересы не только верхов, но и низов; оно не только грабило подданных, но и предоставляло последним определенные экономические, социальные, политические и правовые услуги. Иными словами, западноевропейскому государству, в отличие от его восточных аналогов, были в сравнительно меньшей степени присущи черты произвола и паразитизма. В силу этого обществам ряда стран Запада в позднее средневековье и новое время удалось аккумулировать немалую социальную энергию, необходимую для трансформации их отсталых экономических систем [334, р.23-24, 32, 44-45; 626, р.187].

В отличие от многих азиатских обществ, располагавших плодородными землями и сумевших найти в ходе длительного истори-

ческого развития относительно эффективные и адекватные своим природно-климатическим особенностям технологии (например, залитого риса), позволявшие им быть в известной мере самодостаточными [115, с.104-105; 471, р.155], а их элитам получать колоссальный прибавочный продукт, западноевропейский периферийный вариант даннического способа производства [217, с.110] не был самодостаточен. Существовавшая на Западе система человек—природа была сравнительно малоэффективна. Достаточно сказать, что в средние века общая продуктивность земли там была как минимум в 5 раз ниже, чем в странах Востока. Сложившиеся условия требовали самоусиления человека, индивида, подталкивали его к поиску новых средств и форм адаптации, к экспансии во всех возможных направлениях: в освоении новых территорий, технологий, в социально-институциональной и духовной сферах [272, р.232; 546, р.122; 663, р.38].

Культурная традиция Западной Европы представляет собой синтез многих компонентов, каждый из которых был весьма существен для реализации европейского феномена. Речь идет об античном наследии (концепция свободы, институты демократии, частное и публичное право, научно-технические изобретения, достижения в области литературы и искусства), “восточном” технологическом трансферте (заимствование и творческая адаптация европейцами ближневосточных, индийских и китайских инноваций), “германском” факторе (этническое обновление носителя европейской культуры, привнесение “свежей энергии”), широком распространении иудео-христианских традиций и системы ценностей.

Не умаляя значение других компонентов западноевропейской культурной традиции, остановимся вкратце на последнем из перечисленных. Иудео-христианская традиция (отнюдь не сразу овладевшая европейским культурным пространством) придала особый импульс движению европейского исторического субъекта [183, с.13-70]. В отличие от многих других религий и этических систем в иудаизме и христианстве время не циклично, а линейно, в известном смысле оно — вектор (ибо мир, согласно иудео-христианскому учению, был создан, имеет начальную и конечную точки), время господствует над пространством. Тем самым была заложена идея прогресса и возможности рационального освоения мира.

В западноевропейской культуре весьма сильно антропоцентричное начало: дух не растворен в природе, а сконцентрирован в самом человеке, который создан по образу и подобию Божьему. Спасение возможно через созидание, через активную борьбу со злом в

посюстороннем мире (а не только и не столько путем внутреннего просветления, что роднит восточное христианство с некоторыми восточными религиями) [363, p.448; 667, p.264, 268; 672, p.86-87].

В отличие от античности в христианском мире труд не проклятие, а важнейшая форма, источник спасения. Трудовая этика получила широкое распространение благодаря деятельности монахов (бенедиктинцев, цистерцианцев и др.), провозгласивших принципы “*laborare est orare*” (work is worship), “кто не работает — не ест” задолго (X-XII вв.) до возникновения кальвинизма [512, p.501; 673, p.319-320, 324].

Изложенное выше позволяет заключить, что к началу второго тысячелетия в Западной Европе сформировалась весьма рациональная, массовая идеология (и культура), нацеленная на деятельное преобразование внешнего мира (природы), подчинение его человеку, субъекту. И этот духовный и культурный подъем, направляемый и координируемый наиболее организованной религиозной системой, в значительной мере не зависимой от воли светских правителей, — западнохристианской церковью, предшествовал и способствовал экономическому подъему стран Запада в начале нынешнего тысячелетия, когда для этого сложились другие необходимые условия, о которых речь шла выше.

Ряд столетий, последовавших за падением Западной Римской империи, нередко называют темными веками. Это отчасти верно, ибо, судя по описаниям, спад в уровнях производства, торговли, культуры, отмечавшийся еще в поздней Римской империи, продолжался в VI-VII вв. н.э. и был усилен эффектом юстинианской пандемии, начавшейся в 540-е гг. и вызвавшей сокращение численности европейского населения примерно на 1/4 — 1/3 [237, p.152]. Вместе с тем лишь во мраке нашего невежества весь период раннего средневековья может предстать темными веками. В VIII-IX вв., в эпоху каролингского ренессанса, наблюдался определенный культурный и экономический подъем. Если учесть, что, согласно оценкам У.Баумоля, в 700 г. н.э. подушевой ВВП Западной Европы мог составлять 200 дол. (в ценах 1980 г.) [243, p.12], а в середине XI в. он, как отмечалось, достигал 290-340 дол., можно предположить, что в этот период произошло по крайней мере полуторакратное увеличение среднедушевого дохода.

Повышательный тренд обнаруживается и на основе демографических реконструкций. Потепление климата в Западной Европе, наступившее в VIII-XIII вв. [290, p.34-35, 37; 318, p.10], снижение интенсивности распространения эпидемий, относительное умень-

шение хаоса, вызванного последствиями великого переселения народов, способствовали хозяйственному и демографическому подъему (несколько приостановленному в результате рейдов викингов и венгров в 850-950 гг.).

Численность населения стала быстро увеличиваться, возможно, с конца VII в., достигнув в 800 г. уровня 500 г. Затем темпы роста населения уменьшились в 800-1000 гг. вдвое по сравнению с 700-800 гг. — до 0,11-0,12% в год. В 1000-1100 гг. они составили 0,12-0,14% в год, затем возросли вдвое в 1100-1300 гг. Однако в 1300-1340 гг. темпы понизились до 0,2% в год (рассчитано по данным и источникам к табл.12).

В целом за 650-1340 гг. (т.е. предположительно речь может идти о 600-700-летнем мегапериоде) население увеличилось более чем в 4 раза, в том числе в Северо-Западной Европе — в 6 раз, в Испании и Италии — примерно в 3 раза. Отмеченный показатель в целом по региону к началу XI в., возможно, достиг уровня первых десятилетий н.э. (табл.12).

Таблица 12

Динамика численности населения Западной Европы, млн человек

Год	14	500	650	800	1000	1300	1500	1600	1800
Страны									
Британские о-ва	0,4	0,5	0,5	1,0-1,2	1,8-2,0	5	4,4	6,8	16,0
Франция	6,6	5,0	3,0	5	6-7	15-16	16,4	19,0	29,0
Бельгия							1,4	1,6	3,1
Германия	3,0	(3,0)	1,7	3,1-3,3	3,0-3,5	10-11	12,0	16,0	22,5
Австрия							1,4	1,8	2,9
Италия	7,0	4,0	2,5	4,0	5,0	10	10,0	13,1	17,5
Испания	6,0	4,0	3,5	4,0	7,0	(9)	7,0	6,0	10,5
Португалия							1,3	1,3	2,9
Другие страны	(5,5)	5,5	3,3	5,7	5,5	(6)	(3,4)	4,7	12,4
Всего	28,5	22,0	14,5	23,0	29,0	56,0	57,3	70,3	116,8

Примечания. 1. Все данные округлены. 2. В скобках — наши оценки.

Составлено и рассчитано по: [284, p.4; 286, p.64; 340, vol.1, p.36; 506, p.226-227; 519, p.49, 51, 69, 107].

Сверхдлинная волна 650-700/1300-1340 гг. состоит, таким образом, из двух макрокомпонентов — восстановительного периода и примерно трех столетий “чистого” роста. Эта длительная протяженность (Ф.Бродель) отмечена крупными изменениями в структурах производительных сил. Они связаны не только с собственными изобретениями европейцев, но и с широким внедрением и творческой адаптацией ими технических средств, созданных в античном мире, а также на Востоке [214, р.31-34; 227, р.8-9; 439, р.173].

Трансферт знаний, технологий, культурных ценностей, потребительских стереотипов интенсифицировался в результате междивизионных контактов, в ходе реконквисты, крестовых походов, а также расширения евразийской сухопутной торговли вследствие установления *Rex Mongolica* в 1240-1340 гг. Западная Европа быстро впитывала нововведения, ибо, как отмечалось, ее социально-экономическая система в силу гетерогенности (и конкурентного начала), а также сравнительно низкой эффективности испытывала в них постоянную потребность [543а, р.133; 738, 1990, № 2, р.275-278].

К числу крупнейших инноваций в сельском хозяйстве можно отнести применение в Северо-Западной Европе тяжелого плуга (с VII в., заимствован, вероятно, у славян), позволившего сократить число многократных перепахиваний земли; введение трехпольной системы (с VIII в.), интенсифицировавшей использование живого труда, земли и скота; подковы (с IX в., ранее применялась кельтами); хомута (с IX в., вероятно, заимствован из Китая), увеличившего к.п.д. лошади в 4-5 раз [284, р.168; 550, р.42; 612, р.308; 671, р.43].

Промышленная, транспортная и информационная “революции” средневековья связаны с появлением усовершенствованного ткацкого станка (середина XI в., Фландрия), повысившего качество продукции и увеличившего производительность труда в 3-5 раз; изобретением компаса (1090), очков (1285 Италия), механических часов (XIV в.), ставших, по-видимому, катализатором технологических и организационных изменений в европейском обществе; с широким применением тачки, строительством каналов; с достижениями в области кораблестроения, навигации, многими инновациями в горном деле, металлургии; с развитием книгопечатания [318, р.240; 470, р.12; 535, р.33].

Значительно увеличились также энергетические возможности европейцев. Отчасти это было вызвано распространением водяных и ветряных мельниц (соответственно с X и XI-XII вв.). Эти крупные машины средневековья, изобретенные еще в античные

времена (водяная мельница) и в Персии на рубеже VI и VII вв. (ветряная мельница), постоянно модернизировались, а спектр их применения расширялся (добывающая промышленность, металлургия и др.). Демонстрационный эффект способствовал развитию технического и инженерного новаторства.

Согласно данным “Книги Страшного суда” (1086), в Англии в 3 тыс. поселений, охваченных переписью, насчитывались 5624 водяные мельницы, т.е. одна мельница приходилась примерно на 250 человек. (По оценкам ряда французских исследователей, в том числе Р.Филиппа, во Франции в то же время насчитывалось около 20 тыс. мельниц, и одна мельница также приходилась приблизительно на 250 человек [303, р.75]). Если мощность водяной мельницы могла составлять в среднем примерно 3 л.с. [68, т.1, с.377] (а 1 л.с. эквивалентна мускульным возможностям 14-16 человек), то суммарный потенциал водяных мельниц Англии в конце правления Вильгельма Завоевателя (1066-1087) “соответствовал” 230-270 тыс. единиц рабочей силы. На территории, охваченной переписью, проживало примерно 1,3-1,5 млн человек, из которых 600-650 тыс. составляли активную рабочую силу [620, р.10; 682, р.39]. Таким образом, за счет мельниц энерговооруженность труда англичан (и французов) могла увеличиваться примерно на 40%.

Однако, вопреки существующим представлениям, на мельницы приходилась в целом незначительная часть (по оценке К.Чиполлы, 15-20%) совокупного энергетического потенциала доиндустриальной Европы. Остальное, или 80-85%, составляла мускульная сила человека, энергия тяглового скота и сжигаемых растений. По данным датского исследователя К.Перссона, в Англии XI в. около 70% используемой энергии приходилось на тягловую силу домашних животных [283, р.53; 573, р.28]. Принимая во внимание расчеты, сделанные нами выше, а также ориентировочную оценку энергетического потенциала сжигаемых дров (примерно 55-65 тыс. л.с.)²¹, можно предположить, что в норманнской Англии конца XI в. энерговооруженность работника в среднем превышала его собственные мускульные возможности примерно в 8-10 раз. (Не исключено, что этот или близкий к нему индикатор был характерен для ряда других стран Западной и Северо-Западной Европы.)

Распространение трехпольной системы способствовало увеличению применения скота и замене быков на лошадой (производительность которых в среднем почти наполовину выше) [352, с.56-57]. Вполне вероятно, что расширение энергетических возможностей европейцев в XI-XIII вв. происходило не только (а может быть, и не столько) за счет увеличения числа мельниц, сколько в

результате роста использования тягловых животных, без которых освоение северозападных равнин было просто невозможно. Широкое применение скота в земледелии стран Запада (отсюда рост капиталов- и энерговооруженности труда) было столь же необходимо технологически, как и для рисового хозяйства Китая и ряда стран Южной Азии увеличение использования рабочих рук, делавшее относительно излишним и нерентабельным широкое применение скота.

Энерговооруженность западноевропейцев в средние века возрастала сравнительно быстро. Если в конце XI в. рассчитанный нами относительный коэффициент энерговооруженности труда, возможно, составлял 8-10 условных единиц, то в XIII в. он достигал уже 15-20 единиц [274, p.142], т.е. увеличился почти вдвое. Согласно предположению А.Пейси, к середине XII в. Европа по уровню энерговооруженности труда сравнивалась со странами мусульманского мира и Китаем [568, p.44]. А в XIII в., по оценке П.Шоню, этот индикатор в Западной Европе превышал соответствующий показатель по Китаю уже в 2,5-3 раза [272, p.288].

С индикатором энерговооруженности во многом связан показатель капиталовооруженности труда, который в старом Китае с XV в. (а возможно, и в некоторых других странах Востока) не имел тенденции к росту (гл. II, § 1), в то время как в средневековой Европе он постепенно увеличивался.

Несмотря на многие негативные обстоятельства: общая бедность преобладающей массы эксплуатируемого населения (крестьянства), паразитизм основной части светских и духовных феодалов, частые войны, стихийные бедствия, например пожары, недостаточная четкость прав собственности (в том числе наличие общих полей), европейское средневековое общество сумело в целом обеспечить известный рост массы и нормы производственных накоплений, создававших основу превращения простого (а временами и суженного) воспроизводства в расширенное.

Этому способствовали климатические, геополитические и цивилизационные факторы, отмеченные ранее, а также социально-институциональные изменения, происходившие в западноевропейских обществах при переходе от раннего средневековья к его более зрелым фазам. Речь идет о трансформации бенефициев в наследственные владения (после ослабления раннефеодальных государств во второй половине IX в.) и усилении частнособственнических тенденций; укреплении позиций городов²², росте деловой активности монастырей, некоторых светских правителей, стиму-

лировавших и внедрявших различные инновации, организовывавших значительное инфраструктурное строительство в XII-XIII вв.

Оценка уровня накоплений (капиталовложений) в средневековых обществах стран Запада — дело весьма сложное ввиду неполноты и скудости соответствующей информации. Представляется, однако, что традиционная и современная историография (Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби и др.) [117, с.184, 190; 318] в целом недооценивает скромный (по современным меркам), но вполне реальный прогресс, достигнутый в наращивании материальных (и не только материальных) производительных сил Западной Европы эпохи средневековья.

Судя по ряду исследований (Р.Роэль, М.Постан, Р.Хилтон), валовые инвестиции в некоторых крупных английских манорах XIII в. составляли 3-5% их валовых доходов (а чистые капиталовложения — соответственно 1-2%) [340, vol.1, p.133; 407, p.43, 53; 584, p.579]. По данным Ж. Ле Гоффа, первый показатель в богатых поместьях Северо-Западной Европы был несколько больше, но не превышал 6-10% [117, с.214]. Израильский ученый М.Тох, признавая, как и М.Постан, что большинство крестьян вряд ли было способно производить сколько-нибудь существенные капиталовложения вплоть до XV в., отмечает, что норма капиталовложений (во всяком случае в Германии) была в XII-XIII вв. не ниже 5%, а с учетом изменения запасов доля сберегаемого национального дохода могла временами достигать 10-15% [584, p.586; 644, p.178-179].

Принимая во внимание эти данные, делая поправку на недоучет инвестиций в скот и инфраструктуру, а также учитывая оценки фонда возмещения в валовом продукте средневековых обществ, сделанные С.Кузнецом [464, p.150-151, 162-163], можно в порядке первого приближения предположить, что в XI-XIII вв. в странах Западной Европы норма валовых капиталовложений (без учета изменения запасов) составляла 3-5%, а чистых инвестиций — не менее 1-2%.

Вопреки еще сохраняющимся представлениям о так называемом средневековом застое (стагнации), Западная Европа в XI-XIII вв. в целом переживала период относительно быстрого экономического роста. По имеющимся оценкам, в 800-1000 гг. валовая урожайность возросла примерно на 20-30%, а чистая (за вычетом семян) — на 45-55%; в 1000-1300 гг. соответствующие показатели составили 35-45 и 60-70% (табл.13). В эти столетия осуществлялся переход от двухполья к трехполью, начиная с XII в. происходила широкомаштабная распашка целинных земель. Согласно нашим расчетам и оценкам, с конца XI по конец XIII в. общая площадь обрабатыва-

емых земель в Англии, Франции и Германии увеличилась примерно на 35-55%, а объем условно чистой продукции сельского хозяйства в 1000-1300 гг. — на 180-260%²³. По данным П.Бэрока, в XI-XIII вв. промышленное производство в странах Западной Европы возросло не менее чем на 110-280%, а доля населения, занятого в сельском хозяйстве, уменьшилась с 79-85 до 77-82% [237, р.167-169]. Учитывая, что численность населения в регионе в 1000-1300 гг. увеличилась примерно на 90-95% (табл.12), можно предположить²⁴, что подушевой национальный продукт возрос в среднем на 40-70%²⁵, а его среднегодовой темп прироста составил 0,13-0,16%. Последний показатель близок к оценке К.Перссона, согласно которой в XII-XIII вв. в среднем по Западной Европе чистый продукт сельского хозяйства в расчете на душу населения увеличивался (в годовом выражении) на 0,1-0,24% [573, с.139].

Таблица 13
Динамика урожайности зерновых¹ в среднем по странам Северо-Западной Европы²

Показатель	800 г.	1000 г.	1300 г.	1500 г.	1700 г.	1800 г.
Валовой	2	2-3	3-4	4,5-5,0	5,5-6,5	7,5-8,5
Чистый ³	1	1-2	2-3	3,5-4,0	4,5-5,5	6,5-7,5

1. Соотношение собранных и посеянных зерен, в “самах”.

2. Англия, Франция, Германия, Нидерланды.

3. За вычетом семенного фонда.

Составлено и рассчитано по: [263, vol.1, p.125; 615, p.328-333].

Полученные нами данные не подтверждают гипотезу А.Мэддисона о стагнации подушевого продукта Европы в 500-1500 гг., но в то же время они отличаются и от оценок П.Шоню, предполагавшего возможность более чем двухкратного увеличения подушевого национального продукта Западной Европы в 1000-1300 (1340) гг. [272, р.263; 501, р.5]. Трудно также согласиться с расчетами Г.Снукса, согласно которым подушевой национальной продукт Англии в 1086-1301 гг. возрос более чем вдвое. Австралийский исследователь, как представляется, недоучел рост цен за 1086-1190 гг., считая, что в этот период они были стабильны [621, р.28; 620, р.28-29], тогда как в действительности они, по-видимому, росли (только в 1100-1190 гг. цены на пшеницу увеличились на 60%) (рассчитано по: [220, р.191; 263, vol.2, p.215]). Если внести отмеченную поправку и скорректировать индекс цен (дефлятор наци-

онального продукта), то среднегодовой темп прироста подушевого ВВП Англии за 1086-1301 гг. снизится с 0,34% (Г.Снукс) до 0,12%. Полученный индикатор весьма близок к нашей оценке в целом для Западной Европы в XI-XIII вв.

Экспансия XI-XIII вв. была прервана экологическим, социально-экономическим и политическим кризисом XIV в. Приращение новых обрабатываемых земель отставало от увеличения численности населения: в 1100-1300 гг. в среднем по странам Северо-Западной Европы, включая Англию, Францию и Германию, соответствующие показатели составили 35-55 и 65-75% [исчислено по источникам к табл.12]. К концу XIII — началу XIV в. стали вовлекаться в оборот менее плодородные земли. Изменился климат, в 1300-1450 гг. он стал более холодным и сырым, чем прежде [290, р.37, 39].

Это, возможно, сказалось на индикаторе урожайности зерновых. По данным С. ван Баса, он понизился в Англии в среднем с сам — 4,7 в 1249-1299 гг. до сам — 4,1 в 1300-1349 гг. Согласно оценкам Дж.Титоу, урожайность пшеницы в Южной Англии уменьшилась тогда же с сам — 4,2 до сам — 3,9 [284, р.122-123; 616, р.13]. Представляется вероятным, что по крайней мере отчасти снижение урожайности и рост нестабильности сельскохозяйственного производства были вызваны антропогенными факторами, связанными с угнетением природного ландшафта, обезлесением значительных территорий из-за их интенсивной расчистки, строительного бума, развития энергоемких промыслов [352, р.79, 81].

Голодовки, которые стали более частыми с 1300-х гг., а также повторяющиеся пандемии, войны, восстания, религиозные репрессии привели к значительному сокращению численности европейского населения — в 1330-1347/1380-1400 гг. примерно на 1/3, хотя в отдельных регионах и городах это падение было более существенным. Например, число жителей Венеции всего за 18 месяцев (с осени 1347 г. по весну 1349 г.) уменьшилось на 3/5 [210, р.125; 237, р.172].

Погибали мастера, квалифицированные работники, сокращался спрос, производство оказалось в значительной мере дезорганизованным. Согласно оценке Дж.Виллани, во Флоренции производство одежды (в штуках), составлявшее в 1336-1346 гг. в среднем ежегодно 70 тыс., снизилось до 30 тыс. в 1373 г. и 19 тыс. в 1382 г. И хотя некоторые отрасли, например металлургия и строительство (ввиду эскалации войн), не переживали столь заметного спада [585, р.449, 452], вряд ли можно в полной мере разделить “исторический

оптимизм” Ж. Ле Гоффа, полагавшего, что XIV-XV вв. — это период скорее мутации и трансформации, чем упадка [117, с.5].

Вместе с тем часть населения, избежавшая худшей доли, сумела поправить свое положение. Вследствие расширения практики дарений церкви и роста спроса на ее услуги церковь XIV-XV вв. аккумулировала, по имеющимся оценкам, немалые богатства. Повысились уровень и качество питания отдельных категорий рабочих, мастеров и ремесленников [320, p.158, 210].

Таблица 14
**Динамика индексов цен и реальной зарплаты
в странах Западной Европы**

Годы	Цены				Реальная зарплата ¹	
	Англия (пшеница)	Франция (пшеница)	Италия (пшеница)	Германия (рожь)	Англия	Германия
1160-1200	61,6
1201-1250	119,5	64,4	36,7	120,0
1251-1300	159,7	79,1	70,6	...	65,2	123,0
1301-1350	177,2	116,7	103,5	...	67,6	142,0
1351-1400	146,8	100,5	(108,9) ²	102,9	86,0	159,0
1401-1450	120,7	94,7	...	91,3	114,4	150,0
1451-1500	92,4	48,7	...	85,9	121,1	123,0
1501-1550	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1551-1600	219,0	273,5	178,3	204,0	65,4	80,0

1. Реальная денежная зарплата строительных рабочих.

2. Оценка.

Составлено и рассчитано по: [17, p.166-167; 207, p.304-305; 263, vol.2, p.215; 401, p.26].

В то же время падение ренты, а также цен на продукцию растениеводства при росте ставок зарплаты (табл. 14) и удорожании промышленных товаров ослабило позиции основной части феодалов, способствовало оттоку денежных и материальных ресурсов в пользу городов и сельских предпринимателей, сделавших ставку на интенсивное земледелие и животноводство (в том числе путем осуществления огораживания) [366, p.43; 375а, p.181]. В XIV-XV вв. в ряде стран Западной Европы в ходе ожесточенной борьбы крестьяне получили свободу. Стали постепенно складываться условия, при которых было выгодно замещать относительно дорогой фактор

(труд) другими, сравнительно более дешевыми ресурсами (при тогдашнем динамическом соотношении цен) — скотом и иными формами “первоначального” основного капитала.

По имеющимся оценкам [343, р.430] со второй половины XV в. в ряде стран Западной Европы начался экономический подъем, сопровождавшийся относительно быстрым ростом численности населения, которая к началу XVI в. превысила уровень 1300 г. (табл.12). Это было связано с рядом обстоятельств, в том числе с улучшением климатических условий в 1450-1550-х гг. [290, р.34-35], а также с великими географическими открытиями, с такими феноменами, как Ренессанс и Реформация. Открытие мира, резкая интенсификация морских коммуникаций придали огромный импульс развитию Европы. По данным П.Шоню, за XVI в. объем сухопутных перевозок стран Северо-Западной Европы возрос вдвое, а морских — в 5-10 раз [409, vol.1, р.574]. В 1500-1700 гг. объем внешней торговли западноевропейских государств увеличился в 3-5 раз, в том числе со странами Востока и Юга — более чем в 15 раз [237, р.174; 375, р.221; 512, р.472].

Однако не стоит преувеличивать прямой эффект развития внешнеэкономических связей. По оценке П.О’Брайена, в 1500-1800 гг. на долю экспорта пришлось в целом не более 1/4 прироста промышленной продукции стран Западной Европы [558, р.168]. Расширение экономических контактов со странами Востока и Юга [150; 196, гл.II, III], нередко принимавших форму их прямого ограбления, играло важную, но все же не определяющую роль в накоплении финансового и физического капитала европейских государств (хотя Испания, Португалия, Голландия и Англия получали от этих “контактов” больше, чем, например, Франция, Германия и Италия). По расчетам П.Шоню, доходы от эксплуатации новых территорий в XVI в. были в среднем эквивалентны 1% национального продукта стран Западной Европы. Эта оценка не противоречит данным П.О’Брайена, согласно которым доходы от торговли со странами Азии, Африки и Латинской Америки в 1492-1789 гг. едва ли в целом достигали 1/5 валовых капиталовложений, реализованных в Западной Европе в XVI-XVIII вв. [409, vol.1, р.575, 578; 558, р.171].

Ничуть не умаляя роль внешних факторов, заметим, однако, что внутренние факторы, связанные с трансформацией экономической, социально-политической и культурной жизни западноевропейских обществ в XVI-XVIII вв., оказали, на наш взгляд, решающее воздействие на масштабы накопления их физического и

человеческого капитала. Революция цен XVI столетия, отчасти вызванная притоком драгоценных металлов, но в не меньшей мере определявшаяся ростом численности населения [363, р.87, 89], привела к снижению уровня реальной зарплаты (табл.14), что благоприятствовало развитию новых, капиталистических отношений, росту производственных вложений.

Реформация в странах Северо-Западной Европы, сопровождавшаяся секуляризацией церковной собственности, относительным уменьшением непроизводительных и увеличением производительных расходов населения, укреплением трудовой этики, повышением активности человека и рационализацией его деятельности, способствовала накоплению капитала, повышению эффективности его использования. В протестантской Европе существенно сократилось число праздников, составлявших до XVI в. 1/4-1/3, а в поздней Римской империи 1/3-1/2 всех дней в году. Среднее число отработанных часов на одного занятого в год увеличилось в Европе, по нашим оценкам, с 2100-2300 во II-IV вв. н.э. до 2400-2600 в XII-XIII вв. и до 2700-2900 в конце XVII — середине XVIII в. [237, р.355; 284, р.91; 517, р.161-162]. Это была еще не industrial, но уже industrious revolution.

В позднее средневековье жители многих западноевропейских стран стали более жестко придерживаться некоторых рациональных принципов регулирования рождаемости и планирования семьи, практикуя в зависимости от обстоятельств безбрачие (в среднем от 1/10 до 1/4 населения брачного возраста не имело семьи)²⁶, более поздние браки²⁷, а также ограничение числа детей. Эти особенности демографического поведения жителей Западной, и прежде всего Северо-Западной, Европы в немалой мере способствовали увеличению сбережений, социальной мобильности населения, повышению его квалификационного и образовательного уровня.

Резюмируя, можно отметить следующее. В результате роста региональной и межстрановой торговли, секуляризации церковной собственности, расширения практики огораживания, а также повышения степени имущественной и личной безопасности купца и ремесленника, активизации предпринимательской деятельности вследствие Реформации и распространения протестантской этики, укрепления позиций третьего сословия в ходе буржуазных революций и реформ и колониальной экспансии европейских государств не только возросли размеры прибавочного продукта, но и уменьшилось его непроизводительное использование.

Обобщая оценки ряда исследователей, можно предположить, что в целом в странах Западной и Северо-Западной Европы норма чистых и валовых капиталовложений (без учета изменения запасов) увеличилась соответственно с 1-2% в XI-XIII вв. до 3-5 — в XVI-XVIII вв. и с 3-5 до 5-7% [284, p.40, 96, 108; 301, p.260-261; 323, vol.1, p.4; 464, p.150-151, 162-166; 501, p.258]. Опираясь на эти данные, а также на ретроспективные оценки Ф.Хеннинга, Р.Голдсмита и Н.Крафтса (о росте основного капитала по Германии и Англии) [293, p.81; 361, p.174, 196; 401, p.23], нами сделаны расчеты, согласно которым в Западной Европе в XI-XVIII вв. средняя капиталовооруженность труда возросла примерно в 3 раза. Энерговооруженность труда, по нашим подсчетам, учитывающим оценки Ф.Броделя, П.Шоню и П.Бэрока, также увеличилась в отмеченный период примерно в 3 раза²⁸. (В последние два-три столетия, предшествовавшие промышленной революции, темпы увеличения этого показателя были примерно вдвое ниже, чем в XI-XIII вв., что определялось лимитирующими возможностями традиционных источников энергии.)

Рост капиталовооруженности труда мог в известной мере компенсировать уменьшение обеспеченности земель. Имеющиеся оценки позволяют предположить, что с конца XI и до конца XVIII в. площадь обрабатываемых земель увеличилась в Германии в 3,5-4 раза, а в Англии в 2,5-3 раза [288, p.798, 814; 293, p.81; 361, p.183, 185; 401, p.24]. Если учесть, что численность населения и в Англии и в Германии возросла за отмеченные 7 столетий примерно в 6-6,5 раза, то площадь обрабатываемых земель в расчете на душу населения сократилась за этот период примерно вдвое в Англии и на 50-70% — в Германии.

Уменьшение показателя “природообеспеченности” живого труда в определенной степени компенсировалось улучшением использования земли, капитала, энергии и, не в последнюю очередь, “человеческого фактора”. В прединдустриальной Европе происходили также изменения в структуре занятости, способствовавшие росту общественной производительности труда. Согласно оценкам, доля занятых в сельском хозяйстве понизилась в среднем по Западной Европе с 77-82% в 1500 г. до 62-66% в 1800 г. Показатель грамотности, составлявший в XI в. не более 1-3%, к концу XVI в. преодолел отметку в 10% и к началу XIX в. достиг уровня 44-48% [237, p.178; 282, p.55; 409, vol.1, p.574, 576].

Сравнение данных о структурах производительного богатства (совокупного производительного капитала) Римской империи и

доиндустриальной Англии /Великобритании XVII-XVIII вв. свидетельствует о важных изменениях в производительных силах некоторых стран Запада в доиндустриальную эпоху (табл.15). Если в Римской империи (а также предположительно в европейских обществах начала второго тысячелетия) на долю природных и трудовых ресурсов приходилось свыше 9/10 совокупного производительного капитала, то в Англии к началу промышленной революции этот показатель не превышал уже 4/5. При этом за два столетия, предшествовавших промышленному перевороту, доля физического (“обычного”) капитала в совокупном производительном богатстве Англии увеличилась с 9-11 до 15-17%, а человеческого невещественного капитала, по минимальным оценкам, — с 1-3 до 3-5%.

Данные табл.15 позволяют предположить, что если в средневековье происходило замещение природных производительных сил в основном живым и лишь отчасти овеществленным трудом, то в прединдустриальные столетия (по крайней мере в Англии, а также, может быть, в других странах Северо-Западной Европы) картина изменилась: живой труд активно замещался физическим (основным) и человеческим невещественным капиталом (рост последнего был обусловлен научно-культурной революцией XVI-XVIII вв., развитием просвещения и образования).

Обобщая изложенное, подчеркнем, что в доиндустриальных обществах Запада происходило относительно быстрое наращивание материально-вещественных компонентов производительных сил. Но наиболее высокими темпами увеличивались энергоинформационный потенциал человеческого фактора и средства коммуникации, что, думается, явилось ключевым моментом в “западной” модели развития.

Рассматривая некоторые оценки экономического роста в XVI-XVIII вв. и за более отдаленную ретроспективу (табл.13), отметим, что в 1500-1800 гг. урожайность зерновых в среднем по ряду основных регионов Западной Европы увеличилась в 1,5-2 раза; в целом за 1000-1800 гг. валовая урожайность возросла в 3-3,5 раза, а чистая (без учета семян) — в 4,5-5 раз. Если предположить (в порядке первого приближения), что динамика показателя площади обрабатываемых земель в расчете на душу населения во Франции и Италии в XI-XVIII вв. резко не отличалась от полученного нами индикатора по Англии и Германии (в конце XVIII в. в среднем по этим двум странам он составил 50-60% от уровня XI в.), а доля обрабатываемых земель, занятых под зерновыми, сократилась не

более чем на 1/5-1/6, то чистый продукт зерноводства в расчете на душу населения мог увеличиться в странах Запада в 1000-1800 гг. в 2-2,5 раза, или в среднем ежегодно примерно на 0,1% (без учета продукции животноводства²⁹, других видов растениеводства, в которых в XII-XVIII вв. был достигнут некоторый прогресс).

Таблица 15
Структура совокупного производительного капитала¹
доиндустриальной Англии /Великобритании/ и Римской империи
начала нашей эры, %

Показатели	14 г. н.э. ³	1603 г. ⁴	1780 г. ⁵
1. Земля и используемые недра	40-45	23-25	21-25
2. Физические воспроизводимые активы	3-5	9-11	15-17
2.1. Здания, сооружения	...	2,0-2,5	3-5
2.2. Орудия труда	...	(1,0-1,5) ⁶	1,5-2,5
2.3. Скот	...	2-3	4-6
2.4. Товарно-материальные запасы	...	3,5-4,5	4-6
3. Человеческий капитал ²	52-55	64-68	59-63
3.1. "Вещественный"	...	(63-65)	(55-59)
3.2. "Невещественный"	...	(1-3)	(3-5)
Всего	100	100	100

1. Исчислено методом инвентаризации различных категорий капитальных и текущих расходов без учета жилья, военного имущества, финансовых активов. Исходные данные Р.Голдсмита о материально-финансовом богатстве дополнены нашими оценками о человеческом капитале по методу Дж.Кендрика.

2. Человеческий "вещественный" капитал — оценка капитализированных потребительских расходов на формирование рабочей силы (без учета затрат на обучение). "Невещественный" капитал — оценка капитализированных расходов на профподготовку и образование.

3. Римская империя эпохи раннего принципата.

4. Англия и Уэльс в конце правления Елизаветы I.

5. Великобритания накануне промышленной революции (получено интерполяцией данных за 1760 г. и 1800 г.).

6. В скобках даны оценки.

Рассчитано по: [359, p. 232; 361, p. 58, 175, 196; 506, p. 226-227].

Для проверки и уточнения сделанного расчета обратимся к имеющимся оценкам за XVI-XVIII вв. Согласно данным П.Бэрока,

в Европе (без России) в 1470-1490/1710-1720 гг. сельскохозяйственный продукт в расчете на душу населения увеличился лишь на 10% [237, р.178]. Думается, что эта оценка занижена хотя бы потому, что она скорее всего учитывает рост валовой, а не чистой урожайности (табл.13). Скорректированный показатель составил как минимум 14-18%. По нашим расчетам и оценкам в XVIII столетии его среднегодовые темпы равнялись в целом по Западной Европе 0,15-0,18% [293, р.42; 323, р.68; 325, р.134; 602, р.168; 657, р.20], и, следовательно, в XVI-XVIII вв. они вряд ли в тенденции превышали 0,08-0,12%.

Два-три столетия, предшествовавшие промышленному перевороту, отмечены широким внедрением малых и средних инноваций, развитием различных мануфактур, в том числе “рассеянных”, перемещением промышленных производств в деревни, свободные от гильдовых ограничений и располагавшие относительно дешевой рабочей силой. И хотя протоиндустриализация была противоречивым процессом, с подъемами, откатами и спадами, и осложнялась войнами, восстаниями и другими трудностями социально-политического и иного характера [321, р.129-130, 207-208; 665, с.31; 698, 1984, № 5, р.869-870], в целом в XVI-XVIII вв. промышленное производство в западноевропейских странах увеличивалось сравнительно быстро. В 1500-1750 гг. подушное производство железа в среднем по региону выросло в 1,7-1,9 раза [284, р.129].

Среднегодовые темпы промышленного производства в расчете на душу населения достигали во Фландрии-Брабанте в 1510-1610 гг. 0,16-0,20%, в 1610-1710 гг. — 0,40-0,42, в 1710-1812 гг. — 0,34-0,38%; во Франции в 1701-1710/1780-1790 гг. — 0,40-0,45%; в Великобритании в 1700-1760 гг. — 0,31-0,35%, в 1760-1780 гг. — 0,80-0,82% (в 1780-1800 гг. — 1,1-1,2%). По нашим расчетам и оценкам, в XVI-XVIII вв. в целом по Западной Европе среднегодовой темп прироста промышленной продукции в расчете на душу населения составлял 0,17-0,23%. Взвешивая полученные оценки динамики сельскохозяйственного и промышленного производства за 1500-1800 гг. в пропорции 0,60-0,65 : 0,35-0,40 (доли двух отраслей в их совокупной продукции) [221, р.110; 293, р.32, 46; 647, р.56; 657, р.20], а также допуская, что третичный сектор (внутренняя и внешняя торговля, транспорт и связь, сфера образования, “профессиональные” и административные услуги) в ту эпоху развивался темпом, близким к динамике материально-вещественного производства, получим показатель среднедушевого роста ВВП (0,13-0,15%).

Сделанный расчет перепроверим соответствующими данными по некоторым европейским государствам (табл.16). Если в Италии и Германии в отмеченные три столетия подушечной экономической рост не превышал “французского” уровня (0,11-0,14% в год) и составлял (оценка) в среднем ежегодно около 0,1% (0,08-0,12 или даже 0,05-0,1%)³⁰, то в целом по пяти западноевропейским странам в XVI-XVIII вв. среднегодовой темп прироста подушечной продукции равнялся 0,12-0,14%.

Таблица 16

Среднегодовые темпы экономического роста в расчете на душу населения, %

Страна	1500-1600 гг.	1600-1700 гг.	1700-1800 гг.	1500-1800 гг.
Фландрия и Брабант	0,10-0,12 ¹	0,28-0,30 ²	0,17-0,19 ³	0,18-0,20 ⁴
Англия/Великобритания	0,20-0,30 ⁵	0,20-0,23 ⁵	0,25-0,27	0,23-0,25
Франция	0,12-0,14 ⁶		0,10-0,13 ⁷	0,11-0,14

1. 1510-1610 гг.

2. 1610-1710 гг.

3. 1710-1812 гг.

4. 1510-1812 гг.

5. По данным У.Коля, среднегодовой темп прироста потребительских благ в расчете на семью составлял в Южной Англии в 1530-1550/1591-1610 гг. 0,3% и в 1591-1610/1691-1710 гг. 0,23%, а по оценкам Р.Голдсмита, подушечной национальной продукт увеличивался в 1565-1603 и в 1603-1688 гг. среднегодовым темпом, равным 0,2%.

6. 1500-1707 гг.

7. 1707-1800 гг.

Составлено и рассчитано по: [19, p.70; 207, p.304-305; 292, p.12; 293, p.46; 361, p.174, 196; 625, p.306, 312-313; 657, p.20].

Этот показатель не противоречит ранее сделанному нами расчету (0,13-0,15%). Полученные индикаторы близки соответствующим оценкам П.Шоню (в 1500-1600 и в 1620-1760 гг. — 0,1% в год), а также А.Мэддисона (в 1500-1700 гг. — 0,1% в год и в 1700-1820 гг. — 0,2% в год) [409, vol.1, p.574; 501, p.6]. В то же время наши данные в 1,5-2 раза ниже оценок П.Бэрока, согласно которым ВНП Европы (без России) в расчете на душу населения увеличивался в 1500-1800 гг. темпом, близким к 0,2-0,3% в год³¹ [723, 1976, № 2, с.277].

Попытаемся построить сводный индекс подушевого ВВП за XI-XVIII вв. Самое сложное — определить тенденции изменения подушевого уровня производства в XIV-XV вв. Нам известны две оценки. Согласно оценке Г.Снукса, подушевой национальный доход Англии к концу XV в. не достиг соответствующего уровня начала XIV в. (отмеченный показатель в 1300-1500 гг. снижался в среднем ежегодно примерно на 0,11-0,13%). Автор не детализировал своих расчетов и, думается, все же преувеличил масштабы экономического кризиса. С.Кузнец для всей Европы (за исключением Балкан, России и Ирландии) дал “максимально допустимую” оценку подушевого экономического роста, составившую для периода 1250-1500 гг. 0,12% в год [464, р.138-139; 621, р.28]. Последний показатель включает период 1250-1300 гг., который, судя по описаниям, еще не был охвачен кризисом.

Анализируя две отмеченные оценки, можно предположить, что в целом по Западной Европе подушевой уровень производства был восстановлен к 1500 г. (как был восстановлен и показатель численности населения), но он, по нашему мнению, вряд ли превысил “отметку” 1300 г. более чем на 5-10%. Во всяком случае, на данной стадии исследования трудно предложить иную версию.

В 1000-1300 гг. подушевой ВВП Западной Европы увеличился, по нашим расчетам и оценкам, на 50-60% (40-70%), в 1300-1500 гг. — максимум на 5-10% и в 1500-1800 гг. — на 45-55% (40-60%), а в целом за 1000-1800 гг. он вырос в 2,3-2,7 раза (среднегодовой темп составлял 0,10-0,12 или 0,10-0,13%). Полученный показатель близок к двум известным нам оценкам, предложенным У.Баумолем (в 700-1700 гг. среднегодовой темп прироста подушевого ВВП 0,10-0,12%), а также Д. Ландесом (соответствующий показатель для 1000-1700 гг. равен 0,15-0,16%) [243, р.12; 501, р.254].

Оценивая источники (факторы) доиндустриального роста Западной Европы методом производственной функции (табл.17), заметим, что в XI-XVIII вв. на долю затрат основных учтенных ресурсов приходилось примерно 2/3 прироста ВВП (вклад живого труда составил 35-45%, основного капитала и земли — соответственно по 10-14%). В то же время вклад совокупной производительности (примерно 1/3) оказался немалым для традиционной экономики (но, может быть, мы слишком плохо знаем “традиционную” Европу и вообще традиционную экономику?).

Почти такой же (35-40%) была доля интенсивных факторов в целом по странам Запада в период их промышленного переворота (хотя сама величина темпа прироста совокупной эффективности в

1780-1950 гг. была уже в 7-9 раз выше — 0,9-1,1% в год), а также в танско-сунском Китае в период экономического “рывка” 750-800/1050-1100 гг. Однако если в Китае, Индии и на Ближнем Востоке в последующие столетия и, в частности в XVI-XVIII вв., не обнаружилось тенденции интенсивного роста, то в Западной Европе, напротив, за три столетия, предшествовавшие промышленной революции, совокупная производительность основных факторов производства выросла почти в 1,5 раза (табл.10, 17).

Таблица 17
Темпы и факторы экономического роста
Западной Европы в XI-XVIII вв., %

Показатели	1000-1300 гг.	1500-1800 гг.	1000-1800 гг.
Среднегодовой темп прироста			
ВВП, y^1	0,43-0,47	0,34-0,38	0,31-0,35
массы применяемого труда, l^2	0,27-0,33	0,21-0,25	0,20-0,24
основного капитала, k	(0,60-0,65) ³	(0,35-0,39) ³	0,36-0,40
площади обрабатываемых земель, s	(0,17-0,20) ⁵	(0,16-0,20) ⁵	0,12-0,15
совокупной производительности, r	0,13-0,17	0,11-0,15	0,10-0,14
Доля в темпах прироста ВВП:			
экстенсивных факторов ⁴ $\frac{\alpha \cdot l + \beta \cdot k + \gamma \cdot s}{y} \cdot 100$	65-68	62-66	62-66
интенсивных факторов $\frac{r}{y} \cdot 100$	32-35	34-38	34-38

1. Индекс ВВП рассчитан перемножением индексов численности населения и подушевого ВВП.

2. В качестве индекса массы применяемого труда использован показатель численности населения.

3. Индекс основного капитала аппроксимирован показателем потребления энергии (в XI-XVIII вв. показатели динамики капитало- и энерговооруженности оказались весьма близки)

4. Коэффициенты эластичности прироста ВВП по живому труду (α), основному капиталу (β) и земельным ресурсам (γ) составили, по нашим оценкам, основанным на данных о структуре совокупного производительного капитала, соответственно 0,6; 0,1; 0,3.

5. В скобках — оценки.

Рассчитано по данным и оценкам, содержащимся в тексте.

Ретрополяция данных о подушечном продукте европейских государств за 1800 г. на основе исчисленных нами индексов (табл.11 и 16) показывает, что в XV в. Запад в целом скорее всего еще отставал от ведущих стран Востока. В 1490-1500 гг. соответствующий индикатор в Китае составлял 550-600 дол. (в относительных ценах 1980 г.), а во Франции — не более 450-490 дол. Во Флорентийской республике в 1420-е гг. он, возможно, равнялся 440-470 дол. (рассчитано по: [361, p.150]). Вместе с тем в Англии в начале XVI в. ВВП в расчете на душу населения уже составлял 500-550 дол., а в Нидерландах того времени отмеченный индикатор был, пожалуй, на 30-40% выше английского (исчислено по табл.11, 16, а также [506, p.276-277]).

Со второй половины XV в. Европа стала догонять страны Востока, в том числе Китай, который тоже не все время пребывал в состоянии застоя, хотя его технические и социально-экономические структуры изменялись сравнительно медленно. Паритет в уровнях подушечного национального продукта Китая и стран Запада был достигнут, вероятно, во второй половине XVI в. [125, с.68]. Наши расчеты подтверждают гипотезу Ж. Абу-Лугод, которая считает, что Запад начал обгонять Восток по относительным уровням развития вскоре после того, как Венецианская республика при поддержке испанского флота разбила турок в битве у Лепанто (1571) [210, p.20].

В дальнейшем разрыв в уровнях дохода, скорее всего, волнообразно увеличивался, и к концу XVIII в. страны Запада по показателю подушечного национального продукта в среднем превосходили страны Востока и Юга уже примерно в 1,6-1,8 раза (табл.11). Речь идет не только об экономическом, но и о возросшем технологическом, военном и организационно-институциональном превосходстве западноевропейских стран, имевших менее иерархизированные структуры общества, способные более быстро и гибко реагировать на изменение внутренней и внешней конъюнктуры.

Итак, в доиндустриальный период (XI-XVIII в.) совокупный экономический потенциал (ВВП) крупных стран Запада увеличился весьма значительно — более чем в 15 раз. Чтобы оценить реальный масштаб “европейского чуда”, подчеркнем, что в Китае этот показатель вырос в 3,5-4 раза, в Индии — вдвое, а на Ближнем Востоке он, возможно, сократился примерно на 1/3 [исчислено по данным и источникам к табл.11, 12].

Однако и к началу XIX в. суммарный производительный и потребительный потенциал Востока оставался по-прежнему весьма

внушительным по мировым меркам. По экономической мощи Китай вдвое превосходил страны Запада, которые в совокупности уступали также и Индии.

Если же учесть иные, качественные составляющие роста, то можно обнаружить, что в этом измерении Запад добился сравнительно крупных успехов еще до начала так называемого современного экономического роста. По нашим подсчетам, в XI-XVIII вв. относительный индекс развития (среднее геометрическое индикаторов роста подушевого ВВП, средней продолжительности жизни и грамотности населения) увеличился там примерно в 4 раза, тогда как в странах Востока он в лучшем случае не изменился (а, возможно, и снизился в среднем на 1/6). Отставая по общему уровню развития от азиатских государств на рубеже первого и второго тысячелетий в 2,4-2,6 раза, западноевропейские страны к началу промышленного переворота превзошли их по этому индикатору уже почти вдвое (табл.11).

И дело не только в относительно медленном историческом развитии стран Востока, которое многие исследователи рассматривают чуть ли не как аномалию. В конце концов такова была парадигма, свойственная большинству традиционных обществ (за исключением, пожалуй, Китая IX-XI вв.) до начала “ненормального” роста стран Запада. В отличие от первого тысячелетия, которое в целом было в Европе периодом упадка и стагнации (с последующим восстановлением), первые 7-8 столетий нынешнего тысячелетия были эпохой экспансии, мутаций, периодом не совсем медленного и кое в чем не совсем традиционного роста.

Опыт долговременного развития стран Запада и Японии (Прил.1) показывает, что их мощный экономический рывок в XIX-XX вв. явился естественным результатом напряженной, творческой работы многих предыдущих поколений людей, создавших еще в доиндустриальную эпоху значительный экономический и культурный потенциал путем наращивания инвестиций не только в физический, но и в человеческий капитал, а также совершенствования системы разнообразных коммуникаций и постепенной трансформации организационно-институциональных структур своих обществ.

ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Промышленный переворот в ныне развитых странах при всей неоднозначности его оценок, особенно в новейшей, в том числе англо-американской, историографии, явился, по существу, крупнейшим революционным событием последнего тысячелетия; он вызвал кардинальные изменения в мировых производительных силах, привел к становлению так называемого современного экономического роста в будущих центрах мирового хозяйства и обусловил начало небезболезненной, противоречивой трансформации традиционных социально-экономических систем стран Востока и Юга

1. Экономический рост ведущих стран Запада и Японии в период промышленного переворота

Несмотря на большое число публикаций, посвященных промышленной революции, расписанной, как считают некоторые зарубежные исследователи, чуть ли не по минутам, многое в данном процессе остается неясным, вызывает дискуссии и жаркие споры. В самом деле: как все это произошло, каковы были масштабы, основные слагаемые, важнейшие факторы и социально-экономические последствия отмеченного феномена? Появившиеся в последнее время статистические материалы позволяют существенно скорректировать имеющиеся оценки. Опыт индустриализации ныне развитых стран, интересный сам по себе, весьма немаловажен для выявления резервов, скрытых возможностей, а также сравнительного анализа итогов модернизации периферий-

ных и полупериферийных государств (о методологии подобного анализа см.: [181; 193; 195]).

Промышленный переворот, т.е. переход от инструментальной к машинной стадии производства (в центрах мирового хозяйства — конец XVIII — середина XX в.), представляет, на наш взгляд, третью, видимо удавшуюся попытку стран Запада встать на путь сравнительно быстрого, длительного, относительно устойчивого, самоподдерживающегося экономического роста. (Первая попытка была в XI—XIII вв., вторая — в конце XV—XVI в.; каждая из них заканчивалась глубоким мальтузианским кризисом [455, р.197; 489, р.430]).

Как и в первых двух случаях, экономический подъем сопровождался и был отчасти обусловлен потеплением климата (в Западной и Северо-Западной Европе примерно с 1700 г.) [340, vol.1, р.40; 290, р.34-37, 55], что благоприятно сказывалось на состоянии сельскохозяйственного производства, а это в свою очередь стимулировало рост численности населения, увеличивало спрос, создавало общую благотворную психологическую атмосферу, способствовавшую техническому прогрессу и повышению уровня капиталовложений (ибо при прочих равных условиях уменьшало предпринимательские риски).

В отличие от прошлых столетий к середине XVIII — началу XIX в. как результат длительного эволюционного протоиндустриального развития в ряде регионов Западной Европы был в целом накоплен немалый экономический, социально-институциональный, научный и культурный потенциал, некая критическая масса, необходимая и, возможно, достаточная для запуска механизма самоподдерживающегося роста. Не все страны Запада были в равной мере готовы к “промышленному рывку”. Казалось бы, больше всего предпосылок было у Голландии. Эта страна, свободная от феодальных, в том числе гильдовых, ограничений, в которой буржуазия находилась у власти, имела передовое сельское хозяйство, разнообразные мануфактуры, огромный морской флот, разветвленную сеть каналов, значительную энергетическую базу (многочисленные мельницы, торф), внушительный финансовый сектор, сравнительно высокий уровень урбанизации и образования населения.

По оценкам Г.Кинга, в конце XVII в. подушевой доход в Голландии был наполовину выше, чем у Англии, норма сбережений составляла примерно 11% национального дохода, в то время как в Англии и во Франции — 4%. Вместе с тем ведущая торговая держава не стала родиной промышленной революции. Преоблада-

ние торгово-финансовой, посреднической деятельности над непосредственно производительной, завышенный курс национальной валюты, сравнительно высокий уровень налогообложения и оплаты труда, возроставшие цены на торф, а также негативные последствия военного противостояния Франции и Англии, существенный отток капиталов (в том числе в Великобританию) и активной части населения в заморские территории (Ява) обусловили стагнацию хозяйственной системы Голландии уже в XVIII в. [506, р.31, 45; 596а, р.66-69].

Возвышение Англии, позволившее ей впоследствии (XIX в.) стать “мастерской мира”, связано со многими факторами. Начиная с эпохи нормандского завоевания Англия по уровню институциональной зрелости (меньшая степень феодальной раздробленности, более раннее создание национального государства) опережала ряд других западноевропейских обществ. В XVI—XVIII вв. страна постепенно перешла на другой виток самоорганизации, важнейшим принципом которой были уже не средневековые регламентации, а законы конкуренции. В эти столетия произошло укрепление частной собственности, расширение сферы наемного труда, увеличилась свобода перемещения основных факторов производства — труда и капитала [642, р.659].

Английское государство было не только “ночным сторожем”, как его иногда изображают в популярных учебниках; оно играло весьма существенную роль в создании стабильных и гибких институтов, в установлении и реализации четких законов, уходящих корнями в римское право, в формировании различных элементов инфраструктуры (транспорта, связи и т.п.), в совершенствовании тарифной системы. Английское государство вплоть до завершения первичной индустриализации (30-40-е гг. XIX в.) проводило жесткую политику протекционизма: стимулировало вывоз и ограничивало импорт готовых изделий, запрещало экспорт новейших технологий, регулировало уровень оплаты труда, цен и условия работы. Согласно расчетам английского исследователя Дж.Ная, в первой половине XIX в. уровень импортных тарифов в Великобритании был выше, чем во Франции [396, р.260; 554, р.614-615; 665, р.80]. В промышленной революции существенную роль играли не только купцы и ремесленники, но и бюрократы, военные и политики, которые, употребляя образное выражение У.Ростоу, “раздвигали возможности купцов и ремесленников” [633, р.103].

Островной характер британского государства способствовал ограничению масштабов военных, непроизводительных расходов и

разрушений на территории королевства, а также благоприятствовал большей открытости миру, развитию внешних связей и морских, т.е. наиболее эффективных, коммуникаций, которыми Англия прочно овладела в результате ряда войн XVI—XVIII вв.

Отмечая исторические, географические и иные особенности Великобритании, способствовавшие тому, что она стала “колыбелью промышленной революции”, не следует забывать о соответствующей “помощи” континентальных держав — о немалом трансферте капиталов, технологий, квалифицированных специалистов и предпринимателей из Голландии, Франции, Германии и Италии, многие из которых у себя на родине были нонконформистами (например, гугеноты). По оценке американского исследователя Е.Хагена, в Великобритании в 1760—1830 гг. на долю религиозных меньшинств и диссидентов, составляющих 7% населения королевства, приходился 41% ведущих предпринимателей и инноваторов [333, p.123; 581, p.14].

Среди иммигрантов и британских нонконформистов было немало талантливых умельцев, внесших существенную лепту в национальный фонд изобретений, общее число которых после принятия патентного права в 1624 г. значительно выросло (в среднем за десятилетие) и составляло: во времена правления Вильгельма и Марии (1689-1701) — 80, королевы Анны (1702-1713) — 21, Георга I (1714-1727) — 70, Георга II (1727-1760) — 76, Георга III (1760-1780) — 255, Георга III (1781-1819) — 801, Георга IV (1820-1829) — 1355 [426, p.67; 534, p.247, 252].

Помимо указанных факторов, действовавших в основном “на стороне предложения”, промышленный переворот в Англии был обусловлен также ростом внутреннего и внешнего спроса (увеличением продуктивности сельского хозяйства, повышением уровня урбанизации, укреплением внешнеэкономических позиций королевства), а также усилением дефицита и удорожанием традиционных источников энергии и сырья (лес), относительно более высоким, чем в целом на континенте (хотя и не завышенным, как в Голландии), уровнем зарплаты, стимулировавшим замещение труда капиталом [469, p.49; 724, 1985, № 4, p.725-729].

Индустриальный “вызов” Великобритании, стремительное проникновение ее текстильных и других готовых изделий на рынки зарубежных государств, возникновение демонстрационного эффекта, а также общее расширение платежеспособного спроса в континентальных странах Европы и США, связанное с демографическим бумом XIX в. и ростом производительности аграрного

сектора, способствовали сравнительно быстрой диффузии промышленной революции в ряд стран Старого и Нового Света. Имитация и творческая адаптация британских технологических достижений [557, p.294] были во многом облегчены в силу близости культурных традиций и уровней экономического развития (табл.18).

Таблица 18
**Динамика среднедушевого ВВП
в период промышленного переворота,
международные доллары 1980 г.¹**

Страна	1800 г.	1870 г.	1913 г.
Великобритания	1000-1060	2140-2230	3080-3160
Франция	730-770 ²	1200-1260	2100-2160
Германия	770-810	1100-1180	2210-2290
Италия	650-690	860-910	1500-1540
США	670-710 ²	1640-1690	3420-3490
Япония	400-440	430-450	760-800

1. Все показатели, кроме 1913 г., — средние за соответствующие трехлетия.

2. Сравнительно низкие индикаторы по Франции и США обусловлены последствиями революционных событий и военных действий.

Данные таблицы — уточненный вариант расчетов, опубликованных в: [125, табл.1]; корректировки сделаны по: [17, p.104, 837-841, 845; 7, vol.2, p.385-387; 215, p.22-24, 29; 402, p.24-25; 561, p.278-280; 647, p.146-157].

Для стран второго эшелона модернизации, вставших на путь индустриализации в XIX в., была характерна в целом более значительная роль государства в активизации процесса догоняющего развития, в том числе в обеспечении ускоренного накопления финансового капитала, в строительстве инфраструктуры и сети коммуникаций, в стимулировании (и субсидировании) развития средств производства (иногда — в Германии и Японии — при прямом участии государства), а также в формировании человеческого капитала — в создании национальных систем образования и подготовки кадров. Широко применяя передовые технологии и управленческий опыт, французские и американские, немецкие, итальянские и японские модернизаторы стремились не разрушить, а сохранить национальную культуру, используя имевшийся богатый потенциал в целом весьма плодотворных традиций [266,

р.241-246; 619, р.98]. Думается, во многом благодаря этому страны Запада и Япония сумели аккумулировать немалые, прежде всего духовные, силы, а также материальные и финансовые ресурсы для осуществления широкомасштабной индустриализации и экономической экспансии.

Промышленный переворот в ныне развитых государствах привел к значительному — в 5-6 раз — ускорению общих темпов их экономического роста по сравнению с соответствующими показателями эпохи Возрождения и Просвещения: примерно с 0,3-0,4% в год в XVI—XVIII вв. до 1,8-2,2% в XIX — начале XX в. Несмотря на существенное повышение динамики численности населения, многократно возросли и темпы роста подушевого ВВП. В период “промышленного рывка” они достигали, по нашим расчетам, в Великобритании (1785-1845 гг.) 0,5-0,7%, во Франции (1820-1869) — 0,9-1,1, в Германии (1850-1900) — 1,4-1,5, в США (1840-1890) — 1,4-1,6, в Японии (1885-1938) — 2,0-2,2 и в Италии (1895-1938) — 1,5-1,7% (рассчитано по данным и источникам к табл.18; Прил. II).

Отличительной особенностью перехода к так называемому современному экономическому росту [461] стало также значительное уменьшение нестабильности воспроизводственного процесса, свойственной большинству доиндустриальных обществ, весьма сильно зависевших от природно-климатических и иных экзогенных факторов.

Длительные ряды годовой динамики валового (национального) продукта за периоды, предшествующие началу XIX в., насколько нам известно, не рассчитаны. Однако можно сделать некоторые косвенные оценки, базирующиеся, в частности, на скорректированных данных Г.Фелпса-Брауна, Ш.В.Хопкинса и Э.У.Джилбоу о годовой динамике реальных доходов рабочих и ремесленников Южной и Западной Англии [17, р.154-155, 166-168]. Так, коэффициент флуктуации показателя, аппроксимирующего движение ВВП Англии, составлял в XIII—XVII вв. не менее 650-700% и в 1701-1785 гг. — 450-480%. Соответствующий индикатор, исчисленный по ВВП прединдустриальной Италии (1861-1895), оказался равен 390-400% (рассчитано по: [7, vol.2, р.385-387]).

Что касается периода промышленного переворота, то коэффициент флуктуации годовых изменений ВВП¹ в целом существенно понизился, в среднем до 190-210%, хотя его значения варьировали в достаточно широком диапазоне (в Великобритании и Франции — 260-290%, в Италии — 210-230, в Японии — 160-170, в Германии и США — 110-130%) и были сравнительно высокими по

меркам последних четырех-пяти десятилетий (рассчитано по источникам к табл.18; Прил.IV; [124а]).

Опыт ныне развитых государств свидетельствует о том, что их индустриальный рост был более сбалансированным и имел более широкую основу, чем принято считать [723, 1988, № 2, p.351-352]. Он был в немалой мере взаимосвязан с развитием сельского хозяйства и инфраструктурных отраслей. По нашим расчетам, в странах Запада и Японии на этапе их “промышленного рывка” существовала достаточно тесная корреляция (коэффициент равен 0,78) между динамикой сельскохозяйственного и промышленного производства (рассчитано по данным и источникам к табл.18, 19, 20).

Аграрная революция, отчасти предшествовавшая промышленному перевороту (началась в Англии в 1690-1700 гг., во Франции и США — в 1750-1770 гг., в Германии — в 1790-1800 гг.), во многом — по крайней мере до середины XIX в. — происходила на традиционной и полутрадиционной основе, т.е. без машин и химических удобрений, но на базе улучшения систем ротации культур, использования селекционных семян, более продуктивных пород скота, широкого применения органических удобрений, усовершенствованных орудий труда [325, p.210-214; 340, vol.3, p.460]. Вместе с тем она обусловила в целом существенный рост эффективности сельскохозяйственного производства, который во многом определял его общую динамику.

Данные табл.19 позволяют оценить соответствующие вклады совокупных затрат и совокупной производительности. По нашим расчетам, на этапе промышленного переворота в странах Западной Европы в целом за счет экстенсивных факторов было получено 25-30%, а в результате интенсификации — 70-75% прироста аграрной продукции. В США эти показатели составили 85-87 и 13-15%. В Японии соотношение указанных факторов было практически обратным тому, что было в США (13-15% : 85-87%). Иными словами, во всех рассматриваемых странах, за исключением США (переселенческое государство с обширными массивами неосвоенных земель), вклад совокупной производительности был весьма значительным.

Однако из-за нехватки соответствующей информации представленная модель недоучитывает некоторые виды затрат (увеличение числа реально отработанных часов в сельском хозяйстве в связи с углублением межотраслевой специализации, а также рост использования удобрений, энергии и других текущих затрат производства). По данным И.Хаями и К.Окавы, в Японии в 1880-1930-е гг.

ежегодные темпы повышения текущих издержек производства достигали 3,2-3,6% [562, p.41; 656, p.184]. С учетом отмеченных поправок вклад совокупной производительности снижается в Японии с 85-87% примерно до половины. Тем не менее динамика эффективности остается весьма существенным фактором роста аграрного производства.

Таблица 19

**Темпы роста основных показателей аграрного сектора
в период промышленного переворота, %**

Страна	Период	<i>y</i>	<i>l</i>	<i>s</i>	<i>k</i>	<i>c</i>	<i>r</i>	<i>u</i>
Великобритания	1785-1845	1,1	-0,1	0,3	0,9	0,3	0,8	73
Франция	1820-1869	1,1	0,1	0,2	0,8	0,3	0,8	73
Германия	1850-1900	1,6	0,3	0,3	0,8	0,4	1,2	75
Италия	1895-1938	1,0	-0,1	0,2	1,3	0,3	0,7	70
США	1840-1890	2,8	2,0	2,9	2,3	2,4	0,4	14
Япония	1885-1938	1,4	-0,1	0,5	1,0	0,2	1,2	86

Примечания. 1. *y, l, s, k, c, r* — соответственно среднегодовые темпы прироста сельскохозяйственного производства, используемой рабочей силы, площади обрабатываемых земель, основного капитала, совокупных затрат ресурсов и совокупной производительности; *u* — доля интенсивных факторов. 2. Удельный вес в совокупных издержках производства (факторные веса) труда, земли и капитала составил, по оценкам специалистов, в среднем по странам Запада соответственно 0,4; 0,4; 0,2, а по Японии — 0,55; 0,34; 0,11. 3. Все данные округлены.

Рассчитано по источникам к табл.18; Прил. II, а также по: [291, p.376, 378; 293, p.81, 84, 122; 411, p.204-205, 229-230, 269, 454-455; 480, p.82; 492, p.196, 646; 513, p.174].

Резюмируя, подчеркнем, что подъем сельского хозяйства и его интенсификация (сначала на полутрадиционной, а затем на более или менее современной основе) способствовали не только росту численности населения в ныне развитых странах, но и повышению (в тенденции) его жизненного уровня, относительному снижению издержек производства в несельскохозяйственных отраслях экономики, расширению емкости внутреннего рынка и в конечном счете обусловили перерастание протоиндустриального развития в индустриализацию.

Важнейшей предпосылкой, фактором и составной частью промышленного переворота была, как известно, революция в средствах коммуникаций, вызвавшая резкое удешевление перевозок при

росте их скорости, надежности и качества. Это уменьшало предпринимательские риски, усиливало внутриахозяйственную интеграцию экономик и международное разделение труда, стимулировало интенсификацию потоков готовых продуктов, сырья, труда и капитала. Основой коммуникационной революции в конце XVIII — первой половине XIX в. послужило бурное, но во многом недооцененное исследователями развитие традиционных транспортных систем (активное строительство в западноевропейских государствах, США и Японии морского и речного парусного флота, портов, каналов, мостов и дорог). По нашим расчетам и оценкам, в 1860-1870-е гг. свыше половины морского, речного и сухопутного грузооборота ныне развитых стран приходилось на традиционные виды транспортных перевозок (рассчитано по: [249, p.17; 504, p.157]).

В период промышленного переворота производство в новых отраслях увеличивалось сравнительно высокими темпами, и на этой основе сложился миф о феноменальном росте индустриального сектора в прошлом столетии. В самом деле, если в 1700 (1730)-1760 гг. среднегодовые индикаторы прироста продукции в черной металлургии и хлопковой промышленности Великобритании составляли 0,3-0,6 и 1,4-1,8% соответственно, то в 1760 (1780)-1830 гг. они достигли уже 4-5 и 6-8% (что привело к значительному удешевлению некоторых товаров, в частности, цены на хлопковые ткани в 1790-1850 гг. понизились более чем в 60 раз) [293, p.23; 433, p.20].

Возможно, ввиду своей относительной доступности эти и подобные им показатели по современному сектору индустрии широко использовались различными исследователями при конструировании индексов промышленного производства. Однако они в целом оказывались, как правило, завышенными, ибо, во-первых, нередко базировались на данных о потреблении сырья, материалов и энергии, а также валовых показателях. В то же время промежуточные затраты, как известно, росли обычно на начальной стадии индустриализации опережающими темпами по сравнению с выпуском конечной продукции. Во-вторых, расчеты в целом недоучитывали размеры производства в традиционных отраслях промышленности (пищевой, шерстяной, льняной, шелковой, кожевенной и др.), в ремесленных предприятиях и в нерыночном секторе экономики [395, p.268, 286; 416, p.176, 183]. Между тем, вопреки некоторым распространенным суждениям, роль традиционного сектора в ныне развитых государствах на этапе промышленного переворота была весьма внушительна.

Согласно имеющимся расчетам и оценкам, в странах Запада в 1860 г. 69-77% всех занятых в обрабатывающей промышленности приходилось на предприятия, использовавшие не машинные, а инструментальные, т.е. традиционные, технологии. И этот показатель едва ли оказался ниже 1/2 в 1913 г. В целом по западноевропейским государствам и США в 1750-1913 гг. производство современных видов энергии (уголь, нефть, электроэнергия) возросло почти в 190 раз (т.е. в среднем ежегодно на 3,2-3,3%). Однако доля традиционных источников (дрова, торф, кизяк, сила ветра, воды, мускульная сила людей и животных) в общем объеме используемых энергоресурсов составляла в 1880 г. 46-47% и в 1913 г. — 41-43%. Поэтому суммарный показатель потребления (производства) энергии в странах Запада увеличился лишь в 13-14 раз (или на 1,5-1,7% в год) [310, p.177, 186; 326, p.58-59; 402, p.130].

По оценкам П.Бэрока, доля современного сектора в общем объеме продукции обрабатывающей промышленности Западной Европы и США стремительно возрастала — с 2-4% в 1800 г. до 12-17 в 1830 г. и 29-36% в 1860 г. (без Великобритании — 1-3, 6-10 и 18-24%). Однако даже в 1880 г. она была ниже половины (без Великобритании — 30-38%) и лишь к 1913 г. достигла 60-65% (55-65%) [236, p.288].

Некоторые исследователи, касаясь проблем индустриализации в ныне развитых (и развивающихся) странах, на наш взгляд, чрезмерно драматизируют характер взаимоотношений между стремительно “наступающим” современным сектором и буквально “деградирующим” традиционным сектором экономики. Разумеется, было бы неправильно недооценивать достаточно высокую степень конфликтности этих взаимодействий и связанной с ним социально-экономической напряженности в индустриализирующихся обществах. Однако реальная картина была более сложной, ибо на самом деле существовал синтез, взаимообмен деятельностью. Развитие современной крупной промышленности не только разрушало, вытесняло прежние формы хозяйства в некоторых отраслях и производствах, но и стимулировало их возникновение и функционирование на традиционной и полутрадиционной основе в ряде других сегментов экономики (механизация ткачества обусловила быстрый рост “полутрадиционной” швейной промышленности, а создание современных сахарных заводов вызвало подъем производства бисквитной промышленности, полуремесленной-полуфабрикатной по своему характеру, не говоря уже о развитии сопряженных с современной индустрией отраслей, использующих ручной труд в строительстве и сфере услуг).

Некоторые страны, сравнительно поздно вступившие на путь индустриализации (Япония) и стремившиеся быстро “наверстать упущенное время”, старались максимально повысить отдачу традиционных факторов, рационально использовали значительный дуализм, существовавший в их хозяйственных системах. Только к концу периода Мэйдзи — 1910 г. — современная промышленность по общему объему продукции превзошла показатели производства кустарных промыслов [409, vol.4, p.251].

На этапе первичной индустриализации японцы весьма часто закупали за границей подержанное оборудование и использовали его за счет круглосуточной работы (с привлечением дешевой, в том числе женской и детской, рабочей силы) до полного физического износа. Вплоть до 1912 г. половина всех выпускавшихся в Японии капитальных товаров производилась традиционными методами. При этом, где можно, железо заменялось деревом, а динамика трудозатрат в ряде отраслей и производств была сопоставима с темпами роста основного капитала [329а, p.120-122; 379, p.233]. Эти особенности японской (да только ли японской?) модели ранней индустриализации, как нам представляется, не вполне согласуются с “модернистской” парадигмой промышленного переворота, описанной в фундаментальных трудах Ф.Дин, У.Коля и Д.Ландеса и ставшей весьма популярной среди многих историков и экономистов [301; 469].

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что быстрое развитие отдельных “очагов” хозяйства с новейшей технологией (в частности, в промышленности и на транспорте) имело вплоть до последней трети XIX в. (а в Японии и Италии — до начала первой мировой войны) в целом ограниченное — в территориальном и отраслевом плане — воздействие на общеэкономический рост. По расчетам американского экономиста Д.Макклоски, в Великобритании (1780-1860) современный сектор, имевший темпы роста производительности труда втрое большие, чем традиционный сектор (соответственно 1,8 и 0,6% в год), производил в среднем на протяжении отмеченного периода лишь 1/5 ее национального дохода [326, p.4-5, 63, 166]. Вот почему, думается, некоторые современники промышленной революции, в том числе А.Смит и Д.Рикардо, так ее и не заметили.

В целом общие темпы роста индустриального сектора, по нашим подсчетам, возросли с 0,7-0,8% в год в XVIII в. (данные по Западной Европе) до 2,7-2,9% в целом по ныне развитым капиталистическим государствам в 1800-1913 гг. Однако отмеченный индикатор примерно вдвое уступал показателю роста по современ-

ному сектору промышленности (рассчитано по источникам к табл.18,19).

Каковы же были важнейшие источники индустриального роста?

По нашим расчетам, в целом по странам Запада и Японии в период их “промышленного рывка” за счет увеличения затрат основных производственных ресурсов и повышения эффективности было в среднем получено соответственно около 3/4 и 1/4 прироста продукции вторичного сектора экономики (табл.20). С учетом сокращения длительности рабочего времени индикатор вклада совокупной производительности достигал в среднем 28-32%, в том числе в Великобритании и США — 14-17%, во Франции и Германии — соответственно около 27-29 и 36-38, в Италии и Японии (позже других вступивших на путь индустриализации и осуществлявших ее форсированными методами) — примерно 42-44%.

Таблица 20
Темпы и факторы роста индустриального сектора
в период промышленного переворота, %

Страна	Период, гг.	<i>y</i>	<i>l</i>	<i>k</i>	<i>m</i>	<i>n</i>	<i>o</i>	<i>r</i>	<i>u</i>
Великобритания	1785-1845	2,9	2,4	3,2	0,5	0,8	-0,3	0,2	7
Франция	1820-1869	2,5	1,2	3,0	1,3	1,8	-0,5	0,7	28
Германия	1850-1900	3,8	2,0	3,8	1,8	1,8	0,0	1,2	32
Италия	1895-1938	2,8	1,1	3,9	1,7	2,8	-1,1	0,7	25
США	1840-1890	5,4	4,0	5,9	1,4	1,9	-0,5	0,7	13
Япония	1885-1938	6,1	2,4	6,1	3,7	3,7	0,0	2,4	39

Примечания. 1. *y, l, k, m, n, o, r* — соответственно среднегодовые темпы прироста производства, используемой рабочей силы, основного капитала, производительности труда, его капиталовооруженности, капиталоемкости и совокупной производительности; *u* — доля интенсивных факторов. 2. Эластичность выпуска продукции по труду и капиталу составляла, по оценкам специалистов, в среднем по ныне развитым странам соответственно 0,65 и 0,35. 3. Данные округлены.

Рассчитано по источникам к табл.18 и 19.

Таким образом, вопреки имеющимся представлениям, основанным, как думается, на ошибочном отождествлении особенностей роста всего индустриального сектора с частью его наиболее современных и динамичных отраслей, он развивался, в отличие от агросферы, преимущественно экстенсивным способом, получая при этом от нее немалую долю производственных ресурсов.

Таблица 21

Сдвиги в отраслевых структурах производства и занятости ныне развитых государств в доиндустриальную эпоху и в период промышленного переворота, %

Период (годы)	Сектор	Темп прироста производства	Доли секторов в ВВП		Темп прироста занятости	Доли секторов в занятости	
			Начало периода	Конец периода		Начало периода	Конец периода
Страны Запада							
1500-1800	I	0,3-0,4	49,0	43,0	0,1-0,2	78,0	62,0
	II	0,4-0,5	21,0	25,0	0,3-0,5	12,0	20,0
	III	0,3-0,5	30,0	32,0	0,3-0,5	10,0	18,0
	Всего	0,3-0,5	100,0	100,0	0,2-0,25	100,0	100,0
Страны Запада							
1800-1913	I	1,3	48,0	20,0	0,5	62,0	34,0
	II	2,8	18,0	38,0	1,5	20,0	34,0
	III	2,4	34,0	42,0	1,6	18,0	32,0
	Всего	2,1-2,2	100,0	100,0	1,0-1,1	100,0	100,0
Страны Запада и Япония							
1800-1913	I	1,3	48,0	21,0	0,4-0,5	66,0	39,5
	II	2,8	17,0	38,0	1,3-1,5	17,0	30,2
	III	2,2	35,0	41,0	1,4-1,5	17,0	30,3
	Всего	2,0-2,1	100,0	100,0	0,8-1,0	100,0	100,0

Примечания. 1. I — аграрный сектор, II — промышленность и строительство, III — сфера услуг. 2. Структура производства рассчитана на базе относительных цен 1800 г. для 1500-1800 гг. (по средним "весам" Великобритании, Франции и Германии с оценками по Италии) и 1870 г. — для периода 1800-1913 гг. (расчет сделан в двух вариантах). 3. Показатели за XIX — начало XX в. исчислены по данным и источникам к табл. 18, 19, 20, а индикаторы за XVI—XVIII вв. — по данным гл. II, § 2.

Промышленный переворот, вызвавший существенную интенсификацию структурных изменений в ныне развитых государствах (табл.21), думается, все же не вполне оправдывает свое название. Дело в том, что ускорение общих темпов их экономического роста (примерно с 0,3-0,5% в год в 1500-1800 гг. до 1,8-2,2% в 1800-1913 гг.) было обусловлено увеличением вклада² аграрных отраслей на 16-18%, промышленности и строительства — на 38-40, а третичного сектора — на 43-45%. Судя по имеющимся ориентировочным

оценкам, примерно такими же пропорциями (16-19 : 39-42 : 41-43%) определялось участие отмеченных секторов в повышении общей динамики занятости населения. Иными словами, важнейшую роль в эпоху так называемой промышленной революции играла не только индустриализация, но и сервисизация народного хозяйства, означающая относительно быстрое развитие торговли и сферы обслуживания, культуры и просвещения, а также различных средств и систем коммуникаций.

Многие политики и экономисты, справедливо подчеркивая необходимость активизации внешнеэкономических связей периферийных и полупериферийных стран, нередко призывают к их максимальной либерализации. Апеллируя к историческому опыту Великобритании, а также других ныне развитых государств в послевоенный период (когда относительные уровни и важнейшие параметры их хозяйственных систем сблизились), они при этом не всегда уточняют, что в XVI—XVIII вв., большей части XIX в., на протяжении многих десятилетий нынешнего столетия страны Запада и Япония, отстававшие в своем развитии от Великобритании (а впоследствии от США), проводили политику достаточно жесткого, хотя и выборочного, рационального протекционизма³, нацеленного на всемерное укрепление внутренних и внешних позиций национальной индустрии и других секторов экономики. Эта политика, сопровождавшаяся не только импортзамещением, но и разнообразными институциональными реформами, ничуть не мешала индустриализировавшимся государствам активизировать развитие отраслей, ориентированных на экспорт.

В результате если в XVIII в. в среднем по Западной Европе темпы роста физического объема экспорта не превышали, по оценкам, 0,7-1,1 (1,4)% в год, то в 1800-1913 гг. они в целом по ныне развитым капиталистическим государствам достигли 3,3-3,5%. При этом на этапе “промышленного рывка” отмеченный индикатор составил, по нашим расчетам, в Великобритании (1785-1845) 3,8-4,0%, во Франции (1820-1869) 4,8-4,9, в Германии (1850-1900) 4,1-4,3 (но в 1900-1913 гг. уже 6,5), в Италии в целом за 1895-1938 гг. 0,5-0,7 (но в 1895-1929 гг., т.е. без периода депрессии и относительной автаркии, 2,4-2,6), в США (1840-1890) 4,6-4,8 и в Японии (1885-1938) 7,9-8,1%. В итоге значительно увеличилась доля ныне развитых государств в мировой торговле — с 40-45% в середине XVIII в. до 63-68% в начале XX в. (Здесь и далее расчеты выполнены по источникам к табл. 18, 19, 21, а также [461, р.306-308; 471, р.159]).

Вклад экспорта в увеличение ВВП был весьма весом на определенных, быть может решающих, этапах первичной индустриализации. Так, согласно нашим подсчетам, он достигал в Великобритании в 1780-1800 гг. 37-39% (с учетом изменения условий торговли 43-45%), во Франции в 1850-1869 гг. 39-41 (35-37%), в Германии в 1850-1870 гг. 42-44 (39-41%), в Японии в 1900-1913 гг. 45-47% (44-46%). В целом в период "промышленного рывка" за счет роста экспорта в Великобритании, Франции, Германии и Японии было получено не более 25-30% увеличения их ВВП, а в США и Италии — 7-8 и 5-7%.

Если по ныне развитым странам сопоставить соответствующие данные XVIII в. и последующего столетия, можно обнаружить, что ускорение их общеэкономического роста — с 0,5-0,7 до 1,8-2,2% в год (в Западной Европе — с 0,5-0,7 до 1,6-1,7%) — было лишь отчасти связано с увеличением прямого эффекта (вклада) внешнего спроса — с 4-5 до 12-14% (в Западной Европе — с 4-5 до 22-23%). Иными словами, вопреки весьма распространенным представлениям, ускорение экономической динамики на этапе промышленного переворота было преимущественно (в четверке крупных западноевропейских государств — на 2/3, а в целом по Западной Европе, США и Японии — на 5/6) вызвано развитием внутреннего рынка изучаемых стран⁴. (Для малых европейских государств роль внешнего фактора была более значительной.)

В отечественной и зарубежной литературе встречаются суждения о якобы существенном вкладе колониальных и зависимых стран (как импортеров готовой продукции) в индустриализацию ныне развитых государств. Это, думается, явное преувеличение. Судя по имеющимся оценкам, в XIX в. не более 6-14% всей продукции обрабатывающей промышленности стран Запада и Японии (составлявшей 2-3% их ВВП) реализовалось в периферийных странах, а в 1899-1938 гг. — соответственно 5-8 и 1,5-2,5% [234, 1992, р.223]. (Однако для некоторых западноевропейских государств, включая Великобританию, эти показатели на отдельных этапах развития были, быть может, в 1,5—2 раза выше, что, возможно, и явилось основой указанных суждений.) Таким образом, рынки стран Востока и Юга служили важным, но дополнительным источником увеличения экспорта для большинства будущих капиталистических держав и вряд ли могли коренным образом повлиять на ход их индустриализации.

Промышленный переворот в ныне развитых государствах сопровождался насыщением их экономики капиталом. По нашим

расчетам, норма валовых капиталовложений (без учета изменения запасов) возросла на этапе перехода от доиндустриальной экономики к индустриальной примерно вдвое — с 5-7% ВВП в XVI—XVIII вв. (в среднем по Западной Европе) до 12-14% в целом по странам Запада и Японии в 1800-1913 гг. Судя по данным о норме собственно производственных инвестиций (в Великобритании в период “промышленного рывка” 6—7% ВВП, во Франции — 10-11, в Германии — 10,5-11,5, в Италии — 11,5-12,5, в Японии — 13,5-14,5, в США — 15-16%), страны, позднее приступавшие к индустриализации, вынуждены были мобилизовывать для преодоления своей относительной отсталости более высокую долю национального продукта⁵.

Анализ воспроизводственной структуры накопления показывает, что не только в послевоенный период, но и на этапе промышленного переворота капитал в странах Запада и Японии во многом (в среднем на 45-48%) “самофинансировался” за счет фонда возмещения; доля изменения запасов составляла в целом 5-7%, а удельный вес чистых инвестиций достигал примерно 45-49% общего объема внутренних капиталовложений (табл.22). Небезынтересен также вопрос о соотношении внутренних и внешних источников финансирования индустриализации, о роли колониальной дани и иных контрибуций.

По нашим подсчетам, отток и перевод ресурсов из Индии в Великобританию в течение двух-трех десятилетий до начала и во время “промышленного рывка” мог обеспечить (в случае их производительной реализации) соответственно 40-45 и 20-25% всех чистых внутренних капиталовложений королевства. Существен был также трансферт капитала из Франции и Голландии: в 1790-х — начале 1800-х гг. он был эквивалентен примерно 1/3 британских внутренних нетто-инвестиций (исчислено по данным табл.22, а также [542, p.58, 84-86]. Отмеченные вливания облегчали многие проблемы, в том числе связанные с финансированием государственного долга, бюджета и немалых военных расходов Великобритании. Однако, судя по имеющимся расчетам, эта страна оставалась в целом чистым экспортером капитала. Его относительные размеры, составлявшие в 1761-1845 гг. в среднем 1/5-1/4 общего фонда нетто-сбережений, достигли в 1846-1870 гг. 2/5 и в 1871-1913 гг. — почти 3/5 (табл.22).

В результате примерно с середины XIX в. доля чистых инвестиций в ВВП Великобритании стала постепенно сокращаться, опустившись в 1891-1913 гг. до уровня 3,5%. Повышавшаяся доля

Таблица 22
Источники финансирования капиталовложений
в период промышленного переворота, % от ВВП¹

Страна	Период (годы)	Общая норма капиталовложений	Изменение запасов	Амортизация	Чистые капиталовложения	Внешние финансовые ресурсы ²
Великобритания	1700-1760	(5,4)	(0,3)	(1,8)	(3,3)	...
	1761-1785	6,6	0,4	2,2	4,0	0,9
	1786-1845	8,8	0,5	4,0	4,3	1,4
	1846-1870	9,1	1,0	4,0	4,1	2,8
	1871-1890	9,6	0,8	5,1	3,7	4,8
	1891-1913	9,0	0,5	5,0	3,5	4,8
Франция	1780-1819	6-7	3,0-3,5	...
	1820-1869	12,1	0,3	5,7	6,1	1,5
	1870-1890	12,9	0,1	6,5	6,3	0,8
	1891-1913	14,2	0,2	7,1	6,9	3,5
Германия	1831-1849	3,5-4,0	...
	1850-1900	17,9	0,7	7,8	9,4	1,4
	1901-1913	22,7	0,6	9,4	12,7	1,1
Италия	1861-1880	9,4	0,1	5,3	4,0	-1,2
	1881-1894	10,9	0,4	5,6	4,9	-0,7
	1895-1938	14,5	0,8	8,1	5,6	-1,8
США	1800-1840	11,0	1,7	3,1	6,2	-0,8
	1841-1890	18,6	1,6	7,8	9,2	-0,7
	1890-1913	23,4	1,6	10,3	11,5	0,5
Япония	1869-1884	10,0	2,0	4,0	4,0	-2,0
	1885-1938	20,9	2,5	9,6	8,8	-0,2

1. Все показатели исчислены на базе текущих цен (все данные округлены; в скобках — оценки).

2. Чистый экспорт капитала — со знаком плюс, чистый импорт капитала — со знаком минус.

Рассчитано по источникам к табл. 18, 19.

фонда амортизации могла только компенсировать это падение. Став крупнейшим заимодавцем и экспортером капитала, “мастерская мира” обескровливала свою внутреннюю экономику: в конце

XIX — начале XX в. общая норма капиталовложений в этой стране (около 9%) была намного меньше, чем у других промышленно развитых держав (в США и Германии — 22-23% их ВВП).

Как следует из табл.22, Франция в период ее “промышленного рывка” была также чистым экспортером капитала (его вывоз был эквивалентен в 1820-1869 гг. примерно 18-20% национальных чистых сбережений, в 1870-1890 гг. — 11-13 и в 1891-1913 гг. — 33-35%). В ходе революционных и наполеоновских войн часть ресурсов, экспроприированных у других европейских государств, была, по-видимому, аккумулирована и материализована в производственных фондах, создавших базис для последующей индустриализации. (Определенный вклад в финансирование французской индустриализации внесла и колониальная периферия, например Алжир, который был завоеван в 1830 г.)

Германия, много потерявшая в ходе наполеоновских войн, впоследствии оказалась вынужденной привлекать иностранный капитал, главным образом в период, предшествовавший ее “промышленному рывку” (до середины XIX в.). По мнению исследователей, ввиду отсутствия сводных данных роль иностранного капитала на этом этапе обычно недооценивается [263, vol.6, pt.1, p.560; 266, p.287]. Существенной финансово-экономической “подпиткой” германской индустриализации были контрибуция и территориальные приобретения, полученные в результате франко-прусской войны. Но в целом Германия начиная со второй половины XIX в. была чистым экспортером капитала, вывоз которого достигал в среднем 11-15% ее чистых национальных сбережений.

В отличие от перечисленных государств, страны поздней индустриализации — Италия и Япония, а также США оказались на этапе “промышленного рывка” в положении чистых импортеров капитала. Его размеры достигали в Италии в 1895-1938 гг. 30-35% чистых внутренних капиталовложений (в 1861-1894 гг. — 15-20%). В Японии доля внешних финансовых ресурсов в начальном периоде модернизации (в 1869-1884 гг. — около 50%) была значительно выше, чем на этапе форсированной индустриализации (в целом в 1885-1938 гг. — 2-3%).

США в 1815-1914 гг. активно привлекали иностранный капитал. По оценкам, его общий объем возрос в 1820-1914 гг. более чем в 80 раз и достиг к началу первой мировой войны 7,1 млрд дол. Это государство было тогда крупнейшим должником в мире. Но ввиду значительных масштабов национальной экономики размеры обязательств США другим странам были эквивалентны примерно 1/5 их ВВП [215, p.316; 676, p.145, 147, 159]. Что касается доли чистого

притока иностранного капитала в финансировании нетто-инвестиций, то этот индикатор не превышал в целом 12-14% в 1800-1840 гг. и 7-9% в 1840-1890 гг.⁶

Таким образом, роль внешнего финансирования экономического роста ныне развитых государств (за исключением некоторых малых и средних стран) в период их “промышленного рывка” была в целом относительно невелика. Однако на предмодернизационном этапе, который в наших расчетах охватывает 20-30 лет до начала первичной индустриализации, внешний финансовый и технологический импульс был, как правило, весьма важным стимулирующим фактором, во многом определявшим траекторию последующей хозяйственной эволюции.

Касааясь внутренних детерминант накопления, отметим, что, в отличие от Великобритании, Франции и США, характеризовавшихся сравнительно небольшим прямым участием государства в производственном процессе, в странах более поздней модернизации (Германия, Италия, Япония), вынужденных форсировать свое развитие в условиях нового более капиталоемкого витка промышленной революции, доля государственных инвестиций в отдельные периоды достигала 15-20-25% всех капиталовложений (рассчитано по источникам к табл.18, 19).

В немалой мере рост нормы и массы инвестиций и замещение труда капиталом стимулировались во всех изучаемых странах относительным снижением цен инвестиционных товаров по сравнению с уровнем оплаты труда. По нашим расчетам, с конца XVIII по начало XX в. соответствующий показатель уменьшился в Великобритании в 1,8-2,2 раза, во Франции — в 3,2-3,4, в Германии — в 2,7-2,8, в США — в 2,3-2,4, в Италии в 1870-1938 гг. — в 1,8-2,0 и в Японии в 1885-1938 гг. — в 3,2-3,3 раза (рассчитано по источникам к табл.18, 19).

Как показывают исследования специалистов, принадлежащих к различным социально-экономическим школам, наращивание капитала в ныне развитых государствах на этапе первичной индустриализации происходило во многом за счет экономии на оплате труда при относительном и нередко абсолютном ухудшении жизненных условий широких слоев населения. По расчетам американских ученых П.Линдберта и Дж.Вильямсона, доля верхних 5% британского общества в совокупном национальном доходе увеличилась с 29,9% в 1688 г. до 31,2 — в 1759 г., 32,7 — в 1801-1803 гг. и 46,0% в 1867 г. В то же время аналогичный показатель для бедных и средних слоев (90% населения) сократился с 55,6% в 1759 г. до 46,6 в 1867 г., а коэффициент Джини (измеряющий степень неравенства) возрос с 0,49-0,51 до 0,57-0,59 [326, p.40-41; 677, p.283].

По данным С.Кузнецца, в Пруссии 5% общества увеличили свою долю в национальном доходе с 21% в 1854 г. до 30% в 1913 г. По оценке П.Бэрока, на начальном этапе индустриализации в Англии и Франции 1/5 населения сумела повысить свои “жизненные стандарты”, у 1/3 сохранилось в целом статус-кво, а понижение уровня жизни затронуло примерно 40-50% всего населения [239, p.40-41; 461, p.208-209].

По мнению некоторых современников промышленной революции, в XVIII — первой трети XIX в. доля нищих (и “очень бедных”) достигала в среднем 10-15-20% всех жителей Англии, Франции, Бельгии и Германии. Однако этот показатель все же был несколько ниже, чем в средневековой Европе: по оценке К.Чиполлы, в “нормальные годы” он составлял 20-25%, а в периоды бедствий — до 50% численности населения [234, 1971, p.298; 284, p.15-18].

Увеличение нормы и массы капиталовложений вызвало существенное ускорение темпов роста основных производственных фондов; произошли крупные сдвиги в их отраслевых и технологических структурах (табл. 23 и 24). В период “промышленного рывка” темпы роста капиталовооруженности труда, рассчитанной по динамике активной части основных фондов, составляли в Великобритании 0,8-1,0%, во Франции 1,6-1,7, в Германии 2,4-2,5, в Италии 3,2-3,3, в США 3,4-3,6 и в Японии 5,9-6,1%. В среднем они вдвое-втрое превышали общие темпы роста капиталовооруженности труда (рассчитано по источникам к табл.18, 19; Прил.II).

Экономический рост стран Запада и Японии в период их индустриализации был связан не только с увеличением абсолютных и относительных масштабов физического капитала (на что многие исследователи традиционно обращают основное внимание), но и с наращиванием человеческого капитала. Речь может идти как о совершенствовании практического менеджмента в связи со становлением крупного производства (это интересная, но вполне самостоятельная тема), так и о росте дееспособности рабочей силы, ее дисциплинированности и профподготовленности.

Исследования показывают, что качество собственно человеческого капитала, в том числе мотивация труда и его продуктивность, стало возрастать после преодоления описанного выше “жертвенного периода”, когда продолжительность рабочего времени начала постепенно сокращаться⁷, а уровень жизни трудящихся обнаружил (в целом по Западной Европе с середины XIX в.) тенденцию к повышению. Об этом можно судить не только по динамике реальной заработной платы, которая стала расти, но и по изменению структуры

потребления. Доля продовольствия в общих потребительских расходах основной массы населения (показатель Энгеля), достигавшая, по имеющимся оценкам, в Западной Европе в XV—XVIII вв. 70-75-80%, понизилась во Франции с 66-68% в 1838 г. до 62-63% в 1880 г., в Германии — с 55-57 в 1850-1860 гг. до 51-53 в 1910-1913 гг., в Италии — с 69-70 в 1861-1880 гг. до 60-61 в 1921-1940 гг., в Японии — с 65-67 в 1880 г. до 48-50 в 1938 г., в Великобритании — с 47-49 в 1880-1890 гг. до 42-44 в 1920-1938 гг. и в США — с 39-40 в 1870-1880 гг. до 32-34% в 1909-1928 гг. [284, р.29-30; 461, р.266-267; 483, р.40; 531, р.398].

Произошли также позитивные сдвиги в структуре продовольственных расходов, в частности, уменьшился удельный вес зерновых (например, во Франции с 45-50% в 1840-е гг. до 24-28% в 1913 г.). Эти изменения оказывали немаловажное влияние на экономический рост. Так, по оценке Р.Фогеля, в период индустриализации ныне развитых государств 20-30% прироста их подушевого ВВП было связано с улучшением питания и здоровья населения [405, р.34; 483, р.25].

Примерно с середины XIX в. стали заметно расти расходы на обучение, просвещение и науку, а также здравоохранение. По нашим подсчетам, доля только государственных расходов на нужды образования выросла в 1820-1830/1910-1913 гг. в Великобритании и Франции с 0,2-0,3% их ВВП до 1,3-1,5 и 1,6-1,7% соответственно, в Германии с 0,8-1,0% в 1860-е гг. до 2,1-2,3% в 1910-1913 гг., в США с 0,3% в 1840 г. до 1,4-1,6% в 1910 г., а в Италии и Японии соответственно с 0,8-0,9 и 1,2-1,4% ВВП в 1880-е гг. до 1,8-2,0% и 2,5-2,7% в 1930-е гг. Общие (учтенные) затраты на здравоохранение, просвещение и науку в 1910-1913 гг. были эквивалентны в Италии 2,0-2,3% ВВП, во Франции и Великобритании — 2,2-2,5, в США — 2,5-2,7, в Японии — 2,8-3,2 и в Германии — 3,1-3,4% ВВП (рассчитано по источникам к табл.18, 19).

Возросшие инвестиции в человеческий фактор привели к зримым результатам. Так, показатель средней продолжительности жизни, составлявший в начале прошлого века в Италии, Германии и Франции 30-32 года, а Великобритании, США и Японии 35-36 лет, спустя столетие достиг в среднем по группе изучаемых стран 48-52 лет. Доля населения, охваченного теми или иными видами формального обучения, выросла в целом с 9-11% в 1830-1840 гг. до 15-17% в 1913 г. Однако как исходные, так и итоговые уровни существенно варьировали: в Италии отмеченный индикатор увеличился примерно с 3 до 11, во Франции — с 7 до 14, в Великобритании — с 9 до 15, в Японии — с 4 до 16, в Германии — с 17 до 19, в США — с 15 до 22%.

В отличие от других стран в Германии, США и Японии более быстрыми темпами развивалось среднее специальное и высшее техническое образование. К 1913 г. число учащихся в средней и высшей школе в расчете на тысячу жителей составляло в Италии соответственно 6,9 и 0,8, во Франции — 4,1 и 1,0, в Великобритании — 4,6 и 1,2, в Японии — 10,7 и 0,9, в Германии — 16,4 и 1,3, в США — 11,6 и 3,9. Судя по рассчитанному нами показателю Харбизона-Майерса, наиболее высокие темпы роста эффективности национальной системы образования были в Японии: в 1885-1938 гг. отмеченный индикатор вырос более чем в 4 раза, тогда как производительность труда в народном хозяйстве увеличилась в 3,7-3,9 раза (рассчитано по источникам к табл.18, 19, а также [630, p.196, 226-227]).

За XIX и начало XX в. ныне развитые страны добились немалых успехов в ликвидации неграмотности. На заре промышленной революции доля грамотных среди взрослого населения превышала половину только в Германии (63-67%), Великобритании (53-57%) и США (56-60%). К началу первой мировой войны в этих государствах, а также во Франции она составила уже примерно 9/10. В Японии и Италии эти показатели оказались ниже (соответственно 68-72 и 58-62%), правда, их стартовый уровень также заметно отставал от других стран. В силу интенсификации образования, развития средней и высшей школы, а также профессиональной подготовки рост среднего числа лет обучения работников был более значительным, чем увеличение доли грамотных: в 1800-1913 гг. оно, по нашим расчетам, повысилось в Италии с 1,1 до 4,8 года, в Японии — с 1,2 до 5,4, во Франции — с 1,6 до 7, в Великобритании — с 2 до 8,1, в США — с 2,1 до 8,3 и в Германии — с 2,4 до 8,4 года. (Заметим, однако, что существовала немалая дифференциация в качестве полученного образования [282, p.71].)

Проведенный анализ позволяет рассмотреть в целом эволюцию структуры совокупного производительного капитала (табл.23). В 1800-1913 гг. в странах Запада существенно возросла доля воспроизводимых физических фондов — с 13 до 20%, в том числе машин и оборудования примерно с 1,5 до 5,5%. Значительно, почти втрое (до 9%), увеличился удельный вес накопленных вложений в образование, здравоохранение и науку. К началу первой мировой войны активные элементы совокупного капитала составляли уже 14-15%, с учетом скота — до 16%, а всего на долю физического воспроизводимого и человеческого невещного капитала приходилось от 1/4 до 1/3 от общего объема производительного богатства стран Запада. Аналогичные, но более быстрые изменения в струк-

туре совокупного капитала произошли в Японии в период ее первичной индустриализации (1885-1938). В результате к началу второй мировой войны физические воспроизводимые фонды составили 20-21%, а человеческий невещный капитал — 11-12%.

Таблица 23

Изменение структур совокупного производительного капитала в период промышленного переворота¹, %

Показатели	Страны Запада ³			Япония		
	1800 г.	1860 г.	1913 г.	1885 г.	1913 г.	1938 г.
1. Земля и используемые недра	24,0	21,5	14,5	19,5	18,2	16,0
2. Физические воспроизводимые активы	13,0	19,5	20,0	14,7	17,6	20,7
2.1. Здания и сооружения	4,5	10,0	10,0	6,9	6,5	9,2
2.2. Орудия труда	1,5	4,0	5,5	1,4	3,6	5,2
2.3. Скот	3,0	2,0	1,5	3,5	2,4	2,1
2.4. Товарно-материальные запасы	4,0	3,5	3,0	2,9	5,1	4,2
3. Человеческий капитал ²	63,0	59,0	65,5	65,8	64,2	63,3
3.1. "Вещественный"	59,5	53,5	56,5	60,7	57,1	52,0
3.2. "Невещественный"	3,5	5,5	9,0	5,1	7,1	11,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

1. Исчислено методом инвентаризации различных категорий капитальных и текущих расходов, без учета жилья, военного имущества, финансовых активов. Исходные данные Р.Голдсмита о материально-финансовом богатстве дополнены нашими оценками о человеческом капитале по методу Дж.Кендрика.

2. Человеческий "невещественный" капитал — оценка капитализированных расходов на образование, профподготовку, здравоохранение и элементы НИОКР.

3. Сводные данные по Великобритании, Франции, Германии, Италии и США.

Примечание. Все показатели представлены в ценах соответствующих лет, данные округлены.

Рассчитано по источникам к табл. 18, 19, а также: [357, p.68, 105; 359, p.216-217, 225-226, 231-236, 249-250, 300-301].

На базе вышеприведенных данных можно построить статистико-экономическую модель и дать общую оценку важнейшим факторам экономического роста стран Запада и Японии в период их индустриализации (табл.24).

Таблица 24
Темпы и факторы экономического роста
в период промышленного переворота^{1,2}, %

Страна	Годы	<i>y</i>	<i>l</i>	<i>k</i>	<i>g</i>	<i>r</i>	<i>u</i>
Великобритания	1785-1845	1,9 ³	1,3(1,1) ⁴	1,6	1,4	0,5(0,6)	26(32)
Франция	1820-1869	1,5	0,6(0,5)	1,8	1,4	0,5(0,6)	34(40)
Германия	1850-1900	2,5	1,1(0,8)	2,4	2,0	1,0(1,2)	40(48)
США	1840-1890	4,2	2,7(2,4)	4,4	3,3	1,1(1,3)	26(31)
Япония	1885-1938	3,3	0,9(0,6)	3,8	2,2	1,6(1,8)	48(54)
Италия	1895-1938	2,4	0,5(0,2)	2,4	1,8	1,3(1,5)	54(62)

1. *y*, *l*, *k*, *g*, *r* — соответственно среднегодовые темпы прироста ВВП, используемой рабочей силы, основного производственного капитала, природных ресурсов, вовлекаемых (дополнительно) в хозяйственный оборот в аграрном секторе и добывающей промышленности, а также совокупной производительности; *u* — доля интенсивных факторов.

2. Факторные “веса” труда, физического капитала и природных ресурсов, рассчитанные по данным табл.23, оказались равными в среднем по странам Запада соответственно 0,61-0,63, 0,17-0,19 и 0,19-0,21, а по Японии — 0,63-0,65, 0,17-0,19 и 0,17-0,19.

3. Все показатели округлены.

4. В скобках — оценки, учитывающие затраты живого труда в человеко-часах.

Рассчитано по данным и источникам к табл.18, 19, 23; Прил. II.

По нашим расчетам, народнохозяйственное развитие этих государств носило, вопреки еще встречающимся в литературе суждениям, преимущественно экстенсивный характер, поскольку за счет количественных затрат производственных ресурсов было получено в среднем 60-65% прироста их ВВП (вклад труда — примерно 28-30%, физического капитала — 18-20, используемых природных ресурсов — 15-16%). На долю интенсивных факторов приходилось соответственно 35-40%. С учетом уменьшения продолжительности рабочего времени (часов) этот показатель, возможно, был несколько выше — 43-47%. В странах более ранней модернизации (Великобритания, Франция) и США (осуществлявших крупномасштабное инфраструктурное строительство, а также широкое освоение богатых природных и иных ресурсов) относительный вклад качественных составляющих роста (26-34%, или по уточненной оценке 31-40%) был ниже, чем в среднем по Германии, Италии и Японии (соответственно 40-54 и 48-62%).

При всей условности полученных расчетов и оценок можно предположить, основываясь на ранее приведенных материалах, что в целом по группе ныне развитых стран рост эффективности в период их первичной индустриализации примерно на 1/5 был связан с изменением в отраслевых пропорциях распределения рабочей силы и физического капитала, на 1/4 — с ростом качества основных фондов (повышением доли активных элементов производственных активов) и более чем наполовину — с улучшением качества человеческого фактора производства (оценки сделаны по динамике продолжительности жизни и среднему числу лет обучения работников).

Итак, в эпоху промышленного переворота (в наших расчетах здесь — 1800-1913 гг.) в ныне развитых странах произошли кардинальные сдвиги в структурах производства и национального богатства, позволяющие говорить о становлении качественно нового типа хозяйственной эволюции — так называемого современного экономического роста. За период немногим более 100 лет их совокупный продукт вырос почти в 10 раз, в том числе на душу населения — в 3,3-3,7 раза. Это означает, что по сравнению с первыми восемью столетиями второго тысячелетия средний темп изменения подушевого дохода увеличился на порядок (в 9-11 раз).

Возникла и сформировалась индустриальная цивилизация. Прогресс был достигнут как на основе расширения и углубления внутренних конкурентных рынков, так и в результате интенсификации внешних взаимосвязей стран, создания мирового капиталистического хозяйства. Вклад фактора эксплуатации периферии в осуществление индустриализации ныне развитых государств был в целом, как показывает анализ, существенно меньше, чем считают некоторые леворадикальные ученые.

Сравнительно быстрая трансформация стран Запада и Японии — и в этом, видимо, парадокс и парадигма развития — определялась не только (а быть может, не столько?) масштабами вытеснения прежних форм производства, но и достижением органического синтеза современных и наиболее продуктивных из числа традиционных факторов роста, роль которых в становлении индустриальной цивилизации и придании ей относительной устойчивости оказалась весьма значительной.

Отмечая глубину произошедших сдвигов, не стоит, однако, чрезмерно преувеличивать их реальные масштабы. Ряд стран, ныне считающихся промышленными державами, в начале этого века оставались во многом полуразвитыми. В 1910 г. доля городского

населения, достигавшая в Великобритании, Бельгии и Германии соответственно 74-76, 56-58 и 48-50%, составляла во Франции, Италии и США 38-42%, в Швейцарии — 32-34, в Швеции и Японии — 18-23% [237, p.288].

Формирование механизма самоподдерживающегося роста было отнюдь не безболезненным процессом. Во многих странах первые два поколения людей, живших в условиях промышленного переворота, заплатили немалую социальную и экологическую цену, размеры которой до сих пор уточняются исследователями.

В ходе индустриализации стран Запада и Японии возросла неравномерность их экономического развития (коэффициент межстрановой вариации среднедушевого ВВП увеличился, по нашим подсчетам, с 25% в 1800 г. до 41% в 1913 г.), обострились противоречия между прежними и будущими лидерами мирового капиталистического хозяйства. Бывшая “мастерская мира”, не сумевшая в должной мере адаптироваться ко второму витку промышленной революции (конец XIX — начало XX вв.), т.е. обновить технологические и институциональные структуры, в немалой мере обессиленная экспортом финансового (физического) и человеческого капитала, сдавала свои позиции (многое из сказанного справедливо также и для Франции).

США, Германия и Япония, в гораздо меньшей степени придерживавшиеся рикардианских принципов “естественных преимуществ”, постепенно преодолели сырьевую полупериферийную специализацию своих экономик благодаря последовательной реализации национальных стратегий развития, эффективным институциональным реформам, форсированному наращиванию инвестиций в наиболее передовые средства производства и коммуникаций, а также в образование, науку и культуру, т.е. в те факторы развития, которые были во многом приоритетными для этих государств еще до начала промышленного переворота.

Опыт осуществления в ныне развитых странах преимущественно эволюционной модели индустриализации содержит, несмотря на давность событий, кое-что ценное и полезное для полупериферийных и периферийных государств, стремящихся быстро преодолеть свою отсталость. Один из главных уроков состоит в предостережении от волюнтаризма, искусственного ускорения необходимых, но не вполне скоординированных и рационально рассчитанных преобразований, не всегда — в силу исторических обстоятельств — в достаточной степени подготовленных предшествовавшим ходом развития.

Второй урок, вытекающий из первого, заключается в том, что экономический рост стран Запада и Японии, при всей его кон-

фликтности, был в целом относительно сбалансирован и имел широкую основу. Он происходил не за счет ограбления и подрыва сельского хозяйства (как это не раз случалось при попытках быстрой модернизации в XX столетии), а на базе его всемерной интенсификации, при подтягивании полутрадиционных и традиционных сегментов экономики, а также приоритетном развитии инфраструктурных отраслей. Привлечение зарубежных технологий и капиталов сочеталось с активным использованием внутренних ресурсов во многом благодаря компетентным действиям государства, его дозированному интервенционизму, направленному на формирование эффективных механизмов созидательной конкуренции.

Третий урок, имеющий, на наш взгляд, исключительно важное значение для судеб многих отставших сообществ, связан с тем, что наибольших успехов в XIX—XX вв. добились те страны, которые наряду с интенсификацией материально-вещественного накопления обеспечили приоритетное развитие духовных и институциональных компонентов производительных сил и не столько заботились о сравнительной дешевизне сырья и рабочей силы, сколько об уровне ее квалификации, практической подготовленности, дисциплинированности и соответствующих формах рационального управления производством, учитывающих национальные традиции и международный опыт.

2. Особенности экономической эволюции колониальной и полуколониальной периферии

Европейская экспансия и колонизация оказали, как известно, весьма противоречивое воздействие на социально-экономические структуры афро-азиатских и латиноамериканских обществ. Многие аспекты этой обширной темы подробно изложены в отечественной и зарубежной специальной литературе [78, гл.6; 98, гл.2-3; 109, гл.2; 193, гл.1,2; 196, гл.3-5]. В то же время остается немало дискуссионных вопросов, а также недостаточно исследованных проблем, в том числе связанных с общей оценкой динамики, характера и факторов экономического роста колониальной и полуколониальной периферии, масштабов и глубины ее трансформации.

Столкнувшись в ходе развертывания своей экспансии с менее динамичными, во многом самодостаточными, в известной мере интровертными цивилизациями (например, Индия, Китай), а также менее развитыми цивилизациями, находящимися на стадии инволюции, а быть может, и тупикового варианта эволюции (доколумбова Америка, Тропическая Африка и др.)⁸, европейцы не

преминули воспользоваться своим преимуществом в навигационных средствах и огнестрельном оружии для установления господства и навязывания неравноправных договоров.

Европейские конкистадоры XVI—XIX вв. отнюдь не были первооткрывателями феномена колонизации. И до них существовали — иногда в течение многих столетий — крупные колониальные империи (египетская в XVI—XI вв. до н.э., персидская в VII—IV вв. до н.э., римская в I в. до н.э. — IV в.н.э., китайская, монгольская, османская, а также в доколумбовой Америке), управлявшиеся к тому же далеко не идиллическими методами [641, p.46]. Основное отличие состояло в более высоком организационно-технологическом базисе европейской колонизации (опиравшейся на результаты культурно-научной революции XVI—XVIII вв. и промышленной революции), а также в ее абсолютных и относительных “размерах”.

Вначале были созданы торгово-военные форпосты, а впоследствии — огромные колониальные империи. О их масштабах можно судить по следующим данным. Если к середине XVIII в. численность населения колоний еще не превышала 17-19% всех жителей Европы (без России), то к 1830 г. она уже составляла примерно 100%; к 1913 г. этот показатель достигал 160-165% общей численности населения западных метрополий и Японии [237, с.490-491; 263, vol.8, p.104; 504, с.50-51].

Межцивилизационный “контакт” привел к большим человеческим жертвам как в Новом Свете, так и в некоторых регионах южной части Старого Света. Геноцид, непосильный труд, а главное, как показывают новейшие исследования, инфекционные заболевания, к которым у индейцев не было иммунитета, вызвали значительное сокращение численности населения в Латинской Америке: с 40-60 млн в 1492-1520 гг. до 9-13 млн в 1650-1670 гг. [302, p.32; 305, p.ХХVIII; 641, p.43]⁹. Заселение Америки чернокожими невольниками обернулось немалыми потерями для Тропической Африки, откуда в XVI—XIX вв. было вывезено европейцами 15-16 млн рабов (судя по оценкам, столько же негров было доставлено арабами в страны мусульманского мира в VII—XIX вв., в том числе 5-7 млн до XVI в. [68, т.3, с.451; 234, 1992, p.166; 429, p.3; 538, p.532, 538]¹⁰.

Колониальный “синтез”, особенно на его первой фазе, сопровождался откровенным грабежом, прямой и косвенной эксплуатацией природных ресурсов и коренного населения Вост- и Ин-Индии. Абсолютные размеры награбленных богатств, как показы-

вают исследования, весьма внушительны. Относительные индикаторы в целом дают менее драматичную картину (хотя, возможно, не полностью учитывают все аспекты ущерба, нанесенного завоевателями на ранних этапах колонизации). По имеющимся оценкам, во второй половине XVIII в. чистый отток ресурсов в Европу из стран Латинской Америки (без учета контрабанды) достигал примерно 3% их ВВП, а для таких крупных, густонаселенных стран, как Индия, а также Индонезия, он составлял 0,6-1,2% [68, т.3, с.434; 273, р.273; 503, р.465].

Наплыв из метрополий дешевых фабричных товаров (при минимальной тарифной защите, существовавшей в колониях и полуколониях, связанных неравноправными договорами) во многом (но, заметим, далеко не полностью) разрушил местное, прежде всего городское, ремесло, включая производство предметов роскоши¹¹. Ощутимый удар по традиционным видам хозяйства нанесла созданная в конце XIX — первой половине XX в. крупная национальная промышленность, осваивавшая внутренние регионы периферийных стран, в меньшей мере пострадавшие ранее от импорта готовых изделий [270а, р.77; 465, vol.1, р.103; 183].

Попытки автохтонной модернизации в ряде стран Латинской Америки, освободившихся в 1820-е гг. (например, в Бразилии, Мексике, Парагвае), а также в Египте эпохи правления Мухаммеда Али (1820-1830), во многом индуцированные опытом индустриализации западноевропейских государств, оказались в конечном счете сорваны последними (с применением экономических и военных средств).

Однако было бы неправильно сводить все только к внешним факторам. Модернизация латиноамериканских стран, а также Египта (включавшая создание передовых промышленных предприятий, плантационных хозяйств, строительство портов, каналов, повышение нормы капиталовложений, в частности, в Египте до 10% ВВП)¹² наталкивалась на многочисленные трудности внутреннего характера и происходила во многом на старой институциональной основе. Речь идет о широком использовании принудительного, в том числе рабского и крепостного, труда, чрезмерном вторжении государства в хозяйственные процессы в Египте, неразвитости (особенно в Бразилии и Мексике) транспортной инфраструктуры, а также о колоссальном неравенстве в распределении земельных ресурсов, сохранении традиционного менталитета и культурно-психологических установок, господствовавших еще со времен средневековья в арабо-мусульманском мире и феодально-

католических государствах Иберийского полуострова (имеются в виду сравнительно низкий уровень трудовой этики и весьма пренебрежительное отношение к производительной деятельности как таковой) [383, p.7; 478, vol.1, p.65-66, 225].

В силу указанных причин во многих периферийных странах Азии, Африки и Латинской Америки получили распространение такие процессы, как дезиндустриализация и дезурбанизация. Если в 1750-1860-е гг. в ныне развитых государствах производительность труда в промышленности выросла в 2-3 раза, то в колониальных и зависимых странах она, возможно, сократилась в 1,5-2 раза. Доля готовых изделий в их экспорте понизилась с 7-9% в 1830-е гг. до 3-4% в 1860-1880-е гг. (периферийные страны все больше превращались в поставщиков сельскохозяйственного и минерального сырья). Удельный вес городского населения (города с числом жителей более 2 тыс. человек) уменьшился в Индии с 12-13% в 1800 г. до 9-10% в 1881 г. и в Китае с 7-9% в конце XVIII — начале XIX в. до 6-8% в 1840-е гг. В Латинской Америке население, проживавшее в городах с числом жителей не более 5 тыс. человек, сократилось с 14,5% в 1800 г. до 13% в 1850 г. [234, 1992, p.399, 237, p.462, 489, 499; 270, p.58-59; 485, p.226; 536, p.305].

Период, охвативший первые две трети XIX в., в колониях и полуколониях был отмечен крайней нестабильностью, связанной в Латинской Америке с борьбой за национальную независимость, гражданскими войнами, военными переворотами, народными восстаниями против голландских колонизаторов на Яве (1825-1830 и 1840 гг.), индийским народным восстанием (сипаев) 1857-1859 гг. против английского колониального господства, тайпинской крестьянской войной в Китае в 1850-1864 гг., унесшей по меньшей мере 20-30 млн жизней [409, vol.4, p.40; 641, p.50]. Многочисленные выступления народных масс в периферийных странах свидетельствовали о глубоком экономическом и социально-политическом кризисе. Имеющиеся оценки позволяют уточнить его наиболее общие контуры.

В Мексике, по данным американского исследователя С.Хабера, подушевой ВНП сократился в 1800-1860 гг. на 1/3, а судя по статистическим материалам, приведенным мексиканским экономистом М.Рамиресом, национальный доход страны в расчете на душу населения уменьшился в 1810-1877 гг. примерно на 2/5. По нашим расчетам, опирающимся на данные К.У.Рейнольдса, подушевой ВВП Мексики в 1800-1860 гг. понизился на 35-40% (а затем в 1860-1877 гг. вырос на 25-30%) [383, p.3; 588, p.15; 592, p.20, 313].

В Бразилии, по оценкам американского ученого У.Макгриви, национальный продукт в расчете на душу населения сократился в 1800-1850 гг. примерно на 13-15%. По нашим расчетам, учитывающим результаты регрессионных реконструкций К.Контадора и К.Хаддада, а также данные Н.Леффа и М.Буэску, среднедушевой валовой продукт с 1822 (год получения независимости) по 1850 г. уменьшился почти на 1/5. Однако вследствие улучшения условий торговли с внешним миром (в течение отмеченного периода в среднем ежегодно на 2,8-3,4%) реальное снижение внутреннего дохода на душу населения было меньшим — на 1/10. (Эта оценка не является итоговой, ибо она не скорректирована ввиду отсутствия необходимой информации на сальдо трансфертов доходов с заграницей [261, p.126, 135; 360, p.8, 22-23, 82, 93; 410, p.116-117; 520, p.481].)

Расчеты по Китаю за 1800-1870 гг., основанные на оценках подушевого производства зерновых и железа, весьма приближены [270, p.89-93, 199; 409, vol.4, p.531; 570, p.16-17; 690, p.84]. В целом они показывают снижение подушевого национального продукта примерно на 1/5 (что, как представляется, отражает масштабы экологического кризиса XIX в. и негативные последствия длительной опустошительной крестьянской войны 1850-1860-х гг.).

Согласно нашим подсчетам по Индии, базирующимся на данных А.Десаи, К.Мукерджи, А.Мэддисона, Р.Голдсмита и Ш.Мусви, позволяющим определить динамику продукции растениеводства (главным образом зерновых) в расчете на душу населения и реальной заработной платы городских рабочих, среднедушевой национальный продукт этой страны, выросший в течение XVII в. примерно на 1/10, сократился в ходе опустошительных внутренних войн и внешних вторжений (например, Надир-Шаха) в 1700-1750 гг. на 1/10. В последующее столетие, ознаменованное экспансией англичан, отмеченный индикатор также уменьшался. В итоге к началу 1870-х гг. он был на 1/5 меньше, чем в середине XVIII в. [309, p.53-79; 361, p.102; 404, p.402; 500, p.24; 536, p.82, 90-91, 400, 402].

В Индонезии, судя по оценкам А.Мэддисона, чистый внутренний продукт в расчете на душу населения в 1700-1830 гг. не возрастал, в дальнейшем он несколько повысился и в 1840-1870 гг. зафиксировался на уровне, в среднем на 5-10% превышавшем показатель предыдущих 100-130 лет. При этом доля голландцев в ЧВП Индонезии возросла с 1,2-1,4% в 1700-1780 гг. до 7,1-7,6% в 1840-1870 гг., что, по сути дела, означало для неевропейской части

населения в лучшем случае сохранение прежнего, крайне низкого уровня доходов. (Этнические китайцы, проживавшие в Индонезии, имели сравнительно более высокий и, вероятно, в целом повышавшийся уровень жизни.) [503, p.645].

У нас нет сводных данных по Ближнему Востоку. Сделанные нами оценки динамики реальной заработной платы чернорабочих по ряду крупнейших городов Османской империи (в основном на территории современной Турции) говорят о возможном росте их реальных доходов (средних ставок) в 1800-1815/1870-1885 гг. примерно на $3/5 - 2/3$. (С середины XVI по конец XVIII в. отмеченный индикатор, возможно, снизился на $1/6$ [361, p.82, 87; 428a, p.34, 37, 39-42, 327, 334, 339; 429, p.187]. Однако это — ориентировочные подсчеты, способные лишь в самых общих чертах, как показывают аналогичные исследования по другим странам, отразить общий тренд подушевого национального продукта за длительную ретроспективу.

Что касается Египта, то выполненные нами расчеты, основанные на взвешенных показателях динамики подушевого сельскохозяйственного продукта и реальной заработной платы рабочих в несельскохозяйственном секторе экономики, допускают возможность увеличения среднедушевого дохода в целом по стране в 1800-1885 гг. примерно на $1/3$. (Как и по Турции, индикатор по Египту вбирает в себя тенденции второй половины XIX в. и поэтому не совсем сопоставим по другим периферийным странам [180, с.328-329, 384, 387-391; 328, p.422-423; 426a, p.361-366, 377, 451; 518, p.16].

Итак, при всем разнообразии путей экономической эволюции отмеченных стран на первой фазе их колониального (полуколониального) существования негативные явления в целом преобладали. Если взвесить приведенные показатели роста (снижения) подушевого ВВП указанных стран по численности их населения, то можно прийти к следующему заключению: с конца XVIII по середину (а может быть, вплоть до последней трети) XIX в. среднестатистический душевой доход в будущих странах третьего мира уменьшился на $1/6-1/7$ (или в среднем ежегодно на $0,15-0,20\%$)¹³.

Примерно в последней трети-четверти XIX в. в ряде периферийных стран сложились более или менее благоприятные условия для начала (а для некоторых из них — возобновления) экономического роста. Существенное удешевление транспортных расходов, в том числе морских перевозок (связанное с распространением пароходов, завершением строительства Суэцкого канала), сделало возможным и весьма выгодным широкое освоение природных и

трудовых ресурсов, а также потребительских рынков колониальных и зависимых стран.

В конце XIX — начале XX в. колониальная экспансия европейских держав, Японии и США достигла апогея. Периферия оказалась поделенной между метрополиями, имевшими обширные территориальные владения и зоны влияния (например, в Латинской Америке, в Китае и на Ближнем Востоке — в Турции и Иране). В этот период во многих колониях и зависимых странах произошла определенная стабилизация общественной жизни. В целом уменьшилось число внутренних войн и восстаний. Совершенствовалась работа административного аппарата. В ряде государств колониальными властями были отменены некоторые жестокие обычаи. (В Индии англичанами были запрещены ритуальные убийства, сожжения вдов, детоубийства.) [641, p.59].

В ряде зависимых стран (например, в Османской империи) проводились некоторые либеральные реформы, направленные на уменьшение всемогущества государства и укрепление прав частной собственности, упразднение архаичных институтов (в Бразилии в 1888 г. и в Таиланде в 1905 г. было ликвидировано рабство). В то же время во многих афро-азиатских и латиноамериканских странах сохранялась полуфеодалная зависимость крестьян; колонизаторы проводили грубую экспроприацию земельной и иной собственности у коренного населения [563, p.30; 565, p.200].

Одна из отличительных черт этого этапа развития периферии — активное инфраструктурное строительство, создание и расширение портов, проведение ирригационных работ. В этот период велось интенсивное строительство каналов, линий железнодорожных коммуникаций. К началу первой мировой войны общая длина железных дорог достигла в Индии 55,8 тыс. км, в Китае — 9,9, в Индонезии — 2,9, в Египте — 4,3, в Турции (в азиатской части) — 3,5, в Бразилии — 24,9, в Мексике — 25,5, в Аргентине — 33,2 тыс. км¹⁴ (для сравнения: в Италии — 16,9 тыс., в Великобритании — 37,7, во Франции — 51,2, в Германии — 63,7, в США — 410,9, в Японии — 10,6 тыс. км). В пересчете на 1 тыс. кв.км (общей территории) отставание от развитых государств было весьма значительным (в среднем 1:10): в Китае — 1 км, в Бразилии — 3, в Египте, Турции и Индонезии — 4-5, в Индии, Аргентине и Мексике — 11-13 км (в Японии — 29 км, в США — 44, в Италии — 56, во Франции — 95, в Германии и Великобритании — 118-120 км) [228, p.326; 383, p.12; 428b, p.319, 429, p.54; 504, p.50].

По данным Ч.Иссави и А.Мэддисона, в 1870-1914 гг. общий объем иностранного капитала (в неизменных ценах), инвестированный в страны будущего третьего мира, вырос в 5,3-5,5 раза, достигнув примерно 1/3 их совокупного ВВП. При этом в расчете на душу населения величина иностранного капитала, инвестированного в крупных азиатских государствах (в Китае 3,5-4,0 дол., в Индии 6,7-7,3, в Индонезии 12-13 дол.), была меньше, чем в странах Ближнего Востока (в Турции 61-62 дол., в Египте 83-84 дол.), и намного меньше, чем в Латинской Америке (в Бразилии 81-83 дол., в Мексике 113-115 дол.). В Аргентине этот показатель (409-411 дол.) в целом не уступал данным по таким переселенческим (ныне развитым) государствам, как Южная Африка (346-347 дол.), Австралия (373-374 дол.) и Канада (490-491 дол.). Превалирующая доля (2/3-3/4) этих средств была вложена в инфраструктуру и добывающую промышленность [428b, p.309; 504, p.32, 47; 563, p.41].

В ряде стран Латинской Америки и Ближнего Востока за счет притока иностранных инвестиций финансировалась немалая часть внутренних капиталовложений: этот показатель в Мексике в эпоху правления П.Диаса (1877-1911) достигал 2/3; в Турции и Египте в 1907-1913 гг. — 50-60%. Близкие к отмеченным индикаторы были характерны для французских переселенческих колоний в Северной Африке (страны Магриба), а также для Кореи и Тайваня, принадлежавших Японии (рассчитано по: [216, p.47, 53-54; 429, p.189-190; 563, p.46; 594, p.100, 109, 167-168, 175-176]).

Однако в крупных, густонаселенных странах превалировали другие тенденции. В Индии в 1901-1920 гг. и в Китае в 1914-1936 гг. из внутренних источников финансировалось примерно 83-85% всех капиталовложений (рассчитано по: [356, p.20, 80; 591, p.262]). Приведенные факты говорят о далеко не одинаковой степени и масштабах европейского (японского, американского) “цивилизующего” влияния, которое, как это становится все более очевидным, имело в целом не столь мощное проникающее воздействие на традиционные уклады [196, с.150-193].

Вопреки еще встречающимся в литературе представлениям, относительные размеры капиталонакопления в колониальных и зависимых странах были не столь уж малы, во всяком случае существенно выше нулевой отметки. Так, в Бразилии доля валовых капиталовложений в ВВП, составлявшая в конце XIX — начале XX в. 7-9%, увеличилась в 1925-1929 гг. до 12-14%. В Индии этот показатель повысился, по минимальным оценкам, с 5-6% в 1865-1900 гг. до 6-7%

в 1900-1939 гг. (а норма чистых инвестиций в ВВП увеличилась с 2 до 3%). В Китае, в соответствии с ранее имевшимися данными, норма валовых инвестиций в ВВП не превышала в конце XIX — начале XX в. 2-4% и в 1933 г. составила примерно 5%. Судя по расчетам, недавно сделанным Т.Равским, отмеченный индикатор возрос с 6-7% в 1914-1918 гг. до 10-11% в 1931-1936 гг.; при этом доля фонда возмещения понизилась с 3/4 до 1/2, а удельный вес вложений в современные средства производства увеличился примерно с 13-17 до 35-39% (составлено и рассчитано по: [262, p.60, 196-198; 278, p.134; 356, p.19, 80; 360, p.152; 410, p.455; 591, p.262; 594, p.276]).

По данным С.Амина, Ч.Иссаи, С.Радвана и Б.Хансена, норма валовых внутренних капиталовложений (в ВВП) достигала в Египте и странах Магриба в 1882-1913 гг. и в 1920-е гг. примерно 9-12%, а в Турции, Сирии и Иране в 1907-1913 и в 1933-1939 гг. 7-10% [216, p.49; 429, p.189-191; 563, p.46; 587, p.235-236].

Средневзвешенный показатель по перечисленным странам увеличился с 4-6% в конце (последней четверти) XIX в. до 9-10% в первой трети XX в. За вычетом непроизводственных инвестиций (главным образом в жилье), которые обычно составляли 20-25% всего внутреннего капиталонакопления, норма производственных капиталовложений в будущих странах третьего мира достигала в среднем 7,0-7,5% их ВВП. Такой уровень инвестиций в физический капитал был характерен для ряда стран Запада на предмодернизационном этапе развития, т.е. накануне “промышленного рывка”, а также в первые десятилетия их индустриализации.

Наряду с отмеченными факторами важными компонентами улучшения хозяйственной конъюнктуры в будущих странах третьего мира стало заметное увеличение их экспортного потенциала. В последней четверти XIX — первой четверти XX в. для стран-поставщиков сельскохозяйственного и минерального сырья сложилась весьма благоприятная обстановка. По данным У.А.Льюиса, индекс условий торговли периферийных государств¹⁵ повысился в 1871-1873/1911-1913 гг. по меньшей мере на 5-10%, а по оценкам П.Бэрока, он поднялся в 1876-1880/1928-1929 гг. на 20-40% [228, p.272; 234, 1992, p.410]. Этот индикатор увеличился в Бразилии в 1870-1929 гг. на 137-143%, в Таиланде в 1865-1929 гг. — на 68-70, в Индии в 1870-1929 гг. — на 13-17, в Китае в 1870-1979/1915-1925 гг. — на 25-27%, в Турции (Османской империи) в 1876-1913 гг. — на 18-20, в Египте в 1885-1929 гг. — на 28-32% (рассчитано по: [278, p.34; 360, p.54-55; 390, p.431; 404, p.903-904; 429, p.39; 478, vol.1, p.82; 656a, p.283]).

И хотя в ряде колоний и полуколоний индекс условий внешней торговли снижался (например, в Индонезии в 1913-1929 гт. на 55-60% [656а, р.283]), в целом для стран будущего третьего мира этот индикатор имел повышательную тенденцию, что, несомненно, расширяло покупательную способность их экспорта. Что касается его физического объема, то соответствующие среднегодовые показатели роста достигали в 1870-1928 гт., в частности, в Индии, Китае и Бразилии 2-3%, в Индонезии и Аргентине 4,5-5,0%. Наиболее высокие темпы были зарегистрированы в 1900-1929 гт. на Тайване (8,0-8,2%), в Корее (10,5-11,5%), а также в Перу (6,5-6,9%) и Колумбии (7,3-7,7%). Учитывая имеющуюся информацию (темпы роста экспорта и ВВП, а также данные об экспортных квотах) по ряду других азиатских, североафриканских и латиноамериканских стран, можно предположить, что в конце XIX — первой четверти XX в. за счет экспортрасширения была получена в целом 1/6 прироста их валового продукта. Следует, однако, принять во внимание, что полученный взвешенный показатель во многом определялся данными по крупным странам (прежде всего по Китаю и Индии, где он был равен 12-13%), тогда как в средних и малых странах ситуация была иной: средневзвешенный индикатор без Китая, Индии, Бразилии и Мексики составил 36-40% (!), что не могло не сказаться на динамике их экономического роста в отмеченный период (рассчитано по: [216, р.53-54; 504, р.155; 537, р.339-348; 570, р.130]). Темпы роста экспортных сегментов существенно превосходили соответствующие показатели “внутренних”, в основном традиционных секторов экономики. В 1900-1928 гт. в целом по будущему третьему миру (без Китая) среднегодовые индикаторы увеличения экспортных культур (3,2-3,4%) втрое превышали темпы роста производства в традиционных отраслях сельского хозяйства (1,0-1,2%), а аналогичные показатели добывающих отраслей (6,0-6,2%) в среднем почти в 4 раза были выше, чем в обрабатывающей промышленности (1,5-1,7% в год; соответствующие данные по Латинской Америке составили 5,7:2,8%; по Азии — 6,1:1,2, по Африке — 7,7:0,7%) (рассчитано по: [741, 1979, № 80, р.675-682]).

Сохранение в большинстве афро-азиатских стран вплоть до начала 1930-х гг. низких тарифных ставок (в 1913 г. в среднем 4-6%; в латиноамериканском мире — 23-35-45 [249, р.241; 263, vol.8, р.139; 312, р.29-30; 478, vol.1, р.171, 175; 504, р.49]; в развитых государствах 10-20%), общий невысокий уровень предпринимательской культуры, а также другие институциональные и инфраструктурные ограничения тормозили, но, подчеркнем, не блоки-

ровали развитие современного сектора в обрабатывающей промышленности периферийных стран. Среднегодовые темпы прироста его продукции достигали в Индии в 1870-1913 гг. 7,6-7,8% и в 1913-1928 гг. — 3,5-3,7, в Китае в 1913-1928 гг. — 8,6-8,8 и в 1928-1939 гг. — 4,7-4,9, в Бразилии в 1900-1928 гг. — 7,5-8,5, в Корее (1910-1940 гг.) и на Тайване (1913-1939 гг.) соответственно 10-11 и 7-8% (рассчитано по: [269, p.66; 404, p.397-399; 410, p.418, 422; 478, vol.1, p.166; 594, с.175]). В результате увеличилась доля современного сектора в совокупном производстве обрабатывающей промышленности третьего мира с 1-3% в 1880 г. до 10-19 — в 1913 г. и 25-35% в 1928 г.; уменьшился удельный вес импорта во внутреннем потребительском спросе на промышленные товары (в Бразилии — с 44-46% в 1907 г. до 19-21% в 1939 г., в Индии — до 38 в 1936 г. и 24% в 1945 г.); несколько повысилась доля готовых изделий в экспорте колониальных и зависимых стран — с 4% в 1883 г. до 10% в 1913 г. (Этот показатель снизился до 6-7% в 1928 г. и 4-5% в 1937 г. [228, p.349; 234, 1992, p.399; 236, p.288; 278, p.60-61; 404, p.397-399; 485, p.226].).

В целом, несмотря на существенное повышение в периферийных странах темпов роста численности населения (в среднем с 0,2-0,3% в 1800-1870 гг. до 0,5-0,6% — в 1870-1913 гг. и 0,9-1,0% в 1913-1938 гг.), связанное прежде всего с усилением контроля за распространением эпидемий и некоторым увеличением экстренной помощи голодающим (табл.25), возросли также темпы роста подушевого ВВП. Однако речь не идет о жесткой прямолинейной тенденции.

Согласно оценкам С.Фуртаду, в Бразилии среднегодовой темп повышения национального продукта в расчете на душу населения мог достигать в 1850-1900 гг. 1,5%, а по данным Д.Коеша, этот индикатор в 1878-1882/1911-1915 гг. составил около 1%. Другие исследователи (Н.Леф, Л.Рейнольдс, Р.Голдсмит) полагают, что отмеченные показатели приукрашивают действительность: завышен вклад экспортных отраслей, реального повышательного тренда в этот период в целом не отмечалось (кроме региона Сан-Паулу), а Северо-Восток страны переживал период упадка [345, p.162-164; 360, p.7-9; 478, vol.1, p.37; 594, p.92; 603, p.482].

По расчетам К.Контадора, К.Хадлада и Р.Голдсмита, подушевой ВВП Бразилии вначале (1850-1870) повысился на 25-30%, а затем (1870-1900) понизился на 15-20%. Однако в 1900-1929 гг. экономический рост был более устойчивым: валовой продукт на душу населения увеличился на 90-95% (или в среднем ежегодно на 2,2-2,4%) [21, p.898-900; 360, p.8, 22-23, 82, 147].

Таблица 25
Динамика численности населения
некоторых периферийных стран, %

Страна	1800-1870 гг.	1870-1913 гг.	1913-1938 гг.
Бразилия	1,5-1,6	1,9-2,1	2,0-2,1
Мексика	0,6-0,7	1,1-1,2	1,1-1,3
Китай	0,1	0,4-0,6	0,8-0,9
Индия	0,3-0,5	0,3-0,5	0,7-0,9
Индонезия	0,7-0,8	1,4-1,5	1,2-1,4
Египет	0,6-0,8	1,5-1,6	1,0-1,2 ²
Турция	1,0-1,2	0,2-0,3 ¹	0,6-0,7
Таиланд	(0,3-0,5)	0,9-1,0	2,1-2,3
Филиппины	(1,4-1,5)	1,4-1,5	1,8-2,0
Тайвань	1,9-2,1
Корея	0,0	0,1	1,0-1,2
Алжир	0,0	1,4-1,5	1,0-1,2
Марокко	0,1-0,3	0,2-0,4	2,4-2,5
Тунис	0,2-0,3	1,1-1,3	1,1-1,3

1. Учтены потери населения, связанные с голодом 1873-1874 гг.

2. Учтен эффект эпидемии гриппа 1918 г.

Рассчитано по: [216, p.25, 28; 264, vol.2, p.488; 356, p.3; 410, p.116-117; 428a, p.368; 429, p.94; 518, p.20, 33-34; 588, p.15; 570, p.212; 591, p.280; 624, p.35; 655, p.369].

В Мексике в период диктатуры П.Диаса (1877-1910) происходил довольно быстрый экономический рост, опиравшийся на интенсивное развитие инфраструктуры, экспортных анклавов в добывающей промышленности и сельском хозяйстве. Оценки масштабов этого роста неоднозначны. По данным М.Рамиреса, подушевой национальный продукт повысился на 34-38%, а по оценкам С.Хабера, он возрос на 110-115%. Более детальное исследование К.Рейнольдса показывает, что в отмеченный период ВВП в расчете на душу населения увеличился на 60-65%. При этом темпы изменения этого индикатора повысились с 1,1-1,3% в год в 1877-1900 гг. до 2,1-2,3% в 1900-1910 гг. В 1900-1929 гг. ВВП в расчете на душу населения в Перу (1,2-1,3%), Аргентине и Колумбии (1,5-

1,6%) увеличивался быстро, но в целом более низкими темпами, чем в Бразилии и Мексике (в 1900-1910 гг.) (рассчитано по: [383, р.12; 504, р.18; 588, р.15; 592, р.20-22]).

По данным А.Хестона и Р.Голдсмита, внесшим поправки и уточнения в расчеты М.Мукхерджи, С.Сивасубрамоньяна и А.Мэддисона, среднегодовой показатель прироста чистого внутреннего продукта Индии увеличился с 0,9-1,0% в год в 1870-1913 гг. до 1,4-1,5% в 1913-1929 гг., а в расчете на душу населения — соответственно с 0,5-0,6 до 0,8-0,9% [356, р.4-6, 69; 404, р.397-399]. По оценкам Т.Ч.Лиу, К.Ч.Йе, Д.Перкинса, ВВП Китая в расчете на душу населения в целом в 1885-1890/1930-1935 гг. существенно не изменился (в 1885-1890/1914-1918 гг. он, возможно, понизился на 7-10%, а затем, в 1914-1918/1930-1935 гг., повысился примерно на ту же величину). По нашим расчетам, опирающимся на оценки К.Циммермана (охватывающие конец XIX — начало XX в.) и Т.Равского (уточнившего итоги экономического роста Китая в 1914-1918/1931-1936 гг.), подушевой ВВП Китая, несмотря на все перипетии его социально-политической жизни, имел в отмеченный период определенную тенденцию к росту: в 1890-1913 гг. он увеличился на 4-5% и в 1913-1933 гг. — еще на 23-25%. В целом за 1890-1933 гг. среднегодовой темп прироста этого показателя составлял 0,5-0,7%, в том числе в 1913-1933 гг. 1,0-1,1% (рассчитано по: [278, р.117, 122; 474, р.125, 127; 570, р.30, 132; 591, р.272, 289, 330, 331]).

В странах Юго-Восточной Азии в целом также отмечалось ускорение темпов подушевого экономического роста: в Индонезии с 0,2-0,3% в год в 1880-1900 гг. до 1,4-1,6% в 1900-1929 гг., в Таиланде с 0,1-0,2 в 1870-1900 гг. до 0,9-1,1% в 1900-1913 гг. (однако уже в 1913-1929 гг. отмеченный индикатор сокращался на 0,3-0,4% в год). В 1900-1929 гг. соответствующие показатели достигали по Филиппинам 1,4-1,5%, по Тайваню — 1,2-1,4 и по Корее 1,0-1,2% (рассчитано по: [20, р.728; 594, р.136, 169-170, 182; 655, р.359]).

Экономическая модернизация ближневосточной периферии также сопровождалась ускорением темпов подушевого экономического роста. В Турции, по данным О.Окьяра и Ч.Исави, этот показатель в 1889-1911 и 1911-1929 гг. достигал примерно 0,9-1,0% в год. В Египте в 1885-1911 гг. он составлял около 0,8-1,0% в год, однако впоследствии (1911-1928) понизился до 0,4-0,5%¹⁶. В Алжире среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП возросли с 0,2-0,3% в 1880-1910 гг. до 1,1-1,2% в 1910-1930 гг. В Тунисе и Марокко в 1910-1920-х гг. соответствующий индикатор достигал

1,8-2,0% в год (рассчитано по: [180, с.328-329; 216, р.52; 390, р.453; 428b, р.10, 368; 563, р.45-46]).

Обобщая данные по 14 странам, охваченным нашими расчетами (в 1913 г. в этих странах проживали 4/5 населения будущего третьего мира), заметим, что средневзвешенный показатель подушевого экономического роста в этой группе государств в конце XIX — первой четверти (трети) XX в. составлял примерно 0,65-0,75% в год. Этот темп, поддерживаемый на протяжении почти полувека в ряде крупных и средних стран Азии, Африки и Латинской Америки, во-первых, превосходил известные нам ретроспективные показатели их экономического роста, а во-вторых, был в целом выше средних индикаторов по ныне развитым странам в последние десятилетия их предмодернизационного периода.

Оценивая тенденции, особенности и факторы экономической эволюции колоний и полуколоний в конце XIX — первой половине XX в., нельзя не учитывать различные негативные обстоятельства, острые коллизии и противоречия. Многие из периферийных стран выплачивали метрополиям немалую дань. Ее размеры в Индии (3,3% ВВП в 1865-1913 гг. и 1,7% в 1921-1938 гг.) хотя и уступали грабительским налоговым и иным изъятиям Моголов, тем не менее серьезно ограничивали инвестиционные возможности этой страны: по нашим оценкам, реальный фонд накопления был меньше потенциального в 1865-1913 гг. примерно вдвое и в 1900-1946 гг. на 1/4-1/3¹⁷. Англичане, составлявшие в 1930-е гг. всего 0,05% населения Индии, присваивали 5% ее национального дохода. На долю голландцев в конце XIX — первой половине XX в. приходилось примерно 0,3-0,5% населения Индонезии, однако они располагали по меньшей мере 7-8% национального дохода этой страны в 1870-е гг. и 15-17% в 1921-1938 гг., а чистый трансферт ресурсов в метрополию достигал соответственно 6-6,5 и 10-11% национального дохода Индонезии [356, р.16; 505, р.363-364].

В целом в 1910-1929 гг., согласно оценкам В.Г.Растяникова и Г.К.Широкова, изъятия прибыли из колониальных и зависимых стран (без Китая) были эквивалентны 2,1-2,3% их совокупного ВВП. В Китае этот показатель был несколько меньше (в 1900-1933 гг. примерно 1% его национального дохода), хотя выплаты в счет погашения долга достигали в отдельные периоды, например в 1929-1934 гг., 1/3 расходной части бюджета [312, р.14, 29; 694, 1987, № 4, р.82-83].

Экономический рост колоний и полуколоний был в целом весьма нестабильным. При этом коэффициент флуктуации темпов

ВВП варьировал в достаточно широком диапазоне: в Индонезии (1881-1929) 115-125%, в Бразилии (1851-1933) 235-245, в Мексике (1896-1910) 165-175 и в 1920-е гг. — 350-370, в Индии (1885-1946) 450-460% (рассчитано по: [21, р.889, 894; 360, р.22-23, 82-83, 147; 404, р.397-399; 655, р.368-369]). В среднем по этой группе стран отмеченный показатель составил 260-280%. Следовательно, он более чем в 1,5 раза был выше по сравнению с ныне развитыми странами на этапе их “промышленного рывка” и, возможно, соответствовал аналогичным индикаторам ряда западноевропейских государств на заключительной фазе их преиндустриального роста (XVII-XVIII вв.).

В конце XIX — первой половине XX в. под воздействием внешней, а также внутренней конкуренции (со стороны крупных и средних предприятий, созданных к тому времени в ряде колоний и полуколоний) происходило не вполне компенсированное разрушение некоторых видов традиционных промыслов, обусловившее стагнацию и даже относительное сокращение занятости в индустриальных отраслях и сфере услуг. В результате доля самодеятельного населения, преимущественно связанного с сельским хозяйством, увеличилась в Бразилии с 60-62% в 1872 г. до 67-71% в 1920 г., в Мексике — с 62-64 в 1895 г. до 67 в 1910 г. и 71-72 в 1921 г., в Индии — с 62-65 в 70-80-е гг. XIX в. до 67-69 в 1901 г. и 72-74 в 1911 г., в Таиланде — с 75-77 в 1929 г. до 79-80 в 1937 г., в Индонезии с 72-73 в 1905 г. до 73-74% в 1961 г. В Египте этот показатель, составлявший, по некоторым оценкам, в 1882 г. 61-63%, повысился до 68-69% в 1937 г. (Вряд ли понизился индикатор “аграризации” занятости и в Китае: по крайней мере в 1933 г. он достигал примерно 78-80%, а в 1950 г. — уже 82% [3, р.137-138; 21, р.155; 285, р.499, 514-515; 511, р.38-39; 537, р.305-307; 591, р.345; 592, р.386; 594, р.17]).

В этой связи представляются излишне оптимистичными данные П.Бэрока, согласно которым в 1900-1950 гг. доля занятых в сельском хозяйстве слаборазвитых стран (без Китая) уменьшилась с 77,9 до 73,3 [234, 1992, р.251]. По нашим оценкам, учитывающим вышеприведенные материалы, соответствующий показатель в первой половине XX в. не уменьшился, а скорее всего повысился — примерно с 72 до 74% [124а, с.15], что, в частности, оказывало тормозящее воздействие на динамику народнохозяйственной производительности труда.

Депрессия 1930-х гг. и вторая мировая война привели в целом к ухудшению внешнеэкономической конъюнктуры для многих колониальных и зависимых стран. Судя по расчетам в неизменных ценах;

общий объем иностранного капитала, функционировавшего в слаборазвитых странах, сократился в 1914-1938 гг. примерно на 1/5 и в 1938-1950 гг. на 2/3 (рассчитано по: [504, p.32]). В 1930-е гг. значительно понизился индекс условий торговли: в Мексике, Аргентине и Таиланде — на 10-15-20%, в Индии и Индонезии — 20-30, в Колумбии — 37-43, в Бразилии — на 58-60% (рассчитано по: [264, vol.2, p.903-904; 360, p.180; 656a, p.283]).

Относительное уменьшение спроса на сельскохозяйственное и минеральное сырье периферийных стран со стороны центров мирового капиталистического хозяйства, охваченных кризисными явлениями 1930-1940-х гг., вызвало абсолютное сокращение объемов экспорта из колоний и полуколоний, в том числе из азиатских стран, в 1929-1938 гг. в целом на 8-12% и в 1938-1950 гг. еще на 1-3% и из латиноамериканских государств соответственно на 13-14 и 2-4%. В этих условиях в 1929-1950 гг. в странах Азии, большинство из которых в силу политической несамостоятельности были лишены возможности проведения сколько-нибудь эффективных преобразований (часть из них оказалась к тому же затронутой военными действиями), подушевой ВВП уменьшился в среднем на 13-17%.

Что касается латиноамериканских государств, то некоторые из них осуществили серьезные реформы, перешли от экспортноориентированного развития с опорой на вывоз первичного сырья к импортзамещающей индустриализации, что в конечном счете привело к возникновению в них феномена современного экономического роста. (По нашим расчетам и оценкам, “поворотной точкой” в Бразилии можно считать 1933-1935 гг., в Мексике — 1940 г. [109, с.44-47, 56].) В результате в среднем по Латинской Америке подушевой ВВП в 1929-1950 гг. повысился почти на 1/3 (рассчитано по: [504, с.18, 153-154])¹⁸.

Экономический прогресс стран Востока и Юга сдерживался значительным отставанием в развитии человеческого фактора, обусловленным сохранением архаичных институтов, слабо трансформированных колониальными властями и полуконпрдорскими режимами формально независимых государств. На нужды социальной инфраструктуры в колониях и полуколониях выделялись ограниченные средства. Данные по Индии, Египту и Бразилии за первую треть XX в. показывают, что государственные расходы на просвещение и образование составляли не более 0,4-0,6% их ВВП (рассчитано по: [3, p.128; 360, p.83; 404, p.397; 640a, p. 249]).

По нашим расчетам и оценкам, сделанным на материалах Индии и Бразилии (табл.26), человеческий “невещественный”

капитал, инвестированный в образование и здравоохранение, в 1900-1930-х гг. не превышал 1-3% их совокупного производительного капитала. (В развитых странах в 1913 г. этот индикатор достигал 9%.) В колониях и полуколониях с их сравнительно низким уровнем накопления физического капитала существовал одновременно значительный перекос в соотношении важнейших компонентов производительного богатства.

В странах Запада на каждую “единицу” (процентный пункт) физического (обычного) капитала приходилось в 1860 г. примерно 0,3 и в 1913 г. 0,4-0,5 “единицы” человеческого “невещественного” капитала (в Японии соответственно в 1885 г. 0,3-0,4, в 1913 г. 0,4 и в 1938 г. 0,5-0,6). Иными словами, в этих государствах еще в довоенный период происходил процесс нарастающей “гуманизации” совокупного капитала и интеллектуализации производства. Что касается периферийных стран, то в них качественные составляющие человеческого фактора играли весьма скромную роль: в довоенный период отмеченный индикатор в среднем едва ли превышал 0,1-0,2 “единицы” (табл.23 и 26).

Состояние физического здоровья населения — важнейшая характеристика развития человеческого фактора — может быть оценено при помощи ряда индикаторов, в том числе таких, как младенческая смертность и средняя продолжительность жизни. Судя по имеющимся данным, первый из них, достигавший в конце XIX — начале XX в. в Индии 285-295‰ и в Мексике 265-285‰, понизился к 1935-1939 гг. соответственно до 200-210 и 125-135‰, но в целом он оставался еще весьма значительным (в среднем по периферийным странам — около 190‰). Средняя продолжительность жизни повышалась, но в целом крайне медленно — примерно с 26-28 лет в 1870-е гг. до 29-32 лет в 1930-е гг. По этому показателю колонии и полукolonии едва ли превосходили средний уровень западноевропейских государств конца XVII — начала XVIII в. [3, p.85; 21, p.130-132; 25, p.224; 234, 1992, p. 247, 263; 264, vol.2, p.410-411; 567, p.25].

Не лучше обстояло дело с показателем грамотности населения, который, несмотря на некоторый прогресс, оставался весьма низким: в среднем по слаборазвитым странам он повысился с 14-15% в 1900 г. до 21-23% в 1930 г. (В конце XIX — начале XX в. уровень грамотности составил в Индии и Египте всего 6-7%, в Мексике 15-20, в Бразилии 20-25; в начале 1930-х гг. в Индонезии 6, в Индии 9-11, в Египте и Турции 13-15, в Таиланде 25-30, в Корее 28-35, в Китае, Бразилии и Мексике 35-38%.) Этот “средний” уровень, при всей условности подобных сопоставлений, возможно, соответствовал западноевропейским “стандартам” XVII в. [2, 1985, p.60, 80; 234, 1992, p.259; 264, vol.2, p.410-411; 278, p.4; 282, p.53-54, 61-63;

409, vol.1, p.574-576; 511, p.199]. Существенное отставание в развитии человеческого фактора, экономической и социальной инфраструктуры, превалирование традиционных институтов и укладов, весьма слабо затронутых ограниченными реформами, проводившимися колониальными властями и местными элитами, оказывали тормозящее воздействие на динамику эффективности производства.

Таблица 26

Изменение структур совокупного производительного капитала колониальных и зависимых стран, %

Показатели	1913 г.	1950 г.
1. Земля и используемые недра	19,5	16,5
2. Физические воспроизводимые активы	12,5	15,0
2.1. Здания и сооружения	7,0	10,0
2.2. Орудия труда		
2.3. Скот	3,5	2,0
2.4. Товарно-материальные запасы	2,0	3,0
3. Человеческий капитал	68,0	68,5
3.1. "Вещественный"	67,0	65,5
3.2. "Невещественный"	1,0	3,0
Всего	100,0	100,0

Примечания. 1. Исчислено методом инвентаризации различных категорий капитальных и текущих расходов без учета жилья, военного имущества, финансовых активов. Исходные данные Р.Голдсмита о материально-финансовом богатстве дополнены нашими оценками о человеческом капитале по методу Дж.Кендрика. 2. Человеческий "невещественный" капитал — оценка капитализированных расходов на образование, профподготовку и здравоохранение. 3. Человеческий "вещественный" капитал — оценка капитализированных потребительских расходов на формирование рабочей силы (без учета затрат на образование и здравоохранение). 4. Все данные — сводные показатели по Индии и Бразилии.

Рассчитано по: [3, p.128; 359, p.242-243, 264-265; 360, p.83, 213-214, 320-321; 404, p.397].

Судя по данным о десяти колониях и полуколониях, по которым удалось собрать и рассчитать соответствующие показатели (отражающие не худшие периоды хозяйственной эволюции), их экономическое развитие характеризовалось относительно высокой степенью экстенсивности. За счет увеличения количественных затрат

основных производственных ресурсов обеспечивалось в среднем не менее 70-75% прироста реального ВВП (табл.27).

Динамика совокупной производительности была далеко не одинаковой в разных группах колониальных и зависимых стран. В ряде латиноамериканских государств (Бразилия, Мексика), завоевавших политическую независимость еще в начале XIX в. и имевших относительно длительный “стаж” предмодернизационного развития, а также в некоторых переселенческих колониях с существенным “вкраплением” современного сектора (Тунис и Марокко, Тайвань и Корея) динамика совокупной производительности была сравнительно высокой — соответственно 0,8-1,2, 0,6-1,0 и 1,3-1,5% в год. Приведенные данные более или менее соответствовали аналогичным показателям по ныне развитым капиталистическим государствам на этапе их “промышленного рывка”. Заметим, что среди отмеченных стран немало будущих НИС.

Вместе с тем большинство колоний и полуколоний, в которых преобладали традиционные и полутрадиционные хозяйства (уклады), например Индия и Китай, развивалось менее динамично, темпы увеличения эффективности производства в них в среднем едва ли превышали 0,2-0,4% в год. В ряде стран, таких как Алжир, расширение европейского сектора экономики вызвало существенные масштабы разорения и ограбления традиционных хозяйств, воспроизводство в которых временами происходило на суженной основе, что в конечном счете обусловило огромный размах национально-освободительного движения [123, с.44-45, 154-155].

Таким образом, экономический рост колониальных и зависимых стран был в целом крайне нестабильным, диспропорциональным; несмотря на интенсивную эксплуатацию их природных и трудовых ресурсов, он имел (за редким исключением) преимущественно экстенсивный характер, поскольку модернизация, ограниченная по своим масштабам, не привела к сколько-нибудь значительному, качественному переустройству обширных пластов традиционных обществ.

Покорение и освоение европейскими колонизаторами многих стран Востока и Юга нанесло в целом ощутимый удар по их архаичным социально-экономическим системам, сопровождалось немалыми жертвами и потерями для коренного населения. Вместе с тем межцивилизационное взаимодействие, обусловившее становление мирового рынка, придало в конечном счете определенный (хотя далеко не равный) импульс развитию всех участников этого “контакта”.

Таблица 27
Темпы и факторы экономического роста колониальных и зависимых стран, %

Страна	Показатель										
	Годы	у	l	к	g	n	o	r	и		
Бразилия	1900-1928	4,1	1,5	5,0	3,7	3,5	0,9	1,2			28-30
Мексика	1880-1910	2,8	1,1	(3,5)	2,0	2,4	0,7	0,8			28-30
Китай	1890-1933	1,1-1,2	0,6	(2,5)	0,8	(1,9)	(1,3-1,4)	0,2-0,3			23-25
Индия	1880-1939	1,0-1,1	0,6	2,0	0,7	1,4	0,9-1,0	0,2-0,3			23-25
Египет	1882-1952	2,0	1,4	2,9	1,5	1,5	0,9	0,4			19-21
Алжир	1880-1955	2,0	1,6	2,8	1,4	1,2	0,8	0,3			14-16
Марокко	1920-1955	3,6	2,0	5,4	2,9	3,4	1,8	1,0			27-28
Тунис	1910-1955	2,5	1,7	2,8	2,0	1,1	0,3	0,6			23-25
Корея	1920-1938	3,5	0,6	7,9	(2,8)	7,3	4,4	1,5			42-44
Тайвань	1911-1920/ 1931-1938	3,8	1,5	5,3	4,0	3,8	1,5	1,3			33-35

Примечания. 1. у, l, k, g, n, o, r — соответственно среднелетовые темпы прироста ВВП, используемой рабочей силы, основного капитала, природных ресурсов, вовлекаемых (дополнительно) в хозяйственный оборот в аграрном секторе и добывающей промышленности, капиталоемкости и совокупной производительности; и — доля интенсивных факторов. 2. Факторные "веса" труда, капитала и природных ресурсов, рассчитанные по данным и источникам к табл.26, оказались равными в среднем по афро-азиатским странам соответственно 0,66-0,70, 0,12-0,16, 0,16-0,20, а по латиноамериканским государствам — 0,50-0,55, 0,28-0,32, 0,15-0,20. 3. Все данные округлены, в скобках — оценки.
Рассчитано по: [20, р.278-280; 123, с.39; 216, р.50-54; 262, р.196-198; 264, vol.2, р.394-399, 466; 328, р.393; 356, р.19, 24, 81, 360, р.7,152; 565, р.140-143; 570, р.212; 587, р.98-99, 118-120, 236, 272, 283-284; 591, р.272-274, 280, 330-331; 592, р.20, 22, 60, 161].

После периода упадка и стагнации, продолжавшегося в целом до последней трети (четверти) XIX в., в колониальных и полуколониальных странах обозначилось увеличение темпов роста населения и ВВП. В 1870-1950 гг. в ряде крупных и средних стран Востока и Юга (которые рассматривались в данной работе) экономический потенциал вырос в 2,1-2,3 раза, т.е. лишь не намного меньше, чем за первые восемь столетий второго тысячелетия (примерно в 2,4-2,8 раза). Произошло также некоторое повышение подушевого дохода, правда еще в слабой мере затронувшее основную массу коренного населения и к тому же в ряде афро-азиатских государств прерванное в годы депрессии и второй мировой войны.

Индекс развития периферийных стран (табл.28), стагнировавший в 1800-1870 гг. (или, быть может, даже сокращавшийся, если принять во внимание долговременные тенденции прошлых веков), впервые стал понемногу повышаться, главным образом за счет некоторого улучшения социально-культурных показателей. В 1870-1950 гг. отмеченный индекс в среднем по шести крупным и средним странам будущего третьего мира увеличился примерно на 2/3 (в Бразилии и Мексике — более чем вдвое, в Китае и Индии — на 60-65%, в Индонезии и Египте — на 80-90%). При этом разрыв между ведущими капиталистическими державами и периферийными странами возрос по подушевому ВВП с 3:1 в 1870 г. до 4,7:1 в 1913 г. и 7,1:1 в 1950 г., а по отмеченному выше индексу развития — соответственно с 3,2:1 до 4,0:1 и 4,4:1.

Нараставшее отставание колоний и полукolonий объективно усиливало конфликтность мирового развития, свидетельствовало о необходимости смены его парадигмы. Требовались иные, более глубокие реформы и действенные методы модернизации стран Востока и Юга, предполагавшей в качестве неременного условия превращение десятков афро-азиатских и латиноамериканских стран из объектов в субъекты мировой экономики и политики, способные самостоятельно разрабатывать и при всех возможных ошибках и неудачах реализовывать национальные стратегии ускоренного экономического роста.

Таблица 28
Динамика индекса развития¹

Страна	1800 г.						1870 г.						1913 г.						1950 г.					
	A	B	C	D	A	B	A	B	C	D	A	B	A	B	C	D	A	B	A	B	C	D		
Великобритания	1030	36	2,0	25	2190	40	5,3	45	3120	52	8,1	64	4225	68	10,8	86								
Франция	750	33	1,6	20	1230	41	4,4	36	2130	50	7,0	53	3220	67	9,6	75								
Германия	790	32	2,4	23	1140	36	5,7	36	2250	49	8,4	57	2725	67	10,4	73								
Италия	670	30	1,1	17	890	32	3,0	26	1520	47	4,8	41	2075	65	6,1	66								
Япония	420	(36)	(1,2) ²	15	440	40	2,2	20	780	51	5,4	35	1125	63	9,1	51								
США	690	(36)	2,1	22	1670	40	5,4	42	3460	50	8,3	66	6430	68	11,3	100								
Средняя взвешенная E ₁	690	34	1,6	20	1260	38	4,4	35	2390	50	7,3	56	3890	66	10,0	80								
Бразилия	580	(26)	630	27	0,7	13	620	31	1,5	18	1270	44	2,1	29								
Мексика	690	(25)	510	26	(0,8)	13	900 ⁴	32	(1,4)	20	1260	50	2,6	32								
Китай	500	(28)	440	(28)	0,6	11	490	30	1,2	15	480	35	1,7	18								
Индия	440	(23)	390	25	0,5	10	500	23	0,6	11	490	32	1,4	16								
Индонезия	425	(23)	460	24	(0,5)	10	600	25	(0,6)	12	530	37	1,5	18								
Египет	325	(24)	420	(25)	0,5	10	555	29	0,8	14	625	34	1,6	19								
Средняя взвешенная E ₂	480	(26)	(0,5)	(11)	425	27	0,6	11	510	27	1,0	14	550	35	1,6	18								
Соотношение уровней развития H=E ₁ :E ₂	1,4	(1,3)	(3,2)	(1,8)	3,0	1,4	7,3	3,2	4,7	1,9	7,3	4,0	7,1	1,9	6,3	4,4								

1. Индекс развития (D) рассчитан по формуле:

$$D_f = \left(\frac{A_f}{A_x} \cdot \frac{B_f}{B_x} \cdot \frac{C_f}{C_x} \right)^{1/3} \cdot 100, \%$$

где A_f, B_f, C_f для каждой (f) страны и для каждого (f) года означают соответственно подушевой ВВП в паритетах покупательной способности валют (международные доллары 1980 г.), среднюю продолжительность жизни, а также среднее число лет обучения взрослого населения; A_x, B_x, C_x — аналогичные показатели по США за 1950 г. 2. В скобках — оценки. Все данные округлены.

3. Средние по группам стран показатели взвешены по численности населения. 4. 1910 г.

Рассчитано и составлено по данным и источникам к табл. 18, 25, 27; Прил. II, III.

Глава четвертая

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

По насыщенности разнообразными событиями и процессами двадцатый век в целом и его последние пять десятилетий в частности занимают исключительное место в истории человечества. С одной стороны, значительный рывок в развитии науки и техники, относительно быстрый, хотя и неравномерный подъем производительных сил в ряде регионов мирового сообщества, а с другой — геополитические шоки, глобальные катастрофы и трагедии, включающие мировые войны, кровавые революции, распад империй, ужасающие феномены геноцида народов, значительное обострение социально-экономических и экологических проблем, особенно в периферийных и полупериферийных странах.

Основные катаклизмы уходящего века связаны с беспрецедентной эскалацией противоречий внутри “клуба” индустриально развитых держав, а также между более развитыми и индустриализирующимися государствами, происходящей в обстановке относительного исчерпания резервов ресурсоемкого типа производства в центрах мирового хозяйства и постепенного перехода последних к постиндустриальной цивилизации, основанной преимущественно на информационных технологиях, высокопрофессиональном труде и менеджменте, производстве качественных услуг и знаний.

1. Развитее капиталистические страны: на пути к новой модели экономического роста

Об особенностях экономической эволюции стран Запада и Японии в XX в. написано немало и в отечественной и в зарубежной литературе. Вместе с тем существенное увеличение статистико-экономической информации по отмеченной теме, которое произошло в 80-90-е гг., позволяет сделать на базе сравнительно-ретроспективного анализа более точную оценку общих итогов, основных контуров и факторов экономического роста развитых стран, а также определить некоторые исходные моменты их будущей модели развития.

Несмотря на многие тяжелые испытания, в том числе глобальные структурные и конъюнктурные кризисы, капитализм как саморазвивающаяся, самокорректирующаяся открытая система в целом не только выстоял, но и значительно повысил свою жизнеспособность, обретя ряд новых черт и адаптационных свойств, которые проявились после окончания второй мировой войны.

Частнохозяйственный вариант рыночной самоорганизации общества, относительно эффективно функционировавший в эпоху индустриализма (XIX в.), но уже во многом исчерпавший свой потенциал к началу двадцатого столетия (он стал давать существенные сбои, грозившие системным коллапсом), был постепенно трансформирован в смешанную, *рыночно*— государственную экономику. На протяжении нынешнего столетия государственное воздействие на воспроизводственный процесс возросло существенно, хотя и не в равной мере, во всех развитых странах. В итоге на рубеже 80-90-х гг. доля государственных расходов в ВВП/ВНП составила в Японии и США примерно 1/3, в Западной Европе она достигла около 1/2, в том числе в Швеции и Нидерландах — 3/5, (табл.29). Речь идет об увеличении не столько прямого, сколько косвенного, но не менее, а, быть может, более действенного вмешательства государства в экономику.

После второй мировой войны в ходе восстановления, реконструкции и реконверсии народного хозяйства, проходивших в Западной Европе и Японии при существенной финансовой, организационной, технологической и консультационной помощи США¹, были проведены реформы, направленные на частичную демонополизацию экономики, усиление ее конкурентоспособности, оздоровление бюджетно-финансовых систем, создание эффек-

тивной правовой, экономической и социальной инфраструктуры, обеспечение более плодотворной кооперации основных агентов капиталистического производства на договорной и более или менее предсказуемой основе.

Была активизирована политика стимулирования внутреннего спроса[452, p.18-19]. Одновременно произошла значительная либерализация внешнеэкономических связей. Тарифные ставки на импортируемые готовые изделия в среднем по развитым странам понизились с 16-18% в 1950 г. до 7-8 — в 1987 г. и 4% в 1994 г. (в 1875 г. этот индикатор составил 11-14%, в 1913 г. — 16-18, в 1925 г. — 18-20 и в 1930-1931 гг. — 32-34%)[44, 1991, p.97; 1995, p.57]. Высокими темпами увеличивался экспорт американского капитала. Его приток в Западную Европу возрос с 1,7 млрд дол. в 1950 г. до 40 млрд дол. в 1973 г.[506, p.169], что содействовало реконструкции хозяйства в странах Старого Света и реализации ими стратегии догоняющего развития.

Таблица 29
Доля государственных расходов в ВВП/ВНП, %

Страна	1880 г.	1913 г.	1929 г.	1938 г.	1950 г.	1960 г.	1973 г.	1990 г.
Великобритания	10,0	12,7	24,0	29,5	35,0	32,5	41,5	44,0
Франция	12,0	12,5	15,0	23,2	27,6	34,5	38,8	51,4
Германия	10,0	18,0	31,0	43,0	30,4	33,4	42,0	43,7
Италия	9,5	12,2	13,5	(25,5)	22,0	27,2	34,0	49,3
США	6,5	9,0	10,1	19,8	21,4	27,9	31,1	36,0
Япония	10,0	14,2	18,8	30,3	19,8	20,9	22,9	32,2
Среднее невзвешенное	9,7	13,1	18,7	28,6	26,0	29,4	35,0	42,8

Составлено и рассчитано по: [7, vol.2, p.420-422; 12, 1990, p.436-437; 44, 1991, p.139; 1992, p.199; 45, 1989-1990, p.261, 273, 320-321, 341, 349; 1992, p.625-629; 263, vol.8, p.362-363; 506, p.77; 603, p.730].

Отмечая процессы, связанные с либерализацией экономик стран Запада и Японии, подчеркнем, что в 1950-е гг. и впоследствии государство в этих странах располагало значительными возможностями, включая валютно-финансовые, кредитные и иные методы, регулирования внешнеэкономических связей в интересах национальных товаропроизводителей и потребителей[693, 1992, № 11, p.84]. Полезно также напомнить (в контексте общей дискуссии

о сроках вызревания эффективной экономики открытого типа), что некоторые из нынешних лидеров мирового хозяйства, сильно пострадавшие во второй мировой войне, далеко не сразу создали конкурентоспособную экономику. По мнению специалистов, Японии для этого потребовалось не менее 20 лет, хотя восстановление экономики в целом было завершено уже в 1954 г.[565, p.111].

К числу важнейших слагаемых японского экономического «чуда» (на котором нельзя не остановиться, характеризуя общие черты послевоенного экономического роста развитых стран) можно отнести как преходящие факторы², связанные с некоторыми благоприятными конъюнктурными возможностями реализации догоняющего развития (активное участие США в реконструкции и оздоровлении экономики в период оккупации, американские закупки японских товаров в ходе корейской и вьетнамской войн, сравнительно низкий стартовый уровень японской экономики и т.п.), так и глубинные причины. Речь идет о высокой пластичности и адаптационной способности японской культуры, ее исключительной восприимчивости к различным полезным инновациям, «коммунальном» типе капитализма, основанном на высокой внутрифирменной мотивации работников, общенациональном культе образования. Следует также отметить такие известные факторы, как огромная трудоспособность японцев, высокая норма сбережений, минимальные размеры военных расходов.

Хотя по доле государственных расходов в ВВП Япония в послевоенный период заметно отставала от других индустриальных держав (имеющих более развитые государственные системы социального страхования), для нее в значительно большей мере, чем для стран Запада (за исключением Франции и Германии), было характерно энергичное, целенаправленное, весьма компетентное государственное регулирование экономики. Государство в Японии, конечно, в прямом смысле не «командует» бизнесом (как это иногда утверждается в американских и западноевропейских средствах массовой информации), но в отличие, например, от США оно осуществляет мощное стратегическое ориентирование экономики, определяет и поддерживает перспективные отрасли и технологии, снабжает предпринимателей подробной и надежной информацией о состоянии и будущих возможностях развития экономики, координирует через министерство внешней торговли и промышленности (МВТП) деятельность корпораций³ (ограничивая тем самым чрезмерную рыночную стихию)[311, p.133-134; 583, p.414].

В целом в послевоенный период в результате реформ и преобразований важнейших социально-политических институтов в

развитых капиталистических странах, либерализации их внешнеэкономических связей, усиления процессов интеграции, интернационализации, государственного и межгосударственного регулирования экономики, применения практики индикативного планирования и совершенствования конкурентного механизма значительно возросла мобильность товаров, услуг, рабочей силы, капиталов, технологий и информации. Заметно повысились общие темпы экономического роста, которые в 1950-1993 гг. в среднем по группе крупных развитых стран составили около 4,0% в год (что примерно вдвое выше соответствующего показателя за XIX в. и первую половину XX в.).

Темпы увеличения подушевого ВВП по сравнению с периодом 1913-1950 гг. возросли почти втрое, в том числе в Великобритании и Франции — в 2,4-2,6 раза, в Японии — 3,5, в Италии — 4,6, в Германии — 7,2 раза. Однако в США темпы роста ВВП в расчете на душу населения практически не изменились, оставаясь в целом и в 1913-1950 гг., и в 1950-1993 гг. на уровне 1,7% в год (табл.30). В результате если в течение первого периода разрыв в уровнях подушевого дохода между США и другими странами, сильно пострадавшими в ходе двух мировых войн, увеличивался (в межвоенный период он, напротив, уменьшился в силу того, что депрессия была особенно жесткой в США), то в 1950-1993 гг. отмеченный показатель сокращался, в том числе в Великобритании в среднем ежегодно на 0,2%, во Франции — на 1,3, в Германии и Италии — на 1,9-2,0%. В Японии темп “догоняющего развития” (по отношению к США) оказался равен 3,9% в год (табл.30, 31).

В послевоенный период ввиду указанных выше причин динамика экономического роста развитых капиталистических стран была намного стабильней, чем в первой половине нынешнего столетия и в период “промышленного рывка”. Наиболее устойчивое развитие было характерно для Франции, Японии, Италии и Германии, т.е. для тех стран, которые, в отличие, например, от США и Великобритании, проводили политику активного регулирования и стимулирования рыночного механизма и конкурентных отношений.

Несмотря на периодически происходившие циклические колебания, наиболее высокая и устойчивая динамика экономического роста во всех развитых странах отмечалась в период 50-х — начала 70-х гг. Однако в последующие два десятилетия, охваченные нашими расчетами, рассматриваемые характеристики воспроизводственного процесса значительно ухудшились (табл.30), причем

общие и особенно подушевые темпы экономического роста приблизились в целом к историческому тренду второй половины XIX — начала XX вв. (а также 1920-1930-х гг.).

Таблица 30
**Темпы роста ВВП в развитых
 капиталистических странах в 1913-1993 гг., %**

Страна	Годы	Среднегодовой темп прироста ¹		Коэффициент флуктуации темпов прироста ВВП ²
		ВВП	ВВП в расчете на душу населения	
Великобритания	1914-1950	1,3	0,8	331
	1921-1938	1,9	1,4	201
	1951-1993	2,3	1,9	95
	1951-1973	3,0	2,5	60
	1974-1993	1,4	1,3	160
Франция	1914-1950	1,15	1,1	772
	1921-1938	2,2	1,8	306
	1951-1993	3,8	3,0	49
	1951-1973	5,1	4,1	26
	1974-1993	2,3	1,8	52
Германия	1914-1950	0,9	0,5	584
	1921-1938	3,7	3,1	176
	1951-1993	4,1	3,6	71
	1951-1973	6,0	5,0	46
	1974-1993	2,1	2,2	86
Италия	1914-1950	1,5	0,8	495
	1921-1938	2,2	1,1	165
	1951-1993	4,2	3,7	57
	1951-1973	5,6	4,9	33
	1974-1993	2,6	2,3	71
США	1914-1950	2,9	1,7	273
	1921-1938	1,6	0,5	384
	1951-1993	3,0	1,7	84
	1951-1973	3,6	2,1	68
	1974-1993	2,3	1,3	106

Япония	1914-1950	2,3	1,6	348
	1921-1938	3,5	2,2	121
	1951-1993	6,7	5,6	52
	1951-1973	9,2	8,0	28
	1974-1993	3,8	3,0	62
Средняя невзвешенная по 6 странам	1914-1950	1,7	1,1	467
	1921-1938	2,5	1,7	226
	1951-1993	4,0	3,3	68
	1951-1973	5,4	4,4	44
	1974-1993	2,4	2,0	90

1. Рассчитано как среднегеометрическое.

2. Рассчитано по формуле:

$$K = \left[\sum (y_i - \bar{y})^2 \cdot n^{-1} \right]^{0,5} \cdot (\bar{y})^{-1} \cdot 100, \%$$

где y_i — темп прироста ВВП в году i ; \bar{y} — среднее арифметическое темпов прироста за n лет; n — число лет в периоде.

Рассчитано по данным Прил. II, IV.

Таблица 31

**Динамика ВВП в расчете на душу населения в 1913-1990 гг.
(паритеты покупательной способности
валют, дол. 1990 г.)**

Страна	1913 г.	1938 г.	1950 г.	1973 г.	1980 г.	1990 г.
США	5400-5600	6750-6950	10200-10300	16550-16650	17900-18000	21300-21400
Велико-британия	4600-4800	5400-5600	6300-6400	11250-11350	12050-12150	14900-15000
Германия	2950-3150	4250-4450	3650-3750	11220-11320	13100-13200	16200-16400
Франция	2800-3000	3650-3850	4370-4470	10950-11050	12750-12850	15150-15250
Италия	2200-2400	2850-3050	3070-3170	9450-9550	11750-11850	14500-14600
Япония	1100-1200	2100-2200	1630-1730	9850-9950	11720-11820	16900-17000

Рассчитано по данным табл. 2; Прил. II.

Опираясь на рассчитанные нами ретроспективные показатели, попытаемся уточнить роль некоторых из наиболее важных причин,

вызвавших видимое замедление экономической динамики в центрах мирового капиталистического хозяйства (МКХ).

В отличие от “анормально” благоприятной конъюнктуры первых двух послевоенных десятилетий [678, р.53-54], когда помимо других положительных факторов, отмеченных выше, для стран Запада и Японии в целом удачно складывались также и условия торговли (табл.32; то была “эра” дешевых цен на энергию и сырье), в 70-80-е гг. ситуация резко изменилась. Нефтяные шоки, коллапс Бреттон-Вудской валютной системы значительно ухудшили внешние и в конечном счете внутренние условия воспроизводства. Если в 1950-1972 гг. в среднем по шестерке крупных развитых стран индекс условий торговли возрос примерно на 17-19%⁴, то в 1972-1981 гг. он резко понизился — в среднем на 37-39%. (Наиболее острый удар испытала Япония, лишенная практически собственных энергетических ресурсов, не случайно поэтому падение темпов экономического роста в этой стране было особенно сильным.) Некоторое улучшение конъюнктуры для развитых капиталистических стран в 80-е гг. в связи со снижением цен на нефть не привело к восстановлению исходного (до 1973 г.) уровня индекса условий торговли.

Таблица 32

**Условия внешней торговли развитых капиталистических стран
(1972 г. = 100)**

Страна	1913 г.	1938 г.	1950 г.	1973 г.	1978 г.	1981 г.	1990 г.
Великобритания	81,0	115,7	91,1	85,3	76,4	81,8	80,1
Франция	85,3	100,4	71,8	58,5	65,3
Германия	59,0	52,1	64,0	110,3	87,9	67,4	79,4
Италия	98,0	90,5	71,5	54,2	71,5
США	73,2	90,5	79,8	107,9	79,1	67,8	75,4
Япония	90,0 ¹	83,0	60,7	41,2	56,7
Средняя по 3-м странам	71	86	78				
Средняя по 6-ти странам			85	96	75	62	71

1. 1953 г.

Рассчитано по: [17, р.527-528; 45, 1983, р.228, 230, 236, 254, 256; 1992, р.263, 275, 343, 351, 627; 215, р.566; 561, р.331].

Таблица 33
Динамика физического объема экспорта,
условий торговли и их вклада в прирост ВВП
развитых капиталистических стран

Страна	Годы	Показатель, %								
		<i>a</i>	<i>b</i> ₁	<i>b</i> ₂	<i>c</i>	<i>d</i>	<i>e</i>	<i>f</i>	<i>g</i>	<i>h</i>
Велико- британия	1913-1950	-0,3	0,21	0,25	1,3	-5	0,3	0,0	1,4	0,0
	1950-1973	4,2	0,25	0,23	3,0	34	0,4 ¹	4,6	3,1	36
	1973-1990	3,4	0,23	0,25	1,8	45	-1,2 ²	2,2	1,5	35
Франция	1913-1950	1,1	0,18	0,14	1,2	15
	1950-1973	8,3	0,14	0,18	5,1	26	0,7 ¹	9,0	5,2	28
	1973-1990	4,6	0,18	0,23	2,4	39	-2,3 ²	2,3	1,9	25
Германия	1913-1950	-2,8	0,18	0,11	0,9	-45	0,2	-2,6	0,8	-42
	1950-1973	11,1	0,11	0,24	6,0	32	2,0 ¹	13,1	6,4	36
	1973-1990	4,2	0,24	0,32	2,1	56	-1,3 ²	2,9	1,7	48
Италия	1913-1950	0,6	0,19	0,11	1,5	6
	1950-1973	10,6	0,11	0,16	5,6	26	0,1 ¹	10,7	5,6	26
	1973-1990	4,9	0,16	0,21	2,9	31	-1,8 ²	3,1	2,6	22
США	1913-1950	2,2	0,06	0,04	2,9	4	0,2	2,4	2,9	4
	1950-1973	6,2	0,04	0,09	3,6	11	1,0 ¹	7,2	3,7	13
	1973-1990	6,3	0,09	0,10	2,5	24	-1,6 ²	4,7	2,3	19
Япония	1913-1950	2,0	0,13	0,12	2,3	11
	1950-1973	14,9	0,12	0,11	9,2	19	0,6 ¹	15,5	9,3	19
	1973-1990	8,1	0,11	0,11	4,0	22	-3,1 ²	5,0	3,7	15

1. 1950-1972 гг.

2. 1972-1990 гг.

Примечания. 1. *a* — среднегодовой темп прироста физического объема экспорта, *b*₁ и *b*₂ — доля экспорта в ВВП соответственно в начале и конце периода, *c* — среднегодовой темп прироста ВВП, *d* — вклад физического объема экспорта в увеличение ВВП, *e* — среднегодовой темп изменения условий торговли, *f* — среднегодовой темп изменения покупательной способности экспорта, *g* — темп прироста ВВП, скорректированный на изменение условий торговли, *h* — вклад экспорта (с учетом поправки на изменение условий торговли) в увеличение валового внутреннего дохода страны. 2. Расчеты выполнены по следующим формулам: $d = a \cdot 0,5 (b_1 + b_2) : c, \%$; $f = a + e$; $g = e \cdot 0,5 (b_1 + b_2) + c, \%$; $h = f \cdot 0,5 (b_1 + b_2) : g, \%$.

3. Все данные округлены.

Рассчитано по данным и источникам к табл.30, 32.

Если в 1950-1973 гг. в среднем по странам Запада и в Японии темпы роста физического объема экспорта и его покупательной способности достигали соответственно 9,1-9,3 и 10% (в Германии — 11,1 и 13,1%, в

Италии — 10,6 и 10,7, в Японии — 14,9 и 15,5%), то в 1973-1990 гг. они не превышали соответственно 5,2-5,4 и 3,3-3,5% (в Германии — 4,2 и 2,9%, в Италии — 4,9 и 3,1, в Японии — 8,1 и 5%).

По нашим расчетам, сделанным по данным табл.33, замедление экономической динамики в среднем по шестерке крупных развитых стран может быть связано примерно на 18-22% с прямым эффектом уменьшения вклада экспортрасширения, в том числе на 13-15% — с ухудшением условий торговли⁵. (Косвенные эффекты учесть сложнее, но несомненно, что такие факторы, как усиление инфляции, возросшие риски, быстрое обесценение капитала в связи с изменением спроса, трудно переоценить.)

Ухудшение условий торговли с развивающимися странами, для многих из которых характерна значительная социально-политическая и экономическая нестабильность (дестимулирующая приток капиталов, товаров и услуг из стран Запада и Японии), а также усиление процессов интеграции в центрах МКХ способствовали увеличению самодостаточности развитых капиталистических стран. Если до второй мировой войны около 2/3 экспортной продукции обрабатывающей промышленности развитых капиталистических государств направлялось в колониальные и зависимые страны, а 1/3 — в развитые, то к началу 1960-х гг. доля последних достигала в среднем примерно 3/5, а в конце 80-х — начале 90-х гг. превысила 70% (табл.34)[603, р.96-97].

Товарная структура экспорта также претерпела существенные изменения. За отмеченные три десятилетия в среднем по шести крупным развитым странам доля сырья и топлива в общей стоимости их вывоза понизилась примерно с 23-25 до 14-16%, текстильных изделий — с 11-13 до 4-6%, в то время как удельный вес машин и оборудования увеличился с 32-34 до 44-46%.

Значительное абсолютное и относительное удорожание энергетических и сырьевых товаров ускорило общий кризис прежней, ресурсоперемалывающей (природозатратной) модели воспроизводства, вызвало резкое, во многом недооцененное исследователями обесценение старого капитала[612, р.505], причем не только физического, но и человеческого, обусловило сокращение спроса на традиционные, ресурсоемкие виды товаров и услуг, стимулировало переход к более гибким, децентрализованным системам управления и организации производства.

Благодаря действию ценового механизма, активной государственной энергетической политике, изменениям в отраслевой и технологической структурах экономики[77], темпы снижения

энергоёмкости ВВП в развитых капиталистических странах в последние два десятилетия увеличились в среднем в 3 раза по сравнению с 1913-1950 и 1950-1973 гг. (табл.35)⁶

Таблица 34

Изменение географической и товарной структуры экспорта развитых капиталистических стран, %

Страна	Доля экспортной продукции обрабатывающей промышленности, вывозимой в развитые капиталистические страны		Товарная структура экспорта							
			Конец 50-х — начало 60-х гг.				Конец 80-х — начало 90-х гг.			
	Конец 50-х гг.	Конец 80-х гг.	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Великобритания	57	72	16	8	44	32	18	4	39	39
Франция	53	72	27	10	25	38	24	5	35	36
Германия	70	78	13	4	44	39	10	5	48	37
Италия	65	75	27	17	29	27	11	13	36	40
США	61	63	37	3	35	25	23	2	47	28
Япония	45	62	21	28	23	28	2	2	65	31

Примечание. I — топливо, сельскохозяйственное и минеральное сырье; II — текстильные товары; III — машины и оборудование; IV — другие готовые изделия и полупродукты.

Составлено по: [44, 1983, p.167, 171; 1988, p.249; 1992, p.209].

Вопреки распространенным представлениям, тенденция к увеличению совокупной энергоотдачи ВВП обнаружилась вместе с генезисом современного экономического роста. Если в странах Запада в доиндустриальную эпоху (в наших расчетах — XI-XVIII вв.) темпы роста ВВП в целом не превышали темпов увеличения совокупного энергопотребления, а в отдельные периоды энергоёмкость производства, возможно, возрастала (в XI-XIII вв., в период великой распашки земель, — на 0,1-0,2% в год), то на этапе активной индустриализации (1800-1913) замена традиционных источников энергии и технологий другими вызвала, с одной стороны, значительный рост частного показателя энергоёмкости ВВП по новым видам энергии (уголь, нефть, электроэнергия) в среднем примерно на 0,9-1,1% в год, а с

другой — снижение совокупной энергоемкости валового продукта на 0,2-0,4% в год [гл. II, III; 234,1971, р.96; 310, р.177].

Отмечая тенденции, связанные с относительной экономией суммарных энергетических затрат, не следует забывать, что в XIX—XX вв., во-первых, темпы и абсолютные масштабы энерго- и ресурсопотребления существенно выросли, а во-вторых, в отличие от доиндустриального периода происходило колоссальное уничтожение не только возобновляемых, но и невозобновляемых ресурсов, что в итоге вызвало существенное обострение экологических проблем.

Таблица 35
Динамика энергоемкости ВВП
(среднегодовые темпы прироста, %)

Страна	1913-1950 гг.	1950-1973 гг.	1973-1990 гг.
Великобритания	-1,2	-1,5	-1,8
Франция	-0,7	-0,5	-1,2
Германия	-1,3	-1,1	-1,6
Италия	0,1	0,2	-2,3
США	-0,9	-0,5	-2,1
Япония	-0,3	-0,1	-2,7
Средняя невзвешенная	-0,7	-0,6	-2,0

Составлено и рассчитано по: [6, 1991, р.64-65, 90-91, 96-97, 138-147; 16, р.101; 44, 1982, р.122-123; 1992, р.226-227; 45, 1983, vol.2, р.117-122, 130-131; 506, р.156].

По далеко не полным оценкам, в развитых капиталистических странах общий ущерб, наносимый ежегодно окружающей среде в результате хозяйственной деятельности человека (антропогенное воздействие), эквивалентен 3-6% их годового ВВП/ВНП. Затраты же на охрану природы в странах Запада и Японии в 50-60-е гг. в среднем не превышали 0,5-1,2% ВВП. В 70-е гг. этот показатель повысился до 1,5-2,5% и в 80-е гг. достиг примерно 2,5-3,5% ВВП. Но, как считают эксперты, нынешний уровень расходов еще по крайней мере вдвое меньше тех средств, которые необходимы для предотвращения и устранения экологических потерь [77, с.127; 174, с.123, 135].

В то же время нельзя не заметить, что, судя по некоторым характеристикам состояния среды обитания, в развитых капиталистических странах в последние два десятилетия, возможно, произошло определенное улучшение качества воздуха и воды. В США, например, в 1970-1989 гг. выброс основных учтенных поллютантов сократился на 30-90% [5, 1993, p.231].

По оценкам специалистов, в 1970-1980-е гг. экологические затраты (прежде всего на очистное оборудование и в меньшей мере на малоотходную технологию) вызвали снижение темпов роста совокупной производительности в США на 8-12% (и примерно на столько же, если не больше, в странах Западной Европы и Японии) [5, 1989, p.52; 166а, с.68].

Торможение экономического роста в центрах МКХ во многом также связано с ослаблением процесса догоняющего развития (обусловленного действием демонстрационного эффекта, трансфертом капиталов, технологий, информации) внутри группы развитых стран по мере приближения к лидеру (до последнего времени — США). Если в 1913-1950 гг. США, имевшие более высокие темпы роста производительности труда, чем страны Западной Европы и Японии, наращивали свой отрыв по уровню производительности от других индустриально развитых стран, то в 1950-х — начале 1970-х гг. ситуация складывалась иначе. В странах Западной Европы и Японии темпы роста производительности труда превосходили аналогичный показатель по США в целом на 2,8 процентного пункта в год, в результате чего их средний уровень производительности труда по отношению к США вырос с 35% в 1950 г. до 60% в 1973 г. (табл.36).

В 70-80-е гг. разрыв в темпах роста производительности труда (не в пользу США) сохранялся, но уже был существенно меньше — в среднем 1,5 процентного пункта в год. В итоге к началу 90-х гг. средний уровень производительности труда в странах Западной Европы и в Японии достиг почти 4/5 от соответствующего индикатора по США.

Если сопоставить показатель снижения темпов роста догоняющего развития по динамике производительности труда (1,5-2,8 = -1,3 процентного пункта) и индикатор замедления темпов роста ВВП в среднем по четырем странам Западной Европы и Японии (2,4-5,8 = - 3,4 процентного пункта), то можно предположить (в порядке первого приближения), что уменьшение эффекта догоняющего развития (без учета обратных и косвенных связей) вызвало снижение общих темпов экономического роста в странах Западной

Европы и в Японии примерно на 35-40%. (Замедление динамики европейского и японского спроса и предложения в свою очередь не могло не отразиться также на темпах развития США, хотя сколько-нибудь точно определить меру этого воздействия ввиду отсутствия необходимой информации не представляется возможным.)

Таблица 36

**Динамика абсолютной и относительной производительности труда
(на одного занятого), %**

Страна	Темпы роста производительности труда			Относительный уровень производительности труда, США=100			
	1913-1950 гг.	1950-1973 гг.	1973-1990 гг.	1913 г.	1950 г.	1973 г.	1990 г.
Великобритания	0,8	2,5	1,4	77,8	56,5	63,0	71,4
Франция	1,2	4,6	2,1	43,8	37,8	66,6	86,0
Германия	0,3	4,8	1,8	55,4	34,5	64,2	78,3
Италия	1,3	4,8	2,2	34,8	30,7	56,9	74,0
Япония	1,4	7,4	3,0	16,9	15,5	50,5	75,1
Средняя невзвешенная по 5-ти странам	1,0	4,8	2,1	45,7	35,0	60,2	77,0
США	1,6	2,0	0,6	100	100	100	100

Расчитано по данным и источникам к табл. 30,31.

В XX в. в развитых капиталистических странах произошли крупные изменения в отраслевых структурах занятости и совокупного производства (табл.37, 38). Абсолютное сокращение сельскохозяйственной занятости, обнаружившееся еще в довоенный период, значительно интенсифицировалось в послевоенные десятилетия. При этом темпы роста аграрного производства возросли в целом по шести развитым странам втрое, а темпы роста производительности труда в первичном секторе экономики увеличились с 1,0-1,2% в 1913-1950 гг. до 4,7-4,9% в год в 1950-1990 гг.

Таблица 37
Динамика отраслевого распределения занятости, %

Страна	Сектор	1913 г.	1950 г.	1973 г.	1990 г.
Великобритания	I	11,0	5,1	2,9	2,1
	II	44,8	47,6	41,7	28,8
	III	44,2	47,3	55,4	69,1
	Всего	100	100	100	100
Франция	I	38,3	27,8	10,6	5,6
	II	33,2	33,7	38,5	29,6
	III	28,5	38,5	50,9	64,8
	Всего	100	100	100	100
Германия	I	34,6	23,2	7,1	3,7
	II	37,8	42,9	46,6	40,0
	III	27,6	33,9	46,3	56,3
	Всего	100	100	100	100
Италия	I	55,4	43,2	18,3	8,8
	II	26,9	32,1	39,2	31,9
	III	17,7	24,7	42,5	59,3
	Всего	100	100	100	100
США	I	32,3	12,7	4,1	2,8
	II	29,3	35,6	32,3	25,0
	III	38,4	51,7	63,6	72,2
	Всего	100	100	100	100
Япония	I	64,3	48,3	13,4	7,2
	II	15,6	22,6	37,2	34,1
	III	20,1	29,1	49,4	58,7
	Всего	100	100	100	100

Примечание. I — аграрный сектор, II — промышленность и строительство, III — сфера услуг.

Составлено и рассчитано по: [8а, р.73, 83; 11, 1993, р.78, 436, 445, 460, 465, 477; 6, 1992, р.34-36, 100-101; 16, р.25, 55, 105; 18, р.30; 506, р.268-269; 513, р.174].

В первые послевоенные десятилетия в целом по шести крупным развитым странам динамика численности занятых в индустриальном секторе несколько повысилась по сравнению с периодом 1913-1950 гг. Однако в 1973-1990 гг. отмеченный показатель сокращался, правда, еще незначительно — в среднем на 0,2% в год. Если в довоенный период по темпам роста производительности труда индустриальный сектор все еще обгонял сельское хозяйство, то в

послевоенные десятилетия ситуация изменилась на прямо противоположную. В результате в целом по крупным развитым странам соотношение уровней производительности труда в сельском хозяйстве и индустриальном секторе, составлявшее в 1950 г. 32-34%, достигло в 1990 г. 67-69%. Однако отмеченный показатель существенно варьировал (во Франции и США — 110-113%, в Великобритании — 93-95, в Германии — 70-72, в Италии — 51-53 и в Японии — 26-28%), что говорит о значительной неравномерности развития секторов, сохранении элементов многоукладности и наличии “больных” отраслей (поддерживаемых, кстати, госдотациями) даже в наиболее динамичных из развитых стран.

Таблица 38

Сдвиги в отраслевых структурах производства и занятости, %

Годы	Сектор	Темп прироста производства	Доли секторов в ВВП		Темп прироста занятости	Доли секторов в занятости	
			Начало периода	Конец периода		Начало периода	Конец периода
1913-1950	I	0,6	16,4	9,3	-0,5	39,5	24,9
	II	2,7	31,9	34,5	1,1	30,2	34,8
	III	2,4	51,7	56,2	1,5	30,3	40,3
	Всего	2,2	100	100	0,7	100	100
1950-1990	I	1,8	7,9	3,7	-3,0	24,9	4,6
	II	3,9	33,3	35,7	0,8	34,8	29,8
	III	3,8	58,8	60,6	2,4	40,3	65,6
	Всего	3,7	100	100	1,2	100	100
1950-1973	I	2,1	7,9	4,6	-3,5	24,9	8,3
	II	5,2	33,3	38,9	1,5	34,8	37,3
	III	4,3	58,8	56,5	2,5	40,3	54,4
	Всего	4,5	100	100	1,2	100	100
1973-1990	I	1,4	4,6	3,7	-2,4	8,3	4,6
	II	2,2	38,9	35,7	-0,2	37,3	29,8
	III	3,1	56,5	60,6	2,2	54,4	65,6
	Всего	2,7	100	100	1,1	100	100

Примечания. 1. I — аграрный сектор, II — промышленность и строительство, III — сфера услуг. 2. Все показатели средневзвешенные. 3. Структура производства рассчитана на базе относительных цен 1938 г. для 1913-1950 гг. и 1973 г. для периода 1950-1990 г. (данные за 1950 г. представлены поэтому в двух вариантах).

Рассчитано по данным и источникам к табл.30, 35, 37; Прил. II.

Одним из наиболее характерных явлений XX в. стало заметное усиление роли третичного сектора. В 70-80-е гг. сфера услуг по темпам роста учтенного “производства” уже обгоняла промышленные отрасли. Возник неоднозначный по своему характеру феномен деиндустриализации производства и занятости, связанный, в частности, со свертыванием традиционных отраслей, ростом безработицы среди промышленных рабочих, деградацией бывших индустриальных центров. При этом бурное развитие получили наукоемкие производства, базирующиеся на широком применении результатов микропроцессорной революции, достижений в биотехнологии, приборостроении, фармацевтике, аэрокосмическом секторе.

В то же время рост занятости в третичном секторе экономики (а на него в начале 90-х гг. приходилось в среднем уже 2/3 всех занятых в развитых капиталистических странах, в том числе в США и Великобритании — более 70%⁷) протекал в достаточно противоречивых формах: наряду с существенным ростом удельного веса производственных, информационных и социальных услуг (высококачественное программное обеспечение, инжиниринг, консалтинг, наука, образование, здравоохранение) происходило также увеличение малоэффективных рабочих мест и неполной занятости в госаппарате, розничной торговле и бытовом обслуживании [246а, р.24; 303а, р.170-173].

Как в довоенный, так и в послевоенный период темпы роста учтенной производительности труда в третичном секторе экономики крупных развитых стран примерно в 1,5-2 раза отставали от соответствующих средних показателей в целом по народному хозяйству (табл.38). Согласно нашим расчетам и оценкам, относительный уровень производительности труда в сфере услуг, превышавший в целом по ныне развитым странам соответствующий средний показатель по народному хозяйству в прединдустриальный период и в начале промышленной революции примерно в 2-3 и в 1913-1950 гг. в 1,4-1,5 раза, к началу 1990-х гг. составил лишь 90% от вышеупомянутого индикатора (табл.21, 38). На рубеже 80-х — 90-х гг. соотношение производительности труда в сфере услуг и индустриальном секторе экономики достигало во Франции 94-98%, в США, Великобритании и Германии — 79-82-85, в Италии — 68-72 и в Японии — 60-64% (рассчитано по данным и источникам к табл.37, 38.)

Анализ данных, приведенных в табл. 39, показывает, что такой существенный фактор экономического роста, каким до последнего

времени было перемещение ресурсов труда из агросферы в отрасли с относительно более высокой производительностью труда, в послевоенный период практически себя исчерпал², а в 1970-1980-е гг. в силу отмеченных выше обстоятельств он стал, по сути дела, негативным. По нашим расчетам, снижение общих темпов экономического роста в 1973-1990 гг. по сравнению с 1950-1973 гг. примерно на 1/3 может быть связано с абсолютным уменьшением эффекта межсекторного перераспределения рабочей силы.

Таблица 39

Прирост ВВП и его структурные составляющие в ныне развитых капиталистических странах в доиндустриальную эпоху, в период промышленного переворота и в 1913-1990 гг.¹, %

Годы	Среднегодовые темпы прироста			Увеличение ВВП за счет		
	ВВП	занятости	производительности труда	роста затрат труда	повышения производительности в результате	
					межсекторного перераспределения рабочей силы	роста производительности труда в секторах экономики
1500-1800 ²	0,3-0,5	0,20-0,25	0,15-0,20	56	17	27
1800-1913 ³	2,1-2,2	1,0-1,1	1,0-1,2	49	13	38
1913-1950 ⁴	2,2	0,7	1,5	32	21	47
1950-1973 ⁴	4,5	1,2	3,3	27	12	61
1973-1990 ⁴	2,7	1,1	1,6	41	-4	63

1. Все данные округлены.

2. Западная Европа.

3. Западная Европа и США.

4. Западная Европа, США и Япония.

Рассчитано по данным и источникам к табл.21, 38.

Однако не стоит чрезмерно драматизировать ситуацию в развитых капиталистических государствах (тем более что в периферийных и полупериферийных странах экономическая обстановка куда более сложная). В известной мере процесс видимого “торможения”

ния” в ведущих капиталистических государствах отражает феномен смены моделей роста, небезболезненного перехода на новые технологии, которые в конечном счете могут привести к значительному уменьшению традиционной ресурсоемкости ВВП и обеспечить существенный, не всегда адекватно учитываемый статистикой рост качества выпускаемых товаров и услуг в условиях прогрессирующей дематериализации и интеллектуализации общественного производства (гл. I, а также [61, с.29]).

Для выявления факторов экономической динамики стран Запада и Японии в послевоенный период и уточнения некоторых контуров новой модели развития, к которой постепенно переходят ведущие капиталистические страны, целесообразно рассмотреть важнейшие тенденции накопления финансового, физического и человеческого капитала в исторической ретроспективе.

Расчеты, произведенные как в текущих, так и в неизменных ценах, в том числе с учетом и без учета изменения запасов, а также инвестиций в жилищное строительство (табл.40, 41), свидетельствуют о существенном увеличении нормы капиталовложений в послевоенный период. Наиболее значительно ситуация изменилась в Японии, Германии и Великобритании (при расчете в неизменных ценах, возможно, также и в Италии), меньше всего — в США. Однако в 50-60-е и 70-80-е гг. в Великобритании и США отмеченный показатель по своему уровню был самым низким среди крупных развитых капиталистических стран, а в США и Германии, в отличие от других государств, он к тому же оказался не выше, чем в конце XIX — начале XX в: в 1890-1913 гг. соответственно 23-24 и 21-23% (табл.22,40,41).

Сравнительно-ретроспективный анализ данных, представленных в табл.31, 40, 41, показывает, что в крупных развитых государствах в тенденции усиливался “эффект догоняющего развития”: страны с более низким изначальным уровнем душевого ВВП имели в целом, как отмечалось выше, не только более высокие темпы роста этого показателя (коэффициент корреляции на этапе “промышленного рывка” составил примерно (-)0,50-0,52, в межвоенные десятилетия — (-)0,54-0,56, в послевоенный период — (-)0,87-0,88), но и более высокую норму капиталовложений, необходимую для обеспечения ускоренного роста. Коэффициент взаимосвязи, рассчитанный за соответствующие периоды по данным о среднедушевом ВВП и норме инвестиций в текущих ценах, оказался равен (-)0,30-0,32; (-)0,71-0,73; (-)0,76-0,78, а с использованием индикатора капиталовложений в постоянных ценах —

(+)0,1⁹; (-)0,43-0,45 и (-)0,78-0,80 (в том числе по данным без учета инвестиций в жилищное строительство (+)0,0-0,1; (-)0,58-0,59; (-)0,72-0,74).

Таблица 40

Источники финансирования капиталовложений в межвоенный и послевоенный периоды, % от ВВП¹

Страна	Годы	Общая норма капиталовложений	Изменение запасов	Амортизация	Чистые капиталовложения	Внешние ² финансовые ресурсы
Великобритания	1921-1938	9,4	0,2	6,5	2,7	0,9
	1951-1973	18,8	1,0	8,7	9,1	0,5
	1974-1990	17,9	0,2	10,8	6,9	-0,6
Франция	1921-1938	16,3	(0,2)	(7,5)	8,8	0,9
	1951-1973	22,9	1,9	8,5	12,5	0,4
	1974-1990	21,4	0,3	11,1	10,0	0,0
Германия	1925-1938	16,2	0,1	8,2	8,0	-0,1
	1951-1973	26,2	1,7	9,4	15,1	2,2
	1974-1990	20,6	-0,1	10,5	10,2	3,3
Италия	1921-1938	16,8	0,3	8,7	7,8	-0,9
	1951-1973	22,4	1,8	8,5	12,1	1,3
	1974-1990	22,5	1,2	11,0	10,3	-0,7
США	1921-1938	15,8	0,8	9,2	5,8	0,7
	1951-1973	18,9	0,9	9,3	8,7	0,6
	1974-1990	18,2	0,4	12,1	5,7	-0,5
Япония	1921-1938	21,3	2,7	9,6	9,0	-1,0
	1951-1973	35,1	2,9	12,5	19,7	0,9
	1974-1990	30,7	0,6	13,6	16,5	1,6

¹ Все показатели исчислены на базе текущих цен (данные округлены, в скобках — оценки).

² Чистый экспорт капитала — со знаком плюс, чистый импорт капитала — со знаком минус.

Рассчитано по источникам к табл. 18, 19, 22, а также: [7, vol.2; p.350-351, 413-416, 420-422; 12, 1990, p.444-445, 723-733; 17, p.833-835; 18, p.817-836, 858-867; 21, p.886-889, 897, 931-934, 939; 45, 1992, p.261, 273, 349, 625; 357, p.12, 149; 561, p.269-270, 281, 362-363; 613, p.159, 167-168; 647, p.155-157; 744, 1992, № 2, p.186-187].

Таблица 41
Динамика нормы капиталовложений и предельной
капиталоемкости¹

Страна	Годы	Средне- годовой темп прироста ВВП, %	Доля валовых капиталовложений в основной капитал в ВВП, %		Коэффициент предельной капиталоемкости	
			с учетом жилья	без учета жилья	4:3	5:3
1	2	3	4	5	6	7
Великобри- тания	1921-1938	1,9	9,6	6,7	5,1	3,5
	1951-1973	3,0	17,6	13,8	5,9	4,6
	1974-1990	1,8	15,5	12,5	8,6	6,9
Франция	1921-1938	2,2	(18,8)	(13,7)	8,5	6,2
	1951-1973	5,1	22,4	16,5	4,4	3,2
	1974-1990	2,4	22,6	16,2	9,4	6,8
Германия	1925-1938	3,7 ²	20,9	16,4	5,6	4,4
	1951-1973	6,0	25,8	19,6	4,3	3,3
	1974-1990	2,1	22,8	16,7	10,9	8,0
Италия ³	1921-1938	2,2	14,0	12,1	6,4	5,5
	1951-1973	5,6	28,5	20,2	5,1	3,6
	1974-1990	2,9	19,0 ³	13,7	6,6	4,7
США	1921-1938	1,6	15,9	12,9	9,9	8,1
	1951-1973	3,6	18,2	14,0	5,1	3,9
	1974-1990	2,5	19,1	14,5	7,6	5,8
Япония	1921-1938	3,5	18,1	16,5	5,2	4,7
	1951-1973	9,2	31,7	25,7	3,4	2,8
	1974-1990	4,0	35,3	27,7	8,8	6,9
Средняя не- взвешенная по 6-ти стра- нам	1921-1938	2,5	16,2	13,1	6,5	5,2
	1951-1973	5,4	24,0	18,3	4,4	3,4
	1974-1990	2,6	22,4	16,9	8,6	6,5

1. За межвоенный период расчеты произведены в ценах 1938 г. (по Франции — 1935-1938 гг., по Японии — 1934-1936 гг.), за послевоенный период (1951-1973 и 1974-1990 гг.) — соответственно в международных ценах (паритетах покупательной способности валют) 1965 и 1975 гг. (все данные округлены, в скобках — оценки).

2. 1921-1938 гг.

3. Показатели по Италии — предварительные (ввиду невысокого качества статистики).

Рассчитано по источникам к табл. 40, а также: [631, p.236, 251; 632, p.19-21].

В отличие от эпохи промышленного переворота, межвоенного периода (1920-1930) и последних двух десятилетий в 1951-1973 гг. в среднем по крупным развитым странам была достигнута наиболее высокая норма капиталовложений (примерно 24% — расчет в неизменных ценах, в том числе без учета жилья — 18-19%) и самый низкий индикатор предельной капиталоемкости (соответственно 4,4 и 3,4; для сравнения: в период “промышленного рывка” аналогичные показатели составили 5,6 и 4,5). Наиболее высокие значения нормы капиталовложений отмечались в быстрорастущих странах (Япония, Германия, Италия, Франция), имевших сравнительно низкие индикаторы предельной капиталоемкости (что в свою очередь стимулировало рост капиталовложений).

По нашим расчетам, значение коэффициента корреляции между нормой капиталовложений (исчисленной на базе неизменных цен как с учетом, так и без учета жилья) и предельной капиталоемкостью было практически минимальным в период “промышленного рывка” (соответственно 0,04 и (-)0,10); оно стало положительным, но в целом весьма небольшим в межвоенные десятилетия, отмеченные, как известно, жесткой депрессией (0,17-0,18 и 0,21-0,22). В 1950-1973 гг. картина резко изменилась: коэффициент корреляции поменял знак и стал весьма существенным: (-)0,75-0,77 и (-)0,79-0,81. Однако в 1973-1990 гг. ситуация, судя по ряду учетных показателей, стала напоминать межвоенные десятилетия: отмеченный индикатор составил 0,26-0,28 и 0,29-0,31.

Расчеты на основе данных публикуемой статистики (базирующейся на методологии нынешней системы национальных счетов, принятой ООН и ОЭСР) свидетельствуют в целом о сохранении или незначительном уменьшении нормы капиталовложений в 70-80-е гг., а также о существенном падении эффективности инвестиций и увеличении предельной капиталоемкости, которая — в тенденции — в среднем по крупным развитым капиталистическим странам почти вдвое превысила отметку 50-60-х гг. и оказалась рекордно высокой в целом для последних двух столетий.

Рассмотрим некоторые другие параметры, источники и факторы капиталонакопления. Судя по данным табл.40, изменение запасов составило небольшую величину — в среднем 0,5-1,0% ВВП в межвоенный период, 1,5-2,0 — в 1951-1973 гг. и 0,4-0,5% в 1974-1990 гг. За счет амортизации в среднем по крупным развитым странам “самофинансировалось” в 1951-1973 гг. около 2/5, а в межвоенный период и в 1974-1990 гг. свыше половины (в том числе в Великобритании — 3/5 и в США — 2/3) всех капиталовложений.

Доля чистых инвестиций в ВВП, составлявшая в 1921-1938 гг. в среднем около 7% (при достаточно широком разбросе значений этого показателя по странам: в Великобритании 2,7%, в Японии 9%), существенно повысилась в 1950-1960-е гг. (в среднем почти до 13%). Однако в 70-80-е гг. она сократилась в целом до 1/10. При этом в США (5,7%) и в Великобритании (6,9%) отмеченный индикатор значительно уступал показателю по Японии (16,5%).

Данные о динамике внешних источников финансирования капиталовложений весьма симптоматичны. Если в межвоенный период в Великобритании, США и Франции размеры чистого экспорта капитала составляли соответственно 24-26, 10-12 и 8-10% их внутренних нетто-сбережений, а в Италии и Японии, наоборот, чистый импорт капитала обеспечивал 10-12% (в Германии, возможно, 1-3%) всех чистых внутренних инвестиций, то в послевоенный период ситуация существенно изменилась.

В 1951-1973 гг. чистый экспорт капитала из Великобритании и США в среднем не превышал уже 5-7%, и во Франции 3-4% их внутренних сбережений, в то время как в Италии этот индикатор достиг 9-10%, в ФРГ — 12-13 и в Японии — 4-5%. В последних трех странах доля чистого трансферта финансовых ресурсов за границу в ВВП примерно в 2-4 раза превышала аналогичный показатель в среднем по Великобритании, Франции и США (табл.40).

В 70-80-е гг., ознаменованные развалом Бреттон-Вудской валютной системы (и введением плавающих валютных курсов), ухудшением условий внешней торговли, в том числе в связи с резким повышением нефтяных цен, усугублением структурных проблем, существенный дефицит платежного баланса обнаружился во многих из отмеченных выше стран, причем размер притока внешних ресурсов оказался эквивалентен в Италии 6-8%, а в Великобритании и США 8-10% их внутренних чистых инвестиций. Япония и Германия, завоевавшие более прочные внешнеэкономические позиции, сумели увеличить долю нетто-экспорта капитала в общем объеме своих чистых внутренних сбережений (соответственно до 8-10 и 24-25%).

Причины межстрановых различий в нормах и важнейших составляющих национальных (или внутренних) сбережений (накоплений), как показывают исследования авторитетных экспертов [613, p.159, 167-168; 681a, p.225-247; 744, 1992, № 2, p.186-187], в целом еще не поддаются достаточно четкой идентификации. Представляется, что сравнительно высокая инвестиционная

норма, достигнутая в послевоенный период в Японии и Германии, в известной мере обусловлена существенной долей государственных сбережений (до 14-17% всех национальных сбережений в этих странах в 1960-1980-е гг.), которая была почти в 1,5-2 раза выше, чем в Великобритании и Франции, и в 5-6 раз больше, чем в США [613, p.159, 167-168]. В значительной мере отмеченный фактор связан с более низкой долей прямых военных расходов в ВВП Японии, Германии и Италии по сравнению с США, Великобританией и Францией (табл.42).

Относительно высокая норма чистых национальных (внутренних) сбережений в послевоенной Японии, которая в 60-80-е гг. была примерно в 1,5 раза выше, чем в среднем по странам Запада, связана с рядом обстоятельств: сравнительно высоким ростом реальных доходов населения (табл.30, 31), более низкой, чем в большинстве крупных развитых стран, реальной ставкой ссудного процента (в целом в 1960-1992 гг. в Японии 2-3%, в США — 3,5-4,0, в ФРГ, Франции и Италии 5-8% (рассчитано по: [12, 1990; 1993, № 8; 45, 1983, vol.1, p.238, 254; 1992, p.349, 625]), отсутствием развитой государственной системы социального страхования и пенсионного обеспечения, дороговизной жилищного строительства (при общей низкой доле жилищных инвестиций: в Японии в 1950-1990 гг. — 20-21%, в США и Западной Европе — 24-26% всех реализованных капиталовложений).

Таблица 42
Доля военных расходов в ВВП, %

Страна	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1992 г.
Великобритания	6,4	4,7	5,0	5,1	4,0	4,0
Франция	6,3	4,2	4,0	4,0	3,6	3,4
Германия	4,0	3,3	3,3	3,2	2,8	2,2
Италия	2,7	2,5	2,4	2,2	2,1	2,0
США	8,8	7,7	6,0	6,5	5,4	5,4
Япония	1,0	0,8	0,9	1,0	1,0	0,9

Составлено по: [6, 1991, p.90-91, 96-97, 138-139, 142-143, 146-147; 35, 1992, p.200; 44, 1983, p.199; 695, 1993, прил., p.295].

Рост нормы и массы капиталовложений (и замещение труда физическим капиталом) в немалой мере стимулировалось (особен-

но в 50-60 гг.) также относительным снижением цен инвестиционных товаров по сравнению с уровнем оплаты труда. По нашим расчетам, в целом в 1950-1990 гг. соответствующий показатель уменьшился в США в 1,6 раза, в Великобритании и Германии — в 3,3-3,5, в Италии и во Франции — в 3,8-4,2 и в Японии почти в 10 раз (табл.43). В среднем по странам Запада и Японии темпы уменьшения отмеченного показателя в послевоенный период оказались почти втрое больше, чем в XIX в., что, думается, в немалой мере сказалось на динамике роста капиталовооруженности труда (табл.44).

Таблица 43
Соотношение индексов цен капитальных благ (а)
и номинальных ставок оплаты труда (b), % (1970 г. = 100)

Год	Великобритания			Франция			Германия		
	a	b	c	a	b	c	a	b	c
1950	62,3	27,0	231,0	35,9	17,3	208,0	51,1	21,5	238,0
1960	72,7	52,1	140,0	69,8	44,4	157,0	69,4	44,3	157,0
1980	372,0	425,0	88,0	265,0	416,0	64,0	172,0	215,0	80,0
1990	692,0	1033,0	67,0	452,0	916,0	49,0	216,0	315,0	69,0
Год	Италия			США			Япония		
	a	b	c	a	b	c	a	b	c
1950	58,7	25,5	230,0	62,4	43,7	143,0	69,0	14,8	466,0
1960	64,1	41,3	155,0	68,4	67,3	102,0	80,0	33,8	237,0
1980	421,0	604,0	70,0	210,0	216,0	97,0	222,0	343,0	65,0
1990	992,0	1665,0	60,0	294,0	321,0	92,0	228,0	489,0	47,0

Примечания. 1. $c=a:b$ (%). 2. b — индекс номинальных ставок оплаты труда в обрабатывающей промышленности. 3. Все данные округлены.

Расчитано по: [12, 1990; 16, p.26, 56, 80, 93, 106, 119; 45, 1983, vol.1, 1989-1990, 1992].

Если на этапе “промышленного рывка” темпы роста капиталовооруженности труда в среднем по странам Запада и Японии не превышали 1,5-1,7% в год, а в 1913-1950 гг. — 1,3-1,5%, то в 1950-1973 гг. они возросли втрое, достигнув примерно 4,6-4,8%. В последующие два десятилетия они сократились примерно до 3,2-

3,4%, но оставались в целом сравнительно высокими. При этом, судя по данным, исчисленным на основе паритетов покупательной способности валют, в результате опережающих темпов роста отмеченного показателя в странах Западной Европы и Японии произошло существенно подтягивание их уровня до американского “стандарта” фондовооруженности труда. К 1990 г. Германия и Япония, возможно, даже несколько опередили США. В то же время по уровню капиталовооруженности активными средствами труда (машинами, оборудованием, иными техническими средствами) на первое место вышла Франция, у которой при значительном объеме основного производительного капитала на одного занятого его технологическая структура оказалась, по-видимому, более благоприятной, чем во всех других рассматриваемых странах (за исключением Великобритании)¹⁰.

Динамика капиталовооруженности труда оказывала и оказывает немалое воздействие на изменение его производительности (табл.45). Все рассчитанные уравнения парной линейной регрессии, за исключением периода 1913-1950 гг. (связанного с двумя войнами и депрессией), достаточно надежны, о чем говорят относительно высокие значения коэффициента детерминации. Возросшая в 1950-1973 гг. величина параметра (*b*) при объясняющей переменной свидетельствует о том, что по крайней мере в первые послевоенные десятилетия межстрановые различия в динамике производительности труда были во многом связаны с темпами роста их фондовооруженности труда.

Что касается связи между динамикой производительности труда и капиталотдачи, то она, как показывают ретроспективные межстрановые сопоставления (табл.46), во-первых, менее надежна, а во-вторых, крайне неустойчива по своему значению. В 1950-1960-е гг. более высокие темпы роста производительности труда были отчасти связаны с более благоприятной динамикой капиталотдачи. Однако и в период “промышленного рывка”, и в 1970-1980-е гг. ситуация была иной. В тех странах, где динамика капиталотдачи была ниже, темпы роста производительности труда, несмотря на растущую капиталоемкость, оказались в целом выше.

Во многом эта “непростая” корреляция связана с тем, что в отличие от более или менее очевидного по своей сути “затратного” фактора, каким является капиталовооруженность труда, показатель капиталотдачи (интенсивный фактор) кумулирует в себе действие разнообразных, не учтенных в данной модели прочих условий народнохозяйственного развития.

Таблица 44

Уровни и темпы роста средней капиталовооруженности труда

Страна	Тип капитала	Капиталовооруженность труда ¹ в расчете на занятого, тыс.дол. 1985 г. (паритеты покупательной способности валют)				Среднегодовые темпы прироста, %		
		1913 г.	1950 г.	1973 г.	1990 г.	1913-1950 гг.	1950-1973 гг.	1973-1990 гг.
Великобритания	I ²	7,5 ³	7,0	18,5	31,4	-0,2	4,3	3,2
	II	2,5	6,6	19,7	28,6	2,7	4,9	2,2
	III	10,0	13,6	38,2	60,0	0,8	4,6	2,7
Франция	I	...	12,0	24,7	48,7	...	3,2	4,1
	II	...	2,9	18,9	37,5	...	8,5	4,1
	III	10,1	14,9	43,6	86,2	1,1	4,8	4,1
Германия	I	...	13,4	37,0	63,2	...	4,5	3,2
	II	...	4,2	19,5	30,0	...	6,9	2,6
	III	14,6	17,6	56,5	93,2	0,5	5,2	3,0
Италия ⁴	I
	II
	III	5,7	11,7	30,9	50,0	2,0	4,3	2,9
США	I	30,6	36,1	49,8	55,9	0,4	1,4	0,7
	II	5,5	11,9	20,5	31,6	2,1	2,4	2,6
	III	36,1	48,0	70,3	87,5	0,8	1,7	1,3
Япония	I	1,6	4,1	23,9	61,1	2,6	8,0	5,7
	II	0,6	2,9	12,0	31,3	4,4	6,4	5,8
	III	2,2	7,0	35,9	92,4	3,2	7,4	5,7

1. Все данные — по основному производственному капиталу, рассчитанному по полной стоимости, без учета жилья, скота (возможно, недоучтена определенная часть основных фондов в неформальном секторе экономики).

2. I — здания и строения, II — машины и оборудование, III — общий объем капитала.

3. Все показатели округлены.

4. Данные по Италии — расчетные оценки автора, полученные методом непрерывной инвентаризации.

Рассчитано по: Прил. II, источникам к табл. 37; [6а, № 54, p.202; 7, vol.2, p.420-422; 16, p.99; 18, p.817-836; 31, 1990, pt.1, p.619-622, 952-953; pt.2, p.1927-1928; 45, 1989-1990, p.320-321; 1992, p.341].

Таблица 45

Характеристики регрессионной связи между динамикой производительности и капиталовооруженности труда¹

Период	\bar{y}	\bar{x}	a	b	R^2
“Промышленный рывок” ²	1,4	1,6	0,19	0,76	0,93
1913-1950 гг.	1,1	1,4	0,77	0,24	0,26
1950-1973 гг.	4,4	4,7	0,01	0,93	0,77
1973-1990 гг.	1,9	3,3	0,18	0,51	0,87

1. Расчеты произведены по формуле: $y_i = a + b \cdot x_i$, где y_i и x_i — соответственно темпы прироста производительности и капиталовооруженности труда в i стране (%); \bar{y} и \bar{x} — их средние невзвешенные значения по шести странам (%); b — коэффициент связи (эластичности) при объясняющей переменной; a — “остаточный” коэффициент; R^2 — коэффициент детерминации (все данные округлены).

2. Для Великобритании — 1785-1845 гг., Франции — 1820-1869, Германии — 1850-1900, США — 1840-1890, Японии — 1885-1938, Италии — 1895-1938 гг.

Рассчитано по данным табл.24, 36, 44.

Таблица 46

Характеристики регрессионной связи между динамикой производительности труда и капиталотдачи¹

Период	\bar{y}	\bar{z}	a	b	R	R^2
“Промышленный рывок”	1,4	-0,2	1,12	-1,42	-0,57	0,32
1913-1950 гг.	1,1	-0,3	1,09	-0,02	0,0	0,0
1950-1973 гг.	4,4	-0,5	4,72	0,77	0,33	0,11
1973-1990 гг.	1,9	-1,4	0,76	-0,76	-0,73	0,54

1. Расчеты произведены по формуле: $y_i = a + b \cdot z_i$, где y_i и z_i — соответственно темпы прироста производительности труда и капиталотдачи в i стране (%); \bar{y} и \bar{z} — их средние невзвешенные значения по шести странам (%); b — коэффициент связи при объясняющей переменной; a — “остаточный” коэффициент; R — коэффициент корреляции, R^2 — коэффициент детерминации (все данные округлены).

Рассчитано по материалам табл.24, 36, 44.

Экономический рост стран Запада и Японии в послевоенный период определялся не только количественным расширением физического капитала, изменением его отраслевых, технологических и иных структур, но и существенным прогрессом в развитии человеческого фактора, совершенствованием организации и управления производством, темпами и масштабами инновационной деятельности.

Важнейшим направлением рационализации хозяйственных систем в развитых капиталистических странах стала особая форма

интенсификации труда, основывающаяся не столько на экономии переменного капитала, сколько на росте качества труда, усилении его мотивации, увеличении гибкости и мобильности рабочей силы, значительном росте ответственности, дисциплинированности и профессионализме работников. При этом, как показывают данные табл.47, происходило существенное сокращение абсолютных масштабов экстенсификации труда: реально отработанное время в расчете на одного занятого уменьшилось в среднем по шестерке крупных развитых капиталистических стран в 1913-1990 гг. на 1/3-2/5 (в том числе в 1913-1950 гг. — на 0,6-0,7% в год, в 1950-1973 гг. — на 0,5-0,6 и в 1973-1990 гг. — на 0,5% в год), а в целом по сравнению с серединой XIX в. почти вдвое.

Таблица 47
**Среднегодовой объем реально отработанных часов
в расчете на одного занятого**

Страна	1913 г.	1950 г.	1973 г.	1990 г.
Великобритания	2624	1958	1688	1572
Франция	2588	1926	1771	1570
Германия	2584	2316	1804	1612
Италия	2536	1997	1752	1615
США	2605	1867	1717	1602
Япония	2588	2166	2093	1990

Составлено и рассчитано по: [11, 1993, p.766-768; 285, p.125; 506, p.255-259, 268-269; 513, p.190; 643a, p.118; 736, 1994, № 2365, p.26].

Однако учетные масштабы “дезэкстенсификации” труда, по-видимому, замедлились с конца 70-х гг.; при уменьшении среднегодовых рабочих часов существенно увеличилась плотность и напряженность каждого рабочего часа, достаточно жестко хронометрируемого по крайней мере на крупных и средних предприятиях (в Японии длина рабочего года оставалась весьма высокой — на 1/4 больше, чем в среднем по странам Запада); значительно возросли косвенные и сопряженные затраты труда и капитала (в системе образования, профподготовки, здравоохранения, рекреационной сфере), обеспечивающие производительный труд в других секторах экономики. Речь идет в самом широком смысле о формировании “дорогого, но весьма продуктивного совокупного работника” [73].

В первые послевоенные десятилетия абсолютное и относительное положение наемной рабочей силы в развитых капиталистических странах улучшалось в целом достаточно высокими темпами по сравнению с довоенным периодом (табл.48, 49). В 1950-1980 гг. реальная почасовая заработная плата в обрабатывающей промышленности возросла в Германии в 4,3-4,4 раза, во Франции и Японии — в 3,5-3,8, в Италии — в 3,0-3,2, в Великобритании — в 1,9-2,0 и в США в 1,4-1,5 раза. (В отличие от других стран в США и Японии весьма существенный рост этого показателя наблюдался в первой половине века.)

Таблица 48

Изменение доли заработной платы¹ в национальном доходе, %

Страна	1900 г.	1913 г.	1938 г.	1950 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.
Великобритания	53,9	52,9	62,9	70,5	75,3	80,0	76,0
Франция	50,0	57,5	63,4	74,8	70,6
Германия	46,7	48,8	60,0	57,4 ³	67,8	75,9	70,9
Италия	41,9	52,3	57,3	56,8
США	54,0 ²	56,0	63,3	59,7	69,0	77,5	75,4
Япония	39,0	41,8	49,3	66,8	69,8

1. Включая выплаты в фонды социального страхования.

2. 1899-1908 гг.

3. 1952 г.

Составлено и рассчитано по: [7, vol.2, p.623-629, 637-639; 12, 1990; 16, p.7, 26, 77, 80, 93, 106, 116-119; 31, 1990, vol.1, p.620, 691, 953, 1021; vol.2, p.1928, 1987; 45, 1989-1990, 1992; 461, p.168-169; 561, p.387-391].

Произошло также заметное увеличение доли трудового дохода в чистом национальном продукте: если в 1950 г. в среднем по крупным развитым капиталистическим странам этот индикатор составлял 54-55%, то к 1980 г. он достиг уже 71-73%¹¹. (В Италии и Японии отмеченный показатель был намного меньше, чем в других странах.)

Имеющиеся статистические материалы при всей их противоречивости и неполноте в целом свидетельствуют об уменьшении степени неравенства в развитых капиталистических странах в послевоенный период (точнее, в 50-60-е гг., а для некоторых стран, возможно, и в 70-е гг.). Например, в США в 1929-1980 гг. квинтильный коэффициент дифференциации сократился, по-видимому, в 2,4 раза (с 18 до 7,5), а коэффициент Джини (исчисленный

по квинтильному ряду) — в 1,3-1,4 раза (с 0,45 до 0,34). Аналогичные изменения происходили и в других развитых капиталистических странах. При этом, как показывают исследования В.Б.Рамзеса [156, с.80] и наши расчеты, в Японии дифференциация семейных доходов оказалась наиболее низкой среди крупных капиталистических стран: в 1979 г. квинтильный коэффициент составил 4,3, а показатель Джини 0,287 (табл.50).

Таблица 49
**Динамика реальной заработной платы
в обрабатывающей промышленности**

Страна	1900 г.	1913 г.	1938 г.	1950 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.
Великобритания	24,8	24,7	33,7	39,1	62,7	75,9	100,0
Франция	(20,1)	(19,7)	(32,6)	22,2	50,1	83,2	100,0
Германия	(16,0)	(16,8)	(20,9)	19,8	61,8	86,4	100,0
Италия	(16,6)	(20,9)	(21,0)	29,3	60,7	90,8	100,0
США	25,1	28,7	43,4	66,7	94,6	96,5	100,0
Япония	(10,4)	(10,6)	(22,9)	24,2	58,9	85,4	100,0

Примечание. В скобках даны оценки.
Рассчитано по источникам к табл.48.

Весьма ощутимые сдвиги произошли и в структуре потребления. Доля продовольствия в общих потребительских расходах населения (индикатор Энгеля) в целом на протяжении XX столетия и в особенности в послевоенный период имела устойчивую тенденцию к снижению. Заметно уменьшился также удельный вес расходов на одежду и обувь (табл.51). Одновременно возросла доля расходов на услуги, в том числе обеспечивающие расширение рекреационных возможностей и рост креативных способностей человека. Увеличились также расходы на товары длительного пользования. В США в структуре конечных потребительских расходов населения доля товаров краткосрочного пользования уменьшилась с 57-59% в 1890-1899 гг. до 49-50 — в 1950-1959 гг. и 32-33% в 1980-1989 гг., в то время как удельный вес товаров длительного пользования возрос соответственно с 7-9 до 13-15 и 16-17% и услуг — с 33-35 до 36-37 и 50-52% [16, p.51; 676a, p.306; 695, 1993, № 2, p.57].

Констатируя позитивные изменения в условиях труда, в уровне и качестве жизни населения, а также в структуре его потребления,

которые способствовали формированию активной, дееспособной, творческой рабочей силы, нельзя не заметить, что в развитых капиталистических странах в 70-80-е гг. обнаружилось обострение ряда социальных проблем.

В условиях достаточно глубокого структурного кризиса и замедления общей экономической динамики произошло снижение темпов роста реальной заработной платы. В 80-е гг. в среднем по шести крупным развитым капиталистическим странам она увеличивалась в 2,0-2,5 раза медленнее, чем в 50-70-е гг., причем наиболее резкое торможение роста этого показателя имело место в США (табл.49). Во всех странах, кроме Японии, наблюдалось уменьшение доли трудовых доходов в чистом национальном продукте (табл.48). В ряде стран Запада усилилась дифференциация доходов населения [259, р.56, 435, р.149, 164-165]. В частности, в США квинтильный коэффициент дифференциации увеличился с 7,5 в 1980 г. до 8,9 в 1985 г. (коэффициент Джини возрос с 0,340 до 0,363); в ФРГ первый показатель увеличился с 5,0 в 1978 г. до 5,8 в 1984 г., а второй — с 0,31 до 0,32 (табл.50).

Заметно возросли темпы инфляции, абсолютные и относительные масштабы безработицы. В среднем по развитым капиталистическим странам уровни инфляции и норма безработицы в 1974-1993 гг. примерно вдвое превышали соответствующие показатели за 1951-1973 гг. (табл.52). В отличие от межвоенного периода, на который, как известно, пришлось тяжелая депрессия 1930-х гг., ситуация в последние двадцать лет в Германии, США, Японии и Великобритании была в целом лучше по показателю относительного уровня безработицы. Однако во Франции и Италии этот индикатор в 1974-1993 гг. превышал уровень 20-30-х гг.

Исчисленный нами "индекс беспокойства" (показатель, принятый ОЭСР, получен суммированием индикатора инфляции и нормы безработицы) достиг в целом в последнее двадцатилетие рекордного уровня¹²: его наиболее высокие значения характерны для Италии, Великобритании и Франции, наиболее низкие — для Японии и Германии (причем в последней, в отличие от других стран, отмеченный показатель оказался существенно меньше, чем в межвоенный период). Приведенные данные позволяют говорить не только об относительно высокой экономической, но и о социальной эффективности роста этих двух стран, в которых социальные издержки хозяйственного развития в послевоенный период были не столь значительны, как в остальных государствах¹³. Обратимся к некоторым другим характеристикам человеческого фактора.

Таблица 50
Распределение валовых личных доходов между группами семей, %

Группы семей	США			Великобритания			Германия			Франция			Италия		Япония	
	1929 г. (35-37)	1950 г.	1980 г.	1985 г.	1989 г.	1913 г.	1959 г.	1978 г.	1984 г.	1956 г.	1975 г.	1979 г.	1977 г.	1986 г.	1969 г.	1979 г.
Выше 10%	29,0	23,3	25,0	49,8	29,4	27,1	23,4	...	24,0	23,4	34,1	26,4	25,5	28,1	25,3	22,4
Выше 20%	54,0	44,0	39,9	41,9	45,2	42,0	40,8	50,0	43,0	39,5	51,1	42,2	40,9	43,9	41,0	37,5
Вторые 20%	19,0	24,0	25,0	25,0	23,1	24,4	25,3	18,0	23,0	23,1	24,1	22,7	23,5	22,7	23,5	23,1
Третьи 20%	14,0	17,0	17,9	17,4	15,9	16,8	18,2	...	15,8	17,0	17,8	14,6	17,1	17,2	15,9	16,8
Четвертые 20%	(10,0)	11,0	11,9	11,0	10,3	10,9	10,8	32,0	12,1	12,5	12,7	8,7	11,5	12,1	11,3	13,2
Низшие 20%	(3,0)	4,0	5,3	4,7	5,5	5,9	4,9	...	6,1	7,9	6,7	2,9	5,5	6,3	6,2	8,7
К	18	11	7,5	8,9	...	8,2	7,1	...	7,0	5,0	5,8	17,6	7,7	6,5	7,1	6,0
G	0,45	0,38	0,34	0,36	0,50	0,38	0,36	(0,40)	0,35	0,31	0,32	0,45	0,35	0,33	0,36	0,31

Примечание. К — квинтильный коэффициент дифференциации (соотношение высших и низших 20% доходополучателей); G — коэффициент Джини, изменяется от 0 (полное равенство) до 1 (монополизация одной семьей всех доходов общества).

Рассчитано по: [44, 1983, р.201; 1984, р.272-273; 1988, р.273; 1990, р.237; 461, р.208-211; 476, р.29, 147; 617, р.34-35].

Таблица 51
Динамика структуры личных расходов населения
(на базе текущих цен), %

Год	Пред- меты пита- ния, напитки	Одежда, обувь, ткани	Жилищ- ные услуги	Пред- меты домаш- него обихода	Транс- порт, связь	Меди- цинские услуги	Образо- вание, отдых, культура	Другие расходы
США								
1909	33,9	12,0	24,8		2,3	7,3		19,7
1937	32,1	10,0	19,6		9,8	5,2	(4,8)	18,5
1950	30,4	9,7	23,9		12,9	7,0	5,8	10,3
1972	22,9	8,2	23,3		(14,0)	9,2	7,9	14,5
1989	13,1	6,6	19,3	5,6	14,5	15,3	10,0	15,6
Великобритания								
1900 ¹	44,8	10,4	16,9		3,1	6,9		17,9
1938	39,6	9,9	21,8		7,5	10,5		10,7
1950	37,2	10,0	24,4		11,1	5,9	6,8	4,6
1970	26,7	7,8	25,2		16,2	7,6	8,5	8,0
1989	21,1	6,2	19,5	6,9	17,7	9,0	9,5	10,1
Франция								
1950	43,7	12,2	15,5		6,0	8,1	5,1	9,4
1970	30,6	12,1	17,7		10,2	12,9	7,4	9,1
1989	19,4	6,5	18,9	8,1	16,8	12,5	9,3	8,5
Германия								
1900	55,2	14,4	13,8	6,7 ²	2,7	2,9	1,1	3,2
1938	48,9	13,3	14,6	8,0 ²	4,1	4,9	3,8	2,4
1950	52,0	15,6	9,1	8,6 ²	3,6	4,5	5,2	1,4
1970	30,5	12,1	12,3	14,3	13,0	8,5	7,3	2,0
1989	14,5	8,6	20,6	9,6	16,4	13,0	10,1	7,2

Италия								
1901-1920	67,0	...	6,6	
1921-1940	60,7	...	7,9	
1953	49,1	11,5	20,4		5,1	5,6	4,6	3,7
1970	43,5	10,2	19,3		10,7	8,6	7,5	0,2
1989	21,7	9,6	14,3	8,9	12,9	10,0	9,1	13,5
Япония								
1900	64,0	7,9	10,7		2,2	3,4	6,3	5,5
1938	49,0	13,7	15,5		3,9	5,7	8,2	4,0
1955	51,1	13,5	15,2		(2,6)	(5,6)	(6,0)	(6,0)
1970	34,1	10,6	25,0		4,2	8,3	8,1	9,7
1989	20,4	6,4	19,2	6,1	10,2	10,8	10,2	16,7

1. В ценах 1938 г.

2. Включая отопление и освещение.

Составлено по: [16, p.51; 44, 1990, p.197; 70, с.308-311, 398-400; 411, p.700-701; 461, p.266; 531, p.398; 561, p.338-341; 704, 1994, vol.42, № 2, p.304-305].

Таблица 52
Изменение уровня безработицы (а), инфляции (б)
и “индекса беспокойства” (с), %

Страна		1921-1938 г.	1951-1973 г.	1974-1993 г.
Великобритания	a	10,0	2,1	8,0
	b	-2,5	4,5	9,5
	c	7,5	6,6	17,5
Франция	a	2,8	1,6	7,7
	b	3,5	4,8	7,8
	c	6,3	6,4	15,5
Германия	a	13,4 ¹	3,1	4,6
	b	-0,1 ¹	2,5	3,5
	c	13,3	5,6	8,1
Италия	a	2,7	5,8	8,5
	b	1,3	3,8	11,9
	c	4,0	9,6	20,4

Япония	<i>a</i>	4,9 ²	1,2	2,3
	<i>b</i>	-0,5	4,6	5,6
	<i>c</i>	4,4	5,8	7,9
США	<i>a</i>	11,5	4,8	7,0
	<i>b</i>	-3,7	2,6	6,1
	<i>c</i>	7,8	7,4	13,1
Средняя невзвешенная по 6-ти странам	<i>a</i>	7,6	3,1	6,4
	<i>b</i>	-0,3	3,8	7,4
	<i>c</i>	7,3	6,9	13,8

1. 1924-1938 гг.

2. 1930-1938 гг.

Примечание. *a* - доля безработных в самодеятельном населении; *b* - среднегодовой темп прироста потребительских цен; *c* = *a* + *b*, %.

Рассчитано по: [ба, р.184; 16, р.23, 26, 77, 80, 90, 93, 103, 106; 513, р.174; 561, р.387-388]; Прил. II.

По сравнению с началом века в послевоенный период значительно увеличились общие расходы на здравоохранение, образование и науку. Если в 1910-1913 гг. они составляли в среднем по шестерке ведущих капиталистических стран 2,5-2,7% их ВВП/ВНП, то в 1950 г. — уже 7,6-7,8, а в 1990-1991 гг. — 16,5-16,7%. Однако в 70-80-е гг. динамика отмеченных расходов замедлилась: в 1950-1973 гг. удельный вес соответствующих затрат в ВВП возрастал в среднем ежегодно на 2,6-2,8%, а в 1973-1990 гг. — лишь на 0,8-1,0% (табл.53).

Таблица 53

Динамика общих расходов (*a*)¹ на образование (*b*), здравоохранение (*c*) и науку (*d*), % к ВВП/ВНП

Страна	1950 г.				1960 г.			
	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>d</i>	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>d</i>
Великобритания	9,0	3,6	4,5	0,9	10,5	4,1	3,9	2,5
Франция	6,4	2,4	3,5	0,5	9,5	3,9	4,3	1,3
Германия	8,6	3,5	4,3	0,8	10,1	4,3	4,8	1,0
Италия	5,3	2,1	2,9	0,3	9,1	4,8	3,6	0,7
США	8,9	3,3	4,6	1,0	13,3	5,3	5,3	2,7
Япония	7,8	4,6	2,6	0,6 ²	9,5	5,1	3,0	1,4
Среднее невзвешенное	7,7	3,3	3,7	0,7	10,3	4,6	4,1	1,6

Страна	1973 г.				1990-1991 гг.			
	a	b	c	d	a	b	c ³	d
Великобритания	13,4	6,3	5,0	2,1	14,1	5,7	6,2	2,2
Франция	14,6	5,9	6,9	1,8	17,5	6,6	8,6	2,3
Германия	14,3	5,3	6,9	2,1	16,9	5,8	8,3	2,8
Италия	12,3	5,3	6,1	0,9	14,4	6,1	6,9	1,4
США	17,3	7,1	7,8	2,4	20,8	6,8	11,2	2,8
Япония	13,2	5,8	5,4	2,0	16,1	6,3	6,8	3,0
Среднее невзвешенное	14,2	6,0	6,3	1,9	16,6	6,2	8,0	2,4

1. Ученные расходы (государственные и частные, капитальные и текущие) на нужды формального образования, здравоохранения и науки.

2. 1953-1954 гг.

3. 1987 г.

Составлено и рассчитано по: [6,1993; 7, vol.1, p.380-382, 390, 404-407; 35, 1992, p.189-190; 37, p.153-155; 38, p.18, 271-273; 60, с.206; 120, с.65; 411, p.728; 480, p.82; 502, p.695; 562, p.291].

В послевоенный период в результате общего улучшения социально-экономических и санитарно-гигиенических условий жизни, роста расходов на нужды здравоохранения (в начале 90-х гг. они достигли в Великобритании, Японии и Италии 6-7% ВВП, в Германии и во Франции — 8-9, в США свыше 11% ВВП), увеличения численности врачей и вспомогательного медицинского персонала значительно повысился уровень здоровья населения. Так, показатель младенческой смертности сократился в среднем по шести развитым странам в 5-7 раз (!), а средняя продолжительность жизни возросла примерно на 11 лет — до 77 лет (наиболее высокий показатель зарегистрирован в Японии — около 79 лет) (табл.53, 54).

За 1950-1990 гг. в среднем по крупным развитым странам доля затрат на формальное образование в ВВП увеличилась почти вдвое. Охват обучением в средней школе вырос с 48-50 до 90-92%. (В отличие от других стран в Германии, Японии и Франции в 80-е гг. значительно больший процент учащихся средней школы — от 1/3 до 3/5 — занимался в профтехучилищах.) Резко возросла доля молодежи, охваченной обучением в колледжах и университетах, — в среднем с 7-9% в 1950 г. до 39-41% в 1990 г. Значительно

сократился в целом отрыв всех других рассматриваемых стран по этому индикатору в сравнении с США — с 1:5 до 1:2 (табл.55).

Таблица 54
Динамика показателей развития здравоохранения
в странах Запада и Японии в 1950-1990 гг.

Страна	1950 г.			1970 г.		
	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
Великобритания	...	33,0	68,0	810	18,5	71,7
Франция	...	53,0	67,0	750	18,2	72,0
Германия	...	55,0	67,0	570	23,4	70,5
Италия	...	68,0	65,0	550	29,6	71,7
США	...	33,0	68,0	630	20,0	70,8
Япония	...	60,0	63,0	890	13,1	71,9
Среднее невзвешенное	...	50,0	66,0	700	20,0	71,0

Страна	1980 г.			1990 г.		
	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
Великобритания	640	12,1	73,8	590	8,4	75,6
Франция	500	10,0	74,9	380	7,1	76,8
Германия	430	12,7	73,2	330	7,5	76,2
Италия	360	14,3	74,7	310	8,7	77,5
США	480	12,6	73,7	410	9,5	76,0
Япония	750	7,5	76,0	580	4,6	78,8
Среднее невзвешенное	530	12,0	74,0	430	8,0	77,0

Примечание. *a* — число жителей на одного врача, *b* — младенческая смертность, промилле, *c* — средняя продолжительность жизни, лет.

Составлено и рассчитано по: [6, 1992; 7, vol.2, p.53-64, 80-90, 100-110; 35, 1992, p.189; 45, 1983, vol.2; 1992; 283, p.98].

Таблица 55
Динамика показателей развития системы образования

Страна	1950 г.				1973 г.			
	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>d</i>	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>d</i>
Великобритания	51	5	76	10,8	78	17	163	12,1
Франция	33	(6)	63	9,6	78	23	193	11,7
Германия	39	3	54	10,4	80	25	205	11,6
Италия	28	4	48	6,1	65	22	175	8,0
США	73	22	183	11,3	92	57	377	14,1
Япония	68	5	93	9,1	88	20	188	12,1
Среднее невзвешенное	49	8	86	9,6	80	27	217	11,6

Страна	1990 г.			
	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>d</i>
Великобритания	83	29	228	13,9
Франция	95	40	295	15,3
Германия	104	38	294	15,5
Италия	75	30	225	11,0
США	90	72	450	17,6
Япония	97	29	242	14,6
Среднее невзвешенное	91	40	289	14,7

Примечания: 1. *a* и *b* — валовые индикаторы охвата обучением населения соответствующих возрастов в средней и высшей школе; *c* — показатель Харбизона-Майерса — средневзвешенное индикаторов охвата обучением в средней и высшей школе (весовые коэффициенты равны 1 и 5); *d* — среднее число лет обучения взрослого населения, редуцированное по качеству (один год обучения в средней и высшей школе эквивалентен по своей экономической эффективности соответственно 1,4 и 2,0 годам обучения в начальной школе). 2. Данные округлены, в скобках — оценки.

Составлено и рассчитано по: [6, 1992; 18, p.785-814; 35, 1992, p.190, 193; 37, p.137-139, 145-147; 44, 1982, p.154-155; 45, 1983, vol.2, p.117-122, 130-131; 480, p.64; 504; p.83].

Вместе с тем индекс Харбизона-Майерса, который в 1950-1973 гг. в целом по группе развитых стран возрастал в среднем ежегодно на 4,0-4,1%, в 1973-1990 гг. увеличивался уже только на 1,6-1,8% в год, что

свидетельствует об определенном замедлении роста эффективности традиционной системы формального образования. Однако отмеченный показатель далеко не в полной мере учитывает качественные факторы — неформальные виды образования, а главное — качество обучения. Индикатор среднего числа лет обучения с поправкой на его учтенное качество (табл.55) показывает, что темп прироста объема знаний, полученных в системе формального образования, в 70-80-е гг. был не ниже, а существенно выше, чем в 50-60-е гг. (среднее число лет обучения взрослого населения возрастало в среднем по шести развитым капиталистическим странам в 1950-1973 гг. на 0,7-0,9% в год и в 1973-1990 гг. по меньшей мере на 1,3-1,5% в год)¹⁴.

В результате, во-первых, заметно увеличилась доля работников, занятых профессиями преимущественно творческого типа: в США — с 37% в 1960 г. до 45% в 1990 г., в ФРГ — с 32 в 1961 г. до 41 в 1989 г., в Великобритании — с 39 в 1961 г. до 50 в 1981 г., в Японии — с 33% в 1960 г. до 46% в 1990 г.[136, ч.1, с.42]. Во-вторых, по ряду учтенных нами показателей, характеризующих систему образования, произошло подтягивание к США других стран, прежде всего Японии, Германии и Франции. В-третьих, на что с тревогой обращают внимание многие американские экономисты и политологи, обнаружилось определенное отставание США от Японии, Германии, Швейцарии и ряда других государств по уровню развития (длительности, интенсивности и качеству) среднего, в том числе профессионального, образования[583, р.395-397, 497-498, 508; 640, р.32-36, 273-277].

Вместе с тем США, как известно, обладают колоссальным абсолютным научно-техническим потенциалом, который также весьма внушителен и в подушевом выражении. Однако по сравнению с другими развитыми странами в США доля ВВП/ВНП, идущая на НИОКР, в 60-х — начале 90-х гг. существенно не изменилась (а в отдельные годы даже снижалась), в то время как в Японии, Германии, Франции и Италии она резко выросла, причем в первых двух странах сравнялась или даже превысила показатель по США (табл.53, 56). Важно также подчеркнуть, что если в США (и Великобритании) доля расходов на НИОКР, связанных с гражданскими проектами, составляет лишь 50-70%, то в Германии и Японии — 85-95%[38, р.139, 271-273; 575а, р.99], что, несомненно, способствует относительно ускоренному развитию их интеллектуальных производительных сил, в том числе в области информатики, телекоммуникаций, биохимии, аэрокосмической промышленности, в других направлениях высоких технологий.

Проведенный анализ позволяет рассмотреть в целом эволюцию структуры совокупного производительного капитала (табл.57). При сопоставлении с соответствующими данными за период “промышленного рывка” можно обнаружить, что доля земли и используемых недр сократилась в 2-3 раза и к началу 90-х гг. составила по крупным развитым капиталистическим странам 6-11% (средневзвешенный показатель — 7-8%).

Таблица 56
**Некоторые показатели развития сферы НИОКР
и средств массовой информации в расчете на 1000 человек**

Страна	Ученые, инженеры и техники, занятые в НИОКР			Радиоприемники, штук		
	1965 г.	1970 г.	1985-1989 гг.	1960 г.	1970 г.	1990 г.
Великобритания	4,3	4,6	5,2	451	626	1143
Франция	3,5	4,0	5,0	240	315	887
Германия	3,9	4,5	6,6	287	323	952
Италия	2,4	160	217	789
США	5,6	5,9	6,8	941	1414	2116
Япония	3,1	3,8	6,0	132	223	907

Страна	Телевизоры, штук			Телефоны, штук	
	1960 г.	1970 г.	1990 г.	1965 г.	1988-1989 гг.
Великобритания	212	294	434	350	477
Франция	42	216	402	240	608
Германия	84	275	514	330	585
Италия	42	182	420	250	509
США	308	413	812	620	789
Япония	73	219	619	300	555

Составлено и рассчитано по, [35, 1992, p.190, 194; 36, 1992, p.518, 586-588; 37, 1993, p.121-123; 45, 1983, vol.2, p.117-122, 130-131; 695, 1987, № 8, p.153].

Таблица 57

**Изменение структуры совокупного производительного капитала
развитых капиталистических стран, %**

Показатели	1950 г.	1973 г.	1990 г.
1. Земля и используемые недра	7,5	10,1	7,2
2. Физические воспроизводимые активы	13,8	17,3	18,3
2.1. Здания и сооружения	6,9	9,1	10,5
2.2. Орудия труда	3,8	4,8	6,1
2.3. Скот	3,1	3,4	1,7
2.4. Товарно-материальные запасы			
3. Человеческий капитал	78,7	72,6	74,5
3.1. "Вещественный"	66,1	50,0	46,8
3.2. "Невещественный"	12,6	22,6	27,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

Примечания. 1. Рассчитано методом инвентаризации различных категорий капитальных и текущих расходов, без учета жилья, военного имущества, финансовых активов. Исходные данные Р.Голдсмита о материально-финансовом богатстве дополнены нашими оценками о человеческом капитале по методу Дж.Кендрика. 2. Человеческий "вещественный" капитал — оценка капитализированных потребительских расходов на формирование рабочей силы (без учета затрат на образование и здравоохранение). 3. Человеческий "невещественный" капитал — оценка капитализированных расходов на образование, профподготовку, охрану здоровья, а также текущих затрат на НИОКР. 4. Все данные — средневзвешенные по шести крупным развитым капиталистическим странам. В расчетах использованы соответствующие паритеты покупательной способности валют по потребительским и капитальным товарам (оценки Р.Саммерса и А.Хестона). Кумулированные показатели в неизменных ценах пересчитаны в текущие цены — соответственно 1950, 1973 и 1990 гг.

Рассчитано по данным Прил. V.

Удельный вес физических воспроизводимых активов в послевоенный период увеличивался, но весьма неравномерно. Особенно быстро он рос в 50-60-е гг., что отчасти определялось инерционными процессами, связанными с послевоенной реконструкцией народного хозяйства, а также сравнительной дешевизной основного капитала по отношению к труду (в немалой мере обусловленной низкими ценами на сырье и энергию). В 70-80-е гг. отмеченный индикатор в целом по крупным развитым капиталистическим странам продолжал расти, но более медленными темпами. При

этом в Германии и США, обладающих колоссальным производственным потенциалом, возможно, произошло некоторое относительное уменьшение рассматриваемого индикатора, в то время как в других странах тенденции были прямо противоположными: во Франции он увеличился примерно с 17% в 1973 г. до 21-22% в 1990 г., в Италии — с 19 до 23-24 и в Японии — с 15-16 до 26-28% (Прил.V).

В силу того что данные в табл.57 представлены в текущих ценах (а, как известно, цены на капитальные блага росли в послевоенный период в целом медленнее, чем на потребительские товары), динамика доли физических воспроизводимых активов несколько занижена. (Альтернативный расчет в ценах начала 50-х гг. показывает, что в 1990 г. отмеченный индикатор в среднем по шести странам мог быть на 2-4 процентных пункта больше.)

Все это не умаляет общей тенденции опережающего роста “невещественного” человеческого капитала, которая достаточно ярко проявилась в послевоенный период. Если еще в начале 50-х гг. в странах Запада и Японии стоимостной объем физических воспроизводимых активов превосходил соответствующий показатель “невещественного” человеческого капитала, то в 70-80-е гг. ситуация резко изменилась. В целом по крупным развитым капиталистическим странам удельный вес накопленных вложений в образование, здравоохранение и науку в общем объеме совокупного производительного капитала увеличился с 12-13% в 1950 г. до 22-23% в 1973 г. (наиболее быстрый этап роста) и до 27-28% в 1990 г. При этом отмеченный индикатор достиг в Италии и Великобритании 21-23%, в Германии, Японии и Франции — 25-27, в США — 30-31% (табл.57; Прил.V).

По далеко не полным данным (расчеты произведены “затратным” методом, без учета трудовых инвестиций учащихся) в начале 90-х гг. объем человеческого “невещественного” капитала в среднем по группе развитых стран в 1,5 раза превышал объем физического (обычного) капитала. (Если во Франции и Германии этот показатель составлял 1,3:1, то в США — 2,2:1¹⁵.) По суммарной доле физического (обычного) и человеческого “невещного” капитала некоторые из развитых стран достигли или уже превысили половину их совокупного производительного богатства (в Великобритании — 41-42%, в Италии, США и ФРГ — 44-45, во Франции — 49-50, в Японии — 53-54%).

С учетом изложенного можно дать в целом ориентировочную оценку основных факторов экономического роста стран Запада и Японии в 1913-1990 гг. Однако остановимся более подробно на послевоенном этапе, так как период 1913-1950 гг., включающий

две мировые войны, депрессию и восстановление экономики, в сущности, не дает картину более или менее стационарного экономического роста и весьма сложен для адекватного моделирования (ввиду превалирования экстраординарных обстоятельств)¹⁶.

По сравнению с этапом промышленного переворота в послевоенный период доля экстенсивных факторов (совокупных затрат основных производственных ресурсов) в среднем по странам Запада и Японии существенно понизилась — примерно с 50-60 до 27-33% (табл.58). Количественный вклад труда (отработанного времени) составил в целом в 1950-1990 гг. 4-6% (ибо в некоторых европейских странах происходило абсолютное сокращение рабочих часов). Учтенный нами вклад использованных природных ресурсов в целом по развитым капиталистическим странам уменьшился с 6-10% в 1950-1973 гг. до (-)2-6% в 1973-1990 гг., что в известной мере было компенсировано увеличением роли физического капитала. В среднем по странам Запада и Японии его вклад в прирост ВВП повысился с 14-18% в 1950-1973 гг. до 30-34% в 1973-1990 гг.

В послевоенный период наиболее высокий уровень интенсификации экономического роста был характерен для европейских государств (вклад совокупной производительности составил 70-80%), причем, судя по имеющимся расчетам, во Франции, ФРГ и Великобритании он не понизился, а, напротив, в целом несколько повысился в 70-80-е гг. Это было связано с тем, что снижение темпов затрат ресурсов опережало уменьшение темпов роста производства. Однако в США и Японии динамика учтенных затрат труда была существенно выше, чем в западноевропейских государствах; при смене экономической конъюнктуры в 70-80-х гг. усиление экономии природных и капитальных ресурсов было менее “жестким”, чем в странах Западной Европы. В результате доля интенсивных факторов в экономическом росте США и Японии понизилась до 44-50%.

Если в 50-60-е гг. по абсолютным темпам роста эффективности использования производственных ресурсов безусловно лидировала Япония (около 6% в год), за ней следовали Франция, Италия, ФРГ (4,0-4,7), а замыкали группу крупных развитых стран Великобритания и США (2,2% в год), то в 70-80-е гг. при общем понижении основных динамических показателей в центрах МКХ “японского” уровня роста совокупной производительности (2,0-2,1% в год) достигли Франция и Италия. Соответствующие показатели оказались равными в ФРГ 1,7%, в Великобритании 1,4%, и последнее

Таблица 58
Темпы и факторы экономического роста¹, %

Страна	Показатель	y	l	k	g	c ²	r	r ²	k ²	f	h	u
1913-1950 гг.												
Великобритания		1,3	0,5 (-0,3) ³	1,3	1,1	0,7 (0,2)	0,6 (1,1)	0,25 (1,1)	0,27	0,05	0,50	46 (85)
Франция		1,2	-0,1 (-0,9)	1,0	0,9	0,2 (-0,3)	1,0 (1,5)	0,25 (1,5)	0,26	0,10	0,9	83 (125)
Германия		0,9	0,55 (0,25)	1,1	-0,3	0,5 (0,3)	0,4 (0,6)	0,24 (0,6)	0,26	0,20	-0,1	44 (67)
Италия		1,5	0,2 (-0,45)	2,2	1,1	0,6 (0,2)	0,9 (1,3)	0,20 (1,3)	...	0,20	0,9 ⁴	60 (87)
США		2,9	1,25 (0,35)	2,0	2,4	1,4 (0,8)	1,5 (2,1)	0,40 (2,1)	0,26	0,30	1,1	52 (72)
Япония		2,3	0,9 (0,4)	4,2	1,2	1,3 (1,0)	1,0 (1,3)	0,40 (1,3)	0,20	0,40	0,3	43 (57)
Среднее невзвешенное		1,7	0,55 (-0,1)	2,0	1,1	0,8 (0,4)	0,9 (1,3)	0,30 (1,3)	0,25	0,20	0,6	54 (79)
1950-1973 гг.												
Великобритания		3,0	0,5 (-0,15)	5,1	1,4	1,2 (0,8)	1,8 (2,2)	0,80 (2,2)	0,27	0,10	1,0	60 (73)
Франция		5,1	0,45 (0,10)	5,3	2,9	1,4 (1,1)	3,7 (4,0)	1,20 (4,0)	0,35	0,40	2,1	73 (78)
Германия		6,0	1,1 (0,0)	6,3	3,9	2,0 (1,3)	4,0 (4,7)	1,20 (4,7)	0,30	0,50	2,7	67 (78)
Италия		5,6	0,8 (0,20)	5,1	4,0	1,6 (1,3)	4,0 (4,3)	1,10 (4,3)	...	1,00	2,2 ⁴	71 (77)
США		3,6	1,5 (1,15)	3,2	2,7	1,6 (1,4)	2,0 (2,2)	1,00 (2,2)	0,27	0,00	0,9	56 (61)
Япония		9,2	1,7 (1,55)	9,2	6,1	3,4 (3,3)	5,8 (5,9)	1,60 (5,9)	0,25	1,30	2,8	63 (64)
Среднее невзвешенное		5,4	1,0 (0,50)	5,7	3,5	1,9 (1,5)	3,5 (3,9)	1,10 (3,9)	0,30	0,50	2,0	65 (72)
1973-1990 гг.												
Великобритания		1,8	0,4 (0,0)	3,1	-3,1	0,6 (0,4)	1,2 (1,4)	0,90 (1,4)	0,24	-0,10	0,4	67 (78)

Франция	2,4	0,3	(-0,4)	4,4	-3,9	0,7	(0,4)	1,7	(2,0)	1,00	0,25	0,00	0,7	(83)
Германия	2,1	0,3	(-0,35)	3,3	-0,4	0,8	(0,4)	1,3	(1,7)	0,80	0,20	0,00	0,7	(81)
Италия	2,9	0,7	(0,20)	3,5	0,5	1,1	(0,8)	1,8	(2,1)	1,30	...	0,00	0,8 ⁴	(72)
США	2,5	1,9	(1,5)	3,2	0,6	1,6	(1,4)	0,9	(1,1)	1,00	0,27	-0,10	-0,1	(44)
Япония	4,0	1,0	(0,7)	6,8	1,5	2,1	(2,0)	1,9	(2,0)	1,50	0,28	0,00	0,2	(50)
Среднее неэв- шенное	2,6	0,8	(0,3)	4,1	-0,8	1,1	(0,9)	1,5	(1,7)	1,10	0,30	-0,10	0,4	(68)
США ⁵	3,0	1,9	(1,5)	3,2	0,6	1,6	(1,4)	1,4	(1,6)	1,00	0,27	-0,20	0,5	(53)

1. y , l , k , g — соответственно среднегодовые темпы прироста ВВП, занятости, основного производственного капитала, природных ресурсов, вовлекаемых (дополнительно) в хозяйственный оборот в аграрном секторе и добывающей промышленности (с поправкой на чистый импорт сырьевых ресурсов); s и r — среднегодовые темпы прироста совокупных затрат ресурсов и совокупной производительности; λ — вклад качества труда (в процентных пунктах) — наши оценки темпов роста “невещественного” человеческого капитала, полученные с использованием данных табл.31 и Прил.V (эти показатели взвешены по доле “невещественного” капитала в общем объеме совокупного производственного богатства); k^* — ученный вклад качества физического капитала (в процентных пунктах) — оценки А.Мэддисона, принимающие во внимание разницу в темпах роста услуг реально потребленного капитала и динамики его общего объема (показатели взвешены по факторным весам физического капитала); f — эффект перемещения трудовых ресурсов из отрасли с низкой в отрасли с высокой производительностью труда (взвешено по общему факторному весу труда (в процентных пунктах); h — неидентифицированные факторы (в процентных пунктах); u — доля интенсивных факторов ($u = r : y$, %).

2. Факторные веса труда (включая его качественную составляющую), основного производственного капитала, а также природных ресурсов определены ориентировочно по данным табл.23, 57 и Прил.V. Они оказались равными в среднем по странам Запада в 1913-1950 гг. соответственно 0,70-0,74 (0,08-0,12); 0,16-0,18; 0,10-0,12; в 1950-1973 гг. — 0,74-0,78 (0,14-0,18); 0,15-0,17; 0,06-0,10; в 1973-1990 гг. — 0,72-0,76 (0,21-0,25); 0,18-0,20; 0,05-0,09. По Японии соответствующие показатели составили: в 1913-1950 гг. 0,66-0,70 (0,08-0,12); 0,11-0,13; 0,18-0,22; в 1950-1973 гг. 0,63-0,67 (0,14-0,18); 0,12-0,14; 0,20-0,24; в 1973-1990 гг. 0,58-0,62 (0,21-0,25); 0,21-0,23; 0,17-0,19.

3. В скобках — оценки, учитывающие затраты живого труда в человеко-часах.

4. Включая не ученный в предыдущих расчетах по этой стране вклад качества капитала.

5. Альтернативная оценка, включающая поправку на недоучтен роста качества продукции, равный, по оценкам американских экспертов, одному процентному пункту в год с конца 70-х по начало 90-х гг.

Рассчитано по данным и источникам к табл.30, 33, 36, 40, 44, 47, а также Прил. II, V.

место занимали США (1,1% в год). Расчеты американских экспертов, делающие поправку на недоучтенный рост качества продукции и услуг, несколько улучшают ситуацию для США (табл.58). Однако, во-первых, это радикально не меняет положения США в рассматриваемой нами “табели о рангах”; а во-вторых, аналогичные корректировки (при наличии соответствующей информации) могут быть внесены и в данные по другим странам, что, думается, должно повысить их нынешний “рейтинг” относительно США.

Ориентировочный расчет вкладов некоторых интенсивных составляющих экономического роста показывает, что среди них весьма значительная роль принадлежит качеству труда. Этот показатель оценивается здесь не по динамике индикатора среднего числа лет обучения рабочей силы (который, на наш взгляд, становится все менее информативным), а по темпам роста “невещественного” человеческого капитала. По нашим расчетам, в послевоенный период в среднем по странам Запада и Японии на этот фактор приходилось 20-40% прироста их ВВП. Наиболее высокие темпы роста качества труда в послевоенный период были характерны для Японии (8,2-8,6% в год) и Италии (6,3-6,7%), “средние” темпы изменения этого индикатора — для ФРГ, Франции и США (5,7-6,0%) и самые низкие — для Великобритании (4,4-4,8% в год). Другие факторы хуже поддаются идентификации.

В целом можно констатировать, что замедление экономической динамики в странах Запада и Японии в 70-80-е гг. (по сравнению с 50-60-ми гг.) было лишь на 1/4-1/3 связано с уменьшением темпов роста затрат основных используемых ресурсов и на 2/3-3/4 — с замедлением роста эффективности производства (причем в большей мере это характерно для Японии и США). Важно также подчеркнуть, что учтенные нами абсолютные вклады качества труда и капитала существенно не изменились (на фоне общего снижения других экономических показателей). Определенную роль сыграло исчерпание эффективности передислокации ресурсов (по крайней мере на макроуровне — между важнейшими секторами народного хозяйства). Но решающим фактором торможения стал так называемый “нематериализованный” научно-технический прогресс (по существу, “остаточный” фактор рассмотренной макроэкономической производственной функции).

Учитывая проведенный выше анализ, можно отметить, что речь идет о таких “экзогенных” причинах торможения роста, как: а) ухудшение внешних условий воспроизводства (энергетический шок, коллапс Бреттон-Вудской валютной системы, увеличивших

предпринимательские риски и общую неопределенность и неустойчивость хозяйственной конъюнктуры); б), завершение основной фазы догоняющего развития в клубе индустриальных держав (которое привело к относительному уменьшению демонстрационного эффекта и интенсивности диффузии технологий); в) относительное (по всей вероятности, временное) исчерпание фундаментальных научных идей, высокопродуктивных базисных технологий и соответствующих институциональных форм развития.

Несмотря на весьма часто встречающиеся ныне апокалипсические оценки и прогнозы [56; 397; 450; 640], целесообразно, на наш взгляд, с точки зрения здравого смысла, накопленного опыта и имеющейся информации сделать акцент на временном, преходящем характере отмеченных проблем и трудностей, ибо в целом, по-видимому, происходит постепенное вызревание достаточно эффективной модели роста, основанной на широкомасштабном сбережении всей гаммы традиционных видов производственных ресурсов, сервисизации и сциентификации экономики, замещении — в тенденции — производственных фондов (как важнейшего фактора производства) человеческим “невещественным” капиталом, на использовании нового действенного мотивационного механизма, дающего больший, чем тейлористская система, простор для высокопрофессионального, творческого труда и саморазвития личности.

2. Экономическая модернизация развивающихся стран: тенденции, факторы, социальные последствия

Результаты экономического роста развивающихся государств неоднозначны и противоречивы. В научной литературе и периодических публикациях нет недостатка в материалах, комментирующих трудности хозяйственной и социальной модернизации бывших колониальных и зависимых стран. Вместе с тем было бы, пожалуй, не вполне корректно делать преимущественный акцент только на этих действительно тревожных явлениях, расценивая их как наиболее характерную доминанту, присущую в целом за послевоенный период всему многоликому развивающемуся сообществу.

Вопреки прогнозам ряда отечественных и зарубежных экспертов, в том числе П. Розенштейна-Родана, П. Бэрока, Г. Зингера [239, 1974, р.141-153, 161-167, 173-198; 498, р.28], вычертивших еще в 50-60-е гг. каскады “порочных” кругов отсталости, бедности и зависимости развивающихся государств, реальная ситуация во многих из них оказалась далеко не столь пессимистичной.

В 50-80-е гг. несколько десятков стран третьего мира, сосредоточивших не менее 2/3-3/4 населения и валового продукта периферийной зоны мирового капиталистического хозяйства, преодолевая немалые проблемы и сложности (сопротивление традиционных институтов, нехватка ряда дефицитных ресурсов, экологические, демографические и внешнеэкономические депрессанты), сумели в целом добиться существенных, хотя и не вполне устойчивых успехов в экономическом развитии [692, 1992, № 2, р.9-10]. В результате проведения ряда реформ и преобразований, мобилизации собственных ресурсов, широкого использования капитала, опыта и технологий развитых государств процесс относительно быстрой модернизации охватил не только маленьких и средних “тигров” (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея, Малайзия, Таиланд, Турция), но и ряд крупных “драконов” (КНР, Индия, Индонезия, Пакистан), которые заметно активизировались в 70-90-е гг.

Все это способствовало значительному ускорению экономической динамики третьего мира: если в 1900-1938 гг. подушевой ВВП в периферийных странах возрастал в среднем ежегодно на 0,4-0,6%, то в 1950-1993 гг. среднегодовой темп прироста этого показателя достиг 2,6-2,7% (рассчитано по источникам к табл.59, 60). Конечно, не во всех слаборазвитых государствах экономическая результативность была столь впечатляющей. Но средневзвешенный индикатор по третьему миру более чем вдвое превысил соответствующий параметр для стран Запада эпохи их промышленного переворота и в целом соответствовал послевоенным показателям подушевого роста ВВП в капиталистических центрах. При этом некоторые показатели, характеризующие нестабильность, несбалансированность и диспропорциональность развития в быстро модернизирующихся странах третьего мира, оказались в среднем не больше, чем в ведущих капиталистических государствах на этапе их “промышленного рывка” и в послевоенный период [124a]¹⁷.

Ускорение экономического роста развивающихся стран было во многом связано с процессом форсированной индустриализации, со значительными сдвигами в структурах занятости населения, основного капитала, валового продукта [692, 1988, № 2, р.4, 6], а также совокупного спроса. Заметную роль в этом процессе сыграло повышение темпов прироста физического объема экспорта периферийных стран — с 2,0-2,2% в 1900-1938 гг. до 5,3-5,4% в 1950-1993 гг. Если в довоенный период расширение внутреннего спроса обеспечивало 91-93%, а увеличение экспорта — 7-9% прироста ВВП стран третьего мира, то в последние четыре десятилетия соответствующие показатели составили уже 85-87 и 13-15% (в ныне развитых странах на этапе промышленного переворота аналогичные индикаторы достигали в среднем 86-88 и 12-14%; в 1950-1973 гг. — 73-77 и 23-27 и в 1973-1990 гг. — 62-66 и 34-38%) (рассчитано по материалам гл. III,

а также: [44, 1990, 1994; 264, vol.2, p.833-839, 903-904; 429, p.26, 27; 504, p.152-154; 537, p.339, 348]).

Наши расчеты, произведенные по компонентам конечного спроса, во-первых, корреспондируют с основными выводами исследовательской группы Х.Ченери, Ш.Робинсона, М.Сыркина, а также С.Ураты, использовавших более сложные расчеты по межотраслевым балансам. Их подсчеты свидетельствуют о том, что экономический рост в третьем мире в 1950-х — начале 1980-х гг. на 82-84% был обеспечен увеличением внутреннего спроса, на 13-15% — расширением экспорта товаров и услуг, примерно на 0,5-1,0 (!) — импортзамещением и на 1,5-3,0% — действием прочих факторов (изменение технологических коэффициентов в динамических моделях межотраслевых балансов)¹⁸.

Во-вторых, полученные нами данные по двум периодам показывают, что повышение экономической динамики в целом по третьему миру в значительной мере (на 5/6) связано с увеличением внутреннего конечного спроса и лишь на 1/6 — с расширением экспортного потенциала развивающихся стран. Однако эти пропорции во многом определялись положением дел в крупных странах. А в ряде малых и средних, в том числе достаточно динамичных, государствах дело обстояло иначе. Например, в Южной Корее повышение общих темпов экономического роста с 3,9% в 1913-1938 гг. до 9,0% в 1960-1993 гг. преимущественно (на 3/4) определялось увеличением внешнего спроса.

В-третьих, с учетом того, что в послевоенный период в развитых капиталистических государствах расширение экспорта обеспечивало в среднем 29-31% прироста их валового продукта (этот показатель вдвое больше, чем в третьем мире), да и в самих развивающихся странах существовала тесная связь между темпами расширения экспорта и ВВП¹⁹, можно заключить, что у периферийных государств есть значительный и далеко не полностью использованный резерв экономического роста путем существенного наращивания экспортного потенциала.

В послевоенный период структура товарного экспорта стран третьего мира претерпела достаточно крупные изменения. Доля готовых промышленных изделий, включая товары сравнительно невысокой степени сложности, возросла с 10-11% в начале 50-х гг. до 17-18 — в середине 60-х и 62-66% — в начале 90-х гг. (составлено и рассчитано по: [44, 1990, p.194-195, 204-205, 208-209; 1994, p.190-191; 234, 1983, p.242]). В ряде развивающихся стран определенную роль в этой метаморфозе сыграли филиалы ТНК: в азиатских и латиноамериканских НИС на них в среднем приходится около 1/3 вывозимой продукции обрабатывающей промышленности. Однако этот феномен не стоит драматизировать. Во-первых, иностранный капитал даже в развитых странах контролирует су-

ществленную часть их производства: в Западной Европе — около 1/4, а в Канаде — свыше 1/2 промышленной продукции (рассчитано и составлено по: [638а, р.159; 641, р.292, 306]). А во-вторых, было бы нереалистично пытаться в современных условиях полностью преодолеть зависимость от ТНК, поскольку они в целом обеспечивают приток новых (пусть не всегда новейших) технологий и передового опыта.

К числу крупных достижений стран третьего мира следует также отнести существенное увеличение нормы капиталовложений — с 6-8% ВВП в 1900-1938 гг. до 21-23% в среднем за 1950-1993 гг. [гл. III; 125, с.77; 45, 1976, 1989-1990, 1994]. Это произошло главным образом за счет внутренних — как частных, так и государственных — источников финансирования, тогда как доля иностранного капитала составила в среднем не более 10-15% (рассчитано по: [43, 1993; 44, 1987, р.177; 1990, р.167; 504, р.81-82]). Последний показатель был не выше, чем в странах “второй волны” капиталистической модернизации (Северная и Южная Европа, Канада, Австралия, Япония), осуществлявших индустриализацию в конце XIX — первой трети XX в. [гл. III; 692, 1988, № 1, р.10-11, 16].

В 80-е гг. общий фонд развития периферийных государств, включающий обычные капиталовложения, а также текущие расходы на образование, здравоохранение и НИОКР, достиг в среднем 28-30% их ВНП. При этом не менее половины этого фонда приходилось на наиболее эффективные его компоненты — на вложения в человеческий фактор (6%)²⁰, а также на инвестиции в машины и оборудование (9-10%).

Немалые сдвиги произошли и в составе совокупного производительного капитала (табл.59). По нашим расчетам и оценкам, суммарная доля воспроизводимого физического, а также “невещественного” человеческого капитала возросла в третьем мире примерно с 13-14% в 1913 г. до 17-19 — в 1950 г. и 40% в 1990 г. По этому важному структурному показателю крупные развивающиеся страны заметно поднялись к шестерке ведущих капиталистических государств: в 1913 г. соотношение этих показателей соответствующих групп стран составляло 46,6%, в 1950 — 68,2, в 1990 г. — 87,0%.

Хотя по своим относительным и абсолютным размерам, а также качественному “наполнению” показатели физического и человеческого капитала в развивающихся странах в целом еще заметно отличаются от соответствующих индикаторов по развитым государствам, было бы неправильно недооценивать очевидный прогресс, достигнутый в периферийных странах в сфере наращивания вещного и невещного накопления.

Таблица 59

Изменение структур совокупного производительного капитала¹, %

Годы Показатели	1913 ²	1950 ³	1990 ³	1913 ⁴	1950 ⁵	1990 ⁵
	Ныне развитые капиталистические страны			Развивающиеся страны		
1. Земля и другие природные ресурсы, вовлеченные в хозяйственный оборот	14,5	7,5	7,2	19,5	16,5	14,0
2. Физические воспроизводимые активы	20,0	13,8	18,3	12,5	15,0	31,0
2.1. Здания, сооружения	10,0	6,9	10,5			
2.2. Производственное оборудование	5,5	3,8	6,1	7,0	10,0	25,5
2.3. Скот	1,5			3,5	2,0	1,0
2.4. Товарно-материальные запасы	3,0	3,1	1,7	2,0	3,0	4,5
3. Человеческий капитал	65,5	78,7	74,5	68,0	68,5	55,0
3.1. "Вещественный"	56,5	66,1	46,8	67,0	65,5	46,0
3.2. "Невещественный"	9,0	12,6	27,7	1,0	3,0	9,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

1. См. примечания к табл.15, 23, 57.

2. Суммарные показатели по Великобритании, Франции, Германии, Италии, США.

3. То же, что и в сноске 2, а также Япония.

4. Сводные данные по Бразилии и Индии.

5. Сводные данные по Бразилии, Мексике, Китаю, Индии, Индонезии, Египту.

Составлено и рассчитано по материалам табл.23, 57, а также по: [44, 1990-1994; 45, 1976, 1983, 1989-1990, 1994; 359; 360, p.213-214, 320-321, 497-498].

Отмеченные процессы способствовали значительному ускорению динамики не только количественных, но и качественных составляющих экономического роста развивающихся стран. Судя по данным табл.60, среднегодовые темпы прироста материало-вооруженности труда возросли в 2,8 раза (с 0,6 до 1,7%), капиталовооруженности труда — в 3,4 (с 1,1 до 3,7%), производительности труда — в 5,6 раза. Темпы прироста совокупной производитель-

ности основных учетных ресурсов увеличились в целом в 8-9 раз, составив в 1950-1993 гг. 1,7%. Этот показатель в 1,5 раза больше, чем в странах Запада и Японии в период их “промышленного рывка”. Но примерно во столько же раз он уступает средневзвешенному индикатору по шести ведущим капиталистическим странам на этапе их послевоенного развития. В третьем мире заметно (вдвое) повысился вклад интенсивных составляющих экономического роста: в послевоенный период свыше 1/3 прироста ВВП обеспечивалось за счет качественных компонентов развития.

Таблица 60

Темпы и факторы экономического роста стран третьего мира, %

Годы	ВВП	Рабочая сила	Капитал	Природные ресурсы	Производительность труда	Капитало-вооруженность труда	Капитало-емкость	Эффективность использования ресурсов	Доля интенсивных факторов
1900-1938	1,4	0,9	2,0	1,5	0,5	1,1	0,6	0,2	17
1950-1993	5,1	2,3	6,0	4,0	2,8	3,7	0,9	1,7	33

Примечание. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе, основному капиталу, а также по природным ресурсам, вовлекаемым (дополнительно) в хозяйственный оборот в аграрном секторе и добывающей промышленности, оказались равными за довоенный период соответственно 0,66-0,70; 0,12-0,16; 0,16-0,20 и за послевоенный — 0,60-0,64; 0,21-0,25; 0,13-0,17.

Рассчитано по данным и источникам к табл.27, 59, а также по: [42].

Детализированные расчеты (табл.61) показывают, что на этапе современного экономического роста в крупных развивающихся странах 20-24% прироста их ВВП связано с повышением качества живого и овеществленного труда (на первый компонент приходится от 1/6 до 1/5) и примерно 10-12% — с передислокацией основных учетных ресурсов из отраслей с низкой эффективностью использования ресурсов в отрасли с более высокой ресурсоотдачей.

Все это свидетельствует о том, что в ряде крупных, а также средних и малых стран Азии, Латинской Америки и Африки действуют общие закономерности современного экономического роста, выявленные ранее на опыте стран Запада и Японии [461; 462; 125, с.76, 79].

Если в итоге сравнить уровни развития шести крупных периферийных и шести крупных развитых капиталистических стран, то можно обнаружить, что за послевоенный период (1950-1993) произо-

шло некоторое уменьшение разрыва в уровнях подушевого ВВП — с 1:8 до 1:7, причем в 50-е — 60-е гг. он возрастал и к 1973 г. стал десятикратным, после чего начал сокращаться (табл.62). Кроме того, вопреки многим пессимистическим прогнозам, страны третьего мира достигли в целом существенного прогресса в социально-культурной сфере, в развитии человеческого фактора. Так, доля населения, живущего за чертой бедности, сократилась в 1960-1990 гг. в Индии с 55-56 до 36-40%, в Пакистане — с 52-56 до 28-32, в Таиланде — с 57-59 до 24-26, в Бразилии — с 48-52 до 35-40, в Южной Корее — с 38-42 до 4-6%; этот индикатор понизился в 1970-1990 гг. в КНР — с 33-39 до 10-15%, в Индонезии — с 58-60 до 15-17, в Колумбии — с 41-45 до 25-31; в Бангладеш (1980-1990) он уменьшился с 81-83 до 51-53%. В целом по третьему миру удельный вес населения, живущего за чертой бедности, понизился с 45-50% в 1960 г. до 24-28% в 1990 г. [10, 1994, p.98-99; 35, 1994, p.164; 42, 1993, p.70, 326; 43, 1993, p.235; 44, 1990, p.141; 254, с.66, 76; 388, vol.2, p.962].

Уровень грамотности взрослого населения, составлявший в третьем мире в 1900 г. 14-15%, возрос с 28% в 1950 г. до 69% в 1993 г., а среднее число лет обучения — с 1,6 до 5,8 года (табл.62, а также: [35, 1994, p.139; 36, 1990, p.1-12, 36; 234, 1983, p.170]).

Высокими темпами сокращалась в развивающихся государствах и детская смертность. В 1950-1993 гг. этот показатель уменьшился в среднем с 200 до 70‰. Напомним, что странам Запада на это потребовалось в свое время свыше 100 лет: данный индикатор сократился с 210‰ в 1800 г. до 190 — в 1870 г. и 130‰ в 1913 г. Накануне первой мировой войны он составлял в Германии 151‰, во Франции — 112, в Италии — 138, в Великобритании — 108, в Испании — 155, в США — 100 и в Бельгии — 130‰ [35, 1994, p.137; 237, p.299-300].

Улучшение экономических и санитарных условий в третьем мире вызвало значительный рост средней продолжительности жизни. Если в 1800-1913 гг. этот показатель не превышал 26-28 лет, то за 1950-1993 гг. он вырос почти вдвое — с 35 до 64-66 лет (табл.28, 62).

Согласно табл.62, подтягивание ряда крупных развивающихся стран к уровню ведущих капиталистических государств по некоторым важнейшим показателям развития человеческого фактора происходило в целом за послевоенный период, пожалуй, быстрее, чем по собственно экономическим индикаторам. В 1800-1913 гг. страны Запада и Япония по темпам изменения "индекса развития" обгоняли страны третьего мира в 4-5 раз, в 1913-1950 гг. — примерно в 1,5 раза, а в послевоенный период периферийные государства уже почти вдвое обгоняли по темпам изменения этого показателя ведущие капиталистические страны. В результате раз-

рыв в уровнях социально-экономического прогресса, измеренного с помощью модели, представленной в табл.62, впервые стал, по-видимому, существенно сокращаться.

Однако результаты экономического роста развивающихся стран не однозначны и противоречивы. Важно учитывать не только количественные, но и глубокие качественные различия, сохраняющиеся в уровнях социально-экономического развития стран Запада и Японии, с одной стороны, и третьего мира — с другой.

В 80-х — начале 90-х гг. во многих латиноамериканских и африканских государствах произошло существенное замедление экономической динамики. В результате число сравнительно быстро растущих развивающихся стран сократилось примерно с 50 в 60-70 гг. до 20. Но на них по-прежнему приходится 50-60% населения и ВВП третьего мира.

В 80-е гг. в полосу острого кризиса вошли Бразилия, Мексика, Аргентина, Нигерия, многие средние и малые страны. В то же время другие крупные и средние страны (КНР, Индия, Индонезия, Турция, Таиланд, Пакистан, а также азиатские НИС) провели достаточно эффективные реформы хозяйственного механизма и активизировали свой экспортный потенциал. В результате им удалось развить сравнительно высокие темпы экономического роста. При этом как менее, так и более “удачливые” из развивающихся стран испытывали значительные экономические трудности, связанные с внушительными размерами внешней задолженности²¹, оттоком иностранного капитала²², нестабильностью экспортных цен²³, ухудшением экологической ситуации.

Во многих странах, включая Бразилию, Мексику, КНР, Индию, Филиппины, Египет, углубились отраслевые диспропорции, обнаружилось существенное отставание экономической и социальной инфраструктуры [43, 1990, p.111-113, 175-177; 1993, p.325,330; 565, p.273; 688, p.163, 187]. Правда, в отличие от африканских и латиноамериканских стран (в том числе Бразилии, Мексики, Аргентины, Колумбии и т.п.), в которых в 80-е — начале 90 гг. вклад эффективности в прирост ВВП стал отрицательным, а также развитых капиталистических государств, где темпы роста учтенной совокупной производительности в 2-4 раза уступали показателям 50-60-х гг. (но уже примерно в 1,5 раза были выше, чем в 70-е гг.), развивающиеся страны Азии в целом повысили темпы роста эффективности: с 1,8-2,0% в год в 1971-1981 гг. до 2,3-2,6% в 1982-1991 гг. При этом в 80-е — начале 90-х гг. доля интенсивных составляющих роста оказалась равной в Южной Корее, на Тайване и в Таиланде 48-57%²⁴, а в Китае, Индонезии и Индии этот индикатор повысился в среднем до 38-45% [14, p.48; 44, 1991, p.43; 281, p.157; 413, p.254-256; 701a, 1995, № 269, p.34].

Таблица 61
Источники экономического роста крупных развивающихся стран, %

Показатели	Бразилия			Мексика			Китай			Египет			Индия			Индонезия			
	1933-1993 гг.			1940-1993 г.			1952-1993 гг.			1955-1993 гг.			1957-1993 гг.			1967-1993 гг.			
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	
1. ВВП	5,2	5,2	100	5,3	5,3	100	5,2	5,2	100	4,8	4,8	100	4,0	4,0	100	6,8	6,8	100	
2. Суммарные затраты ресурсов:	-	3,4	66	-	3,7	70	-	3,9	75	-	3,1	64	-	2,5	62	-	4,3	63	
а/ труд	2,5	1,4	27	3,0	2,0	38	2,5	1,5	29	2,1	1,4	29	1,9	1,3	32	2,3	1,3	19	
б/ капитал	5,0	1,6	31	4,8	1,4	26	7,7	1,6	31	5,8	1,2	25	5,0	0,9	23	8,7	2,1	31	
в/ природные ресурсы	3,7	0,4	8	4,2	0,3	6	4,3	0,8	15	3,0	0,5	10	2,2	0,3	7	4,2	0,9	13	
3. Выпуск продукции на единицу затрат ресурсов (1-2)	1,8		34	1,6		30	1,3		25	1,7		36	1,5		38			37	
4. Повышение качества:																			
а/ труда	1,3	0,7	13	1,3	0,8	15	1,6	1,0	19	1,6	1,0	21	1,5	1,0	25	1,5	0,8	12	
б/ капитала	1,1	0,4	8	0,9	0,2	4	0,2	0,1	2	0,8	0,2	4	0,9	0,2	5	1,3	0,3	4	
5. Улучшение распределения:																			
а/ труда	1,0	0,6	11	1,0	0,7	13	0,8	0,5	10	0,8	0,5	11	0,4	0,3	8	0,8	0,4	6	
б/ капитала	0,2	0,1	2	0,2	0,1	2	0,2	0,0	0	0,1	0,0	0	0,2	0,0	0	0,7	0,2	3	
6. Неидентифицируемые факторы			0			-4			-6			0		0,0	0			0,8	12

Примечание. В I столбце представлены реальные темповые характеристики, отражающие учетную динамику ВВП, применяемой рабочей силы, основного капитала, некоторых природных ресурсов, вовлекаемых в хозяйственный оборот в аграрном секторе и добывающей промышленности, а также других элементов, учитывающих качество и перераспределение этих ресурсов между секторами народного хозяйства в ходе экономического роста. Во II столбце в процентных пунктах приводятся величины, характеризующие вложенный вклад изменений количественного объема каждого из ресурсов и их качественных составляющих в динамику ВВП. При этом, по нашим расчетам (по методу наименьших квадратов) и оценкам, средние значения эластичности выпуска ВВП по затратам живого труда, основных фондов и природных ресурсов оказались равными соответственно по Бразилии: 0,57, 0,33, 0,10; Мексике: 0,65, 0,29, 0,06; Китаю: 0,61, 0,21, 0,18; Египту: 0,65, 0,20, 0,15; Индии: 0,68, 0,18, 0,14; Индонезии: 0,55, 0,24, 0,21. В III столбце данные по Бразилии рассчитаны в виде процентов, причем за 100% принят среднегодовой темп замещения ВВП.

Составлено и рассчитано по данным и источникам, указанным в Прил. III, а также по [44, 1994, 45, 1994; 125, с.76, 79].

Таблица 62
Динамика индекса развития¹

Страна	1950				1973				1980				1993			
	A	B	C	D	A	B	C	D	A	B	C	D	A	B	C	D
Великобритания	6350	68	10,8	54	11300	72	12,1	69	12100	74	12,8	72	14600	76	14,2	81
Франция	4420	67	9,6	45	11000	72	11,7	68	12800	75	13,1	75	15600	77	16,0	86
Германия ²	3700	67	10,4	44	11270	71	11,6	68	13150	73	13,1	75	16800	76	16,3	88
Италия	3120	65	6,1	34	9500	72	8,0	57	11800	74	9,1	64	15000	78	11,6	77
Япония	1680	63	9,1	32	9900	73	12,1	66	11770	76	13,1	73	17650	79	15,1	89
США	10250	68	11,3	64	16600	72	14,1	82	17950	74	15,4	88	21350	77	18,3	100
Средняя взвешенная ³ E ₁	5970	66	10,0	50	12870	72	12,4	72	14510	74	13,6	78	18380	77	16,2	91
Бразилия	1640	44	2,1	17	3850	60	4,8	33	4960	63	5,4	38	5050 ⁴	66	6,7	42
Мексика	1700	50	2,6	19	3560	63	5,5	34	4560	66	6,2	40	4420	70	7,6	43
Китай	640	35	1,7	11	1140	64	4,1	22	1390	67	4,9	25	3130	70	6,4	36
Индия	680	32	1,4	10	910	50	3,2	17	990	54	3,7	19	1430	60	4,6	24
Индонезия	780	37	1,5	11	1170	50	4,1	20	1490	54	4,6	23	2560	62	5,8	31
Египет	830	34	1,6	12	1110	52	3,3	18	1480	55	4,0	22	1720	61	5,3	26
Средняя взвешенная E ₂	740	35	1,6	11	1300	58	3,9	21	1580	61	4,5	24	2640	66	5,8	32
Сопоставление уровней развития H = E ₁ : E ₂	8,1	1,9	6,3	4,5	9,9	1,2	3,2	3,4	9,2	1,2	3,0	3,3	7,0	1,2	2,8	2,8

$$D_t = \left(\frac{A_t \cdot B_t \cdot C_t}{A_x \cdot B_x \cdot C_x} \right)^{1/3} \cdot 100 \%,$$

1. Индекс развития (D) рассчитан по формуле:

где A_t, B_t, C_t для каждой страны (t) и для каждого года (t) означает соответственно полушевой ВВП в паритетах покупательной способности валют (международные доллары 1990 г.), среднюю продолжительность жизни, а также среднее число лет обучения взрослого населения; A_x, B_x, C_x — аналогичные показатели по США за 1993 г. 2. Данные по Западной Германии. 3. Все данные округлены. Средние показатели по группам стран взвешены по численности населения. 4. 1994 г.

Составлено и рассчитано по данным табл. 30, 31; а также по: [3, p.85; 35, 1990-1994; 27, p.549; 36, 1965-1993; 45, 1976, 1980, 1983, 1989-1990, 1992, 1994; 264, vol.2, p.965; 594, p.300-301].

Кроме того, несмотря на определенный прогресс, достигнутый за последние десятилетия, к началу 90-х гг. остались нерешенными многие социальные проблемы. В странах третьего мира насчитывается около 1,2 млрд человек, живущих ниже порога бедности (в том числе 500 млн в Азии и 300-370 млн человек в Тропической Африке), более 900 млн неграмотных; 1,5 млрд человек лишены элементарной медицинской помощи, каждый третий ребенок до 5 лет голодает. Сохраняются значительные социальные контрасты, а дифференциация доходов и потребления как в ряде периферийных стран, так и в целом в мировом сообществе продолжает углубляться. Согласно расчетам экспертов ООН, в 1960 г. на долю беднейшей квинтили (1/5) населения мира приходилось примерно 2,3% мирового ВВП, а на долю богатейшей квинтили — 70%; в 1991 г. соответствующие показатели составили 1,4 и 84,7% [35, 1990, р.18-33; 1991, р.23-24, 125, 153, 161; 1994, р.2, 35, 50, 63].

Между развитыми и развивающимися странами сохраняется значительная дифференциация в приоритетных областях общественного производства и потребления. В конце 80-х — начале 90-х гг. разрыв между ведущими капиталистическими государствами и странами третьего мира по численности ученых и инженеров на тысячу человек, а также в подушевой обеспеченности медицинскими услугами достигал 13-16-кратной величины; разрыв в показателях обеспеченности телевизорами и книгами был соответственно равен 11:1 и 19:1, а по уровню инвестиций в НИОКР в расчете на душу населения — 30:1 (рассчитано по: [35, 1994, р.161, 188, 191, 193; 38, р.62, 64, 115, 139]).

По нашим расчетам и оценкам, за 1950-1980-е гг. человеческий капитал, материализованный в знаниях, навыках и физическом здоровье населения, возрос в развитых капиталистических государствах в 10-11 раз, составив к началу 90-х гг. свыше четверти их совокупного производительного богатства. В расчете на душу населения этот показатель по меньшей мере в 20-25 раз превышал аналогичный индикатор в крупных развивающихся государствах²⁵.

Итак, несмотря на трудности, сбои и попятные движения, несколько десятков развивающихся стран сумели в целом встать на рельсы современного экономического роста и создать относительно эффективные экономические структуры. Вместе с тем все более очевидно, что в 50-70-е гг., возможно, были взяты прежде всего сравнительно легкие рубежи. Сейчас происходит перерастание мировых производительных сил из индустриальных в научно-технические. Обстановка осложняется усилением конкуренции между НИС и развитыми капиталистическими странами (стремлением последних усилить протекционизм и ограничить трансферт

наиболее перспективных технологий), а также втягиванием восточноевропейских стран и республик-государств бывшего СССР в борьбу за валютно-финансовые и иные ресурсы западных государств [691, 1992, № 3, р.52-55]. В этих условиях удержание, а тем более расширение завоеванных позиций требуют от развивающихся стран создания более гибких, адаптивных социально-экономических систем.

Это в свою очередь предполагает значительные и весьма рациональные действия государства по демонтажу неэффективных структур, адаптации традиционных и формированию современных институтов²⁶, приватизации и постепенной либерализации основных сфер народного хозяйства, а главное — максимальному развитию разнообразных форм предпринимательства, раскрепощению созидательной инициативы людей.

Роль рыночного саморегулирования народного хозяйства не стоит, однако, ни умалять, ни тем более фетишизировать. В развивающихся и отставших странах необходимы действенные государственные меры по решительной поддержке кредитом, субсидиями, льготным налогообложением приоритетных сфер — сельского хозяйства, мелкого и среднего бизнеса, экспортных отраслей, а также экономической и социальной инфраструктуры. Привлечение ТНК, а следовательно, использование передового опыта, технологий и коммерческих связей должно органически сочетаться с максимальной мобилизацией внутренних резервов, сокращением престижных, малоэффективных проектов, урезанием военных расходов²⁷, борьбой с коррупцией и хищениями (сопоставимыми в ряде развивающихся стран с размерами их внешней задолженности), усилением государственного контроля за качеством продукции и рациональным использованием ресурсов, а также значительным наращиванием инвестиций в человеческий фактор и НИОКР.

Исторический опыт более развитых, а также быстро развивающихся стран показывает, что их прогресс в прошлом и настоящем определялся не только и, пожалуй, не столько инвестициями в основные фонды, т.е. “в палки, камни и железки” (С.Кузнец), сколько долговременными вложениями в человеческий капитал²⁸, а также кропотливой, рациональной работой не одного поколения людей по совершенствованию и отлаживанию экономических, социальных, политических и правовых институтов [380, р.351; 393, р.778; 488, р.190; 553, р.366], способных обеспечить условия, стимулирующие квалифицированный, высокопроизводительный труд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на существенный прогресс, достигнутый в последние три-четыре десятилетия в изучении, измерении и объяснении экономической динамики как в теоретическом, так и в эмпирическом плане, целостная концепция долговременного экономического роста — и это отмечают многие видные экономисты и экономические историки (С.Кузнец, А.Мэддисон, П.Бэрок и др.) — еще недостаточно разработана.

Существует много сложностей, связанных с адекватной оценкой конечного результата экономического роста. Они вызваны сохранением “затратных” методов определения многих индикаторов выпуска, особенно в третичной сфере экономики (на которую в развитых странах приходится уже 3/5-3/4 традиционного ВВП); недоучетом неформального сектора, разнообразных макро- и микроструктурных сдвигов, изменения качества продукции, несовершенством ценовых измерителей, а также недооценкой реальных размеров промежуточного продукта и так называемого “отрицательного благосостояния” (различных цивилизационных и экологических затрат).

Немалые трудности сопряжены с выявлением реалистичного “набора”, иерархии и взаимосвязи важнейших детерминант развития, а также соответствующих “вкладов” основных учетных факторов экономической динамики, в принципе поддающихся измерению.

Современная система национальных счетов (СНС), включая ее новейшие модификации, принятые недавно ООН, МВФ и Всемирным банком, позволяет, на наш взгляд, в целом произвести весьма ориентировочную оценку важнейших тенденций и факторов экономического роста традиционных и полутрадиционных обществ, характеризующихся преобладанием экстенсивного типа воспроизводства, связанного преимущественно с увеличением затрат обычных видов ресурсов — труда, физического капитала,

сырья, энергии. Однако она не способна в должной мере отразить результативность функционирования постиндустриальной экономики, которая в последние десятилетия начала складываться в центрах мирового хозяйства и в ряде НИС.

Нынешняя СНС явно и существенно недоучитывает значительный рост “полезностей”, производимых прежде всего в информационном секторе (1/3-2/5 всех занятых в развитых странах), а также в “домашнем”, во многом нерыночном сегменте экономики. По расчетам американских экономистов, в конце 1970-х — начале 1990-х гг. реальный экономический рост США недооценивался ввиду недоучета качества выпускаемой продукции по меньшей мере на один процентный пункт (ежегодно), или почти на 1/3.

Иными словами, как бы парадоксально это ни звучало, точность экономико-статистических измерений, относящихся к (полу) традиционным и индустриализирующимся обществам, может быть в ряде случаев (при наличии определенного минимума количественной информации) не ниже или не намного ниже, чем по современным развитым государствам. А это в свою очередь означает возможность осуществления долгосрочных экономико-статистических расчетов, позволяющих уточнить и скорректировать имеющиеся представления о тенденциях и закономерностях экономической эволюции стран Востока и Запада в доиндустриальную и индустриальную эпохи.

Для выявления особенностей и факторов генезиса современного (интенсивного) экономического роста в ведущих странах Запада, Востока и Юга, рассматриваемых в данной работе, были рассчитаны и уточнены следующие показатели по 6 крупным ныне развитым и 6 ныне развивающимся государствам за период, охватывающий несколько предшествующих столетий (по ряду стран и субрегионов — последнее тысячелетие): численность населения; подушевой ВВП в паритетах покупательной способности валют; динамика сельскохозяйственной и промышленной продукции, физического объема экспорта, валовых капиталовложений, основного производственного капитала, потребительских цен; норма и источники капиталовложений; потребление энергии; индекс развития (среднее геометрическое невзвешенное относительных показателей подушевого ВВП, средней продолжительности жизни, а также грамотности / среднего числа лет обучения взрослого населения); динамика и структура совокупного производительного богатства (исчисленного методом инвентаризации соответствующей

щих капитальных и текущих затрат); трех- и семифакторные макроэкономические производственные функции.

Расчеты ввиду отмеченных выше сложностей статистического порядка производились, как правило, в инвариантной форме. Ретроспективные показатели сконструированы методом итеративного последовательного смыкания прямых, а также ряда косвенных, аппроксимирующих индикаторов, весьма часто взвешенных способом Дивизиа (по добавленной стоимости соответствующих показателей). При всей ориентировочности и/или альтернативности исчисленных индикаторов они, как представляется, способны в общем и целом отразить основные тенденции долговременного экономического роста стран Востока и Запада.

Во многом освоив в ходе длительного исторического развития “природную машину”, а также ряд технологических и организационных инноваций, опираясь при этом на накопленный веками и тысячелетиями потенциал культуры, опыта и знаний, страны Востока добились в прошлом значительных экономических результатов. Согласно нашим расчетам и оценкам, по индикатору подушевого ВВП, урожайности зерновых, уровня урбанизации, средней продолжительности жизни ханьский Китай, возможно, в целом опережал Римскую империю эпохи раннего принципата.

Произведенные нами расчеты макроэкономической производственной функции по танско-сунскому Китаю (750-800/1050-1100 гг.) показывают, что значительный для традиционной экономики хозяйственный рост (среднегодовой темп прироста ВВП 0,35-0,45% и подушевого ВВП 0,15-0,25%) был связан не только с затратами основных учетных ресурсов, но в немалой мере (на 25-35%) вызван действием интенсивных факторов.

Этот период был отмечен широким распространением технических изобретений, многие из которых появились в Европе (частично они были заимствованы с Востока) лишь спустя 300-500-1000 лет, прогрессом в накоплении знаний (изобретение книгопечатания), повышением грамотности населения, бурным инфраструктурным строительством, активизацией товарно-денежных отношений, внутренней и внешней торговли, некоторым развитием частного предпринимательства и инициативы людей — земледельцев, ремесленников, купцов, чиновников и ученых. Согласно оценкам, в Китае в XII в. доля занятых в аграрном секторе экономики, возможно, снизилась до 2/3.

Все это позволяет предположить, что ряд важных признаков и предпосылок перехода от преимущественно экстенсивного к экс-

тенсивно-интенсивному типу экономического роста впервые обнаружился не в западноевропейских странах в условиях промышленной революции или даже protoиндустриализации, как это нередко до сих пор считается, а на Востоке, в Китае, возможно, и не только в Китае, на рубеже первого и второго тысячелетий, т.е. за многие сотни лет до начала “промышленного рывка” в странах Запада. Об этом качественном изменении в развитии производительных сил стран Востока не следует забывать в контексте общих рассуждений об относительной застойности экономических систем “восточного” феодализма (деспотизма), или “азиатского способа производства”.

Судя по индексу развития (описание которого дано выше), к началу второго тысячелетия страны Востока (Китай, Индия, Египет) достигли в целом по меньшей мере двухкратного, а Китай, возможно, трехкратного превосходства в уровнях развития по сравнению с Западом (табл.11). В свете изложенного представляется не вполне корректным тезис П.Бэрока о том, что до промышленной революции не наблюдалось существенного разрыва в уровнях жизни между основными регионами мира [238, p.106].

Вопреки некоторым имеющимся представлениям, в первые 7-8 веков второго тысячелетия в ряде ведущих стран и регионов Востока, за исключением Передней Азии и Северной Африки, продолжался абсолютный рост ВВП. Однако ввиду высоких темпов увеличения численности населения (в 1000-1800 гг. в Индии и Китае — соответственно в 3 и 5 раз) подушевая величина ВВП обнаружила тенденцию к сокращению. Расчеты показывают, что Запад сумел догнать Восток по уровню душевого ВВП уже в XVI в.

Анализируя причины возникновения и развития феномена отставания (отсталости) стран Востока, заметим, что, судя по ряду свидетельств, описаний и исследований, для них в XII-XIX вв. была характерна сравнительно высокая или даже возросшая степень нестабильности воспроизводственного процесса: резкие перепады в численности населения, уровнях производства, объемах используемых ресурсов.

В отличие от Западной Европы, расположенной в умеренных широтах на окраине Евразии, ведущие страны Востока, находясь в зоне повышенных социоестественных рисков, испытали во втором тысячелетии чрезвычайно жестокие природные и экологические шоки, связанные с засухами, наводнениями, землетрясениями, а также эпидемиями и пандемиями, масштабы которых, по мнению специалистов, в отдельные периоды средневековья и нового

времени превосходили размах аналогичных процессов в Западной Европе. Весьма важное значение имели также долговременные климатические изменения, приводившие в некоторых случаях к резкому ухудшению ведения хозяйства на обширных территориях. В ряде стран и субрегионов совокупный эффект отмеченных факторов оказал, быть может, решающее воздействие на изменение долговременной динамики макроэкономических индикаторов (особенно на Ближнем Востоке).

Особую роль играли социальные потрясения, связанные с опустошительными набегами кочевников, которые вызвали значительные разрушения в человеческом и материальном компонентах производительных сил стран Востока. В результате завоеваний кочевники к началу (или в начале) второго тысячелетия установили, а потом неоднократно “возобновляли” свое господство во всех трех крупнейших субрегионах Востока, воспроизводя, где это им удавалось, периферийные, архаичные формы хозяйствования.

Весьма важной чертой восточных деспотий, сложившихся в результате завоеваний кочевников или испытывавших достаточно ощутимое военное давление кочевников извне, была временами усиливавшаяся тенденция к ослаблению горизонтальных связей в обществе, подавлению индивида, консервации традиционных институтов, ограничивавших импульсы к развитию, а также превалированию непроизводительных, в том числе разрушительных и паразитических, функций государства над созидательными.

В результате природных катаклизмов, военных разрушений, требовавших больших восстановительных работ и значительного фонда возмещения, грабежей и экспроприаций, а также паразитизма деспотов и их сатрапов размеры чистого производительного накопления на Востоке — и это парадоксально, учитывая крупные абсолютные и относительные размеры прибавочного продукта, — были в целом крайне невелики. Например, в могольской Индии даже в более благоприятные времена доля чистого накопления в национальном доходе не превышала, по оценкам, 1%.

В этих условиях основная часть жителей азиатских стран, ограниченная, как правило, в других формах экономической адаптации, приспособлялась к нестабильной и в целом неблагоприятной социально-экологической обстановке путем своеобразных демографических инвестиций, осознанно или неосознанно стремясь к увеличению численности детей. Этот механизм социодемографической “компенсации”, действовавший более или менее эффективно на протяжении многих столетий, при ослаблении мальтузи-

анских факторов, сдерживавших рост населения, давал значительные сбои, что вызывало серьезные экономические, экологические и социально-политические последствия.

Демографические “взрывы”, подобные тем, что произошли в Китае в XVIII — первой половине XIX в., приводили в конечном счете к распашке всех возможных земель (включая неудобья), сведению лесов, ограничению поголовья скота, “конкурировавшего” с населением за ресурсы, а также тормозили распространение трудосберегающих технологий. По нашим расчетам, показатель капиталовооруженности труда в минском и цинском Китае в целом имел тенденцию к сокращению (его среднегодовые темпы изменения составили в 750-800/1050-1100 гг. 0,35-0,45%, в 1100-1400 гг. — 0,25-0,30, в 1400-1600 гг. — (-)0,1, в 1600-1800 гг. — (-)0,2 и в 1800-1900 гг. (-)0,15%). Если в VIII—XI вв. (т.е. в танско-сунском Китае) доля интенсивных факторов экономического роста достигала (+)25-35%, то на протяжении последующих семи столетий этот вклад был в целом отрицательным, равным примерно (-)15-25%.

Таким образом, как это показано на примере Китая и ряда других крупных стран Востока, во многих из них к моменту появления европейских и иных (например, японских) колонизаторов в целом наблюдался общественно-экологический кризис, в значительной мере обусловленный длительной экстенсификацией естественных (природных и трудовых) ресурсов в ущерб наращиванию исторически созданных, т.е. материальных, социальных и духовных производительных сил.

В отличие от большинства стран Востока западноевропейским странам во втором тысячелетии, в том числе в доиндустриальную эпоху, удалось обеспечить более быстрый экономический рост, связанный в значительной мере с генезисом интенсивного типа производства.

Осуществление “европейского чуда” оказалось возможным в силу ряда обстоятельств. Отчасти благодаря географическим факторам западноевропейцы в нынешнем тысячелетии сумели в целом избежать деструктивных социально-политических шоков, связанных с завоеваниями кочевников. В то же время многократные попытки объединения Европы изнутри силовыми способами в конечном счете терпели неудачу. Ввиду разнообразных факторов, многие из которых еще нуждаются в уточнении (географическая фрагментация, особенности более позднего этногенеза?), в Западной Европе постепенно сложилась своеобразная (быть может,

уникальная) система более или менее равновесных конкурентно-контрактных отношений, препятствующая образованию губительной для прогресса монополии власти. Сформировались относительно независимые, децентрализованные источники сил и влияния: церковь, города, феодалы, гильдии, университеты.

В обстановке острой внутренней и внешней конкуренции государство в западноевропейских странах оказалось вынуждено учитывать интересы не только верхов, но и низов; оно не только грабило подданных, но и предоставляло последним определенные экономические, социальные, политические и правовые услуги. Иными словами, западноевропейскому государству, в отличие от его восточных аналогов, были в сравнительно меньшей степени присущи черты произвола и паразитизма. В силу этого обществам ряда стран Запада в позднее средневековье и новое время удалось аккумулировать немалую социальную энергию, необходимую для трансформации их отсталых экономических систем, запуска механизма общественного саморазвития.

Несмотря на бедность преобладающей массы эксплуатируемого населения, паразитизм основной части светских и духовных феодалов, частые войны, стихийные бедствия, например пожары, западноевропейское общество в средние века и новое время в целом обеспечило известный рост массы и нормы производительных накоплений.

Этому способствовали цивилизационные и социально-институциональные особенности европейского сообщества, отмеченные выше, развертывание протоиндустриализации, сопровождавшейся освоением ряда собственных инноваций и применением технических и технологических изобретений других, в том числе азиатских, народов, рост свободных городов, региональной и межстрановой торговли, секуляризация церковной собственности, расширение практики огораживания.

Немалую роль в создании предпосылок для роста капиталонакопления сыграли также такие факторы, как повышение степени имущественной и личной безопасности купца и ремесленника, активизация предпринимательской деятельности вследствие Реформации и распространения протестантской этики, укрепление позиций “третьего сословия” в ходе буржуазных революций и реформ, колониальная экспансия европейских государств.

Обобщая оценки ряда исследователей (Р.Роэль, М.Постан, Р.Хилтон, М.Тох, Ж.Ле Гофф, С.Кузнец, Ф.Дин, К.Чиполла и др.), можно предположить, что норма чистых и валовых капиталовло-

жений (без учета изменений запасов) увеличилась соответственно с 1-2% в XI—XIII вв. до 3-5% в XVI—XVIII вв. и с 3-4 до 5-7%. Опираясь на эти данные, а также ретроспективные оценки Ф.Хеннинга, Р.Голдсмита и Н.Крафтса (о росте основного капитала по Германии и Англии), нами сделаны расчеты, согласно которым в Западной Европе в XI—XVIII вв. средняя капиталовооруженность труда возросла в 3 раза. Что касается его энерговооруженности, то она, по нашим подсчетам, учитывающим оценки Ф.Броделя, П.Шоню, П.Бэрока и материалы регионально-исторических обследований по Англии и Франции, также увеличилась в отмеченный период примерно в 3 раза. По нашим ориентировочным оценкам, в странах Западной Европы среднее число отработанных часов на одного занятого в год возросло с 2100-2300 во II—IV вв. н.э. до 2400-2600 в XII—XIII вв. и до 2700-2900 часов в конце XVII — середине XVIII в.

В позднее средневековье жители многих западноевропейских стран стали более жестко придерживаться некоторых рациональных принципов регулирования рождаемости и планирования семьи, практикуя в зависимости от обстоятельств безбрачие (в среднем от 1/10 до 1/4 населения брачного возраста не имели семьи), более поздние браки, а также ограничение числа детей. Эти особенности демографического поведения жителей Западной, и прежде всего Северо-Западной, Европы в немалой мере способствовали увеличению сбережений, социальной мобильности населения, повышению его квалификационного и образовательного уровня.

В доиндустриальной Европе произошли и другие важные изменения. По оценкам ряда исследователей, в том числе К.Чиполлы и П.Бэрока, доля занятых в сельском хозяйстве сократилась с 80-84% в XI в. до 62-66% в 1800 г. Показатель грамотности взрослого населения, составлявший, по оценкам, в XI в. не более 1-3%, к концу XVI в. преодолел отметку в 10% и к началу XIX в. достиг уровня 44-48%.

Расчитанные нами данные о структуре совокупного производительного капитала (табл.15) позволяет предположить, что если в средневековье происходило замещение природных производительных сил в основном трудом и лишь отчасти физическим капиталом, то в прединдустриальные столетия картина изменилась: живой труд активно замещался физическим (основным) и человеческим “невещественным капиталом”. Таким образом, в доиндустриальных обществах Запада происходило относительно быстрое

наращивание материально-вещественных компонентов производительных сил. Но наиболее высокими темпами увеличивались энергоинформационный потенциал человеческого фактора и средства коммуникации, что, думается, явилось ключевым моментом в западной модели развития.

В целом в доиндустриальный период (XI-XVIII вв.) совокупный ВВП крупных стран Запада вырос более чем в 15 раз, в то время как в Китае он увеличился в 3,5-4 раза, в Индии — вдвое, а на Ближнем Востоке он, возможно, сократился примерно на $1/4$ - $1/3$. Но и к началу XIX в. суммарный производительный и потребительный потенциал Востока оставался по-прежнему весьма внушительным. По экономической мощи Китай вдвое превосходил крупные страны Запада, которые в совокупности уступали также Индии.

Если учесть качественные составляющие роста, можно обнаружить, что в этом измерении Запад добился сравнительно крупных успехов еще до начала так называемого современного экономического роста. Судя по трехфакторной модели, учитывающей ресурсы труда, капитала и земли, в XI-XVIII вв. примерно $1/3$ прироста ВВП стран Запада была связана с ростом совокупной производительности (по двухфакторной модели, без учета земли, этот показатель составил 15-20%). По нашим подсчетам, в XI-XVIII вв. общий индекс развития увеличился примерно в 4 раза, тогда как в среднем по трем странам Востока (Китай, Индия, Египет) он в лучшем случае не изменился. Отставая по общему уровню развития от ведущих азиатских государств на рубеже первого и второго тысячелетий в 2,4-2,6 раза, западноевропейские страны к началу промышленного переворота превзошли их по этому индикатору уже почти вдвое, в том числе по уровню грамотности взрослого населения — в 3,0-3,5 раза. Любопытно, однако, заметить, что вплоть до середины XVIII в. половина всех напечатанных книг в мире была на китайском языке [376, p.3-4].

Промышленный переворот в ныне развитых капиталистических государствах (конец XVIII — начало XX в.) привел к радикальному — в 5-6 раз — ускорению общих темпов их экономического роста по сравнению с соответствующими показателями эпохи Возрождения и Просвещения (с 0,3-0,5% в XVI-XVIII вв. до 2,0-2,2% — в XIX — начале XX в.). Несмотря на существенное повышение динамики численности населения, многократно (в среднем в 7-12 раз) возросли темпы роста подушевого ВВП. В период “промышленного рывка”, занимавшего в каждой из шести крупных ныне

развитых стран мира 2-3 поколения (40-60 лет), они достигали, по нашим подсчетам, в среднем 1,4-1,5% в год. К тому же экономический рост ныне развитых государств в период промышленного переворота был более сбалансированным и имел более широкую основу, чем принято считать. Он был в немалой мере связан с подъемом сельского хозяйства, происходившим в значительной степени во всех изучаемых странах, за исключением США, на базе его интенсификации, а также отраслей инфраструктуры и сферы услуг.

Быстрая трансформация экономики стран Запада и Японии определялась не только масштабами вытеснения прежних форм производства, но и достижением органического синтеза современных и наиболее продуктивных из числа традиционных факторов роста, роль которых в становлении индустриальной цивилизации и придании ей относительной устойчивости оказалась весьма значительной.

Вопреки широко распространенным представлениям, основанным на данных о динамике выпуска продукции в современных отраслях индустрии, общие темпы роста промышленного производства ныне развитых государств в период промышленной революции (2,7-2,9% в год в 1800-1913 гг.) были, как показывают расчеты, хотя и существенно выше, чем в доиндустриальную эпоху, но примерно вдвое ниже показателей, часто публиковавшихся в учебниках и хрестоматиях по экономической истории. В отличие от агросферы, развивавшейся, как отмечалось, во многом на основе интенсивных факторов, вклад экстенсивных составляющих в прирост продукции всего вторичного сектора достигал в среднем 3/4.

При всей значимости внешних факторов, в частности экспорта, в увеличении ВВП крупных ныне развитых капиталистических государств на отдельных, особенно начальных, этапах их индустриализации наиболее весомый вклад в ускорение экономической динамики стран Запада и Японии, как показывают расчеты, принадлежал развитию внутреннего рынка изучаемых стран. Что касается колониальных и зависимых стран, то их роль в качестве рынков сбыта европейских и американских товаров была в целом весьма ограничена: в 1800-1938 гг. в них реализовалось не более 1,5-3,0% совокупного ВВП ныне развитых капиталистических стран.

По нашим расчетам, норма валовых капиталовложений возросла на этапе перехода от доиндустриальной к индустриальной экономике примерно вдвое — с 5-7% ВВП в XVI—XVIII вв. до 12-14%,

что подтверждает гипотезу А.Льюиса — У.Ростоу. Хотя в целом роль внешних источников финансирования развития стран Запада и Японии в период промышленного переворота была относительно невелика, на предмодернизационном и на начальном этапах первичной индустриализации внешний финансовый и технологический импульс был, как правило, весьма важным, стимулирующим фактором, который во многом определил траекторию последующей хозяйственной эволюции.

С начала XIX по начало XX в. средняя капиталовооруженность труда в целом по шести крупным ныне развитым государствам возросла, по нашим подсчетам, в 6,3-6,7 раза, а его производительность — в 3,5-4,0 раза. Произошли и другие важные структурные и качественные изменения. В частности, доля занятых в аграрных отраслях сократилась с 65-67% в 1800 г. до 38-40% в 1913 г.

Наряду с увеличением физического капитала произошло существенное наращивание человеческого капитала. Среднее число лет обучения взрослого населения возросло с 1,5-2 до 6-8 лет, или примерно в 4 раза. С учетом роста продолжительности “школьного года” (в среднем на 30-40%) и возможной недооценки роста качества образования реальное увеличение человеческого капитала было намного большим. Это означает, что уровень качества рабочей силы повышался опережающими темпами по сравнению с ростом капиталовооруженности труда. По нашим расчетам, в 1800-1913 гг. в структуре совокупного производительного богатства стран Запада примерно в 1,5 раза возросла доля воспроизводимых физических фондов (с 13 до 20%), а удельный вес накопленных вложений в образование, здравоохранение и науку увеличился почти втрое (с 3,5 до 9%). В Японии в 1885-1938 гг. соответствующие изменения были еще более значительными: первый индикатор возрос с 14,7 до 20,7, а второй — с 5,1 до 11,3%.

Произведенные нами расчеты макроэкономической производственной функции по шести странам Запада и Японии показывают, что их экономический рост в период промышленного переворота носил, вопреки еще встречающимся в литературе суждениям, во многом экстенсивный характер: доля интенсивных факторов составляла в целом 35-40% (с учетом уменьшения продолжительности рабочего времени — 43-47%). Наибольших успехов в период промышленного переворота добились США, Германия, Япония, не столь строго придерживавшиеся рикардианских принципов естественных преимуществ, которые постепенно преодолели сырьевую полупериферийную специализацию своих экономик бла-

годаря последовательной реализации национальных стратегий развития, серьезным институциональным реформам, компетентным действиям государства, его дозированному интервенционизму, направленному на формирование эффективных механизмов созидательной конкуренции, а также форсированному наращиванию инвестиций в наиболее передовые средства производства, коммуникации, а главное — в человеческий капитал — образование, науку, культуру.

Покорение и освоение европейскими и японскими колонизаторами многих стран Востока и Юга нанесло в целом ощутимый удар по их архаичным социально-экономическим системам, сопровождалось немалыми жертвами для коренного населения. Вместе с тем межцивилизационное взаимодействие, обусловившее становление мирового рынка, придало в конечном счете определенный, хотя далеко не равный импульс развитию всем участникам этого “контакта”.

После периода упадка и стагнации, продолжавшегося в целом до последней трети или четверти XIX в., в колониальных и зависимых странах обозначилось увеличение темпов роста населения и ВВП. В 1870-1950 гг. в ряде крупных и средних стран Востока и Юга, которые рассматривались в данной работе, экономический потенциал вырос в 2,1-2,3 раза, т.е. лишь ненамного меньше, чем за первые восемь столетий нынешнего тысячелетия (примерно в 2,4-2,8 раза). Произошло также некоторое повышение подушевого дохода, правда в еще слабой мере затронувшее основную массу коренного населения. Однако в ряде афро-азиатских государств этот процесс был прерван в годы депрессии и второй мировой войны.

Индекс развития периферийных стран, стагнировавший в 1800-1870 гг., впервые стал понемногу повышаться главным образом за счет некоторого улучшения ряда социально-культурных показателей. В 1870-1950 гг. отмеченный индекс в среднем по шестерке крупных и средних стран будущего третьего мира увеличился примерно на 2/3 (в Бразилии и Мексике — более чем вдвое, в Китае и Индии — на 50-60%, в Индонезии и Египте — на 90%). При этом разрыв между ведущими капиталистическими державами и периферийными странами возрос по подушевому ВВП с 3,2:1 в 1870 г. до 4,9:1 в 1913 г. и 7,8:1 в 1950 г. (расчет выполнен в паритетах покупательной способности валют 1980 г.), а по отмеченному выше индексу развития — соответственно с 3,2:1 до 4,0:1 и 4,4:1.

Как показывают расчеты, экономический рост колониальных и зависимых стран был в целом крайне нестабильным, диспропорциональным. Несмотря на интенсивную эксплуатацию их природных и трудовых ресурсов, он имел, за редкими исключениями (главным образом будущих НИС), преимущественно экстенсивный характер: за счет затрат используемых ресурсов в конце XIX — первой трети XX в. обеспечивалось в среднем не менее 70-75% (без учета будущих НИС — около 4/5) прироста реального ВВП. Во многом это было связано с тем, что модернизация, ограниченная по своим масштабам, не привела к сколько-нибудь значительному качественному переустройству обширных пластов традиционных обществ.

В послевоенный период в развитии мировых производительных сил обозначились значительные качественные сдвиги, произошло существенное, хотя в целом далеко не равномерное их ускорение в различных регионах мирового сообщества. Несмотря на многие тяжелые испытания, в том числе глобальные, структурные и конъюнктурные кризисы (а отчасти, возможно, благодаря им), капитализм как саморазвивающаяся, самокорректирующаяся система в целом не только выстоял, но и значительно повысил свою жизнеспособность, обретя ряд новых черт и адаптационных свойств.

В результате реформ и преобразований важнейших социально-политических институтов в развитых капиталистических странах, усиления процессов интеграции, интернационализации, государственного и межгосударственного регулирования экономики, совершенствования конкурентного механизма значительно возросла мобильность товаров, услуг, рабочей силы, капиталов, технологий и информации. Заметно повысились общие темпы экономического роста, которые за 1950-е — начало 1990-х г. в целом по группе крупных развитых капиталистических стран составили 3,5-3,6% в год (невзвешенный показатель 4% в год), а совокупный объем товаров и услуг в расчете на душу населения в центрах мирового хозяйства возрос более чем в 3 раза. Произошло существенное сближение относительных уровней производительных сил. Так, если в 1950 г. средний невзвешенный показатель производительности труда в Великобритании, Франции, ФРГ, Италии и Японии составлял лишь 35% от уровня США, в 1973 г. он достиг 60-61, а в начале 1990-х гг. — 77-78%. В определенной мере это было связано с подтягиванием Западной Европы и Японии до американского “стандарта” фондовооруженности труда. К 1990 г. ФРГ и Япония, возможно, даже несколько опередили США.

Важнейшим направлением рационализации хозяйственных систем развитых стран в послевоенный период стала особая форма интенсификации труда, основывающаяся не столько на экономии переменного капитала, сколько на росте качества труда, усилении его мотивации, увеличении гибкости и мобильности рабочей силы, значительном росте ответственности, дисциплинированности и профессионализма работников.

Общие (учтенные) расходы на здравоохранение, образование и науку возросли в среднем по шести ведущим капиталистическим странам с 2,5-2,7% ВВП в 1910-1913 гг. до 7,6-7,8 — в 1950 г. и 16,5-16,7% ВВП в 1990-1991 гг. Средняя продолжительность жизни увеличилась с 50 лет в 1913 г. до 66 — в 1950 г. и 77 лет в 1993 г., а среднее число лет обучения взрослого населения повысилось соответственно с 7,3 до 10 и 16,2 года.

Как показывает динамика структур совокупного производительного капитала, в период после второй мировой войны в развитых странах происходило не только расширение доли физических воспроизводимых активов, но и существенное увеличение удельного веса человеческого невещественного капитала: в среднем по шести ведущим капиталистическим странам с 12-13% в 1950 г. до 22-23 — в 1973 г. и 27-28% в 1990 г. По нашей оценке, в США к середине 1990-х гг. отмеченный показатель достиг примерно 33-35% их совокупного производительного богатства. Следует подчеркнуть, что по далеко не полным данным (расчеты произведены “затратным” методом, без учета трудовых инвестиций учащихся), в начале 90-х гг. объем человеческого “невещного” капитала в среднем по группе развитых стран уже в 1,5 раза (а в США — более чем вдвое) превышал объем физического (обычного) капитала.

В ведущих капиталистических странах улучшение структур общественного производства, качественное совершенствование его ресурсных составляющих, увеличение невещных компонентов накопления и богатства, применение многообразных организационных, технологических и технических инноваций, отражающих значительный НТП послевоенных десятилетий, вызвали в целом заметное повышение доли интенсивных факторов производства, которая возросла в 1,5 раза по сравнению с соответствующим показателем эпохи промышленного переворота, достигнув в среднем по шести главным капиталистическим странам 58-70%, в том числе в 1950-1973 гг. — 65-72 и в 1973-1990 гг. 50-68% (расчет произведен по semifакторной модели).

В послевоенный период наиболее высокий уровень интенсификации экономического роста был характерен для европейских

государств (вклад совокупной производительности составлял 70-80%), причем в 70-80-е гг. во Франции, ФРГ и Великобритании он, возможно, не понизился, а, напротив, в целом несколько повысился (в частности, в связи со снижением реальных трудовых затрат). Ориентировочный расчет вкладов некоторых интенсивных составляющих экономического роста показывает, что среди них весьма значительная роль принадлежит качеству труда. Этот показатель оценивался не по динамике индикатора среднего числа лет обучения рабочей силы (который, на наш взгляд, становится все менее информативным), а по темпам роста “невещественного” человеческого капитала. В послевоенный период в среднем по странам Запада и Японии на этот фактор приходилось 20-40% прироста их ВВП.

Судя по приведенным расчетам и оценкам, видимое (или учтенное в традиционных показателях) торможение экономического роста в центрах мирового хозяйства связано с рядом обстоятельств: исчерпанием эффекта передислокации трудовых ресурсов из сельского хозяйства, ухудшением внешних условий воспроизводства (энергетический шок, коллапс Бреттон-Вудской валютной системы, увеличивших предпринимательские риски и общую неопределенность и неустойчивость хозяйственной конъюнктуры), массовым скрапированием производственных мощностей, обусловленным энергетической революцией, сближением уровней развития индустриально развитых стран, которое привело к относительному уменьшению демонстрационного эффекта и интенсивности диффузии технологий, ростом расходов на поддержание и улучшение экологии.

Однако в немалой мере процесс “торможения” экономического роста в ведущих капиталистических государствах отражает феномен смены моделей развития, небезболезненного перехода на новые технологии, которые в конечном счете могут обусловить значительное уменьшение использования традиционных видов производственных ресурсов, а также обеспечить существенный, правда, не всегда адекватно учитываемый статистикой, рост качества товаров и услуг, происходящий ныне в обстановке прогрессирующей “дематериализации” (сервисизации) и интеллектуализации общественного производства.

Результаты экономического роста развивающихся государств неоднозначны и весьма противоречивы. В 1950-1980-е гг. несколько десятков стран третьего мира, сосредоточивших не менее 2/3-3/4 населения и валового продукта периферийной зоны мирового

капиталистического хозяйства, преодолевая немалые сложности, сумели в целом добиться существенных, хотя и не вполне устойчивых успехов в экономическом развитии.

Если в 1900-1938 гг. подушевой ВВП в периферийных странах возрастал в среднем ежегодно на 0,4-0,6%, то в 1950-1993 гг. — уже на 2,6-2,7%. Однако не во всех слаборазвитых государствах экономическая результативность была столь впечатляющей. Но среднезвешенный индикатор по третьему миру более чем вдвое превысил соответствующий параметр для стран Запада эпохи их промышленного переворота и в целом соответствовал послевоенным показателям подушевого роста ВВП в капиталистических центрах. При этом некоторые показатели, характеризующие нестабильность, несбалансированность и диспропорциональность развития в быстро модернизирующихся странах третьего мира, оказались в среднем не больше, чем в ведущих капиталистических государствах на этапе их “промышленного рывка” и в послевоенный период.

К числу крупных достижений стран третьего мира следует также отнести существенное увеличение нормы капиталовложений — с 6-8% ВВП в 1900-1938 гг. до 21-23% в среднем за 1950-1993 гг. Это произошло главным образом за счет внутренних — как частных, так и государственных — источников финансирования, тогда как доля иностранного капитала составила в среднем не более 10-15%. Последний показатель был не выше, чем в странах “второй волны” капиталистической модернизации (Северная и Южная Европа, Канада, Австралия, Япония), осуществлявших индустриализацию в конце XIX — первой трети XX в.

В 80-е гг. общий фонд развития периферийных государств, включающий обычные капиталовложения, а также текущие расходы на образование, здравоохранение и НИОКР, достиг в среднем 28-30% их ВНП. В 1950-1990 гг. в структуре совокупного производительного богатства крупных развивающихся стран, рассматриваемых в работе, доля физических воспроизводимых активов возросла примерно вдвое — с 15 до 31%, а человеческого “невещественного” капитала — втрое: с 3 до 9%.

По нашим подсчетам и оценкам, в третьем мире вдвое повысился вклад интенсивных составляющих экономического роста: если в 1900-1938 гг. за счет качественных компонентов развития обеспечивалось 16-18% прироста ВВП, то в 1950-1993 гг. — примерно 32-34%. Детализированные расчеты по семифакторной модели показывают, что на этапе современного экономического роста в крупных развивающихся странах 20-24% прироста их ВВП

связано с повышением качества живого и овеществленного труда (на первый компонент приходится от 1/6 до 1/5) и примерно 10-12% — с передислокацией основных учтенных ресурсов из отраслей с низкой в отрасли с более высокой эффективностью использования ресурсов.

Сравнение уровней развития шести крупных периферийных и шести крупных развитых стран свидетельствует о том, что за 1950-1993 гг. произошло некоторое уменьшение разрыва в показателях душевого ВВП — с 1:8 до 1:7. Кроме того, вопреки многим пессимистическим прогнозам, развивающиеся страны достигли в целом существенного, хотя еще неустойчивого прогресса в социально-культурной сфере. В целом по третьему миру доля населения, живущего за чертой бедности, сократилась с 45-50% в 1960 г. до 24-28% в 1990 г. Уровень грамотности взрослого населения, составлявший в третьем мире в 1900 г. 14-15%, возрос с 28% в 1950 г. до 69% в 1993 г., а среднее число лет обучения — с 1,6 до 5,8 (последний расчет сделан по крупным развивающимся странам). В странах Востока и Юга показатель средней продолжительности жизни в 1800-1913 гг. в целом не превышал 26-28 лет, но за 1950-1993 гг. он вырос почти вдвое — с 35 до 64-66 лет.

Подтягивание ряда крупных развивающихся стран к уровню ведущих капиталистических государств по некоторым важнейшим показателям развития человеческого фактора происходило в целом за послевоенный период, пожалуй, быстрее, чем по собственно экономическим индикаторам. В 1800-1913 гг. страны Запада и Япония по темпам изменения “индекса развития” обгоняли страны Востока и Юга в 4-5 раз, в 1913-1950 гг. — примерно в 1,5 раза, а в послевоенный период крупные периферийные государства уже почти вдвое обгоняли по темпам изменения этого индекса ведущие капиталистические страны. В результате разрыв в уровнях социально-экономического прогресса, измеренного с помощью отмеченного индекса, впервые стал, по-видимому, заметно сокращаться: если в 1950 г. он составлял 1:4,5, то в 1993 г. — 1:2,8.

Вместе с тем в 80-х — начале 90-х гг. во многих латиноамериканских и африканских государствах произошло существенное замедление экономической динамики. В результате число сравнительно быстро растущих развивающихся стран сократилось с пятидесяти в 60-70-е гг. до двадцати. Но на них по-прежнему приходится 50-60% населения и ВВП третьего мира. Ряд крупных и средних стран (КНР, Индия, Индонезия, Турция, Таиланд, Пакистан, азиатские НИС) провели достаточно эффективные ре-

формы хозяйственного механизма и активизировали свой экспортный потенциал.

При этом как менее, так и более “удачливые” из развивающихся государств испытывали значительные экономические трудности, связанные с внушительными размерами внешней задолженности, оттоком и неравномерным распределением по странам иностранного капитала, нестабильностью экспортных цен, ухудшением экологической ситуации. В странах третьего мира насчитывается около 1,2 млрд человек, живущих ниже порога бедности (в том числе 500 млн — в Азии и 300-370 млн человек — в Тропической Африке), более 900 млн неграмотных. Сохраняются значительные социальные контрасты, а дифференциация доходов и потребления в ряде периферийных стран продолжает углубляться.

В особенно бедственном положении оказался, за несколькими исключениями, регион Тропической Африки. Голод, нищета, болезни, этнические и межгосударственные конфликты, проявления геноцида — таков далеко не полный список человеческих трагедий, жертвами которых оказались десятки, а может быть, и сотни миллионов людей. Применительно к ним сами понятия экономического роста, наращивания человеческого капитала теряют всякий смысл. Мировому сообществу так или иначе придется столкнуться с необходимостью решения острейших проблем жизнеобеспечения в этих странах. Таково одно из реальных противоречий современного мира.

Но было бы неправильно не видеть и того, что в целом, несмотря на трудности, сбои и попятные движения, несколько десятков развивающихся стран сумели встать на рельсы современного экономического роста. Но сделаны пока еще только первые шаги. Для создания более гибких, адаптивных социально-экономических систем необходимо многое: рациональные действия государства по демонтажу неэффективных структур, адаптации традиционных и формированию современных институтов, приватизации и постепенной либерализации основных сфер народного хозяйства, а главное — максимальному развитию разнообразных форм предпринимательства, раскрепощению созидательной инициативы людей. Привлечение ТНК, а следовательно, использование передового опыта, технологий и коммерческих связей должно органично сочетаться с максимальной мобилизацией внутренних резервов, уменьшением непроизводительных расходов, сокращением престижных и малоэффективных проектов, значительной большей концентрацией ресурсов на развитии собственно человеческого фактора, инвестиции в который, как показывает истори-

ческий опыт более развитых, а также быстро развивающихся стран, намного эффективней, чем обычные капиталовложения.

XXX

В результате генезиса исторически созданных производительных сил, их диверсификации и усложнения происходило сначала крайне медленное, противоречивое, затем более быстрое вызревание интенсивного типа воспроизводства, характеризующегося — в тенденции — снижением ресурсоемкости экономики (не исключаяющей, впрочем, а предполагающей относительное расширение затрат нетрадиционных видов ресурсов), повышением роли социальных и духовных элементов производительных сил, а также существенным, хотя далеко не равномерным ускорением темпов экономического развития.

Согласно оценкам П.Бэрока, средний уровень жизни (подушевой продукт) в ойкумене едва ли вообще сколько-нибудь существенно изменился (по его ранней версии, вырос вдвое) со времени появления кроманьонцев вплоть до расцвета фараоновского Египта (более 350 веков). Этот индикатор, по мнению швейцарского ученого, возможно, увеличился в 1,5 раза за 30 веков, отделяющих правление Рамсеса II и Людовика XIV [234, 1992, p.120].

По нашим расчетам, в доиндустриальный период (1000-1800 гг.) подушевой ВВП стран Запада возрос примерно в 2-3 раза, а на Востоке (Китай, Индия, Египет), он, возможно, сократился в среднем на 1/5. В эпоху промышленного переворота (1800-1950) в крупных ныне развитых странах отмеченный показатель увеличился почти в 6 раз, а в среднем по шести крупным странам Востока и Юга он повысился лишь на 1/7. В послевоенный период ускорение экономического роста в значительной мере охватило также и страны третьего мира. В 1950-1993 гг. в крупных развивающихся странах подушевой ВВП вырос в среднем в 3,6 раза, а в крупных развитых государствах — в 3,1 раза. В целом за период времени, охваченный нашими расчетами (1000-1993 гг., табл.63) совокупный ВВП ныне развитых стран увеличился примерно в 1540 раз (в крупных странах Востока и Юга — в 50 раз); подушевой ВВП вырос в 40-43 раза (и в 3,0-3,5 раза соответственно); в ныне развитых странах индекс развития возрос в 30 раз (а в целом по крупным странам Востока и Юга примерно в 4 раза). Наконец, эффективность использования ресурсов в первой группе увеличилась в 10-13 раз, а во второй лишь в 1,3 раза.

Таблица 63

Увеличение основных макроэкономических показателей крупных ныне развитых (А) и развивающихся (Б) стран, количество раз

Показатели		1000-1800 гг. ¹	1800-1950 гг.	1950-1993 гг.	1000-1993 гг.
ВВП	А	15,0	22,8	4,5	1540
	Б	2,7	2,2	8,4	50
Затраты труда	А	6,1(7,5) ²	3,6(2,5)	1,6(1,3)	35(24)
	Б	3,4	1,9	2,6	17
Основной капитал	А	18,0	35,0	7,5	4730
	Б	3,8 ³	3,8	12,3	180
Фондовооруженность труда основным капиталом	А	3,0	9,7	4,7	137
	Б	1,1	2,0	4,7	10
Фондовооруженность труда человеческим капиталом	А	23,5 ⁴ /7,0 ⁶	6,7 ⁵ /12,3 ⁶	1,6 ⁵ /9,0 ⁶	252/775
	Б	-1,2 ⁴ /...	3,2 ⁵ /3,5 ⁶	3,6 ⁵ /11,2 ⁶	10/33
Эффективность использования ресурсов ⁷	А	1,7(1,5)	3,0(3,7)	2,0(2,3)	10(13)
	Б	-1,3	-1,1	1,9	1,3

1. Данные за 1000-1800 гг.: А — по крупным странам Запада; Б — по Китаю, Индии, Египту. За 1800-1993 гг. — соответствующие средневзвешенные данные по 6 крупным ныне развитым и 6 развивающимся странам.

2. В скобках — оценки, учитывающие затраты труда в человеко-часах.

3. Расчетная оценка, учитывающая авторские подсчеты по Китаю и ориентировочные оценки по Индии и Египту.

4. Исчислено по динамике грамотности взрослого населения.

5. Рассчитано по динамике среднего числа лет обучения взрослого населения.

6. Ориентировочная оценка роста капитализированных расходов на образование, профподготовку, здравоохранение и элементы НИОКР. Показатель по доиндустриальной эпохе получен на основе ретрополяции данных по Англии, Голландии и Франции XVI-XVIII вв.

7. В целях обеспечения сопоставимости результатов подсчеты произведены по двум группам стран и всем отмеченным периодам на основе двухфакторной модели роста, учитывающей ресурсы труда и основного капитала. По нашим расчетам, эластичность изменения ВВП по труду и основному капиталу составила по ныне развитым странам за 1000-1800-1950 гг. 0,65-0,67 и 0,33-0,35, а за 1950-1993 гг. — 0,75-0,79 и 0,21-0,25. По ныне развивающимся странам отмеченные показатели составляли в указанные периоды в среднем соответственно 0,65-0,67 и 0,33-0,35.

8. Все данные округлены.

Рассчитано по материалам, содержащимся в гл. II-IV, Прил. I-V.

Отмечая медленные эволюционные и инволюционные изменения в досовременных обществах, важно подчеркнуть, что их эко-

номические и социальные системы были отнюдь не статичны и “пассивны”. Во-первых, этим обществам, причем в большей мере Востоку, чем Западу, была присуща значительная, намного превосходящая современные масштабы неустойчивость воспроизводства, обусловленная, как отмечалось выше, природными и социальными факторами. Колоссальные общественные силы, труд и богатство множества людей расходовались на устранение или предотвращение различных микрокатастроф и макрокризисов. Во-вторых, досовременные общества обменивались в ходе внутрицивилизационных и межцивилизационных контактов разнообразными инновациями, темп распространения которых со временем стал постепенно ускоряться. В-третьих, на наш взгляд, относительно интенсивной была в прошлом экспансия ойкумены в пространстве (“вширь”), а также в духовной сфере (“вглубь”), далеко не в полной мере поддающаяся измерению, а следовательно, во многом недоучтенная в экономической истории.

В силу природных и исторических факторов страны Востока в целом оказались к началу текущего тысячелетия сравнительно более развитыми, чем западные страны, расположенные на периферии Евразии, вдали от тогдашних центров мировой цивилизации. Однако в нынешнем, подходящем к концу тысячелетия именно на Западе сложились некоторые необходимые и достаточные условия для реализации догоняющего, а затем и перегоняющего развития в результате определенной комбинации всей системы естественных, материальных, социальных и духовных производительных сил. При этом приоритетное развитие социальных и духовных компонентов производительных сил, человеческого фактора оказалось в конечном счете решающим в европейском феномене “раскованного Прометея”.

В ныне развитых странах ускорение темпов роста фондовооруженности труда основным капиталом (в 1000-1800 гг. 0,13-0,15% в год; в 1800-1950 гг. 1,4-1,6; в 1950-1993 гг. 3,6-3,7% в год) сопровождалось постоянным опережением темпов роста фондовооруженности труда человеческим капиталом: в доиндустриальную эпоху 0,23-0,25% в год, в период промышленного переворота 1,6-1,8, в послевоенный период (1950-1993), когда стали закладываться основы постиндустриальной цивилизации, отмеченный индикатор достиг 5,2-5,3% в год. (В целом за весь учтенный в наших расчетах период, 1000-1993 гг., фондовооруженность труда физическим капиталом выросла весьма значительно — в 130-140 раз, однако его вооруженность человеческим капиталом увеличилась,

по более полным оценкам, в 770-780 раз, т.е. оснащение (обогащение) человека знаниями, опытом, квалификацией росло, возможно, в 5-6 раз быстрее). Эта же тенденция после длительного перерыва стала наблюдаться и в странах Востока, вступивших на путь современного экономического роста (табл.63).

Не идеализируя историю Запада (обреченность на развитие через бесконечные метаморфозы), не хотелось бы излишне драматизировать и судьбу Востока. Трансформация “восточных” систем в современные (не обязательно западные, но перспективные) формы производства и общения займет, наверно, немало времени, хотя, думается, с учетом опыта Японии, Южной Кореи, Китая и не больше, чем потребовалось в нынешнем тысячелетии Западу для достижения “восточного” уровня экономического развития (не менее пяти веков) и эффективности общественного производства (семь-восемь столетий). При этом многие ресурсные ограничители, экологические, а также некоторые социально-экономические депрессанты, с одной стороны, и расширение взаимодействия с передовыми странами (трансферт опыта, технологий, демонстрационный эффект) — с другой, могут способствовать — в тенденции — более быстрому, чем это было в экономической истории ныне развитых государств, формированию интенсивного, ресурсосберегающего типа воспроизводства, становлению основ постиндустриальной цивилизации.

XXX

Мы отчетливо сознаем известную условность некоторых из приведенных цифр, практическую невозможность ни сейчас, ни в будущем добиться окончательной, итоговой оценки результатов экономического развития человечества за последнюю тысячу лет в его количественном выражении. Однако, поскольку десятки исследователей так или иначе оценивали темпы и масштабы экономического роста за тот или иной период, охватывающий чаще десятки, а иногда и сотни лет, мы сочли необходимым свести воедино имеющиеся, а также собственные расчеты величины соответствующих индикаторов и наглядно показать, что в конечном счете они означают.

На первый взгляд цифра в 1540 раз, характеризующая масштабы роста валового продукта ныне развитых стран в 1000-1993 гг., может показаться невероятной. Однако если мы примем как возможные и вполне реальные весьма умеренные ежегодные темпы роста этого показателя на протяжении тысячи лет, то известное

каждому школьнику правило сложных процентов неизбежно даст примерно такой результат.

Конечно, было бы неверно сводить любую, в том числе и экономическую, историю человечества к какой-то одной обобщающей количественной характеристике. Но вместе с тем подобные цифры, на наш взгляд, в какой-то мере облегчают понимание грандиозных сдвигов в сфере производства и потребления, затрагивающих каждого человека, равно как и силу антропогенного воздействия на ограниченные ресурсы Земли, которые впервые в нашей истории позволяют говорить о реальных экологических ограничителях индустриальной парадигмы развития.

Учитывая огромный разрыв в уровнях производства и потребления между 15% населения развитых стран и 75% жителей развивающихся стран, можно и нужно указать, что прежний ресурсоемкий тип развития принципиально не может обеспечить ликвидацию этого разрыва: не хватит ни земли, ни воды, ни воздуха, ни минеральных и иных ресурсов. Однако из констатации этого непреложного факта вытекает, на наш взгляд, отнюдь не пессимистический вывод. Человечество попросту обречено на иной тип, путь, характер развития. Мы не можем сказать в точности, каким он будет, но уже сейчас видны первые ростки будущей постиндустриальной, информационно-инновационной цивилизации.

Примечания

Введение

1. Проблемы экономического развития России столь сложны и, как это ни парадоксально, столь недостаточно разработаны в аспекте практических измерений динамики роста, что требуют ряда специальных исследований. Сделанные автором попытки дать свою оценку некоторым параметрам экономического роста России (СССР) в XVIII-XX вв. [130] тем не менее не дают оснований для окончательных выводов по этой сложнейшей проблеме.

Глава первая

1. Чаще всего под фондом возмещения (амортизации) исследователи понимают финансовые и материальные средства, необходимые для компенсации на простой или расширенной основе физического износа и морального обесценения лишь одного фактора производства — физического капитала. Для лучшего понимания реальных экономических процессов целесообразно сделать соответствующие, пусть даже ориентировочные оценки необходимого фонда компенсации по человеческому фактору (труду), на что в свое время пытались обратить внимание К.Джини, И.Фишер, А.Лоу и П.Студенский, а также по используемым природным производительным силам [168, с.291].

2. Задолго до физиократов, А.Смита, К.Маркса великий арабский мыслитель Ибн Халдун высказывался в пользу расширенной концепции производства, полагая, что труд в области просвещения, образования, культуры, искусства и здравоохранения чрезвычайно производителен, ибо имеет долговременный эффект интенсивных вложений в человека [285, р.6].

3. По данным американских экономистов Ф.Джастера и Ф.Стаффорда, в США в 1965-1981 гг. и в Японии в 1965-1985 гг. при сокращении длины рабочей недели и времени, связанного с поездками на работу и обратно, увеличилась продолжительность домашней работы (у американских муж-

чин — с 11,5 до 13,8 ч в неделю, у японцев — с 2,8 до 3,5 ч) и досуга — соответственно с 36,7 до 41,8 и с 34,4 до 40,3 ч (В первой половине 1980-х гг. женщины в США и Японии работали на производстве 24-24,5 ч, дома — 30,5-31 ч, а время досуга составляло 40,3-41,9 ч [446, р.475].

4. Один из парадоксов нынешней системы национальных счетов состоит в том, что при тех или иных бедствиях ВВП/ВНП может фиксировать искусственный рост благосостояния. Например, эпидемии вызывают увеличение расходов на лекарства, а те или иные разрушения способствуют активизации строительных (восстановительных) работ, результат которых находит отражение в макроэкономической отчетности, явно завышающей “чистые” итоги роста.

5. При всей условности (и известной фрагментарности) подобных подсчетов это, думается, важный шаг в нужном направлении — более полного, глубокого и комплексного объяснения реальных тенденций развития хозяйственных систем. Сопоставимые материалы по другим крупным развитым и развивающимся странам, обработанные по унифицированной методологии, насколько нам известно, пока еще отсутствуют.

6. Феномен диффузии накопления и потребления проявляется еще и в том, что не только расходы на образование, здравоохранение, но и потребительские предметы длительного пользования могут выступать как своеобразные виды капиталовложений. Вообще потребление, превышающее известный минимум, особенно качественных товаров и услуг, в определенной институционально-культурной и конкурентной среде значительно способствует активизации творческого производительного труда в любой сфере человеческой деятельности [330, р.1675; 461, 234; 527, р.103].

7. Индекс производства Фишера (I_f) — среднегеометрическое индексов Ласпейреса и Пааше:

$$I_f = \left(\frac{\sum q_n \cdot p_0}{\sum q_0 \cdot p_0} \cdot \frac{\sum q_n \cdot p_n}{\sum q_0 \cdot p_n} \right)^{0,5}, \quad \text{где } q - \text{ количество проданных /произведенных единиц товара;}$$

p — цена единицы товара; o и n — обозначения базисного и текущего периодов.

Иллюстрируя сказанное, отметим, что, согласно расчетам Н.Крафтса, среднегодовой темп прироста промышленного производства Великобритании в 1760-1831 гг. составил по индексу Ласпейреса (цены 1770 г.) 2,5-2,6%, по индексу Пааше — 2,0-2,1, а по индексу Фишера — 2,3% [293, р.26].

8. Взвешивание субиндексов производства по добавленной стоимости секторов и отраслей — метод, весьма часто применяемый в ретроспективных расчетах. В качестве весов нередко используются соответствующие данные наиболее позднего периода, по которому обычно есть необходимые статистическая информация. При этом исследователи иногда игнорируют то обстоятельство, что здесь, как правило, действует закономер-

ность, прямо противоположная той, что содержится в индексе Пааше (с ценовыми весами последнего года). Текущие стоимостные веса (при прочих равных условиях) часто, хотя не во всех случаях приводят к завышению оценок экономического роста, так как доля в суммарном продукте быстро растущих отраслей имеет тенденцию к увеличению с течением времени [406, p.117; 433, p.7].

9. В могольской Индии, цинском Китае, токугавской Японии, в доиндустриальных обществах Франции, Германии и Англии на зерновые приходилось не менее 35-45% всего учетного национального продукта (рассчитано по: [19, p.33; 284, p.29-30; 361, p.98-100, 130; 409, vol.3, p.192; 539, p.27; 570, p.17; 698, 1989, № 2, p.318]).

10. П.Бэрок обнаружил высокую степень корреляции (примерно 0,9) между показателями реальной заработной платы чернорабочих (в хлебных ценах) и подушевого ВВП для традиционных и полутрадиционных обществ [698, 1979, № 1, p.158]. Понимая определенную условность отмеченной статистической закономерности, а также вероятностный характер ее действия, эта аппроксимация применялась нами (при наличии соответствующей верифицированной информации) обычно “в связке” с другими корректирующими индикаторами для их уточнения и проверки.

11. Как показывает ряд исследований, в традиционных и полутрадиционных обществах показатель урбанизации (в данной работе учитывались города с населением свыше 2-5 тыс. человек) в целом достаточно тесно коррелирует с индикатором подушевого ВВП [685].

12. Стефан Ноулз, по-видимому, совершенно прав, полагая, что экспозиция показателя подушевого ВВП в логарифмической форме (в таком виде он “заложен” в “ооноовскую” формулу) искажает реальные тенденции, в том числе действительные масштабы разрывов в уровнях развития между передовыми и отставшими странами [454, p.533].

13. Как отмечает американский экономист В.Леонтьев, “страницы профессиональных экономических журналов заполнены математическими формулами, ведущими читателя от более или менее допустимых, но совершенно произвольных предположений к точно рассчитанным, но не реалистичным заключениям” [681b, p.154-155].

14. Кто-то из экономистов-математиков удачно заметил: “Эконометрические методы — искусство давать плохие ответы на те практические вопросы, на которые даются еще худшие ответы другими способами”.

15. Один из парадоксов советской статистики состоял в том, что услуги ветеринара считались производительными, а обычного врача — нет. Не меньший парадокс ныне действующей международной системы национальных счетов заключается, в частности, в том, что если рождается, например, теленок, то подушевое богатство или национальный доход страны увеличивается, а если появляется на свет человек — уменьшается.

16. Согласно весьма приблизительным и условным подсчетам (по ставкам заработной платы), в развитых капиталистических странах в 1950-1980-е гг. соотношение качества единицы (часа) женского и мужского труда составляло 0,6-0,7 : 1. Аналогичный коэффициент для молодых людей 15-29 лет был эквивалентен примерно 50-70% от соответствующего показателя 30-64-летних мужчин. Производительность труда и заработной

лиц с начальным образованием были в среднем на 30-50% меньше, чем у выпускников средней школы, и более чем вдвое меньше, чем у обладателей университетских дипломов [317, p.10-11; 492, p.557; 502, p.678].

17. Как отмечал один из величайших немецких математиков К.Ф.В.Гаусс, “недостаток математического образования нигде не проявляется так явно, как в чрезмерной точности числовых вычислений” (цит. по: [133, с.96]).

Глава вторая

1. Описание его важнейших компонентов дано в гл. I, § 1; см. также Прил. II, III.

2. Подсчеты выполнены методом ретрополяции агрегативных статистических данных (подушевого ВВП) за XX и XIX вв. с применением индексов подушевого производства важнейших сельскохозяйственных и промышленных продуктов, в том числе зерновых, а также индикаторов урбанизации и других доступных показателей (гл. I, § 1). Кроме того, использовались ретроспективные данные Р.Голдсмита, выраженные в “хлебных” ценах. Согласно исчислениям Р.Голдсмита, во времена Октавиана Августа подушевой национальный продукт Римской империи, возможно, составлял 350-400 сестерциев в год, что эквивалентно (в “хлебных” ценах) 110-140 модиям, или 800-900 кг пшеницы. Для “традиционной” Англии Вильгельма III Оранского, королевы Анны и Грегори Кинга, виднейшего английского статистика конца XVII — начала XVIII в., этот показатель в “пшеничных” ценах мог достигать 1700 кг, для США эпохи президента Дж.Монро (1817-1825) — 2050 кг [358, p.266-267, 274, 281]. Уровень жизни свободного населения Италии был, вероятно, существенно выше приведенных оценок.

3. В позднее средневековье и новое время в Англии и Уэльсе подушевое производство железа было намного выше, чем в среднем по Европе (без России): в 1540 г. — 2,6-3,0 кг, в 1640 г. — 6,0-7,0, в 1788 г. — 8,0-8,5 кг [263, vol.2, p.704; 284, p.129; 398, p.34].

4. Количественная информация по средневековой Сирии весьма ограничена. Вместе с тем, как отмечает известный историк-экономист Э.Аштор, для этой страны были в целом характерны в прошлом тенденции экономической эволюции, близкие к тем, что наблюдались в Египте [224, p.466].

5. Автор выражает глубокую признательность своим коллегам — Ф.М.Ацамбе, З.Г.Лапиной и А.Л.Сафроновой — за их комментарии и экспертные оценки, позволившие уточнить некоторые расчеты и выводы.

6. К.Гуг отмечает, что в средние века в Индии грамотность была широко распространена среди брахманов, кшатриев, вайшьев и намного меньше среди шудров [374, p.71]. Э.Равски полагает, что в Китае уже в V-X вв. было довольно много грамотных. Особенно широкое распространение (в связи с развитием книгопечатания) грамотность получила в сунскую эпоху [590, p.5-6].

7. Такого же мнения придерживается А.С.Мугрузин, который полагает, что в долгосрочной ретроспективе подушевой продукт в старом Китае не падал, а скорее стагнировал [134, с.22].

8. В начале минской эпохи (вплоть до середины XV в.), а также при цинских императорах Канси (1662-1722), Юнчжэне (1723-1736) и в первые десятилетия правления Цяньлуна (1736-1796) были, по-видимому, достигнуты подушечные индикаторы производства, характерные для Сунской империи середины (второй половины) XI в. (рассчитано по источникам к табл.10 и 11).

9. В мамлюкском Египте (1250-1517) стихийные бедствия экстраординарного масштаба происходили столь часто, что относительно “нормальными” можно считать лишь 117 лет из 267-летнего периода правления мамлюков [651, p.222].

10. В Китае в 1639-1644 гг. от эпидемий погибло около 1/5 всех жителей страны [582, p.95].

11. Индивид вне общины, клана или более крупного организованного сообщества был, по существу, не в состоянии сколько-нибудь долго и эффективно противостоять природе тропической и субтропической зон.

12. Здесь необходимо сделать одно существенное уточнение, позволяющее в какой-то мере объяснить немалые расхождения в траекториях изменения производительных сил разных субрегионов Востока. Китайцам то ли в силу их многочисленности, то ли благодаря глубине и богатству их культуры, а может быть, вследствие того и другого удавалось ассимилировать своих завоевателей, в результате чего основные компоненты высокопроизводительной китайской цивилизации и достаточно совершенного механизма управления обычно сохранялись. Индийцы, возможно, по тем же причинам, что и китайцы, оказались способны инкорпорировать захватчиков-мусульман в кастовую систему, “отведя” им ряд важных “ячеек” в своем “сотом” государстве. При всех верхушечных изменениях, низовые (полуавтономные) структуры связей и механизмы управления кастового сообщества продолжали функционировать, вряд ли значительно меняя свой ритм и темп. Вывод о временах усиливающейся тенденции к превалированию непроизводительных функций государства над созидательными в определенной степени справедлив для Китая и Индии. Однако в большей мере он относится к региону Ближнего Востока, для которого была характерна весьма высокая степень нестабильности, обусловленная частыми вторжениями кочевников и других завоевателей, что, по-видимому, сыграло не последнюю роль в подрыве высокопроизводительных цивилизаций и соответствующих традиций, существовавших в древности и раннем средневековье на территории Передней Азии и Северной Африки.

13. Примечательно, что, по мнению ряда исследователей, до 9/10 всех доходов цинских чиновников формировалось за счет взяток и вымогательств [312, p.50].

14. Как отмечают Ч.Иссави и К.Финдли, первые типографии, появившиеся в Османской империи в конце XV в., были сразу же запрещены и вновь открыты лишь в XIX в. В XVI-XVIII вв. ни один египтянин не посетил Европу. Качество образования в ближневосточных государствах, бывшее ранее на сравнительно высоком уровне, сильно деградировало. Шейхи в университете Аль-Азхар не знали других восточных языков, не

преподавали, как прежде, историю, литературу, философию и естественные науки [338, p.137; 428b, p.315-317].

15. Все это, однако, не означало абсолютного регресса. Во-первых, многое еще неизвестно о динамике мелких инноваций, имеющих весьма важное влияние на общий темп и ритм экономического развития. Во-вторых, нельзя никоим образом недооценивать сравнительно высокий уровень индивидуального мастерства и общественного разделения труда, сохранившийся в странах Востока в позднее средневековье и новое время и так изумлявший европейцев [264, vol.1, p.289-290; 334, p.103]. Именно поэтому разрыв в уровнях энерговооруженности был, пожалуй, больше, чем по индикатору промышленного производства в расчете на душу населения. Судя по данным П.Бэрока, последний показатель (в процентах от соответствующего уровня западноевропейских стран) составил в Китае и Индии в 1750 г. соответственно 90 и 80% и в 1800 г. 58-62% [236, p.281].

16. Согласно предположению Э.Джонса, капиталонакопление стало бы отрицательным, если бы могольский режим продержался дольше [438, p.200].

17. По данным К.Джао, в XIV-XIX вв. частота крупных засух и наводнений в долинах Хуанхэ, вызванных не в последнюю очередь антропогенными факторами, увеличилась по сравнению с VIII-XIII вв. в 4 раза [270, p.204-205].

18. Индикатор урбанизации по Индии, рассчитанный И.Хабибом и Ш.Мусви, может быть не совсем сопоставим с данными по Китаю и Западной Европе, так как применялся менее “жесткий” критерий (учитывались мелкие города и населенные пункты).

19. Несмотря на то, что по экономической истории Западной Европы средних веков написаны сотни книг и статей, из-за нехватки и несистематизированности соответствующей информации очень мало обобщающих количественных исследований, уточняющих имеющиеся представления о динамике, пропорциях и факторах доиндустриального роста стран Запада.

20. Новые материалы позволили скорректировать показатель продолжительности жизни в Римской империи в сторону повышения (первоначальная оценка, опубликованная в статье [125, с.69], — 20-25 лет). Уровень грамотности населения — наш расчет, сделанный на основе данных К.Гут и П.Шоню [374, p.70-71; 274, p.155].

21. Расчеты выполнены с применением технологических коэффициентов Ф.Броделя [68, т.1, с.392-396].

22. По оценкам П.Бэрока, в Западной Европе (включая Испанию) уровень урбанизации (города с числом жителей не менее 5 тыс. человек) повысился с 6-8% в 800 г. до 10-11% в 1300 г. (При критерии в 2 тыс. человек соответствующий индикатор увеличился с 9-11 до 14-15% [237, p.159, 285].

23. Оценка динамики обрабатываемых земель произведена на основе [288, p.798; 341, vol.2, p.646-647; 401, p.24]. Сделана также поправка на увеличение степени использования обрабатываемых площадей в связи с изменением системы севооборота (в том числе связанной с активным переходом к системе трехполья). Рост сельскохозяйственной продукции

рассчитан по показателям растениеводства (прежде всего зерновых), на долю которого даже в наиболее богатых хозяйствах (винчестерские маноры XIII-XIV вв.) приходилось до 75-80% аграрного производства [341, vol.2, p.726]. По оценкам П.Бэрока, в 1000-1300 гг. сельскохозяйственный продукт Западной Европы увеличился на 90-130% [237, p.167]. Однако швейцарский исследователь, возможно, учитывал динамику валовой, а не “чистой” урожайности и недооценил эффект интенсификации земли при переходе от двухполья к трехполью.

24. Доли самостоятельного населения, занятого во вторичном и третичном секторах экономики, приняты равными, а темп прироста “продукции” сферы услуг взят как среднее между темпом прироста материального производства и численности населения.

25. При допущении, что прирост промышленного производства был выше отмеченного и составил в 1000-1300 гг. не 110-280, а скажем, 280-320%, подушевой национальный продукт возрастет на 50-70%, что вряд ли существенно меняет первоначальную оценку.

26. В отличие от Западной Европы, где еще с неолитических времен сложилась система нуклеарной семьи, а доля замужних женщин и вдов среди взрослого женского населения в средние века редко превышала 70-80%, на Востоке была распространена полигамия, а коэффициент брачности среди женщин часто достигал 97-99% [438, p.17; 682a, p.113].

27. В Англии XVII в. средний возраст вступления в брак составлял для мужчин 27-28 лет, для женщин 24-25 лет [385, p.131, 134; 431, p.286].

28. Данные Ф.Броделя, рассчитавшего суммарный показатель энергетического потенциала Европы (по скоту, водяным мельницам, мужской рабочей силе, с учетом энергетической мощности парусного флота и сжигаемых дров) на конец XVIII в. (16,6-19,1 млн л.с.) представляются заниженными [68, т.1, с.381, 386-387, 392, 396].

Автором не учтены такие источники энергии, как ветряные мельницы, торф, уголь, речной флот. Но главное — автор значительно (вдвое) недооценил суммарный энергетический потенциал сжигаемых дров, а также использовал заниженные коэффициенты энергетической мощности лошадей и быков (он принял ее в среднем равной 1/4 эталонной л.с.) и мужской рабочей силы (0,03-0,04 э.л.с.). Мы скорректировали расчет Ф.Броделя, применив уточненные и верифицированные коэффициенты редукации, предложенные Ж.Гимпелем, соответственно для лошадей — 0,75 э.л.с., для быков — 0,5, для мужской рабочей силы — 0,06-0,07 э.л.с. [352, p.56].

Согласно данным Ф.Броделя, в конце XVIII в. энергетические возможности западноевропейского работника превышали его собственные мускульные силы в 20 раз, а по нашим оценкам — примерно в 28 раз (далее — усл. единиц). Ранее было установлено, что отмеченный показатель в конце XI в. составил 8-10 усл. единиц (данные по норманнской Англии предположительно близки или, по крайней мере, не существенно отличались, по нашему мнению, от ряда других регионов Северо-Западной Европы). По оценкам П.Шонно, в XIII в. он был равен 15-20 и в 1730-1740-е гг. — примерно 25 усл. единиц [271, p.48; 274, p.142].

Если учесть оценки П.Бэрока, согласно которым энерговооруженность

в странах Запада в 1700-1800 гг. увеличивалась в среднем ежегодно на 0,14% [234, 1983, p.86], и произвести соответствующую интерполяцию на 1730/1740 — 1790/1800 гг., то для конца XVIII в. можно получить показатель, равный 27 усл. единицам. Он близок к скорректированной нами оценке Ф.Броделя (28 единиц). Таким образом, получается, что энерговооруженность западноевропейцев с конца XI по конец XVIII в. возросла примерно втрое.

29. Доля продукции животноводства в общем объеме сельскохозяйственного производства была не столь велика. Согласно расчетам Ж.-К. Тутена, во Франции в начале XVIII в. этот показатель не превышал 13-19% [273, p.238].

30. В Германии в 1780-1800 гг. этот показатель, по оценкам, достигал примерно 0,14% [401, S.24-25]. При всех флуктуациях и кризисах, например, XVII в., гипотеза о долгосрочном (за три столетия) снижении или стагнации подушевого уровня производства представляется маловероятной.

31. Не исключено, что П.Бэрок, рассматривавший показатель ВНП (а не ВВП), сделал поправку на чистый приток ресурсов из Латинской Америки, Азии и Африки [723, 1976, № 2, p.277].

Глава третья

1. Исчислен по формуле:

$$K = \left[\sum (y_i - \bar{y})^2 \cdot n^{-1} \right]^{0,5} \cdot (\bar{y})^{-1} \cdot 100\% \quad ,$$

где y_i — темп прироста ВВП в году i ; \bar{y} — среднее арифметическое темпов прироста за n лет; n — число лет в периоде.

2. Темп прироста производства сектора, помноженный на его среднюю долю в ВВП за соответствующий период.

3. Тарифные ставки на облагаемые импортными пошлинами товары достигали, например, в США в среднем за 1820-1938 гг. 40-50%. В Японии после обретения ею тарифной независимости отмеченный показатель в 1908-1938 гг. составлял в среднем для сырьевых товаров 5-8%, машин и оборудования — 12-15, а для потребительских товаров 38-45% [263, vol.8, p.140-141; 562, p.267].

4. Сказанное подтверждается сравнительно невысокой степенью взаимосвязи (коэффициент корреляции 0,46), существовавшей между динамикой экспорта и ВВП ныне развитых стран на этапе их промышленного переворота.

5. Исчислено в неизменных ценах по источникам к табл.18, 19. Сравнительно высокий показатель по США отражал значительные масштабы инфраструктурного строительства в большой переселенческой стране,

весьма привлекательной для местных и иностранных инвесторов (ввиду богатства ее ресурсов и относительно крупных размеров быстро растущего рынка).

6. В конце XIX — начале XX в. в ряде индустриализировавшихся стран Северной Европы из внешних источников финансировалось от 15-20 (Швеция) до 30-40 (Дания) и 50-60% (Норвегия) внутренних чистых капиталовложений, а в таких переселенческих странах, как Австралия и Канада, — 50-70% [461, p.237-238].

7. Среднее число отработанных часов на одного занятого в год увеличилось в Западной Европе с 2700-2900 в середине XVIII в. до 3000-3200 (в отдельных отраслях промышленности — до 3600-4000) в первой половине XIX в., а затем снизилось примерно до 2600 ч к 1913 г. [323, p.220; 501, p.211; 513, p.190].

8. По мнению ряда историков и антропологов, в XV в. цивилизационный уровень американских индейцев (ацтеков, инков) соответствовал примерно уровню социально-экономического и культурного развития ближневосточных обществ конца III — начала II тыс. до н.э. [519, p.272].

9. Некоторые исследователи полагают, что зверства конкистадоров по своим масштабам вряд ли превосходили кровавые оргии ацтеков [519, p.272-274; 521, p.2].

10. Принудительный труд и работорговля были весьма распространены в ряде регионов Тропической, в том числе Западной, Африки, а также доколумбовой Америки и до прихода европейцев, которые придали этим процессам больший размах [429, p.3].

11. В Индии в 1757-1857 гг. вследствие сокращения внутреннего спроса ремесленное производство предметов роскоши уменьшилось на 60-70% [500, p.55].

12. По данным Ж.Бату, Египет в 1830-1835 гг. занимал пятое-шестое место в мире по показателю подушевого производства хлопчатобумажной пряжи; на фабриках трудилось до 1/5 всех занятых в промышленных отраслях (что было сопоставимо с некоторыми индустриализировавшимися странами Европы). По числу механических веретен в расчете на 1000 человек Египет (80 штук) превосходил Россию (12), Мексику (17), Пруссию (22), Австро-Венгрию (28), Бельгию (49), уступая Великобритании (588), Швейцарии (265), США (97), Франции (90) и Испании (80-82) [249, p.181-185].

13. Темп снижения, зафиксированный в наших расчетах, несколько выше, чем у П.Бэрока (в 1800-1860 гг. — 0,1%), однако в целом отражает ту же тенденцию [234, 1992, p.446]. Если допустить, что в других странах Азии, Африки и Латинской Америки, по которым у нас нет соответствующей информации, ВНП на душу населения оставался в течение 1800-1850-1860 гг. примерно на одном и том же уровне, то полученный нами индикатор может быть скорректирован в сторону снижения — до минус 0,10 — минус 0,15% в год.

14. В результате цена наземных перевозок существенно сократилась, например, в Мексике (в 1876-1910 гг.) в 4 раза.

15. Достаточно распространенное в отечественной и отчасти в зарубежной литературе суждение о том, что условия торговли периферийных стран

с европейскими государствами были, как правило, неблагоприятными для первых (т.е. “в тенденции ухудшались”), нуждается в скрупулезной верификации (с привлечением данных за сравнительно длительную ретроспективу). Весьма интересным в этой связи представляется исследование французского ученого П.Куртена, согласно которому, условия внешней торговли Западной Африки (Сенегамбии) в 1680-1830 гг. улучшились более чем в 10 раз: индекс экспортных цен повысился в 1730 г. до 134, в 1780 до 521, в 1830 до 880, а индекс импортных цен составил соответственно 90, 110 и 86; 1680 г. = 100 [409, vol.3, p.569].

16. Расчет по Египту за 1885-1911 гг. базируется на взвешенных (по добавленной стоимости) оценках динамики сельскохозяйственного производства и физического объема экспорта; индекс “производства” в традиционных отраслях сферы услуг аппроксимирован динамикой численности населения. За 1913-1928 гг. использованы данные А.Махкука о национальном доходе в текущих ценах, дефлятированные по усредненному индексу цен (первый из имевшихся показателей — индекс стоимости жизни горожан — скорее всего завышает, а второй — индикатор роста оптовых цен, — на наш взгляд, занижает общий рост цен) [508, p.73, 87, 89].

17. Этот подсчет условен. Речь идет именно о потенциальном фонде, ибо не исключено, что, не будь этого оттока ресурсов из Индии, указанные средства (в силу бедности населения и/или его “высокой склонности к потреблению”) могли быть израсходованы на непроезжительные цели.

18. В силу крайней ограниченности соответствующей макроэкономической информации по большинству африканских стран ретроспективные расчеты по этому региону, сделанные П.Бэроком, имеют (как считает сам автор) сугубо вероятностный характер. По его оценкам, подушевой ВНП континента (без Южной Африки) увеличился примерно со 142 дол. (в ценах 1960 г.) в 1913 г. до 148 дол. в 1928 г., 158 — в 1938 г. и 183 дол. в 1950 г. [741, 1979, № 80, p.689].

Глава четвертая

1. Американская помощь, предоставленная западноевропейским странам по плану Маршалла в 1948-1951 гг., была эквивалентна примерно 3-4% ВНП США [21, p.886-889, 897; 504, p.70].

2. Анализируя особенности японской экономики в послевоенный период, канадский исследователь Л.Холлерман пришел к выводу о том, что ее быстрые темпы развития на 2/3 связаны с преходящими и на 1/3 — с одновременно действовавшими факторами [414, p.5].

3. Существует мнение, что высокого уровня конкурентоспособности и технологической оснащенности японская экономика достигла не благодаря, а скорее вопреки действиям МВТП [91, с.20].

4. В 1913-1950 гг. условия торговли для стран Запада в целом изменились к лучшему. При этом для Великобритании и США наиболее благоприятным периодом оказались 1913-1938 гг., когда в результате депрессии и сокращения внутреннего и внешнего спроса произошло существенное падение цен на сырьевые товары, поступавшие главным образом из периферийных стран.

5. Расчеты показывают, что, вопреки распространенным представлениям, вклад экспортрасширения в ускорение экономической динамики в странах Запада (и особенно Западной Европы) в 1950-1960-е гг. по сравнению с 1913-1950 гг. был, по-видимому, больше (в целом примерно 38-42%), чем в Японии (21-23%), в которой эффект увеличения внутреннего спроса играл весьма важную роль. В немалой мере это связано с тем, что в Японии, несмотря на рекордно высокие темпы роста физического объема экспорта, его доля в ВВП в послевоенный период (11-12%) хотя и превышала соответствующие показатели по США, в целом была в 1,5-2 раза ниже, чем в странах Западной Европы. Для ряда отраслей японской экономики (автомобилестроения, электроники и т.п.) экспортная квота составляет 45-55% [414, p.3].

6. Несмотря на значительное ускорение экономической динамики в 1950-1960-е гг., темпы снижения энергоемкости ВВП в силу указанных выше причин (прежде всего относительной дешевизны сырья и топлива) в ряде стран существенно замедлились.

7. По уточненным оценкам экспертов ООН, в конце 80-х — начале 90-х гг. доля занятых в третичном секторе составляла в Германии 66-67%, в Японии и Италии — 69-71, во Франции — 73-74, в Великобритании и США 77-79% [35, 1992, p.195].

8. Здесь учтены лишь некоторые из важнейших сдвигов на макроуровне и, возможно, недооценены в силу неразработанности аналитического аппарата интенсивные структурные подвижки на микроуровне (так называемый эффект “чисел Мики-Мауса”).

9. Без учета США — богатой природными и иными ресурсами переселенческой страны, осуществлявшей крупномасштабное инфраструктурное строительство, — соответствующие показатели (по данным о норме капиталовложений в текущих ценах, в постоянных ценах, в том числе без учета инвестиций в жилье) составили в период “промышленного рывка” (-)0,69-0,71; (-)0,70-0,72; (-)0,64-0,65. Этот подсчет по крупным ныне развитым странам Старого Света подтверждает выявленную выше тенденцию.

10. Расчеты и оценки носят ориентировочный характер в силу недостаточной разработанности методологии международных сопоставлений объемов и уровней физического капитала, несовершенства статистики инвестиций и соответствующих дефляторов.

11. Этот процесс связан с разнообразными обстоятельствами: повышением доли наемной рабочей силы в структуре самостоятельного населения, увеличением участия женщин в общественном производстве, ростом реальной заработной платы и всевозможных выплат по социальному обеспечению, относительным удорожанием труда (по отношению к капиталу, о чем упоминалось выше).

12. Следует, однако, заметить, что, во-первых, в последние десятилетия уровень доходов населения в целом существенно выше, а распределение доходов между основными социальными слоями населения намного более равномерное, чем в 20-30-е гг.; во-вторых, в послевоенный период в странах Запада и Японии значительно выросли масштабы социальной поддержки безработных.

13. Справедливости ради следует подчеркнуть, что по таким важным компонентам качества жизни, как жилищные условия и продолжительность рабочего года, Япония значительно отстает от многих стран Запада.

14. Приведенные расчеты ориентировочные. Они не в полной мере учитывают ряд обстоятельств. Во-первых, США и некоторые другие развитые страны увеличивают свой интеллектуальный потенциал за счет чистого притока умов из-за границы, в том числе из периферийных и полупериферийных государств. Во-вторых, ввиду неразработанности методологии, расчеты не скорректированы на реальное обесценение знаний, а также их прирост, связанный с расширением неформальных видов обучения (периодическим повышением квалификации рабочей силы на производстве, через средства массовой информации и иными, например, “электронными” способами — в результате повсеместного внедрения компьютерных технологий). В-третьих, при ретроспективных сопоставлениях не всегда делается поправка на интенсивность обучения. В США, например, число учебных дней в году увеличилось по сравнению с началом XIX в. по меньшей мере в 2,5 раза [611а, с.122-124].

15. Несмотря на определенный недоучет амортизационных и компенсационных расходов (прежде всего это относится к здравоохранению), обесценение определенной части полученных знаний, представляется, однако, что в целом происходит существенная недооценка не вещного производительного богатства, в том числе в его нетоварных формах, созданного учителями, врачами, учеными, а также (!) учащимися и студентами, активно формирующими свой человеческий капитал [120, с.54; 317, р.4; 445, р.51-70].

16. Сравнительно высокая роль учтенных нами интенсивных факторов во многом определялась экстремальными условиями (связанными, например, с войнами), диктовавшими необходимость максимального использования ограниченных (а временами существенно сокращавшихся) производственных ресурсов.

17. Не повторяя изложенный в статье [124а] материал, проиллюстрируем сказанное, опираясь на данные Прил. IV и гл. III. По нашим подсчетам, если на этапе досовременного экономического роста коэффициент флуктуации годовой динамики ВВП составлял в среднем по ряду крупных стран Востока и Юга (Индия, Индонезия, Бразилия, Мексика) 260-280%, то в период их современного экономического роста отмеченный индикатор сократился в целом в 3,5-4 раза (до 70-75%; при этом он не намного превышал средний показатель по шести крупным развитым странам в 1950-1993 гг. 65-70%). Вышеупомянутый индикатор оказался равен в Бразилии (1933-1993) 78-80, в Мексике (1940-1993) — 61-63, в Египте (1955-1993) — 65-67, в Индии (1957-1993) — 78-80, в Индонезии (1967-1993) — 33-35%, и лишь в КНР (1952-1993), которая в силу политических обстоятельств развивалась скачкообразно, он достигал 110-120%.

18. Средневзвешенная оценка по Бразилии, Мексике, Колумбии, КНР, Индии, Турции, Индонезии, Южной Корее и Тайваню (рассчитано по: [276, р.158-159; 653, р.153-155].

19. Коэффициент линейной парной корреляции, рассчитанный нами по 12 относительно динамичным крупным и средним странам третьего

мира (Бразилия, Мексика, Турция, Египет, КНР, Индия, Пакистан, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Южная Корея, Тайвань), за 1960-1993 гг. составил 0,75 (рассчитано по: [45, 1976; 1989-1990, 1994]).

20. В довоенный период в периферийных странах текущие вложения в образование и здравоохранение не превышали в среднем 0,8-1,5% их ВВП, а в 50-е гг. составили примерно 2,5-3,0% (рассчитано по: [3, p.128; 35, 1990, 1994; 264, vol.2, p.931; 437, p.72]).

21. Ее величина в третьем мире достигла к началу 1993 г. 1,5 трлн дол., а обслуживание долга — 200-220 млрд дол. в год [35, 1994, p.63].

22. В 1972-1982 гг. чистый приток финансовых ресурсов в развивающиеся страны составил 21 млрд дол. в год, в 1983-1990 гг. чистый отток ресурсов из периферии мирового хозяйства достигал 21,5 млрд дол. в год. В начале 90-х гг. чистый приток ресурсов на периферию возобновился, но более 80% всех частных инвестиций направлялось в НИС [35, 1992, p.50; 1994, p.63].

23. Если в развитых капиталистических странах условия торговли (соотношение индекса экспортных и импортных цен) улучшились в 80-х — начале 90-х гг. на 13-15%, то в развивающемся мире этот показатель в среднем понизился на 17-18% (рассчитано по: [12, 1990, p.139; 44, 1994, p.186-187]).

24. Есть исследования, в которых утверждается, что экономический рост НИС более затретен, чем об этом можно судить в первом (“модельном”) приближении, что, в частности, связано с большим (а в некоторых странах — растущим) потреблением человеко-часов (минут), основного капитала и других (обычно недоучитываемых) ресурсов — энергии, сырья и т.п. [23а, p.28; 451, p.55-61, 113-114; 460, p.71-73].

25. Рассчитано по данным и источникам к табл.59. Но даже эти цифры, возможно, занижены. Во-первых, недоучтено значительное распространение в развитых странах неформального образования и системы профподготовки и переподготовки на предприятиях, а также других видов инвестиций в человеческий фактор, реализуемых в нерабочее время. Во-вторых, не принята во внимание дифференциация в качестве обучения. Например, в Индии школьники и студенты усваивают не более 20-50% общеобразовательной и научной информации, которую получают учащиеся развитых стран [327, p.122; 422, p.102].

26. В XIX-XX вв. в ходе интенсивной модернизации западноевропейцы и японцы стремились по возможности сохранить и сберечь все ценное и полезное из своих социально-культурных традиций [447а, p.21, 23].

27. Если в промышленно развитых странах военные расходы в 1960-1991 гг. возросли в реальном выражении в 1,4-1,5 раза, то в развивающихся странах — в 4,9 раза. При этом в первой группе стран доля этих затрат в ВВП уменьшилась с 6,4 до 3,2% (или вдвое), а в развивающихся государствах — лишь с 4,2 до 3,5% их ВВП [35, 1994, p.137, 171, 175, 201].

28. Учитывая огромные объемы невостребованного и неэффективно используемого оборудования в развивающихся странах, нельзя, наверное, не согласиться с мнением японского исследователя Т.Аоки о том, что “образование и подготовка кадров важнее, чем трансферт технологии из индустриально развитых стран” [311, p.130].

Приложение 1. Оценка темпов доиндустриального роста Японии

В отличие от многих других стран Востока, в том числе Китая, Индии и Египта, которые, по нашим расчетам и оценкам (гл. II), в XI-XVIII вв. в целом не обнаружили тенденции к увеличению валового продукта на душу населения, Япония, судя по материалам ряда исследований, сумела добиться определенного экономического прогресса, в том числе роста подушевого ВВП, еще до реформ Мэйдзи и “промышленного рывка” конца XIX — начала XX в. Это было вызвано рядом причин.

Расположенная на периферии Евразии, вдали от основных “мест дислокации” кочевников, отделенная от потенциальных захватчиков морями и океаном, Япония на протяжении по меньшей мере 1200 лет (вплоть до середины XIX в.) не знала иностранных вторжений¹. Островной характер и горный ландшафт страны долгое время препятствовали созданию сильной централизованной административной системы² и способствовали возникновению и развитию независимых от всевластия государства княжеств и от-

¹ Как известно, японцы в XIII в. отбили несколько попыток вторжения на острова монголов, в XVII в. “закрыли” страну, предотвратив тем самым возможную европейскую колонизацию. По мнению ряда исследователей, опиумные войны, Крымская война, восстание сипаев в Индии на некоторое время отодвинули “открытие” страны западными державами, которое произошло в 1850-1860-е гг. [626, p.351].

² Унитарное бюрократическое государство с верховной императорской властью на землю, образовавшееся в результате реформ Тайка при существенном влиянии танской империи в Китае (середина VII в.), стало “рассыпаться” и феодализироваться с начала IX в. Нельзя не заметить некоторые общие черты и близкую временную корреляцию с аналогичными процессами в Западной Европе [72, т.1, с.434-438; 221, p.435].

носителю свободных городов, укреплению самостоятельности отдельных социальных слоев, например купцов и ремесленников. Отмеченные процессы были особенно характерны для периодов миномотского (1192-1333) и асикагского (1335-1573) сёгунатов, во время которых, по мнению ряда исследователей, частновладельческие тенденции значительно усиливались [68, т.2, с.599; 164, с.90; 409, vol.2, p.293; 675, p.8, 21].

Важно также подчеркнуть, что после окончания феодальных войн (конец XVI в.) Тоётоми Хидэёси объединил уже относительно развитые части страны, в которых определенного прогресса достигли сельское хозяйство, разнообразные ремесла, окрепли горизонтальные связи, расширилась сфера товарно-денежных отношений. Токугавский режим (1603-1867), бывший при всей своей жесткости, авторитарным, но не деспотическим, в целом не препятствовал созданию некоторых условий для экономического роста [439, p.53]. В эпоху Токугавов, характеризовавшуюся отсутствием войн, равно как и почти полной изоляцией страны от внешнего мира, завершился процесс консолидации нации, произошли постепенное объединение региональных рынков в единый рынок, унификация валюты и системы мер.

В результате длительной борьбы за свои права крестьяне в XVI — первой половине XIX в. платили в целом стабильные и относительно умеренные налоги, не превышавшие в среднем, по уточненным данным, 30-35% урожая, имели возможность свободно продавать излишки, получили немалую хозяйственную инициативу [436, p.353-354; 371-372; 499, p.5; 458, p.296-297; 619, p.69].

Хотя торговцы занимали сравнительно невысокое положение в социальной иерархии японского традиционного общества, они, в отличие от ряда других стран Азии, подвергались в целом меньшим притеснениям: по оценкам исследователей, выплачиваемые ими налоги были не очень высоки, а права собственности были, возможно, лучше защищены, чем во многих иных странах Востока. Отмеченные факторы, а также запрет, налагавшийся властями на покупку торговцами земли и потребление предметов роскоши, в немалой мере способствовали накоплению денежного и реального капитала, развитию и распространению протоиндустриальных форм хозяйства, включая создание различных, в том числе рассеянных, мануфактур [221, p.441, 452; 409, vol.2, p.294; 458, p.301; 686, p.91, 97-102]. Введение при токугавах системы “санкин котай”, при которой все князья — даймё раз в два года должны были проживать вместе со своим двором в столице Эдо, вызвало ослаб-

ление политического и экономического могущества князей и самураев, но благоприятствовало обогащению купцов и банкиров, развитию ремесел, транспорта и средств связи.

Говоря о традиционной Японии, нельзя не отметить феномен формирования уникальной духовной культуры, в том числе трудовой этики, восходящей корнями к конфуцианству и синтезировавшей многое ценное и полезное из духовных традиций дальневосточных народов. Органическое соединение синтоизма, рационалистического направления конфуцианства и дзэн-буддизма, по сути дела, представляло собой значительный сдвиг в системе ценностей [96, с.102, 201, ч.2, с.28, 104]. Сохраняя свою культурную идентичность, японцы постоянно приобретали и творчески адаптировали не только технические, но и духовные инновации других народов [660, р.45, 52; 687а, р.282]. На этой основе, а также в борьбе/взаимодействии с нестабильной и в целом не очень щедрой природой в ходе длительной исторической эволюции сформировался японский характер — стойкий, адаптивный, прагматичный [108, с.75, 108; 622а, р.237-238].

В этой связи необходимо упомянуть о специфической роли самураев (буси). Вместе с семьями они составляли не менее 5-6% населения Японии, тогда как правящая элита в традиционном Китае была примерно в 5 раз меньше. В токугавский период самураи были, как правило, лишены земли и находились на жалованьи у сёгуна и даймё. Руководствуясь жесткими принципами морального совершенствования везде и во всем, они в отмеченный период внесли немало ценного в развитие культуры, искусства, систему управления страной и отдельные виды предпринимательства [334, р.141; 477, р.21; 499, р.5].

Судя по более ранним оценкам, численность населения Японии увеличилась с 4-6 млн человек в X-XI вв. до 12 млн в конце XVI в.; по уточненным данным, этот показатель вырос с 7-9 млн до 18 млн человек [250, р.15; 286, р.64; 441, р.34; 646а, р.140]. Между тем, по расчетам американского исследователя К.Ямамуры, индекс обрабатываемых площадей, занятых под рисом, увеличился с 91,1 в 930 г. до 172,8 в 1600 г., 313,9 в 1720 г. и 322,4 — в 1874 г. (1450 г. = 100). По его данным, около 40% всех крупных ирригационных проектов, реализованных в 781-1867 гг., пришлось на 1550-1650 гг. За отмеченное столетие производство риса выросло более чем вдвое [436, р.334; 644а, р.62; 686, р.86-87].

Учитывая, что урожайность риса увеличилась, по имеющимся оценкам, в среднем с 12-13 центнеров с гектара в IX-XI вв. до

17-18 ц в середине XVII в., делая поправку на рост соотношения величины засеянных к обрабатываемым площадям (по аналогии с Китаем примерно на 1/3), а также принимая во внимание в целом более быстрый рост производства в ремеслах и торговле наряду с относительно медленной динамикой “производства” в услугах и некоторых других отраслях³, можно предположить в порядке первого приближения, что в Японии за первые 600-650 лет нынешнего тысячелетия валовой продукт на душу населения вырос по меньшей мере на 1/3 — 2/5.

Как показывают результаты ряда исследований, при Токугавах в целом существенно повысилась динамика экономического роста, особенно в первое столетие их правления. Заметим, однако, что начиная с XVIII в. экономический рост происходил в обстановке стагнации или резко замедлившись темпов повышения общей численности населения⁴. По мнению специалистов, в том числе Т.Смита и Д.Хоувелла, хозяйственный подъем был вызван интенсификацией труда, ростом капиталовложений, внедрением некоторых технических и технологических инноваций. Значительное развитие получила система ирригации, широко применялись органические удобрения, новые земледельческие культуры (хлопок, табак, сахарная свекла, арахис, маис), различные орудия труда, в

³ Оценка основана на динамике обрабатываемых площадей и численности населения, приведенных выше, а также на ретроспективных данных А.Л.Гальперина о нормах исчисления урожайности риса на средних по качеству землях (показатели, выраженные в коку риса с тана, скорректированы с учетом изменения величины тана в XVI-XVII вв. с 0,119 до 0,0991 гектара); на допущении о том, что темп роста “производства” в услугах соответствовал примерно темпу роста численности населения (в XI — середине XVII в. — 0,14-0,15% в год), а в ремеслах и торговле темп роста продукта был (по аналогии со странами Западной Европы XI-XVI-XVIII вв.) на 15-25% выше, чем в сельском хозяйстве (соответственно 0,19-0,21 и 0,23-0,24% в год). Веса (доли в валовом продукте) сельского хозяйства, ремесла и торговли, а также других отраслей, полученные ретрополяцией данных за 1873-1874 гг. с учетом оценок Р.Голдсмита по токугавскому периоду, составили на конец XVI — начало XVII в. соответственно 0,60-0,65; 0,15-0,25; 0,15-0,20 [15, p.222; 76, с.59, 122, 156; 270, p.199; 265, vol.5, p.613; 361, p.123-126; 409, vol.2, p.567].

⁴ По расчетам А.Хаями, население Японии с начала XVIII по начало XIX в. стабилизировалось на уровне 30-31 млн человек. В то же время ряд исследователей не исключает существенной региональной дифференциации в динамике народонаселения. В северо-восточной части страны, испытавшей последствия значительного похолодания, наступившего в XVIII в., численность населения сократилась. Судя по оценкам, в западной части Японии население в 1721-1846 гг. увеличивалось в среднем на 0,4% в год. Существенное снижение общих темпов роста населения было связано с ограничением рождаемости, распространением феномена инфантицида. По данным А.Жанет, в XVII-XVIII вв. в ряде регионов страны свыше 1/5 деревенских жителей практиковали безбрачие [434, p.9; 540, p.47-49; 670, p.9-10].

том числе “голландские” насосы; строились дороги, города; активизировался процесс protoиндустриализации [419, p.270; 618, p.139, 159]. По нашим подсчетам, основанным на данных Р.Голдсмита, в XVII-XVIII вв. разнообразные промыслы занимали не менее 1/5 рабочего времени крестьян.

Согласно расчетам японского ученого М.Юмемуры, в результате расширения обрабатываемых площадей, роста урожайности зерновых и других культур, диверсификации аграрного производства сельскохозяйственный продукт вырос в 1600-1700 гг. на 53-57%, в 1700-1830 гг. — на 28-30 и в 1830-1870 гг. на 17-18% [213а, p.59]. Если оценить рост производства в несельскохозяйственном секторе экономики по динамике численности городского населения (доля которого при критерии не менее 5 тыс. человек увеличилась в 1600-1870 гг. с 8-10 до 15-17%) [237, p.288, 375, 393] и взвесить показатели двух отмеченных секторов в пропорции 0,55-0,60-0,65 : 0,35-0,40-0,45, то полученный таким образом индикатор среднегодового темпа прироста валового продукта составит в 1600-1650/1820-1870 гг. примерно 0,33-0,37%, а в расчете на душу населения — не менее 0,1%, в том числе в XVII в. — 0,13-0,15%, в XVIII — начале XIX в. 0,05-0,10 и в 1830-1860-е гг. 0,10-0,15%. Приведенные оценки близки к данным американского исследователя С.Хэнли. Согласно ее расчетам, в Японии в 1645-1873 гг. среднегодовой темп прироста национального продукта в расчете на душу населения составил примерно 0,12% [361, p.289].

Подытоживая, отметим следующее. По нашим подсчетам и оценкам, Япония, отстававшая на рубеже I и II тысячелетий от Китая, некоторых других стран Дальнего Востока [113, с.54] и Индии по показателю подушевого дохода примерно вдвое, смогла благодаря ряду географических, социально-культурных и институциональных факторов [118а] еще в доиндустриальную эпоху достигнуть увеличения подушевого ВВП. К началу/первой половине XIX в. она, по-видимому, догнала отмеченные страны [265, vol.5, p.569-571], в которых на протяжении восьми столетий II тысячелетия уровень экономического развития в тенденции стагнировал, а в отдельные периоды снижался [гл.II]. При этом Япония заметно опередила их по некоторым компонентам человеческого фактора. По уточненным оценкам, в 1850-1860-е гг. показатель грамотности взрослого населения составил около 50%, в то время как в Китае он не превышал 1/4, а в Индии и Индонезии — 5-10%. Средняя продолжительность жизни в Японии была на уровне стран Запада (35-38 лет), в Китае составила 27-29, в Индии и Индонезии — 24-26 лет [гл.III; 265, vol.4, p.703-706; 479, p.118; 687, p.222-223].

Вместе с тем возросло отставание Японии от стран Западной Европы и США. По нашим подсчетам (в ценах и паритетах покупательной способности валют 1980 г.), разрыв в уровнях душевого дохода увеличился в среднем с 1:1,9 в 1800 г. до 1:3,2 в 1870 г., а по показателю среднего числа лет обучения взрослого населения — с 1:1,5 до 1:2,2 (табл.28).

Токугавский режим, способствовавший объединению страны, образованию единого национального рынка, обеспечил некоторые условия для относительно быстрого развития традиционной экономики и культуры. Однако вследствие проведения политики изоляционизма, сохранения многочисленных регламентаций и ограничений он в значительной мере сдерживал процесс хозяйственной модернизации, переход к современному экономическому росту, который начался вскоре после “Мэйдзи исин” в ходе осуществления ускоренной индустриализации.

**Приложение II. Основные макроэкономические показатели
крупных развитых стран**

**Таблица 1
Основные показатели экономического развития Великобритании¹**

Показатели	1700	1760	1780	1800	1840	1870	1913	1938	1950	1973	1980	1990	1993
Год													
1. Население, млн человек ²	8,2	10,3	11,8	14,4	24,5	29,2	42,6	47,5	50,4	56,2	56,3	57,4	57,8
2. Индекс сельскохозяйственного производства ³	27,0	38,7	39,7	46,0	73,3	105,0	100,0	111,5	140,1	248,7	276,0	301,0	295,3
3. Индекс промышленного производства ⁴	1,6	2,5	3,3	5,1	17,2	41,6	100,0	168,8	219,7	430,0	401,6	495,0	485,6
4. Индекс ВВП	5,0	7,5	8,6	11,2	24,8	48,0	100,0	130,1	160,2	317,7	340,5	428,9	419,5
5. Индекс физического объема экспорта	0,34	0,92	0,75	2,09	7,53	32,2	100,0	57,8	88,3	227,2	292,0	402,7	432,6
6. Индекс потребительских цен	62,9	59,8	69,6	138,4	118	109,2	100,0	158,1	296,9	825,6	2300	4210	4698
7. Индекс валовых вложений в основной капитал (без учета жилья)	5,1	7,4	27,9	46,8	100,0	228,3	285,1	851,6	857,7	1333	1229
8. Основной производственный капитал, по полной стоимости, млрд дол. 1985 г. ⁵	36,5	85,4	187,0	285	304,2	956,2	1197	1613	...
8.1. Здания и строения	32,2	72,8	139,8	163	156,3	462,9	599	844	...
8.2. Машины и оборудование	4,3	12,6	47,2	122	147,9	493,3	598	769	...
9. Основной производственный капитал по полной стоимости, млн ф. ст. ⁶	205	311	351	449	888	1971	4784
9.1. Здания и строения	...	262	291	361	678	1370	2846
9.2. Машины и оборудование	...	49	60	88	210	601	1938

1. Все данные, как правило, средние за соответствующие трехлетия. 2. В современных границах. 3. Здесь и далее 1913 г. = 100. 4. Включая строительство. 5. Без скота и некоторых других видов "традиционных" капитальных благ. 6. В ценах 1851-1860 гг. Получено суммированием двух индексов: в ценах 1851-1860 и 1900 г.
 Составлено и рассчитано по многим источникам. Здесь и далее указываются основные из них. Строки 1-4: 117, p.104, 214, 433-436, 837-841, 845, 847; 45, 1989-1990; 1992, 1994; 293, p.32, 44, 46; 433, p.19; 709, 1995, № 1-2, p.31-33, 481. Строки 5 и 6: 116, p.13, 23; 17, p.168, 518-519, 738; 45, 1983, 1994; 263, vol.6, pt.1, p.8; 709, 1995, № 1-2, p.31, 331. Строки 7, 8, 8.1, 8.2, 9, 9.1, 9.2: 117, p.837, 857; 45, 1994, p.688-689; 293, p.81; 507, p.40, 45-48; 629, p.450-451; 709, 1995, № 1-2, p.32].

Таблица 2
Основные показатели экономического развития Франции¹

Показатели	1700 ²	1760 ³	1780 ⁴	1810 ⁵	1820	1870	1913	1938	1950	1973	1980	1990	1993
1. Население, млн человек ⁶	21,1 ⁷	25,2 ⁸	28,2 ⁹	30,1 ¹⁰	31,4	38,3	41,7	42,0	41,8	52,1	53,7	56,4	57,5
2. Индекс сельскохозяйственного производства ¹¹	25,0	29,5	39,8	46,3	48,6	77,9	100,0	116,6	129,5	221,7	245,5	304,7	303,0
3. Индекс промышленного производства ¹²	4,75	...	8,5	9,7	13,0	38,6	100,0	139,5	182,4	791,9	839,6	931,7	888,0
4. Индекс ВВП	14,7	16,7	22,9	25,5	28,1	53,1	100,0	130,0	152,5	473,9	567,8	707,8	742,3
5. Индекс физического объема экспорта	1,4 ¹³	...	2,7 ¹⁴	2,7 ¹⁵	3,42	36,7	100,0	91,0	149,2	941,8	1373	2034	2244
6. Индекс потребительских цен	66,6	95,0	100,0	676,9	12487	294,5 ¹⁷	626,9	1152	1252
7. Индекс валовых вложений в основной капитал (без учета жилья)	12,4	17,1	15,6	40,1	100,0	108,1	173,9	819,9	890,8	1230,2	1161,4
8. Основной производственный капитал по полной стоимости, млрд дол. 1985 г. ¹⁶	201,4	304,8	287,0	934,2	1368	1932	...
8.1. Здания и сооружения	232,3	529,5	746	1092	...
8.2. Машины и оборудование	54,7	404,7	622	840	...
9. Основной производственный капитал по полной стоимости, млрд фр. 1850 г.	19,8	48,9	109,7
9.1. Здания и сооружения	13,4	33,7	71,5
9.2. Машины и оборудование	6,4	15,2	38,2

1. Все данные, как правило, средние за соответствующие трехлетия. 2. 1701-1710 гг. 3. 1751-1760 гг. 4. 1781-1790 гг. 5. 1803-1812 гг. 6. В современных границах. 7. 1700 г. 8. 1760 г. 9. 1790 г. 10. 1810 г. 11. 1913 г. = 100. 12. Включая строительство. 13. 1720 г. 14. 1787 г. 15. 1810 г. 16. Без скота и некоторых других видов "традиционных" капитальных благ. 17. 1949-1951 гг. = 100.

Составлено и рассчитано по: *Строки 1-4*[16, p.75; 18, p.193-204; 45, 1992, 1994; 325, p.134-136; 408, vol.3, p.67, 123; 647, p.99-121, 146-157], *Строки 5 и 6*[16, p.77; 45, 1994, p.270-277; 229, vol.1, p.55; 483, p.333-337]. *Строки 7, 8, 8.1, 8.2, 9, 9.1, 9.2*[19, p.70; 45, 1994, p.276-277; 317, p.6; 483, p.278, 289, 323-336; 507, p.18-19; 647, p.91].

Таблица 3
Основные показатели экономического развития Германии¹

Показатели	1780	1800	1830	1850	1870	1900	1913	1938	1950	1973	1980	1990	1993
1. Население, млн человек ²	20,3	22,5	28,0	33,7	39,2	53,8	64,3	68,6 46,4 ⁴	50,0	62,0	61,6	79,5 ⁴ 61,1	81,2
2. Индекс сельскохозяйственного производства ⁵	...	25,3	32,8	40,6	52,8	85,4	100,0	98,6	67,5	113,7	117,2	141,6	138,0
3. Индекс промышленного производства ⁶	6,7	9,4	19,7	58,9	100,0	177,0	160,8	818,3	884,7	1017	955,7
4. Индекс ВВП	10,8	12,3	15,9	20,3	30,8	67,0	100,0	152,0	139,1	526,1	609,4	749,6	805,0
5. Индекс физического объема экспорта	4,7	5,5	18,6	44,0	100,0	57,0	34,8	414,8	569,8	829,1	940,3
6. Индекс потребительских цен	63,0	56,8	77,4	83,5	100,0	123,7	207,6	365,7	506,5	657,7	736,4
7. Индекс валовых вложений в основной капитал (без учета жилья)	6,0	8,4	19,3	56,1	100,0	151,3	136,8	660,4	720,9	952,8	975,1
8. Основной производственный капитал, по полной стоимости, млрд дол. 1985 г. ⁸	419,7	370,7	1529	1972	2657	...
8.1. Знания и строения	341,7	282,6	1001	1314	1801	...
8.2. Машины и оборудование	78,0	88,1	528	658	856	...
9. Основной производственный капитал по полной стоимости, млрд мар. 1913 г.	16,6	17,0	...	32,97	48,6	107,0	161,4	187,7
9.1. Знания и сооружения	20,28	30,1	60,2	87,7	109,0
9.2. Машины и оборудование	6,39	10,6	36,4	60,8	65,2
9,3 Скот	6,30	7,9	10,4	12,9	13,5

1. Все данные, как правило, средние за соответствующие десятилетия. 2. Без Эльзаса и Лотарингии. 3. Западная Германия. 4. Объединенная Германия. 5. 1913 г. = 100. 6. Включая строительство. 7. 1840 г.; 8. Без скота и некоторых других видов "традиционных" капитальных благ. Расчет в границах Западной Германии. 9. Вся Германия без Эльзаса и Лотарингии.

Составлено и рассчитано по: Строчи 1-4: [18, p.193-204; 45, 1983, 1994; 402, s.24-25; 411, p.172-174, 454-455; 709, 1995, № 1-2, p.31, 42]. Строчи 5 и 6: [16, p.90; 45, 1983, 1994; 18, p.778-783; 411, s.530-531, 599-601; 709, 1995, № 1-2, p.31, 33]. Строчи 7, 8, 8.1, 8.2, 9, 9.1, 9.2, 9.3: [45, 1994, p.292-293; 263, vol.7, pt.1, p.427; 402, s.25; 411, s.2:29-230, 244-245; 253-258; 709, 1995, № 1-2, p.32].

Таблица 4
Основные показатели экономического развития Италии¹

Показатели	Год	1800	1820	1840	1860	1870	1890	1913	1938	1950	1973	1980	1990	1993
1. Население, млн человек ²		17,5	19,0	22,3	26,1	27,9	31,3	37,2	43,7	47,1	54,8	56,4	57,7	57,9
2. Индекс сельскохозяйственного производства ³		50,0	...	65,4	100,0	112,0	119,7	191,2	213,9	234,0	236,0
3. Индекс промышленного производства		31,0	39,7	49,7	100,0	169,6	220,0	1264	1795	2284	2234
4. Индекс ВВП		20,8	23,6	30,2	39,4	43,7	54,2	100,0	150,8	172,7	610,3	782,2	985,5	1011
5. Индекс физического объема экспорта		...	7,33	...	22,7	38,7	43,2	100,0	69,9	126,5	1290	1945	2924	3201
6. Индекс потребительских цен		77,3	79,7	86,8	100,0	483,0	23667	234,4 ⁵	708,5	1782	2079
7. Индекс валовых вложений в основной капитал		16,3 ⁴	25,4	32,9	100,0	155,7	172,9	760,7	787,7	967,2	894,3
8. Индекс основного производственного капитала по полной стоимости		57,0	100,0	189,4	221,4	699,1	890,8	1259	...
8.1. Здания и строения		74,5	100,0	163,3	191,2	582,4	720,8	927	...
8.2. Машины и оборудование		39,8	100,0	218,6	255,2	836,2	1099	1512	...

1. Все данные, как правило, средние за соответствующие тредлетия. 2. В современных границах. 3. 1913 г. = 100. 4. 1861 г. 5. 1949-1951 гг. = 100.

Составлено и рассчитано по: Строки 1-4: [18, p.193-204, 259-287; 7, vol.2, p.385-387; 45, 1983, 1994; 291, p.376-381; 559, p.525; 709, 1995, № 1-2, p.31, 42]. Строки 5 и 6: [16, p.103; 18, p.778-783; 45, 1994, p.364-365; 501, p.247-253; 709, 1995, № 1-2, p.31, 33]. Строки 7, 8, 8.1, 8.2: [16, p.99; 18, p.817-836; 45, 1994, p.364-365; 501, p.228; 709, 1995; № 1-2, p.32].

Таблица 5
Основные показатели экономического развития США¹

Показатели	Год	1774	1780	1800	1840	1870	1890	1913	1938	1950	1973	1980	1990	1993
1. Население, млн человек	2,4	2,8	5,4	17,2	40,1	63,3	97,6	130,5	152,3	211,9	227,8	250,0	257,0	
2. Индекс сельскохозяйственного производства ²	5,0	17,2	36,8	67,1	100,0	125,4	162,5	219,4	238,8	316,0	317,0	
3. Индекс промышленного производства ³	1,9	13,4	37,3	100,0	184,0	382,4	941,7	1040	1395	1459	
4. Индекс ВВП	0,574	0,43	1,1	5,7	19,8	43,6	100,0	165,7	290,3	653,4	759,2	991,6	1043	
5. Индекс физического объема экспорта	1,55	4,08	13,0	40,4	100,0	125,7	224,6	893,5	1400	2524	2987	
6. Индекс потребительских цен	172	104,3	128,0	91,0	100,0	142,0	248,0	449,0	828,9	1307	1450	
7. Индекс валовых вложений в основной капитал (без учета жилья)	3,4	16,2	42,6	100,0	104,6	206,3	513,5	594,3	752,0	840,2	
8. Основной производственный капитал, по полной стоимости, млрд дол. 1985 г. ⁴	543,6	1402	2396	2962	6145	7833	10472	...	
8.1. Здания и строения	460,8	1187	2043	2226	4354	5252	6690	...	
8.2. Машины и оборудование	82,8	215	353	736	1791	2581	3782	...	
9. Основной производственный капитал по полной стоимости, млрд дол. 1860 г.	0,96	3,48	11,18	34,19	
9.1. Здания и сооружения	2,92	9,00	22,71	
9.2. Машины и оборудование	0,56	2,18	11,48	

1. Все данные средние, как правило, за соответствующие трехлетия. 2. 1913 гг. = 100. 3. Обрабатывающая промышленность. 4. Без скота и некоторых других видов "традиционных" капиталных благ.

Составлено и рассчитано по: Строчки 1-4 [16, р.44; 21, р.50, 393-394; 45, 1989-1990, 1994; 215, р.22-24, 29; 299, р.155; 648, р.43, 266; 709, 1995, № 1-2, р.51, 42]. Строчки 5 и 6 [21, р.841-843; 16, р.42, 53; 45, 1994, р.63-67; 709, 1995, № 1-2, р.31-33]. Строчки 7, 8, 8.1, 8.2, 9, 9.1, 9.2 [45, 1994, р.692-693; 263, vol.7, pt.2, р.10, 31; 347, р.241; 492, р.186, 204; 709, 1995, № 1-2, р.32; 507, р.63-67].

Таблица 6
Основные показатели экономического развития Японии¹

Показатели	1820	1870	1885	1890	1900	1913	1938	1950	1973	1980	1990	1993
1. Население, млн человек	31,0	34,4	38,4	40,0	44,1	51,7	71,8	83,7	108,1	117,0	123,5	125,0
2. Индекс сельскохозяйственного производства ²	...	45,8 ³	62,5	69,0	81,5	100,0	133,0	107,0	255,4	221,7	236,0	227,0
3. Индекс промышленного производства ⁴	...	14,9 ³	20,5	28,9	50,9	100,0	477,0	293,2	5882	7443	12385	11874
4. Индекс ВВП	32,2	37,6	46,3	55,0	73,6	100,0	257,4	233,0	1771	2283	3471	3697
5. Индекс физического объема экспорта	...	3,0	9,5	13,2	29,3	100,0	588,3	210,1	5085	9997	19000	21332
6. Индекс потребительских цен	34,5	35,3	60,5	100,0	190,2	38434	278,5 ⁶	563,6	704,4	750,0
7. Индекс валовых вложений в основной капитал (без учета жилья)	15,1	23,2	40,5	100,0	380,6	320,5	5719	6610	11765	12084
8. Основной производственный капитал, по полной стоимости, млрд долл. 1985 г. ⁵	21,8	25,1	34,2	55,1	179,1	249,9	1888	3262	5774	...
8.1. Здания и строения	19,1	21,5	26,8	39,8	120,4	145,8	1256	2208	3818	...
8.2. Машины и оборудование	2,7	3,6	7,4	15,3	58,7	104,1	632	1054	1956	...
9. Основной производственный капитал по полной стоимости, млрд йен 1934-1936 г.	7,170	8,030	10,40	17,17	51,39
9.1. Здания и строения	5,046	5,678	7,08	10,53	28,12
9.2. Скот и насаждения	1,583	1,646	1,83	2,31	4,07
9.3. Машины и оборудование	0,541	0,706	1,49	4,33	19,20

1. Все данные средние, как правило, за соответствующие десятилетия. 2. 1913 г. = 100. 3. 1874 г. 4. Включая строительство. 5. Без скота и некоторых других видов "традиционных" капиталных благ. 6. 1949-1951 гг. = 100.

Составлено и рассчитано по: Строки 1-4[561, р.278-280; 282, 298-301; 16, р.114; 45, 1983, р.238; 1994, р.372-373]. Строки 5 и 6[561, р.256-258, 387-389; 16, р.116; 45, 1983, р.238; 1994, р.372-373; 709, 1995, № 1-2, р.31, 33]. Строки 7, 8, 8.1, 8.2, 9, 9.1, 9.2, 9.3[45, 1994, р.372-373; 507, р.28-31; 561, р.366-368; 709, 1995, №1-2, р.32].

Приложение III
Основные макроэкономические показатели
крупных развивающихся стран
Таблица 1
Основные показатели экономического развития Китая¹

Показатель	Год	Середина XI в.	1800	1870	1900	1913	1938	1950	1973	1980	1990	1993
1. Население, млн человек		90-100	320-330	340-350	400	430	516	547	882	981	1134	1180
2. Индекс сельскохозяйственного производства ²		27-32	77-81	73-75	90	93,7	115,5	100,0	195,7	221,2	389,0	424,4
3. Индекс промышленного производства		...	34-38	31-33	50	56,5	110,3	100,0	754,2	1261	3331	4832
4. Индекс ВВП		21-26	61-64	57-59	74	81,7	111,6	100,0	287,1	390,7	828,0	1058
5. Индекс физического объема экспорта		18-20	36,4	66,3	38,0	100,0	184,5	286,3	1783	2717
6. Индекс потребительских цен		100,0	131,0	146,0	281,2	375,4
7. Индекс валовых вложений в основной капитал ⁴		10-11 ³	13,5	20,0	44,1	31,0	333,0	554,1	1537	2398
8. Индекс основного капитала по полной стоимости		100,0	442,0	665,7	1576	2262

1. Все данные средние, взятые, как правило, за соответствующие трехлетия. 2. 1950 г. = 100. 3. 1890 г. 4. 1953 г. = 100.

Составлено и рассчитано по: Строчи 1-4[143, 1993, p.110; 45, 1994, p.204-205; 270, p.89, 93, 199, 215-216; 278, p.129; 509, p.53, 61, 71; 570, p.17, 27, 212; 591, p.272, 280, 322, 330-331, 334-335; 634, p.37, 39, 43, 111, 156, 168; 684, p.72-73, 80]. Строчи 5-6:[43, 1990, p.113; 1993, p.110; 45, 1994, p.204-205; 246, p.7; 504, p.153-154; 570, p.130]. Строчи 7 и 8:[45, 1994, p.204-205; 246, p.66; 277a, p.79; 278, p.134; 278a, p.483; 504, p.86, 97; 571, p.89-90; 591, p.262].

Таблица 2
Основные показатели экономического развития Индии¹

Показатель	Год	1600	1800	1870	1900	1913	1938	1950	1973	1980	1990	1993
1. Население, млн человек	Середина XI в.	140-150	180-200	255	283,4	303,6	376,1	440,7 359,9	579,0	674,0	826,3	880,3
2. Индекс сельскохозяйственного производства ²	...	37-41	45-49	56,0	68,5	80,7	92,0	100,0	170,4	193,6	268,4	287,8
3. Индекс промышленного производства	31,7	41,3	57,7	92,4	100,0	339,7	461,1	937,1	1026,4
4. Индекс ВВП	16-20	32-35	38-40	46,3	59,0	70,4	91,7	100,0	214,7	272,5	462,6	515,0
5. Индекс физического объема экспорта	59,3	104,3	172,7	140,0	100,0	176,3	275,0	490,9	570,0
6. Индекс потребительских цен	20,0	24,5	32,0	33,6	100,0	293,2	488,9	1131	1531
7. Индекс валовых вложений в основной капитал	22,9	43,7	61,2	82,4	100,0	378,6	500,5	846,8	830,0
8. Индекс остаточной стоимости основного капитала	22,3	40,6	61,1	90,6	100,0	296,8	415,7	825,7	...

1. Все данные, как правило, за соответствующие трехлетия. 2. 1950 г. = 100. 3. Без Пакистана и Бангладеш за 1950-1993 гг.
Составлено и рассчитано по: Строчи 1-4[45, 1983, р.84; 1994, р.344-345; 285, р.207; 264, vol.1, р.163-169, 220, 225, 464; 309, р.57, 76; 361, р.99, 102; 404, р.394, 397-399, 402, 488, 519; 536, р.65-66, 82, 90-92, 305, 398, 400-405]. Строчи 5 и 6[20, 1982, р.679-683; 45, 1983, 1994; 264, vol.2, р.833-839, 903-904; 356, р.5-6, 59, 69]. Строчи 7 и 8[45, 1983, 1994; 258, р. 141; 356, р. 10, 19, 79, 125, 139, 156; 603, р.511].

Таблица 3
Основные показатели экономического развития Египта¹

Показатель	Год	Середина XI в.	1800	1885	1900	1913	1938	1950	1973	1980	1990	1993
1. Население, млн человек		4,0-5,0	3,7-3,9	8,2	10,2	12,3	16,1	20,5	35,4	42,3	54,4	58,8
2. Индекс сельскохозяйственного производства ²		...	12-14	43,2	70,3	80,9	102,5	100,0	168,2	195,4	250,0	277,0
3. Индекс промышленного производства		45,8	100,0	342,2	532,0	840,2	867,5
4. Индекс ВВП		16-19	9-10	27,3	48,6	53,4	74,5	100,0	232,8	369,2	561,8	595,9
5. Индекс физического объема экспорта		54,7	...	101,5	91,4	100,0	142,9	274,4	402,8	453,0
6. Индекс потребительских цен		...	4,5-5,0	12,0	17,8	26,5	34,7	100,0	160,6	349,8	1700	2593
7. Индекс валовых вложений в основной капитал		18 ³	33,0	35,0	71,0	100,0	356,0	1100	1162	850
8. Индекс остаточной стоимости основного капитала		14,6 ³	26,2	43,9	82,9	100,0	265,7	502,1	969,4	1063

1. Все данные средние, взятые, как правило, за соответствующие десятилетия. 2. 1950 г. = 100. 3. 1882 г. Составлено и рассчитано по: *Строки 1-4*(45, 1994, р.248-249; 66, с.210, 217-230, 257-258; 180, с.328-329, 384-391, 396; 224, р.12, 92, 458-466, 509, 521; 328, р.117,422-423; 426а, р.361-366, 377, 451; 429, р.94, 132; 496, р.42, 83-87, 245; 508, р.87-89; 518, р.16, 20, 33-34; 519, р.227; 587, р.149; 236; 609, р.319, 324, 347, 357). *Строки 5 и 6*(45, 1994, р.249; 390, р.453; 429, р.187; 496, р.214; 537, р.339-348). *Строки 7 и 8*(45, 1983, 1994; 579а, р.116; 587, р.94-95, 98, 99, 118-120).

Таблица 4
Основные показатели экономического развития Индонезии¹

Показатель	Год	1780	1820	1870	1900	1913	1938	1950	1973	1980	1990	1993
1. Население, млн человек	...	15,2	16,4	26,5	43,3	49,7	68,1	79,1	124,3	147,3	182,8	192,3
2. Индекс сельскохозяйственного производства ²	42,1 ³	56,5	73,8	108,8	100,0	190,8	251,5	363,0	396,0
3. Индекс промышленного производства	23,7 ³	32,8	44,5	90,9	100,0	192,2	317,0	953,8	1190
4. Индекс ВВП	...	15,4	16,9	29,1	50,5	71,1	113,2	100,0	237,8	358,9	666,1	803,9
5. Индекс физического объема экспорта	1,9	10,5	29,4	48,8	118,3	100,0	423,9	567,7	698,9	1063
6. Индекс потребительских цен	6,8	100,0	51993	173137	407105	524089
7. Индекс валовых капиталовложений	100,0	456,1	1251	1930	2140
8. Индекс остаточной стоимости основного капитала	100,0	390,4	959,0	1741	2020

1. Все данные средние, взятые, как правило, за соответствующие десятилетия. 2. 1950 г. = 100. 3. 1880 г.
Составлено и рассчитано по: *Строки 1-4* [20, p.43; 45, 1992, 1994; 503, p.655; 655, p.366-370]. *Строки 5 и 6* [20, p.679-688; 12, 1990, p.416-417; 45, 1983, 1989, 1994; 423, p.273; 656a, p.288]. *Строки 7 и 8* [45, 1983, 1989, 1994].

Таблица 5
Основные показатели экономического развития Бразилии¹

Показатель	1800	1822	1850	1870	1900	1913	1938	1950	1973	1980	1990	1993
Год												
1. Население, млн человек	3,3	4,64	7,2	9,8	17,3	23,7	39,5	51,9	99,8	118,5	150,4	159,4
2. Индекс сельскохозяйственного производства ²	27,6	37,1	85,6	100,0	220,8	305,8	401,4	427,3
3. Индекс промышленного производства	2,5	5,9	13,0	40,1	100,0	698,7	1087,5	1195,0	1256,0
4. Индекс ВВП	2,9	4,3	5,4	9,4	14,1	22,2	58,3	100,0	450,8	688,2	852,2	897,5
5. Индекс физического объема экспорта	...	3,3	14,0	20,7	36,1	49,0	117,4	100,0	285,2	497,9	866,7	1023,0
6. Индекс потребительских цен	1,5	2,8	6,9	7,1	23,7	100,0	24000	15704 ³	380013 ⁴	1348 ⁵
7. Индекс валовых капиталовложений	23,0	52,8	100,0	822,0	1191	977	908
8. Индекс остаточной стоимости основного капитала	40,0	65,8	100,0	386,8	735,8	1086	1121

1. Все данные средние за соответствующие десятилетия. 2. 1950 г. = 100. 3. 1972-1974 гг. = 100. 4. 1979-1981 гг. = 1. 5. 1989-1991 гг. = 1. Составлено и рассчитано по: Строчи 1-4[2, 1985, p.60; 21, p.395-396, 898, 900; 24, 1983, p.300; 45, 1983, 1994; 360, p.22-23, 82-83, 147, 224, 286; 410, p.116-117, 418; 478, vol.1, p.33; 520, p.481; 530, p.23; 729, 1994, № 10, p.51. Строчи 5 и 6[45, 1989, 1994; 360, p.30-31, 91, 110-111, 158, 180, 280, 330; 478, vol.1, p.80]. Строчи 7 и 8[45, 1983, 1994; 331, p.221-223; 360, p.154; 412, p.383-386].

Таблица 6
Основные показатели экономического развития Мексики¹

Показатель	1800	1877	1900	1910	1938	1950	1973	1980	1990	1993
1. Население, млн человек	5,8	10,1	13,6	15,2	20,2	28,3	58,3	70,4	86,2	91,2
2. Индекс сельскохозяйственного производства ²	...	44,5	54,7	69,1	65,4	100,0	246,9	311,2	331,6	336,2
3. Индекс промышленного производства	...	7,4	13,6	19,5	44,1	100,0	589,3	931,5	1124,6	1175,2
4. Индекс ВВП	11,2	15,6	27,7	38,3	52,2	100,0	433,1	670,0	782,0	840,4
5. Индекс физического объема экспорта	5,7 ³	17,3	66,1	103,4	92,9	100,0	357,5	590,5	1197,7	1289,3
6. Индекс потребительских цен	27,1	100,0	329,2	1255,3	182156	283253
7. Индекс валовых капиталовложений	20,2	100,0	506,1	899,6	797,1	1084,0
8. Индекс остаточной стоимости основного капитала	82,3	100,0	393,8	667,3	897,0	1020,0

1. Все данные средние, как правило, за соответствующие трехлетия.

2. 1950 г. = 100.

3. 1820 г.

Составлено и рассчитано по:

Строки 1-4[13, р.126-127; 21, р.889, 894; 25, р.57, 89; 45, 1983, 1994; 493, р.6; 592, р.21-22, 161, 371-373, 403].

Строки 5 и 6[21, р.843; 45, 1983, 1994; 262а, р.301; 504, р.153-154; 592, р.21].

Строки 7 и 8[13, р.126-127; 45, 1994, р.456-457; 331, р.221-223; 592, р.350-352; 593, р.6; 412, р.383-386].

Приложение IV

Историческая динамика погодных темпов прироста ВВП

Таблица 1
Динамика годового изменения ВВП Великобритании, %¹

Год Десятилетие	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1830	...	4,5	-1,4	1,4	4,3	5,1	1,9	-0,7	5,5	4,4
1840	-2,8	-3,6	-0,7	3,1	5,4	5,3	6,8	-2,5	3,2	1,5
1850	-1,7	4,4	2,0	2,9	1,7	1,4	4,2	1,2	-1,5	6,7
1860	-0,6	4,1	0,3	4,5	1,7	5,0	0,9	0,0	3,3	2,1
1870	8,2	2,2	-0,6	1,4	6,0	-0,6	0,0	-1,0	5,9	-5,8
1880	12,0	-2,2	0,9	5,6	0,4	-1,6	1,2	3,1	1,0	3,1
1890	1,5	1,8	-0,4	-1,9	7,7	1,9	4,5	-1,8	6,7	6,7
1900	-3,5	7,0	-1,4	-1,0	2,0	3,2	0,1	0,5	-2,0	3,0
1910	1,8	3,7	-0,9	5,8	1,0	8,0	2,2	0,9	0,6	-10,9
1920	-6,0	-8,1	5,2	3,2	4,1	4,9	-3,7	8,0	1,2	2,9
1930	-0,7	-5,1	0,8	2,9	6,6	3,9	4,5	3,5	1,2	1,0
1940	10,0	9,1	2,5	2,2	-3,9	-4,4	-4,3	-1,5	3,2	3,7
1950	3,2	3,6	-0,2	4,6	3,8	3,3	1,6	2,0	0,2	4,0
1960	6,1	3,3	1,0	3,8	5,4	2,5	1,8	2,3	4,1	2,1
1970	2,2	3,0	4,4	8,7	0,3	-1,0	2,4	1,0	3,6	1,2
1980	-3,2	-1,3	1,7	3,7	2,3	3,7	4,1	4,8	4,3	2,1
1990	0,5	-2,2	-0,9	1,4						

1. Данные таблиц Приложения IV рассчитаны по источникам к таблицам Приложения II и Приложения III. Все показатели округлены.

Таблица 2
Динамика годового изменения ВВП Франции, %

Год \ Десятилетие	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1820	...	8,1	-3,8	4,6	2,4	-4,3	3,1	-0,3	1,0	3,0
1830	-1,0	2,0	6,4	-1,2	0,9	3,0	-0,9	2,4	4,3	-1,7
1840	5,9	1,6	-1,8	4,5	3,1	-3,2	-0,3	11,3	-5,1	1,7
1850	1,2	-1,4	5,5	-5,9	5,3	-2,3	3,7	6,8	4,7	-7,1
1860	7,6	-5,3	8,7	3,7	0,2	-2,1	1,7	-5,5	9,6	2,4
1870	-7,3	0,1	10,7	-6,3	12,3	3,1	-6,3	3,3	-1,2	-5,2
1880	6,9	4,5	4,0	-1,0	-1,5	-1,4	0,3	0,9	1,8	0,0
1890	2,9	2,3	2,6	0,0	3,8	-3,4	3,9	-1,9	5,7	4,8
1900	1,8	-3,3	-2,2	3,1	1,5	1,7	0,7	1,5	3,6	2,8
1910	-4,3	7,2	8,0	-0,8	-7,1	-2,0	5,1	-15,3	-21,1	17,8
1920	15,7	-4,1	18,0	5,2	12,5	0,4	2,6	-2,1	7,0	6,8
1930	-2,1	-6,0	-6,5	7,1	-4,8	-2,5	3,8	5,8	-3,8	7,2
1940	-17,5	-20,9	-10,4	-5,0	-15,5	8,4	52,1	8,4	7,3	13,6
1950	7,5	6,2	2,7	2,9	4,9	5,7	5,1	6,0	2,5	2,9
1960	7,0	5,5	6,7	5,4	6,5	4,8	5,2	4,7	4,3	7,0
1970	5,7	4,6	4,2	5,7	4,3	0,0	3,8	4,2	3,0	2,6
1980	1,6	1,2	2,3	0,8	1,5	1,8	2,4	2,2	4,3	3,8
1990	2,4	1,9	1,8	-0,8	1,6					

Таблица 3
Динамика годового изменения ВВП Германии, %

Год \ Десятилетие	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1850	...	-0,5	2,0	-0,5	2,4	-1,4	8,2	4,9	-0,4	0,4
1860	6,0	-2,4	-4,9	7,5	2,9	0,4	0,7	0,4	5,9	0,7
1870	-0,3	-0,7	7,0	4,3	7,4	0,6	-0,5	-0,6	4,7	-2,4
1880	-0,8	2,5	1,6	5,5	2,5	2,4	0,7	4,0	4,1	2,8
1890	3,2	-0,2	4,1	4,9	2,4	4,8	3,5	2,9	4,3	3,6
1900	4,3	-2,3	2,4	5,6	4,0	2,1	3,0	4,4	1,7	2,0
1910	3,6	3,4	4,4	4,5	-14,8	-5,0	1,0	0,0	0,2	-11,8
1920	8,7	11,3	8,8	-16,9	17,1	11,2	2,8	10,0	4,4	-0,4
1930	-1,4	-7,6	-7,5	6,3	9,1	7,5	8,8	10,8	10,2	8,0
1940	0,7	6,4	1,4	2,0	2,6	-30,0	-42,9	22,8	18,5	16,5
1950	14,4	10,4	8,8	8,3	7,7	12,1	7,2	5,6	3,6	7,4
1960	8,9	4,6	4,7	2,8	6,7	5,5	2,9	-0,1	4,2	8,8
1970	5,2	2,7	4,2	5,1	0,8	-1,5	5,5	3,0	2,7	4,0
1980	1,4	0,2	-0,9	1,6	2,8	1,9	2,2	1,4	3,7	3,4
1990	5,7	4,6	1,5	-1,9	0,8					

Таблица 4
Динамика годового изменения ВВП Италии, %

Десятилетие \ Год	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1860	3,0	-2,0	3,0	2,7	4,7	-8,3	4,4	1,2
1870	1,6	1,1	-1,6	3,9	0,0	2,9	-1,9	0,0	1,3	1,3
1880	4,7	-6,7	10,1	-0,4	0,8	2,0	4,5	2,8	-0,4	-4,4
1890	6,5	-0,5	7,1	-7,8	-1,3	1,5	2,8	-4,5	9,0	2,2
1900	5,7	6,3	-2,7	4,8	0,9	5,7	3,7	11,3	2,4	7,8
1910	-3,7	6,5	0,8	4,3	-0,1	11,9	12,2	4,7	1,5	-16,7
1920	-8,7	-1,5	5,1	6,1	1,0	6,6	1,1	-2,2	7,2	3,3
1930	-5,0	-0,6	3,2	-0,6	0,4	9,6	0,1	6,9	0,7	7,3
1940	0,6	-1,2	-1,2	-9,4	-18,8	-21,7	30,9	17,5	5,7	7,4
1950	8,1	7,5	7,5	7,2	5,2	5,8	4,5	5,9	5,3	6,2
1960	5,6	8,3	7,8	7,1	3,9	2,2	5,2	7,1	8,4	5,7
1970	2,2	2,2	3,8	7,4	5,8	-0,9	5,7	3,0	4,2	6,7
1980	3,4	0,6	0,2	1,0	2,7	2,6	2,9	3,1	4,1	2,9
1990	2,2	1,4	1,1	-0,7	1,5					

Таблица 5
Динамика годового изменения ВВП США, %

Год Десятилетие	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1840	...	1,2	2,0	2,6	7,7	5,6	6,3	4,0	12,0	-0,1
1850	7,7	7,5	6,0	9,1	1,8	1,7	3,4	-7,4	9,3	4,2
1860	-1,9	-6,8	-3,7	2,7	-8,9	5,6	11,5	6,5	6,1	9,9
1870	7,7	4,6	0,0	9,2	-0,5	5,1	1,3	3,0	4,2	12,6
1880	11,9	3,5	6,2	2,3	2,0	0,6	3,1	4,6	-0,5	6,2
1890	1,5	4,3	9,7	-4,8	-2,9	12,1	-2,0	9,5	2,1	9,1
1900	2,7	11,2	1,0	4,9	-1,3	7,4	11,5	1,5	-8,1	12,2
1910	1,0	3,3	4,7	4,0	-7,7	2,8	13,8	-2,5	9,0	0,9
1920	-0,9	-2,3	5,5	13,2	3,1	2,3	6,5	1,0	1,1	6,1
1930	-9,5	-8,3	-13,4	-2,0	7,8	8,0	14,2	4,9	-4,6	7,9
1940	8,0	17,6	18,9	18,2	8,2	-1,9	-19,1	-2,9	3,8	0,1
1950	8,5	10,3	3,9	4,1	-1,4	5,5	2,0	1,6	-0,6	5,9
1960	1,9	2,8	5,3	4,3	5,9	5,9	5,1	2,3	4,2	2,9
1970	-0,1	2,4	5,2	5,1	-0,6	-0,9	4,9	4,9	4,7	2,5
1980	-0,2	1,9	-2,2	3,5	6,1	3,0	2,6	3,0	3,9	2,6
1990	0,8	-1,2	2,6	3,0	3,0					

Таблица 6
Динамика годового изменения ВВП Японии, %

Десятилетие \ Год	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1880	8,5	4,2	-4,4	5,3
1890	9,1	-4,8	6,7	0,3	11,9	1,4	-5,4	2,1	19,1	-7,4
1900	4,2	3,5	-5,1	7,0	0,7	-1,6	13,1	3,2	0,7	-0,2
1910	1,6	5,4	3,6	1,6	-3,0	9,3	15,5	3,4	1,0	10,2
1920	-6,2	11,0	-0,3	0,1	2,8	4,1	0,9	1,4	8,1	3,2
1930	-7,3	0,9	8,4	9,8	0,2	2,7	7,3	4,8	6,7	15,8
1940	2,9	1,4	-0,4	1,2	-4,3	-50,0	8,7	8,0	14,9	6,7
1950	10,3	12,5	11,6	7,4	5,7	8,6	7,5	7,3	5,8	9,1
1960	13,1	12,0	8,9	8,5	11,7	5,8	10,6	11,1	12,9	12,5
1970	10,7	4,3	8,5	7,8	-0,3	2,9	4,6	4,8	5,2	4,7
1980	4,8	3,6	3,2	2,7	4,3	5,0	2,6	4,1	6,2	4,7
1990	4,8	4,0	1,4	0,1	0,9					

Таблица 7
Динамика годового изменения ВВП Китая (КНР)¹, %

Десятилетие \ Год	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1950	11,1	4,2	6,4	10,1	3,7	14,5	2,1
1960	-5,0	-23,6	-4,3	10,2	14,5	14,4	14,6	-4,4	-5,3	14,1
1970	17,1	6,2	2,6	8,4	1,0	7,4	-2,7	7,5	12,5	6,9
1980	4,7	6,2	8,1	10,6	13,6	14,9	8,1	10,9	11,5	3,0
1990	3,5	7,2	12,0	12,3						

1. В отличие от табл. 1 Приложения III здесь представлены в основном официальные и "полуофициальные" оценки изменения ВВП, которые, ввиду нехватки детализированной информации, не удалось скорректировать на "годовом" уровне.

Таблица 8
Динамика годового изменения ВВП Индии, %

Десятилетие \ Год	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1880	3,8	-2,5	5,2	1,6	-2,1
1890	5,3	-9,2	8,0	2,5	1,5	-2,5	-7,4	18,3	0,2	-7,8
1900	3,5	-0,7	9,6	1,5	0,2	-2,2	2,7	-6,7	0,9	15,4
1910	2,4	-0,2	-1,1	-3,4	3,9	2,3	4,4	-1,7	-14,8	15,0
1920	-10,6	11,5	5,2	-1,4	4,6	0,6	1,3	0,7	1,5	4,8
1930	-1,4	-0,5	0,3	-0,1	1,7	-0,2	3,8	0,1	-0,3	2,8
1940	0,3	0,5	1,3	0,7	4,9	2,3	-3,4	2,5	-4,8	1,8
1950	0,3	6,9	-1,0	6,5	2,5	3,2	5,5	-2,2	8,5	1,6
1960	6,9	3,3	2,7	5,5	7,5	-4,3	1,2	8,2	2,7	6,5
1970	5,8	2,3	-0,8	3,6	0,1	9,0	1,3	7,5	5,5	-5,2
1980	7,0	6,1	3,1	7,4	3,7	5,4	4,5	4,9	9,8	5,0
1990	5,5	2,0	4,0	3,8						

Таблица 9
Динамика годового изменения ВВП Египта, %

Десятилетие \ Год	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1940	3,4	3,0	11,2	5,0
1950	0,7	2,4	2,8	-2,0	0,1	1,6	3,4	2,6	6,2	6,2
1960	6,1	4,1	5,2	8,1	6,2	6,2	1,4	0,3	2,4	6,5
1970	5,3	3,6	2,3	1,4	3,9	10,1	15,4	13,1	7,7	7,9
1980	10,8	4,0	10,7	7,7	6,1	6,6	2,6	2,5	3,9	3,0
1990	2,5	2,3	0,3	1,0						

Таблица 10
Динамика годового изменения ВВП Индонезии, %

Десятилетие \ Год	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1880	...	7,1	-3,5	-1,2	10,2	0,9	-0,7	1,3	0,7	0,5
1890	-1,4	2,6	4,0	2,8	1,2	1,7	-0,1	1,4	1,4	6,4
1900	3,7	-1,9	-1,3	4,7	1,8	1,1	3,5	2,0	0,3	5,4
1910	7,4	5,7	1,3	5,1	-0,6	-0,4	2,4	-0,1	3,2	7,2
1920	2,0	-0,2	2,0	1,3	5,8	3,1	5,7	6,1	4,1	1,1
1930	0,1	-4,9	-2,9	-1,8	-1,5	2,5	5,6	8,5	-0,3	-0,3
1940	7,9	6,6	-18,8	-19,3	-21,2	-11,8	3,9	15,8	17,1	11,1
1950	10,1	6,1	7,0	3,1	6,7	-0,8	3,6	1,1	2,4	4,9
1960	3,5	4,8	-0,8	-2,7	3,6	0,3	-0,3	-3,8	5,4	6,0
1970	7,8	3,6	7,6	13,0	5,3	1,8	8,0	4,9	8,3	6,8
1980	10,2	8,1	1,9	8,4	6,8	4,8	6,0	5,7	7,1	7,4
1990	7,0	6,7	6,3	7,2						

Таблица 11
Динамика годового изменения ВВП Бразилии, %

Год / Десятилетие	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1850	...	8,5	-1,1	-4,9	-1,7	2,4	5,4	8,3	8,3	0,6
1860	4,5	0,6	-3,5	3,9	2,8	9,4	5,0	10,1	1,4	1,4
1870	-5,7	1,7	5,1	-1,2	3,3	3,7	-2,0	-0,9	6,8	2,6
1880	-2,7	2,7	4,2	-0,8	8,9	-5,5	2,2	-1,7	-2,0	2,8
1890	11,7	8,6	-11,2	-12,8	2,3	21,5	-7,2	0,8	5,0	0,4
1900	-1,2	11,8	7,0	0,4	0,3	2,5	4,6	13,9	-9,9	10,5
1910	7,3	0,4	10,6	1,6	1,2	-1,2	4,4	5,6	1,9	5,9
1920	10,1	1,9	7,8	8,5	1,5	0,0	5,1	10,9	11,4	1,1
1930	-2,1	-3,3	4,3	8,9	6,8	2,8	9,1	2,6	4,1	2,8
1940	1,0	5,0	-2,8	5,8	4,6	3,5	5,0	2,4	7,4	6,6
1950	6,5	5,9	8,7	2,5	10,1	6,9	3,2	8,1	7,7	3,0
1960	12,5	10,3	5,2	1,6	2,9	2,7	3,8	4,9	11,2	9,9
1970	8,8	13,2	11,7	13,5	9,7	5,2	9,8	4,6	3,2	6,8
1980	9,1	-4,4	0,6	-3,4	5,4	7,9	8,4	3,3	-0,3	3,3
1990	-4,6	0,4	-0,9	5,0	5,0					

Таблица 12
Динамика годового изменения ВВП Мексика, %

Год \ Десятилетие	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1890	3,1	6,7	5,8	-4,9
1900	0,8	8,6	-7,1	11,2	1,8	10,4	-1,1	5,9	-0,2	2,9
1910	0,9
1920	2,3	3,4	-1,6	6,2	-3,1	8,5	1,8	-3,3
1930	-6,8	3,7	-16,2	10,7	6,6	5,1	10,4	3,4	1,8	5,3
1940	-0,3	14,8	5,6	3,6	7,6	6,3	7,3	3,7	1,5	9,8
1950	9,4	7,5	3,0	5,4	5,4	7,9	5,3	7,5	4,6	4,3
1960	7,5	4,9	4,7	8,0	11,7	6,5	6,9	6,3	8,1	6,3
1970	6,9	4,2	8,5	8,4	6,1	5,6	4,2	3,4	8,2	9,2
1980	8,4	8,7	-0,6	-4,2	3,7	2,7	-4,1	2,0	1,3	3,4
1990	4,5	3,6	2,6	1,1						

Приложение V

Динамика структуры совокупного производительного капитала развитых стран

Таблица 1
Изменение структуры совокупного производительного капитала
Великобритании, %

Показатели \ Год	1950	1973	1990
1. Земля и используемые недра	4,3	5,2	7,8
2. Физические воспроизводимые активы	13,3	17,5	18,9
2.1. Здания и сооружения	5,8	8,2	10,3
2.2. Орудия труда	4,3	6,7	7,3
2.3. Скот	3,2	2,6	1,3
2.4. Товарно-материальные запасы			
3. Человеческий капитал	82,4	77,3	73,3
3.1. "Вещественный"	71,3	57,9	50,6
3.2. "Невещественный"	11,1	19,4	22,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

Примечания. 1. Рассчитано методом инвентаризации различных категорий капитальных и текущих расходов, без учета жилья, военного имущества, финансовых активов. Исходные данные Р.Голдсмита о материальном богатстве дополнены нашими оценками о человеческом капитале по методу Дж.Кендрика. 2. Человеческий "вещественный" капитал - оценка капитализированных потребительских расходов на формирование рабочей силы (без учета затрат на образование и здравоохранение). 3. Человеческий "невещественный" капитал — оценка капитализированных расходов на образование, профподготовку, охрану здоровья, а также текущих затрат на НИОКР. 4. Кумулированные показатели в неизменных ценах пересчитаны в текущие цены — соответственно 1950, 1973 и 1990 г. Таблицы 1-6 рассчитаны по: [359, p.232-233, 215-216, 225-226, 249-251, 300-301, 254-256], а также по данным и источникам к Приложению II.

Таблица 2
Изменение структуры совокупного производительного капитала Франции, %

Показатели \ Год	1950	1973	1990
1. Земля и используемые недра	5,5	8,5	6,2
2. Физические воспроизводимые активы	11,6	17,0	21,8
2.1. Здания и сооружения	4,9	8,0	12,4
2.2. Орудия труда	3,9	5,7	8,5
2.3. Скот	0,3	0,4	0,3
2.4. Товарно-материальные запасы	2,5	2,9	0,6
3. Человеческий капитал	82,9	74,5	72,0
3.1. "Вещественный"	72,8	53,3	44,6
3.2. "Невещественный"	10,1	21,2	27,4
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица 3
Изменение структуры совокупного производительного капитала Германии, %

Показатели \ Год	1950	1973	1990
1. Земля и используемые недра	7,8	9,4	7,8
2. Физические воспроизводимые активы	13,8	20,7	19,4
2.1. Здания и сооружения	7,1	12,5	12,1
2.2. Орудия труда	4,0	5,9	5,6
2.3. Скот	0,7	0,2	0,1
2.4. Товарно-материальные запасы	2,0	2,1	1,6
3. Человеческий капитал	78,4	69,9	72,8
3.1. "Вещественный"	66,8	47,2	47,4
3.2. "Невещественный"	11,6	22,7	25,4
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица 4
Изменение структуры совокупного производительного капитала Италии, %

Показатели \ Год	1950	1973	1990
1. Земля и используемые недра	11,3	9,0	6,3
2. Физические воспроизводимые активы	16,5	19,1	23,7
2.1. Здания и сооружения	8,4	9,4	12,1
2.2. Орудия труда	5,0	6,0	8,7
2.3. Скот	0,5	0,3	0,1
2.4. Товарно-материальные запасы	2,6	3,4	2,8
3. Человеческий капитал	72,2	71,9	70,0
3.1. "Вещественный"	64,3	54,1	48,6
3.2. "Невещественный"	7,9	17,8	21,4
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица 5
Изменение структуры совокупного производительного капитала США, %

Показатели \ Год	1950	1973	1990
1. Земля и используемые недра	6,7	8,5	5,9
2. Физические воспроизводимые активы	14,6	16,2	13,9
2.1. Здания и сооружения	7,8	9,0	7,7
2.2. Орудия труда	3,6	4,0	4,6
2.3. Скот	0,6	0,3	0,2
2.4. Товарно-материальные запасы	2,6	2,9	1,4
3. Человеческий капитал	78,7	75,3	80,2
3.1. "Вещественный"	64,7	50,4	49,9
3.2. "Невещественный"	14,0	24,9	30,3
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица 6
Изменение структуры совокупного производительного капитала Японии, %

Показатели \ Год	1950	1973	1990
1. Земля и используемые недра	20,8	24,2	11,1
2. Физические воспроизводимые активы	8,7	15,6	27,4
2.1. Здания и сооружения	3,0	8,4	17,1
2.2. Орудия труда	2,2	4,3	8,5
2.3. Скот	3,5	2,9	1,8
2.4. Товарно-материальные запасы			
3. Человеческий капитал	70,5	60,2	61,5
3.1. "Вещественный"	57,4	41,0	35,5
3.2. "Невещественный"	13,1	19,2	26,0
Всего	100,0	100,0	100,0

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Документы международных организаций, справочно-статистические материалы

1. *Болотин Б.М. Шейнис В.Л.* Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справочно-статистического исследования. М., 1988.
2. Anuário Estatístico do Brazil, Rio de Janeiro, 1985, 1993.
3. Brazil. A Handbook of Historical Statistics. Boston, 1985.
4. China's Economic Dilemmas in the 1990s Ed. by Joint Committee, Congress of the United States. Wash., 1992.
5. The Economic Report of the President. 1993; 1994. Wash.
6. L'Etat du monde. 1991-1993.
- 6a. European Economy. Annual Economic Report for 1993. Bruxelles, 1993.
7. *Flora P.* State, Economy and Society in Western Europe, 1815-1975. A Data Handbook. Vol.1,2. Frankfurt, 1987.
8. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1961.
- 8a. International Historical Statistics. Vol.1. Bruxelles, 1968.
9. ILO. Economically Active Population. Estimates and Projections. 1950-2025. Geneva, 1986. Vol.I,II,V.
10. ILO. World Labour Report. 1992-1994. Geneva.
11. ILO. Yearbook of Labour Statistics, 1966-1993. Geneva.
12. IMF. International Financial Statistics Yearbook. 1988-1993. Wash.
13. IMF. Supplement on Output Statistics. Wash., 1984.
14. IMF. World Economic Outlook. Wash., 1993.
15. Kodansha Encyclopedia of Japan. Vol.6. Tokyo, 1983.
16. *Liesner T.* Economic Statistics, 1900-1983. L., 1985.
17. *Mitchell B.R.* British Historical Statistics. Cambridge, 1988.
18. *Mitchell B.R.* European Historical Statistics, 1750-1975. N.Y., 1981.
19. *Mitchell B.R.* The Fontana Economic History of Europe. Vol.4. Statistical Appendix, 1700-1914. L., 1971.
20. *Mitchell B.R.* International Historical Statistics: Africa and Asia. L., 1982.
21. *Mitchell B.R.* International Historical Statistics. The Americas and Australasia. L., 1983.
22. National Bank of Egypt. Economic Bulletin, 1985-1993. Cairo.
23. OECD. Measurement of Value Added at Constant Prices in Service Activities. P., 1987.
- 23a. OECD Surveys. Korea, 1993-1994. P., 1994.
24. Statistical Abstract of Latin America, 1983, 1993. Los Angeles.
25. Statistics on the Mexican Economy. Mexico, 1966.
26. SIPRI Yearbook. 1989; 1993. Oxford.
27. UN. Demographic Yearbook. Historical Supplement. N.Y., 1979.

28. UN. Handbook of International Trade and Development Statistics. 1972-1993. N.Y.
29. UN. Handbook of World Development Statistics, 1980. N.Y., 1981.
30. UN. Monthly Bulletin of Statistics. N.Y.
31. UN. National Accounts Statistics: Main Aggregates and Detailed Tables. 1985; 1990. N.Y.
32. UN. Statistical Commission. International Comparison of GDP in Europe. Geneva, 1994.
33. UN. World Comparisons of Real Gross Domestic Product and Purchasing Power, 1985. Phase V of the International Comparison Programme. N.Y., 1994.
34. UNCTAD. Trade and Development Report, 1985-1994. N.Y.
35. UNDP. Human Development Report. 1990-1994. N.Y.
36. UNESCO. Statistical Yearbook. 1966-1993. P.
37. UNESCO. World Education Report, 1993. P., 1993.
38. UNESCO. World Science Report, 1993. P., 1993.
39. UNIDO. China. Towards Sustainable Industrial Growth. Vienna, 1991.
40. UN.WB.IMF.OECD. System of National Accounts, 1993. N.Y., 1993.
41. World Bank. China. Economic Structure in International Perspective. Annex 5, Wash., 1985.
42. World Bank. Social Indicators of Development. Baltimore, 1993.
43. World Bank. Trends in Developing Economies, 1990, 1993. Wash.
44. World Bank. World Development Report. 1982-1995. Wash.
45. World Bank. World Tables. 1983; 1992; 1994. Baltimore.
46. World Resources, 1988-1989; 1990-1991. N.Y.

II. Исследовательская литература

47. *Абрамс Р.М.* К вопросу об изучении истории индустриализации//Экономическая история. Исследования, историография, поиски. М., 1992.
48. *Аваков Р.М.* Развивающиеся страны: научно-техническая революция и проблема независимости. М., 1976.
49. *Акимов А.В.* Мировое население: взгляд в будущее. М., 1992.
50. *Алаев Л.Б.* Темп и ритм индийской цивилизации//Цивилизации. 1992, Вып.1.
51. *Александров Ю.Г.* Аграрное перенаселение в странах Востока. М., 1988.
52. Американская экономика: человек, научно-технический прогресс и предпринимательство. М., 1993.
53. *Андреанов В.Д.* Новые индустриальные страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1989.
54. *Анчишкин А.И.* Наука. Техника. Экономика. М., 1986.
55. *Арабаджян А.З.* Отраслевая структура экономики развивающихся стран. М., 1984.
56. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. М., 1993.
57. *Ацамба Ф.М.* Высшее мусульманское духовенство Египта в конце

- XVIII — начале XIX века: Социальные функции. Экономические позиции//Вестн. Моск.ун-та. Сер.Востоковедение. 1992. № 4.
58. *Аирафян К.З.* К вопросу о “восточном деспотизме”//Феномен восточного деспотизма. М., 1993.
 59. *Бабинцева Н.С.* Индустриализация в развивающихся странах. Л., 1982.
 60. *Барабанов М.В.* Изменение структур конечного общественного продукта главных капиталистических стран. М., 1976.
 61. *Барышева А.В.* Человеческий потенциал как основа национального экономического успеха//Общественные науки и современность. 1994. № 1.
 62. *Белокреницкий В.Я.* Капитализм в Пакистане. М., 1988.
 63. *Бессмертных Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1991.
 64. *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов в китайской империи//Феномен восточного деспотизма. М., 1993.
 65. *Болотин Б.М., Громов Л.М., Четыркин Е.М.* Эффективность капиталистической экономики. М., 1990.
 66. *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984.
 67. *Брагина Е.А.* Развивающиеся страны: государственная политика и промышленность. М., 1977.
 68. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII. Т.1-3. М., 1986, 1989, 1992.
 69. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993.
 70. *Бурачас А.И.* Моделирование личных расходов в развитых капиталистических странах. М., 1975.
 71. *Ванина Е.Ю.* Средневековое городское ремесло Индии, XIII-XVIII вв. М., 1991.
 72. *Васильев Л.С.* История Востока. Т.1,2. М., 1993.
 73. *Васильчук Ю.А.* “Дорогой человек” эпохи НТР//МЭ и МО. 1991. № 11.
 74. *Видясова М.Ф.* Социальные структуры доколониального Магриба. М., 1987.
 75. *Галич З.Н.* К сравнительной характеристике базисных структур Европы и Азии в канун промышленной революции//Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
 76. *Гальперин А.Л.* Очерки социально-политической истории Японии. М., 1963.
 77. *Гельвановский М.В., Трофимова И.* Экология и ресурсосбережение: наши проблемы и зарубежный опыт//МЭ и МО. 1991. № 12.
 78. *Город в формационном развитии стран Востока.* М., 1990.
 79. *Грановский А.Е.* Накопление и экономический рост в Индии. М., 1983.
 80. *Грановский А.Е.* Экономический рост в странах Южной Азии. М., 1988.

81. *Гребнев Л.С.* Между историей и наукой: к анализу проблем причинности в экономике//Вопр. экон. 1994. № 4.
82. *Гриликес Ц.* Тайны производительности и расходы на исследования и разработки //Экон. и матем. методы. 1989. №2.
83. *Гуревич Н.М.* Некоторые вопросы демографической и экономической истории Западной Азии в средние века//Зарубежный Восток: вопросы экономической истории. М., 1986.
84. *Гутнова Е.В., Удальцова З.В.* К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе//Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.
85. *Демиденко Е.З.* Теория и практика моделирования экономики. М., 1986.
86. *Денисон Э.* Исследование различий в темпах экономического роста. М., 1971.
87. *Дикарев А.Д.* Некоторые проблемы роста и учета населения в эпоху Цин//Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. М., 1991.
88. *Динкевич А.И.* Темпы и факторы экономического роста//Стратегия социально-экономического развития освободившихся стран Азии. М., 1986.
89. *Динкевич А.И.* Экономический кризис 80-х годов и перспективы развития освободившихся государств//Освободившиеся страны Азии: тенденции экономического развития. М., 1987.
90. Долгосрочное планирование и прогнозирование. М., 1975.
91. *Дынкин А.А.* Научно-технический прогресс в рыночной среде//МЭ и МО. 1993. № 10.
92. *Друкер П.Ф.* Новые реальности. М., 1994.
93. *Еремеев Д.Е.* Почему Восток отстал от Запада//Азия и Африка сегодня. 1989. № 7, 9, 11.
94. *Жуков С.В.* Развивающиеся страны: сфера услуг и экономический рост. М., 1991.
95. *Журов Ю.В.* Средняя продолжительность жизни человека как критерий прогресса в историческом развитии//Новая и новейшая история. 1994. № 4-5.
96. *Загорский А.В.* Япония и Китай. Пути общественного развития в оценке японской историографии. М., 1991.
97. *Зайцев В.К.* Система национальных счетов и государственное программирование в Японии. М., 1984.
98. *Зарин В.А.* Запад и Восток в мировой истории, XIV-XIX вв. М., 1991.
99. *Зубов В.М.* Как измеряется производительность труда в США. М., 1990.
100. *Иванов Н.А.* Упадок Востока и установление мировой гегемонии Европы//Восток. 1994. № 4.
101. *Илюшечкин В.П.* Развитие производительных сил и общественного

- производства в древнем и средневековом Китае//Производительные силы и социальные проблемы старого Китая. М., 1984.
102. История Европы. Т.2. Средневековая Европа. М., 1992.
103. *Караваяев А.П.* Капитализм в Бразилии. М., 1987.
104. *Кендрик Д.* Тенденции производительности в США. М., 1967.
105. *Кендрик Д.* Совокупный капитал США и его формирование. М., 1978.
106. *Киреев Н.Г.* Развитие капитализма в Турции. М., 1982.
107. *Колонтаев А.П.* Проблема занятости в развивающейся экономике. М., 1988.
108. *Корнилов М.Н.* Япония, Восток и Запад//Культурное наследие, преемственность и перемены. Вып.2. М., 1991.
109. Крупные развивающиеся страны в социально-экономических структурах современного мира. М., 1990.
110. *Кудров В.М.* Вступительная статья//Дэнисон Э. Исследование различий в темпах экономического роста. М., 1971.
111. *Кудров В.М.* Темпы и пропорции общественного производства в США//Соревнование двух систем. М., 1986.
112. *Кузищин В.И.* Очерки по истории земледелия Италии. М., 1966.
113. *Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М.* История Японии. М., 1988.
114. *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М., 1990.
115. *Кульпин Э.С.* Традиционный Восток: факторы стабильности//Феномен восточного деспотизма. М., 1993.
116. *Лапина З.Г.* Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.
117. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
118. *Макаренко В.В.* Географическая среда в формационном развитии Запада и Востока//Ориентация-поиск. Восток в теориях и гипотезах. М., 1992.
- 118а. *Макаренко В.В.* Стадиальная характеристика и тенденция внутрорегионального развития японского общества накануне революции Мэйдзи//Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
119. *Маляров О.В.* Противоречия капиталистической трансформации колониальной социально-экономической структуры и стратегии социально-экономического развития (на примере Индии)//Развивающиеся страны: противоречия экономического роста. М., 1986.
120. *Марцинкевич В.И.* США: человеческий фактор и эффективность экономики. М., 1991.
121. *Мейер М.С.* Особенности экономической жизни городов Османской империи в XVI-XVIII вв.//Зарубежный Восток: вопросы экономической истории города. М., 1990.
122. *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927-1949). М., 1977.
123. *Мельянцева В.А.* Экономический рост стран Магриба. М., 1984.

124. *Мельянцеv В.А.* Некоторые вопросы измерения и сравнения макроэкономических индикаторов развивающихся стран//МЭ и МО. 1989. № 9.
- 124а. *Мельянцеv В.А.* Особенности ли особенности экономического роста развивающихся стран?//Народы Азии и Африки. 1990. № 4.
125. *Мельянцеv В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: уровни, темпы и факторы экономического развития//Восток. 1991. № 6.
126. *Мельянцеv В.А.* Экономическая модернизация развивающихся стран: тенденции, факторы, социальные последствия//Восток. 1993. № 1.
127. *Мельянцеv В.А.* Экономическая динамика стран Востока в средние века и новое время//Вестн. Моск. ун-та. Сер.Востоковедение. 1993. № 3.
128. *Мельянцеv В.А.* Доиндустриальный рост стран Запада: темпы, факторы, итоги и межцивилизационные сопоставления//Востоковедные историко-экономические чтения памяти В.И.Павлова. М., 1993.
129. *Мельянцеv В.А.* Экономический рост ведущих стран Запада и Японии в период промышленного переворота//Вестн. Моск. ун-та. Сер.Востоковедение. 1994. № 2.
130. *Мельянцеv В.А.* Россия, крупные страны Востока и Запада: контуры долговременного экономического развития//Вестн. Моск. ун-та. Сер.Востоковедение. 1995. № 2.
131. *Моисеев П.П.* Турецкая Республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне. М., 1994.
132. *Моисеев П.П.* Чему учит турецкий опыт?//Азия и Африка сегодня. 1994. № 2.
133. *Моргенштерн О.* О точности экономико-статистических наблюдений. М., 1968.
134. *Мугрузин А.С.* Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая//Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
135. *Наумов И.Н.* Проблема формирования и подъема уровня жизни населения КНР. М., 1993.
136. Научно-технический прогресс в рыночной экономике 90-х годов. Ч.1,2. М., 1994.
137. *Непомнин О.Е.* Социально-экономическая история Китая. М., 1980.
138. *Непомнин О.Е.; Меньшиков В.Б.* Китай: синтез традиционного и современного//Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
139. *Никитин С.М., Шпаковская Е.Л.* Индексы цен и продукции в капиталистических странах. М., 1981.
140. *Нуреев Р.М.* Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе, 1989.

141. *Оппенлендер К.* Технический прогресс. Воздействие, оценки, результаты. М., 1981.
142. Опыт экономических реформ в развивающихся странах. М., 1992.
143. *Осадчая И.М.* Консерватизм против реформизма. М., 1984.
144. *Осипов Ю.М.* "Третий мир": инфляция и экономический рост. М., 1975.
145. *Осипов Ю.М.* Развивающиеся страны: финансирование развития и инфляция. М., 1978.
146. Особенности процесса накопления в развитых капиталистических странах. М., 1978.
147. *Паалов В.И.* К стадияльно-формационной характеристике восточных обществ в новое время//Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б. и др. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
148. *Панпэ Я.Ш.* Малоразмерные макроэкономические модели экономического роста и научно-технического прогресса. М., 1992.
149. *Певзнер Я.А.* Государство в экономике Японии. М., 1976.
150. *Петров А.М.* Восток и Запад: экономические контакты как отражение разнотемповости развития//Азия и Африка сегодня. 1982. № 12.
151. *Петров А.М.* Поиск нового подхода к проблеме азиатского способа производства//Проблемы экономической истории капитализма. М., 1989.
152. *Петров А.М.* Великий шелковый путь. М., 1995.
153. *Писарев А.А.* Общественный строй традиционного Китая: взгляды отечественных историков и ученых КНР//Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 3.
154. *Полетаев А.В., Савельева И.М.* Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М., 1993.
155. Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983.
156. *Рамзес В.Б.* Личное потребление в Японии. М., 1985.
157. *Растянных В.Г.* Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973.
158. *Растянных В.Г.* Развивающиеся страны: продовольствие и политика. М., 1978.
159. *Рейснер Л.И.* Развивающиеся страны: очерк теорий экономического роста. М., 1976.
160. *Розалиев Ю.Н.* Проблема многовариантности развития капитализма//Проблемы экономической истории капитализма. М., 1989.
161. *Рымалов В.В.* Структурные изменения в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1978.
162. *Сванидзе А.А.* Производительные силы общества Западной Европы в V-XV вв.//История средних веков. Т.1. М., 1990.
163. *Симомян Н.А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975.

164. *Симонова-Гудзенко Е.К.* История древней и средневековой Японии. М., 1989.
165. *Смилянская И.М.* Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени. М., 1979.
166. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. I-III. М., 1992.
- 166а. *Соколов В.И.* Природопользование в США и Канаде: экономические аспекты. М., 1990.
167. *Солоницкий А.С., Эльянов А.Я.* Мировое хозяйство: долгожданная консолидация или углубление структурного кризиса//МЭ и МО. 1994. № 1,2.
168. *Студенский П.* Доход наций. М., 1968.
169. *Суворов Н.В.* Обобщающие показатели ресурсоемкости в народнохозяйственных прогнозах. М., 1990.
170. *Сухарчук Г.Д.* Китай и Европа в дотехногенную эру. Социально-естественные параметры развития//Двадцать пятая научная конференция "Общество и государство в Китае". М., 1994.
171. США: измерение экономического роста. М., 1976.
172. *Сюй Дисинь.* Экологические проблемы Китая. М., 1990.
173. Типология несоциалистических стран. М., 1976.
174. *Тихомиров Н.П.* Социально-экономические проблемы защиты природы. М., 1992.
175. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М., 1991.
176. *Тюльпанов С.И.* Очерки политической экономии. Развивающиеся страны. М., 1969.
177. *Уляхин В.Н.* Научно-технический прогресс: азиатский вариант. М., 1992.
178. Уровни и тенденции развития главных капиталистических стран. М., 1977.
179. *Фридман Л.А.* Капиталистическое развитие Египта (1882-1939). М., 1963.
180. *Фридман Л.А.* Египет 1882-1952: социально-экономическая структура деревни. М., 1973.
181. *Фридман Л.А.* Урбанизация, безработица и неполная занятость в развивающихся странах Азии и Африки//Вестн. Моск. ун-та. Сер. Востоковедение. 1978. № 2.
182. *Фурсов А.И.* Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта//200 лет Великой французской революции. М., 1989.
183. *Фурсов А.И.* Великая тайна Запада: формационное и цивилизационное в становлении европейского исторического субъекта//Европа: новые судьбы старого континента. Ч.1. М., 1992.
184. Цивилизационный процесс и социальные итоги развития США. М., 1993.
185. *Чешков М.А.* Осмысление мироцелостности: новая оппозиция идей или их сближение//МЭ и МО. 1995. № 2.

186. *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. М., 1924.
187. *Чистозвонов А.Н.* Развитие производительных сил в западноевропейских странах в XVI — первой половине XVII в.//История средних веков. Т.2. М., 1991.
188. *Чичеров А.И.* Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием. М., 1965.
189. *Чуфрин Г.И., Курзанов В.И., Шабалина Г.С.* Наука и техника в странах АСЕАН. М., 1990.
190. *Шейнис В.Л.* Экономический рост, социальные процессы и дифференциация развивающихся стран. Дис. ... д-ра экон.наук. [Рукопись]. М., 1981.
191. *Шейнис В.Л.* Социальные изменения в развивающихся странах. Взгляд в исторической ретроспективе//Азия и Африка сегодня. 1983. № 3.
192. *Шенаев В.Н.* Западная Европа в мировом хозяйстве//МЭ и МО. 1993. № 2.
193. *Широков Г.К.* Промышленная революция в странах Востока. М., 1981.
194. *Широков Г.К.* Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1987.
195. *Шмелев Н.П.* Проблемы экономического роста развивающихся стран. М., 1970.
196. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
197. *Эльянов А.Я.* Развивающиеся страны: проблемы экономического роста и рынок. М., 1976.
198. *Эльянов А.Я., Карагодин Н.А.* Как лечить большую экономику//Азия и Африка сегодня. 1992. № 10.
199. *Энтов Р.М.* Эволюция буржуазной теории цикла: новые тенденции//Проблемы экономических циклов и кризисов в буржуазной экономической науке. М., 1988.
200. *Яковец Ю.В.* История цивилизаций. М., 1995.
201. Япония в сравнительных социокультурных исследованиях. Ч.2. М., 1990.
202. Япония: смена модели экономического роста. М., 1990.
203. Японская экономика в преддверии XXI века. М., 1991.
204. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель. Вып.1. М., 1991.
205. *Яшкин В.А.* Проблемы воспроизводства в освободившихся странах и стратегия развития. Дис. ... д-ра экон.наук. [Рукопись]. М., 1982.
206. *Яшкин В.А., Черевик Е.Д.* Планирование экономического роста в развивающихся странах. М., 1986.
207. *Abel W.* Agrarian Fluctuations in Europe. From the Thirteenth to the Twentieth Centuries. L., 1980.
208. *Abramovitz M.* Thinking about Growth. Cambridge, 1989.

209. *Abramovitz M.* The Search for the Sources of Growth//The Journal of Economic History. Vol.53. 1993. № 2.
210. *Abu-Lughod J.* Before European Hegemony. N.Y., 1989.
211. *Adelman I., Morris C.T.* Economic Growth and Social Equity in Developing Countries. Stanford, 1973.
212. *Adelman I., Morris C.T.* Comparative Patterns of Economic Development, 1850-1914. Baltimore, 1988.
213. *Adshead S.A.M.* Central Asia in World History. L., 1993.
- 213a. The Advanced Industrial Societies in Disarray. Tokyo, 1989.
214. *Al-Hasan A.Y., Hill D.R.* Science and Techniques in Islam. P., 1991.
215. American Economic Growth. N.Y., 1972.
216. *Amin S.* Le Maghreb moderne. P., 1970.
217. *Amin S.* L'eurocentrisme. P., 1988.
218. *Amsden A.H.* Asia's Next Giant. N.Y., 1989.
219. *Anderson J.L.* Explaining Long-Term Economic Change. L., 1991.
220. *Anderson P.* Passages from Antiquity to Feudalism. L., 1974.
221. *Anderson P.* Lineages of the Absolutist State. L., 1975.
222. *Andersson E.* The Food of China. New Haven, 1988.
223. *Arndt H.W.* Economic Development. L., 1987.
224. *Ashtor E.* Histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval. P., 1969.
225. *Ashtor E.* A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. Berkeley, 1976.
226. *Ashtor E.* Uderdevelopment in Pre-industrial Era//The Journal of European Economic History. 1978. Vol.7. № 2-3.
227. *Ashtor E.* The Factors of Technological and Industrial Progress in the Later Middle Ages//The Journal of European Economic History. 1989. Vol.18. № 1.
228. *Asselain J.-Cl.* Histoire économique. De la révolution industrielle à la première guerre mondiale. P., 1985.
229. *Asselain J.-Cl.* Histoire économique de la France du XVIIIe siècle à nos jours. P., 1984.
230. *Astill G., Grant A.* The Countryside of Medieval England. Oxford, 1992.
231. *Baark E., Jamison A., eds.* Technological Development in China, India and Japan. N.Y., 1986.
232. *Bailey M.J.* The Mismeasurement of Economic Growth. San Francisco, 1991.
233. *Bairam E.* Learning-by-Doing, Variable Elasticity of Substitution and Economic Growth in Japan, 1878-1939//The Journal of Development Studies. 1989. № 3.
234. *Bairoch P.* Le Tiers-Monde dans l'impasse. Editions I-III. P., 1971, 1983, 1992.
235. *Bairoch P.* Estimations du revenu national dans les sociétés occidentales pré-industrielles et au dix-neuvième siècle//Revue économique. 1977. № 2.

236. *Bairoch P.* International Industrialization Levels from 1750 to 1980//The Journal of European Economic History. 1982. Vol.11. № 2.
237. *Bairoch P.* De Jéricho à Mexico. Villes et Economies dans l'Histoire. P., 1985.
238. *Bairoch P.* Economics and World History. N.Y., 1993.
239. *Bairoch P.* Révolution industrielle et sousdéveloppement. P., 1964.
240. *Barthe M.A.* L'économie cachée. P., 1988.
241. *Batou J.* L'industrialisation de la périphérie non-européenne, 1700-1870//Between Development and Underdevelopment. Genève, 1991.
242. *Baumol W.-J.* Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive//Journal of Political Economy. 1990. Vol.98. № 5.
243. *Baumol W.J., Blackman S.A.B., Wolff E.N.* Productivity and American Leadership. The Long View. Cambridge, 1991.
244. *Beenstock M.* Saving, Investment and Growth in the Industrialized Countries//World Saving, Prosperity and Growth.L., 1993.
245. *Behari M., Behari B.* Indian Economy Since Independence. Delhi, 1983.
246. *Bell M.W., Khor H.E., Kochar K.* China at the Threshold of a Market Economy. Wash., 1993.
- 246a. *Beninger N.* The Control Revolution. Cambridge, 1986.
247. *Berg M.* Revisions and Revolutions//Innovation and Technology in Europe. From the Eighteenth Century to the Present Day. Cambridge, 1991.
248. *Berg M., Hudson P.* Growth and Change. A Comment on the Crafts Harley View of the Industrial Revolution//Economic History Review. 1994. Vol.XLVII. № 1.
249. *Between Development and Underdevelopment.* Genève, 1991.
250. *Biraben J.-N.* Essai sur l'évolution du nombre des hommes//Population, 1979. Vol.34. № 1.
251. *Blades D.W.* Comparing Capital Stocks//Explaining Economic Growth. Amsterdam, 1993.
252. *Block F.* Postindustrial Possibilities. Berkeley, 1990.
253. *Boomgaard R.* Economic Growth in Indonesia, 500 — 1900//Explaining Economic Growth. Amsterdam, 1993.
254. *Booth A.* Counting the Poor in Indonesia//Bulletin of Indonesian Economic Studies. 1993. Vol.29. № 1.
255. *Borner S., Brunette A.* Institutional Obstacles to Latin American Growth. San Francisco, 1992.
256. *Boserup E.* Population and Technology. Oxford, 1981.
257. *Bowman M.J., Anderson C.A.* Human Capital and Economic Modernization in Historical Perspective//The Fourth International Conference of Economic History. P., 1973.
258. *Brahmananda P.R.* Productivity in the Indian Economy. Bombay, 1982.
259. *Brenner Y.S., Kaeble H., Thomas M.* Income Distribution in Historical Perspective. Cambridge, 1991.

260. *Buchanan J.M.* The Limits of Liberty. Between Anarchy and Leviathan. Chicago, 1975.
261. *Buescu M.* 300 anos de Inflação. Rio de Janeiro, 1973.
262. *Buescu M.* Brasil: Problemas econômicos e experiência histórica. Rio de Janeiro, 1985.
- 262a. *Bushnell D., Macaulay N.* The Emergence of Latin America in the Nineteenth Century. Oxford, 1988.
263. The Cambridge Economic History of Europe. Vol.I-VIII. Cambridge, 1977-1989.
264. The Cambridge Economic History of India. Vol.1,2. Cambridge, 1982, 1983.
265. The Cambridge History of Japan. Vol.3-6. Cambridge, 1988-1991.
266. *Cameron R.* A Concise Economic History of the World. N.Y., 1989.
267. *Campbell B.M.S., Overton M.* Land, Labour and Livestock: Historical Studies in European Agricultural Productivity. Manchester, 1991.
268. *Chadeau A.* Méthodes de mesure de la valeur ajoutée annuelle à prix constants des services marchands dans les pays de l'OCDE//5è colloque de comptabilité nationale. P., 1993.
269. *Chang J.K.* Industrial Development of Mainland China, 1912-1949//The Journal of Economic History. 1967. Vol.XXVII. № 1.
270. *Chao K.* Man and Land in Chinese History. Stanford, 1986.
- 270a. *Chasnais J.-Cl.* La revanche du Tiers-monde. P., 1987.
271. *Chaudhuri K.N.* Asia before Europe. Economy and Civilization of the Indian Ocean from the Rise of Islam to 1750. Cambridge, 1990.
- 271a. *Chaunu P.* Histoire quantitative, histoire sérielle. P., 1978.
272. *Chaunu P.* European Expansion in the Later Middle Ages. Amsterdam, 1979.
273. *Chaunu P.* La civilisation de l'Europe classique. P., 1984.
274. *Chaunu P.* Trois millions d'années. P., 1990.
275. *Chenery H.* Structural Change and Development Policy. Wash., 1979.
276. *Chenery H., Robinson Sh., Syrquin M.* Industrialization and Growth. Wash., 1986.
277. China. Economic Structure in International Perspective. Annex 5. Wash., 1985.
278. China's Modern Economy in Historical Perspective. Stanford, 1975.
- 278a. China's Socialist Economy. An Outline History. Beijing, 1986.
279. *Cho D.* Industrialization, Convergence and Patterns of Growth//Southern Economic Journal. Vol.61. 1994. № 2.
280. *Choi K.* Theories of Comparative Economic Growth. N.Y., 1983.
281. *Chowdhuri A., Islam I.* The Newly Industrializing Economies of East Asia. L., 1993.
282. *Cipolla C.M.* Literacy and Development in the West. Harmondsworth, 1969.
- 282a. *Cipolla C.M.* Public Health and Medical Profession in the Renaissance. Cambridge, 1976.

283. *Cipolla C.M.* The Economic History of World Population. Harmondsworth, 1978.
284. *Cipolla C.M.* Before the Industrial Revolution. European Society and Economy, 1000-1700. L., 1981.
285. *Clark C.* The Conditions of Economic Progress. L., 1957.
286. *Clark C.* Population Growth and Land Use. N.Y., 1968.
287. *Clark G.* Productivity Growth Without Technical Change in European Agriculture Before 1850//The Journal of Economic History. 1987. № 2.
288. *Clark G.* Economic Growth without Accumulation or Technical Change//Joan Robinson and Modern Economic Theory. L., 1989.
289. Climate and History. Cambridge, 1981.
290. The Climate of Europe: Past, Present and Future. Dordrecht, 1984.
291. *Clough S.B.* The Economic History of Modern Italy. N.Y., 1964.
292. *Cole W.A.* Long-Term Trends in the Economy of Pre-Industrial England//Eighth International Economic History Congress. B.3. Budapest, 1982.
293. *Crafts N.F.R.* British Economic Growth During the Industrial Revolution. Oxford, 1986.
294. *Crafts N.F.R.*, *Harley C.K.* Output Growth and the British Industrial Revolution//The Economic History Review. Vol.XLV. 1992. № 4.
295. *Crafts N.F.R.*, *Mills T.C.* The Industrial Revolution as a Macroeconomic Epoch: an Alternative View//The Economic History Review. Vol.XLVII. 1994. № 4.
296. *Crone P.* Pre-Industrial Societies. Oxford, 1989.
297. *Cuenca E.J.* British Textile Prices, 1770-1831: Are British Growth Rates Worth Revising Once Again//The Economic History Review. Vol.XLVII. 1994. № 1.
298. *Curtin Ph.* Cross-Cultural Trade in World History. Cambridge, 1984.
299. *David P.A.* The Growth of Real Product in the United States Before 1840//The Journal of Economic History. 1967. № 2.
300. *Davis L.E.*, *Gallman R.E.* Capital Formation in the United States During the Nineteenth Century//The Cambridge Economic History of Europe. Vol.VII. Pt.2. Cambridge, 1978.
301. *Deane Ph.*, *Cole W.A.* British Economic Growth, 1688-1959. Cambridge, 1967.
302. Debates and Controversies in Economic History//Tenth International Economic History Congress. Leuven, 1990.
303. *Debeir J.-Cl.*, *Deléage J.-P.*, *Hémery D.* In the Servitude of Power. Energy and Civilization Through the Ages. L., 1991.
- 303a. *Delaunay J.-Cl.*, *Gadrey J.* Les enjeux de la société de service. P., 1987.
304. *De Long J.B.* Productivity Growth and Machinery Investment: A Long-Run Look//The Journal of Economic History. Vol.52. 1992. № 2.
305. *Denevan W.M.* Native American Populations in 1492//The Native Population of the Americas in 1492. Madison, 1992.
306. *Denison E.F.* The Contribution of Capital to Economic Growth//American Economic Review. 1980. № 2.

307. *Denison E.F.* Trends in American Economic Growth, 1929-1982. Wash., 1985.
308. *Dernberger R.* The Drive for Economic Modernization and Growth//China in the Era of Deng Xiaoping. N.Y., 1993.
309. *Desai A.V.* Population and Standards of Living in Akbar's Time//Indian Economic and Social History Review. Vol.XV. 1978. № 1.
310. Dès économies traditionnelles aux sociétés industrielles. Genève, 1985.
311. Development and Cultural Change: Cross-Cultural Perspectives. N.Y., 1986.
312. The Development of Underdevelopment in China. N.Y., 1980.
313. *Dholakia B.H.* The Sources of Economic Growth in India. New Delhi, 1974.
314. *Dollar D., Wolff E.N.* Competitiveness, Convergence, and International Specialization. Cambridge (Mass.), 1993.
315. *Dols M.W.* The Black Death in the Middle East. Princeton, 1977.
316. *Dosi G., Freeman Chr., Nelson R.* Technical Change and Economic Theory. L., 1988.
317. *Dubois P.* Ruptures de croissance et Progrès technique//Economie et statistique. 1985. № 181.
318. *Duby G.* The Early Growth of the European Economy. N.Y., 1974.
319. *Dudley L.M.* The Word and the Sword. How Techniques of Information and Violence Have Shaped Our World. Oxford, 1991.
320. *Dyer Chr.* Standards of Living in the Later Middle Ages. Cambridge, 1989.
321. The Economic Decline of Empires. L., 1970.
322. Economic Growth: Brazil, India, Japan. L., 1955.
323. The Economic History of Britain Since 1700. Vol.1. Cambridge, 1981.
324. Economics in the Long View. Vol.1,2,3. L., 1982.
325. The Economics of Take-off into Sustained Growth. L., 1963.
326. The Economics of the Industrial Revolution. L., 1985.
327. Education and the Process of Change. New Delhi, 1987.
328. Egypt. Economic Management in a Period of Transition. Baltimore, 1980.
329. *Eichengreen B.* What Have We Learned From Historical Comparisons of Income and Productivity//9th Congress of the International Economic History Association. Berne, 1986. B.6.
- 329a. Eighth International Economic History Congress. "A" Themes. Budapest, 1988.
330. *Eisner R.* Extended Accounts for National Income and Product//Journal of Economic Literature. 1988. № 4.
331. *Eltis V.* Sources of Growth. A Study of Seven Latin American Economies. San Francisco, 1992.
332. *Elvin M.* The Pattern of the Chinese Past. Stanford, 1973.
333. Entrepreneurship and Economic Development. N.Y., 1988.
334. Europe and the Rise of Capitalism. Oxford, 1988.
335. *Fairbank J.* China. A New History. Cambridge, 1992.

336. *Feinstein C.H.* Capital Formation in Great Britain//The Cambridge Economic History of Europe. Vol.VII. Cambridge, 1978.
337. *Feuerwerker A.* Presidential Address: Questions About China's Early Modern Economic History//The Journal of Asian Studies. 1992. Vol.51. № 4.
338. *Findley C.* Knowledge and Education in the Modern Middle East//The Modern Economic and Social History of the Middle East in Its World Context. Cambridge, 1989.
339. *Folbre N., Wagman B.* Counting Housework: New Estimates of Real Product in the United States, 1800-1860//The Journal of Economic History. 1993. Vol.53, № 2.
340. The Fontana Economic History of Europe. Vol.1-5. L., 1972-1978.
341. *Fossier R.* Enfance de l'Europe, X-XII siècles. Aspects économiques et sociaux. Vol.1,2. P., 1982.
342. *Fourastié J.* Pouvoir d'achat, prix et salaires. P., 1977.
343. *Fourquin G.* Histoire économique de l'Occident médiéval. P., 1969.
344. *Frank A.G.* The World Economic System in Asia Before European Hegemony//The Historian. 1994. Vol.56. № 2
345. *Furtado C.* The Economic Growth of Brazil. Berkeley, 1965.
346. *Galassi F.L.* Was Feudalism Inevitable?//Scandinavian Economic History Review. Vol.XL. 1992. № 2.
347. *Gallman R.E.* Investment Flows and Capital Stocks: U.S. Experience in the Nineteenth Century//Quantity and Quiddity. Essays in U.S. Economic History. Middletown, 1987.
348. *Garnsey P.* Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Cambridge, 1989.
349. *Gawthrop R., Strauss G.* Protestantism and Literacy in Early Modern Germany//Past and Present. 1984. № 104.
350. *Gellner E.* Plough, Sword and Boook. The Structure of Human History. Chicago, 1990.
- 350a. *Genet J.-Ph.* L'Etat moderne: un modèle opératoire//L'Etat moderne: Génèse. Bilans et perspectives. P., 1990.
351. *Gills B.K., Frank A.G.* World System Cycles, Crises and Hegemonic Shifts, 1700 BC to 1700 AD//Eds A.G.Frank, B.K.Gills. The World System. Five Hundred Years or Five ThousandL., 1993.
352. *Gimpel J.* La révolution industrielle du Moyen Age. P., 1975
353. *Gimpel J.* La fin de l'avenir. P., 1992.
354. *Ginsburgh V., Pestieau P.* L'économie informelle. P., 1987.
355. *Goldschmidt-Clermont L.* Monetary Valuation of Non-Market Productive Time//The Review of Income and Wealth. Ser.39. 1993. № 4.
356. *Goldsmith R.W.* The Financial Development of India, 1860-1977. New Haven, 1983.
357. *Goldsmith R.W.* The Financial Development of Japan, 1868-1977. New Haven, 1983.
358. *Goldsmith R.W.* An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire//The Review of Income and Wealth. 1984. № 3.

359. *Goldsmith R.W.* Comparative National Balance Sheets. A Study of Twenty Countries, 1688-1978. Chicago, 1985.
360. *Goldsmith R.W.* Brasil: 1850-1984: Desenvolvimento Financeiro sob um Século de Inflação. Rio de Janeiro, 1986.
361. *Goldsmith R.W.* Premodern Financial Systems. Cambridge, 1987.
362. *Goldstein J.S.* Long Cycles, Prosperity and War in the Modern Age. New Haven, 1988.
363. *Goldstone J.A.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991.
364. *Goldstone L.* The Use of Composite Indexes for Ranking Countries by Their Level of Development. Wash., 1993.
365. *Golfin J.* Histoire et civilisation de la Chine. La dynastie des Ming. Lavalette, 1991.
366. *Golassi F.L.* Was Feudalism Inevitable?//The Scandinavian Economic History Review. 1992. № 2.
367. *Golloway P.R.* Long-Term Fluctuations in Climate and Population in the Preindustrial Era//Population and Development Review. Vol.12. 1986. № 1.
368. *Goodman A., Webb S.* For Richer, For Poorer. L., 1994.
369. *Goodwin R., Vercelli A.* Technological and Social Factors in Long Wave Fluctuations. Berlin, 1989.
370. *Gorcin J.-Cl.* The Mamluk Military System and the Blocking of Medieval moslem Society//Europe and the Rise of Capitalism. Oxford, 1988.
371. *Gordon R.J.* The Postwar Evolution of Computer Prices//Technology and Capital Formation. Cambridge, 1989.
372. *Gordon R.J.* Measuring the Aggregate Price Level//Price Stabilization in the 1990s. L., 1993.
373. *Goudsblom J., Jones E.L., Mennell St.* Human History and Social Process. Exeter, 1989.
374. *Gough K.* Implications of Literacy in Traditional China and India//Literacy in Traditional Societies. Cambridge, 1968.
375. *Gould J.D.* Economic Growth in History. L., 1972.
- 375a. *Grabowski R.* Economic Development and Feudalism//The Journal of Developing Areas. Vol. 25.1991. №2.
376. *Grasso J., Corrin J., Kort M.* Modernization and Revolution in China. N.Y., 1993.
377. *Greasley D., Oxley L.* Rehabilitation Sustained: the Industrial Revolution as a Macroeconomic Epoch//The Economic History Review. Vol.XLVII. 1994. № 4.
378. *Griliches Z.* Productivity, R & D, and Data Constraint//American Economic Review. 1994. Vol.84. № 1.
- 378a. *Griliches Z., ed.* Output Measurement in the Service Sectors//Studies in Income and Wealth. Vol.56. Chicago, 1992.
379. *Growth and Resources Problems Related to Japan.* N.Y., 1978.

380. *Gundlach E.* Accounting for the Stock of Human Capital//Weltwirtschaftliches Archiv. 1994. B.130. Heft 1.
381. *Gundlach E.* Explaining Comparative Economic Growth//Asian Economies. Vol.23. 1994. № 1.
382. *Gupta A.K.* Economic Development and Price Behaviour in India. New Delhi, 1987.
383. *Haber St.* Assessing the Obstacles to Industrialization. The Mexican Economy 1830-1940//Journal of Latin American Studies. Vol.24. Pt.1. 1992.
384. *Habib I.* The Technology and Economy of Mughal India//The Indian Economic and Social History Review. Vol.XVII. 1980. № 1.
385. *Hall J.A.* Powers and Liberties. The Causes and Consequences of the Rise of the West. Oxford, 1985.
386. *Hall T.D.* Civilization Change: the Role of Nomads//Comparative Civilizations Review. 1991. № 24.
387. *Hammes D.L., Rosa J.-J., Grubel H.G.* The National Accounts, Household Service Consumption and Its Monetization//Kykkos. Vol.42. Fasc.1. 1989.
388. Handbook of Development Economics. Vol.1,2. Amsterdam, 1988, 1989.
389. *Hanley S.B., Yamamura K.* Economic and Demographic Change in Preindustrial Japan, 1600-1868. Princeton, 1977.
390. *Hansen B., Lucas E.F.* Egyptian Foreign Trade, 1885-1961. A New Set of Trade Indices//The Journal of European Economic History. Vol.7. 1978. № 2-3.
391. *Hanson J.R.* Third World Incomes Before World War I//Explorations in Economic History. Vol.25. 1988. № 3.
392. *Hanson J.R.* Third World Incomes Before World War I: Further Evidence//Explorations in Economic History. Vol.28. 1991. № 3.
393. *Hanson P., Henreckson M.* What Makes a Country Socially Capable of Catching Up//Weltwirtschaftliches Archiv. 1994. B.130. Heft 4.
394. *Harbison F., Myers C.A.* Education, Manpower and Economic Growth Strategies of Human Resource Development. N.Y., 1964.
395. *Harley C.K.* British Industrialization Before 1841: Evidence of Slower Growth During the Industrial Revolution//The Journal of Economic History. Vol.XLII. 1982. № 2.
396. *Harrison D.F.* Bridges and Economic Development, 1300-1800//The Economic History Review. Vol.XLV. 1992. № 2.
397. *Hart A.J.* Rival Capitalists. Ithaca, 1992.
398. *Hartwell R.* Markets, Technology, and Structure of Enterprise in the Development of the Eleventh-Century Chinese Iron and Steel Industry//The Journal of Economic History. Vol.XXVI. 1966. № 1.
399. *Hartwell R.* Demographic, Political, and Social Transformations of China, 750-1550//Harvard Journal of Asian Studies. Vol.42. 1982. № 2.
400. *Hartwell R.* Government Finance and Regional Economies of China,

- 750-1250//Conference on Spacial and Temporal Trends and Cycles in Chinese Economic History, 980-1980. Bellagio, 1984.
401. *Henning F.-W.* Das Vorindustrielle Deutschland, 800 bis 1800. München, 1985.
402. *Henning F.-W.* Die Industrialisierung in Deutschland, 1800 bis 1914. Paderborn, 1989.
403. *Heston A., Summers R.* Comparative Indian Economic Growth, 1870-1970//American Economic Review. Vol.70. 1980. № 2.
404. *Heston A.* National Income//The Cambridge Economic History of India. Vol.2. Cambridge, 1983.
405. *Higonnet P., Landes D., Rosovsky H.*, eds. Favorites of Fortune. Technology, Growth and Economic Development Since the Industrial Revolution. Cambridge, 1991.
406. *Hill T.P.* The Measurement of Real Product. P., 1971.
407. *Hilton R.H.* Rent and Capital Formation in Feudal Society// Deuxième conférence internationale d'histoire économique. Vol.II. P., 1965.
408. Histoire de la population française. Vol.1-4. P., 1988.
409. Histoire économique et sociale du monde. Vol.1-4. P., 1977-1978.
410. L'Histoire quantitative du Bresil de 1800 à 1930. P., 1973.
411. *Hoffmann W.G.* Das Wachstum der Deutschen Wirtschaft Seit der Mitte des 19 Jahrhunderts. Berlin, 1965.
412. *Hofman A.A.* Capital Accumulation in Latin America//Review of Income and Wealth. Ser.38. 1992. № 4.
413. *Hofman A.A.* Economic Development in Latin America in the 20th Century//Explaining Economic Growth. Amsterdam, 1993.
414. *Hollerman L.* Japan's Economic Strategy in Brazil. Toronto, 1988.
415. *Holtfrerich C.-L.* The Growth of Net Domestic Product in Germany, 1850-1913//Productivity in the Economies of Europe. Stuttgart, 1983.
416. *Hoppit J.* Counting the Industrial Revolution//The Economic History Review. Vol.XLIII. 1990. № 2.
417. *Horioka Ch.Y.* Japan's Consumption and Saving in International Perspective//Economic Development and Cultural Change. Vol.42. 1994. № 2.
418. *Horrell S., Humphries J., Weale M.* An Input-Output Table for 1841//The Economic History Review. Vol.XLVII. 1994. № 3.
419. *Howell D.L.* Proto-Industrial Origin of Japanese Capitalism//The Journal of Asian Studies. Vol.51. 1992. № 2.
420. *Hugill P.J.* World Trade Since 1431. Geōgraphy, Technology, and Capitalism. Baltimore, 1993.
421. *Hulten Ch.R.*, ed. Productivity Growth in Japan and the United States//Studies in Income and Wealth. Vol.53. Chicago, 1990.
422. Human development in the 1980s and Beyond. N.Y., 1989.
423. Indonesian Economic History in the Dutch Colonial Era. New Haven, 1990.
424. Industrialisation et developpement. Modèles, expériences, perspectives//Revue Tiers-Monde. 1988. № 115.

425. *Inkster I.* Mental Capital: Transfers of Knowledge and Technique in Eighteenth Century Europe//The Journal of European Economic History. Vol.19. 1990. № 2.
426. *Inkster I.* Science and Technology in History. L., 1991.
- 426a. *Issawi Ch.* The Economic History of the Middle East, 1800-1914. Chicago, 1966.
427. *Issawi Ch.* The Decline of Middle Eastern Trade, 1100-1850//Islam and the Trade of Asia. Oxford, 1970.
428. *Issawi Ch.* The Area and Population of the Arab Empire//The Islamic Middle East, 700-1900. Studies in Economic and Social History. Princeton, 1980.
- 428a. *Issawi Ch.* The Economic History of Turkey, 1800-1914. Chicago, 1980.
- 428b. *Issawi Ch.* The Arab World's Legacy. Princeton, 1981.
429. *Issawi Ch.* An Economic History of the Middle East and North Africa. L., 1982.
430. *Issawi Ch.* The Middle East in the World Context//The Modern Economic and Social History of the Middle East in Its World Context. Cambridge, 1989.
431. *Issawi Ch.* Technology, Energy, and Civilization: Some Historical Observations//International Journal of Middle East Studies. 1991. Vol.23, № 3.
432. *Jackson R.V.* Government Expenditure and British Economic Growth in the Eighteenth Century. Some Problems of Measurement//The Economic History Review. Vol.XLIII. 1990. № 2.
433. *Jackson R.V.* Rates of Industrial Growth During the Industrial Revolution//The Economic History Review. Vol.XLV. 1992. № 1.
434. *Janette A.B.* Epidemics and Mortality in Early Modern Japan. Princeton, 1987.
435. *Jänti M.* Essays on Income Distribution and Poverty. Abo, 1993.
436. *Japan Before Tokugawa.* Political Consolidation and Economic Growth, 1500 to 1650. Princeton, 1981.
437. *Jeffery R.* The Politics of Health in India. Berkeley, 1988.
438. *Jones E.L.* European Miracle. Cambridge, 1983.
439. *Jones E.L.* Growth Recurring. Economic Change in World History. Oxford, 1988.
440. *Jones E.L.* The Real Question About China: Why Was the Song Economic Achievement Not Repeated?//Australian Economic History Review. Vol.XXX. 1990. № 2.
441. *Jones E., Frost L., White C.* Coming Full Circle. An Economic History of the Pacific Rim. Boulder, 1993.
442. *Jorgenson D.W., Gollap F.M., Fraumeni B.M.* Productivity and United States Economic Growth. Cambridge (Mass.), 1987.
443. *Jorgenson D.W.* Productivity and Economic Growth in Japan and the United States//American Economic Review. 1988. № 2.
444. *Jorgenson D.W.* Capital as a Factor of Production//Technology and Capital Formation. Cambridge (Mass.), 1989.

445. *Jorgenson D.W., Fraumeni B.M.* Investment in Education and United States Economic Growth//Scandinavian Journal of Economics. Vol.94. Suppl. 1992.
446. *Juster F.T., Stafford F.P.* The Allocation of Time//Journal of Economic Literature. Vol.XXIX. 1991. June.
447. *Kelley A.C., Williamson J.G.* Lessons from Japanese Development. Chicago, 1974.
- 447a. *Kemp T.* Industrialization in the Non-Western World. L., 1983.
448. *Kendrick J.W.* Understanding Productivity. Baltimore, 1977.
449. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. L., 1988.
450. *Kennedy P.* Preparing for the Twenty-First Century. N.Y., 1993.
451. *Kim K.-S., Park J.-K.* Sources of Economic Growth in Korea. Seoul, 1985.
452. *Kindleberger Ch.* Why Did the Golden Age Last So Long//The Legacy of the Golden Age. L., 1992.
453. *Kjaerg'aard T.* Origins of Economic Growth in European Societies Since the XVIth Century//The Journal of European Economic History. Vol.15. 1986. № 3.
454. *Knowles St.* The Evolution of Basic Needs and Human Development//Rivista Internazionale di Scienze Economiche e Commerciali. Vol.40. 1993. № 6-7.
455. *Komlos J.* Nutrition and Economic development in Eighteenth Century Habsburgh Monarchy. Princeton, 1989.
456. *Komlos J.* Thinking About the Industrial Revolution//The Journal of European Economic History. Vol.18. 1989. № 1.
457. *Kranz O.* Service Production in Historical National Accounts//The Review of Income and Wealth. Ser.40. 1994. № 1.
458. *Krejci J.* The Civilizations of Asia and the Middle East. L., 1990.
459. *Kriedte P.* Peasants, Landlords and Merchant Capitalists. Europe and the World Economy, 1500-1800. Gottingen, 1983.
460. *Krugman P.* The Myth of Asia's Miracle//Foreign Affairs. 1994. № 6.
461. *Kuznets S.* Modern Economic Growth. New Haven, 1966.
462. *Kuznets S.* Economic Growth of Nations. Cambridge, 1971.
463. *Kuznets S.* Problems in Comparing Recent Growth Rates for Developed and Less Developed Countries//Economic Development and Cultural Change. 1972. № 2.
464. *Kuznets S.* Population, Capital and Growth. L., 1974.
465. *Lal D.* The Hindu Equilibrium. Vol.1,2. Oxford, 1988, 1989.
466. *Lall S., Kell G.* Industrial Development in Developing Countries and the Role of Government Interventions//Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review. 1991. № 178.
467. *Lall S.* Technological Capabilities and Industrialization//World Development. Vol.20. 1992. № 2.
468. *Lamb H.H.* Climate, History and the Modern World. N.Y., 1982.
469. *Landes D.* The Unbound Prometheus. Cambridge, 1969.
470. *Landes D.* Revolution in Time. Cambridge, 1983.

471. *Landes D.* Some Thoughts on Economic Hegemony//Interactions in the World Economy. Perspectives from International Economic History. N.Y., 1989.
472. *Landes D.* What Room for Accident in History? Explaining Big Changes by Small Events//The Economic History Review. Vol.XLVII. 1994. № 4.
473. *Lardy N.R.* China's Entry into the World Economy. N.Y., 1987.
474. *Latham A.J.H.* The International Economy and the Undeveloped World, 1865-1914. L., 1978.
- 474a. *Latham A.J.H.* The Depression and the Developing World, 1914-1939. L., 1981.
475. *Lancieri E.* Purchasing Power Parities and Phase IV of the International Comparison Project//World Development. Vol.18. 1990. № 1.
476. *Lee C.H.* The British Economy Since 1700. Cambridge, 1986.
477. *Lee W.O.* Social Change and Educational Problems in Japan, Singapore and Hong Kong. L., 1991.
478. *Leff N.H.* Underdevelopment and Development in Brazil. Vol.1,2. L., 1982.
479. *Lehman J.-P.* The Roots of Modern Japan. L., 1982.
480. *Levine S.B., Kavada H.* Human Resources in Japanese Industrial Development. Princeton, 1980.
481. *Levy V.* The Distributional Impact of Economic Growth and Decline in Egypt//Middle Eastern Studies. Vol.22, 1986. № 1.
482. *Lèvy-Leboyer M.* Capital Investment and Economic Growth in France, 1820-1930//The Cambridge Economic History of Europe. Vol.VII. Pt.1. Cambridge, 1978.
483. *Lèvy-Leboyer M., Bourguignon F.* L'Economie Française au XIXè siècle. Analyse macro-économique. P., 1985.
484. *Lewis A.R.* Nomads and Crusaders, 1000-1368. Bloomington, 1991.
485. *Lewis W.A.* Growth and Fluctuations, 1870-1913. L., 1978.
486. *Lin J.G.* The Needham Puzzle: Why the Industrial Revolution Did not Originate in China//Economic Development and Cultural Change. 1995. Vol.43. № 2.
487. *Lind N.C.* Some Thoughts on Human Development Index//Social Indicators Research. 1992. Vol.27. № 1.
488. *Lindenberg M.M.* The Human Development Race. San Francisco. 1993.
489. *Lindert P.H.* English Population, Wages and Prices: 1541-1913//The Journal of Interdisciplinary History. Vol.XV. 1985. № 4.
490. *Löfgren H.* Economic Policy in Egypt//International Journal of Middle East Studies. 1993. № 3.
491. *Long de J.B.* Growth in the World Economy//Economic Growth in the World Economy. Tübingen, 1993.
492. Long-Term Factors in American Economic Growth//Studies in Income and Wealth. Vol.51. Chicago, 1986.
493. *Looney R.E.* Economic Policymaking in Mexico. Durham, 1985.

494. *Loschky D.* New Perspectives on Seven Centuries of Real Wages//The Journal of European Economic /History. Vol.21. 1992. № 1.
495. *Lucas R.E.* Making a Miracle//Econometrica. Vol.61. 1993. № 2.
496. *Mabro R., Radwan S.* The Industrialization of Egypt, 1939-1973. Oxford, 1976.
497. *Macfarlane A.* The Culture of Capitalism. Oxford, 1987.
498. *MacPherson St., Midgley. J.* Comparative Social Policy and the Third World. N.Y., 1987.
499. *Maddison A.* Economic Growth in Japan and the USSR. L., 1969.
500. *Maddison A.* Class Structure and Economic Growth. India and Pakistan Since the Moghuls. N.Y., 1971.
501. *Maddison A.* Phases of Capitalist Development. N.Y., 1982.
502. *Maddison A.* Growth and Slowdown in Advanced Capitalist Economies//Journal of Economic Literature. 1987. № 2.
503. *Maddison A.* Dutch Income in and from Indonesia, 1700-1938//Modern Asian Studies. Vol.23. 1989. № 4.
504. *Maddison A.* L'économie mondiale au 20e siècle. P., 1989.
505. *Maddison A.* The Colonial Burden: A Comparative Perspective//Public Policy and Economic Development. Oxford, 1990.
506. *Maddison A.* Dynamic Forces in Capitalist Development. N.Y., 1991.
507. *Maddison A.* Standardised Estimates of Fixed Investment and Capital Stock at Constant Prices: A Long Run Survey for 6 Countries. Flimz, 1992.
508. *Mahkoui A.* Trends in Egypt's National Income, 1913-1956//Middle East Economic Papers. 1962. October.
509. *Malenbaum W.* Modern Economic Growth in India and China: the Comparison Revisited, 1950-1980//Economic Development and Cultural Change. Vol.31. 1982. № 1.
510. *Malenbaum W.* A Gloomy Portrayal of Development Achievements and Prospects: China and India//Economic Development and Cultural Change. Vol.38. 1990. № 2.
511. *Manarungsan S.* Economic Development of Thailand, 1850-1950. Bangkok, 1989.
512. *Mann M.* The Sources of Social Power. Vol.1. A History of Power from the Beginning to AD 1760. Cambridge, 1986.
513. *Marchand O., Thélot C.* Deux siècles de travail en France. P., 1991.
514. *Mathias P., Davis J.* The First Industrial Revolutions. Cambridge, 1990.
515. *Mathias P., Davis J., eds.* Innovation and Technology in Europe. From the Eighteenth Century to the Present Day. Cambridge, 1991.
- 515a. *Mathis J., Rivault-Danset D.* La compétitivité industrielle P., 1988.
516. *Matthews R.C.O., Feinstein C.H., Odling-Smee J.C.* British Economic Growth, 1856-1973. Oxford, 1982.
517. *McCarthy E., McGaughey W.* Nonfinancial Economics. The Case for Shorter Hours of Work. N.Y., 1989.
518. *McCarthy J.* Nineteenth-Century Egyptian Population//The Middle Eastern Economy. L., 1976.

519. *McEvedy C., Jones R.* Atlas of World Population History. L., 1978.
520. *McGreevey W.P.* Quantitative Research in Latin American History of the Nineteenth and Twentieth Centuries//The Dimensions of the Past. New Haven, 1972.
521. *McNeill W.H.* Plagues and Peoples. N.Y., 1976.
522. *McNeill W.H.* The Human Condition. An Ecological and Historical View. Princeton, 1980.
523. *McNeill W.H.* The Pursuit of Power. Technology, Armed Forces and Society Since AD 1000. Chicago, 1982.
524. *McNeill W.H.* Populations and Politics Since 1750. L., 1990.
525. *McNeill W.H.* The Rise of the West after Twenty-Five Years//Journal of World History. Vol.1. 1990. № 1.
526. The Measurement of Capital//Studies in Income and Wealth. Vol.45. Chicago, 1980.
527. The Measurement of Economic and Social Performance//Studies in Income and Wealth. Vol.38. N.Y., 1973.
528. Measuring the Nation's Wealth//Studies in Income and Wealth. Vol.29. Wash., 1964.
529. Measuring Productivity. N.Y., 1984.
530. *Merrick T.W., Graham D.H.* Population and Economic Development in Brazil: 1800 to the Present. Baltimore, 1979.
531. *Minami R.* The Economic Development of Japan. A Quantitative Study. N.Y., 1986.
532. *Mitch D.* The Role of Human Capital in the First Industrial Revolution//The British Industrial Revolution. An Economic Perspective. Boulder, 1993.
533. *Mokyr J.* Has the Industrial Revolution Been Crowded Out? Explorations in Economic History. Vol.24. 1987. № 3.
534. *Mokyr J.* The Lever of Riches. Technological Creativity and Economic Progress. N.Y., 1990.
535. *Mokyr J.* Twenty-Five Centuries of Technological Change. L., 1990.
536. *Moosvi Sh.* The Economy of the Mughal Empire, c.1595. A Statistical Study. Oxford, 1987.
537. *Morris C.T., Adelman I.* Comparative Patterns of Economic Development, 1850-1914. Baltimore, 1988.
538. *Moseley K.P.* Caravel and Caravan: West Africa and the World-Economies, ca900-1900 AD//Review. Vol.XV. 1992. № 3.
539. *Moulder F.V.* Japan, China and the Modern World Economy. Cambridge, 1977.
540. *Nakamura T.* Economic Growth in Prewar Japan. New Haven, 1983.
541. National Income and Economic Progress. L., 1988.
542. *Neal L.* A Tale of Two Revolutions: International Capital Flows, 1789-1819//Bulletin of Economic Research. Vol.43. 1991. № 1.
543. *Needham J.* Within the Four Seas. The Dialogue of East and West. Liverpool, 1969.

- 543a. *Needham J.* Clerks and Craftsmen in China and the West. Cambridge, 1970.
544. *Needham J.* The Grand Titration. Science and Society in East and West. L., 1972.
545. *Needham J.* History and Human Values. Nawala, 1978.
546. *Needham J.* Science in Traditional China. Cambridge, 1981.
547. *Nester W.R.* Japanese Industrial Targetting. L., 1991.
548. New Developments in Productivity Measurement and Analysis. Studies in Income and Wealth. Vol.44. Chicago, 1980.
549. *Norsworthy J.R.* Growth Accounting and Productivity Measurement//The Review of Income and Wealth. 1984. № 3.
550. *North D.C., Thomas R.P.* The Rise of the Western World. Cambridge, 1973.
551. *North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.Y., 1981.
552. *North D.C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.
553. *North D.C.* Economic Performance through Time//American Economic Review. Vol.84. 1994. № 3.
554. *Nye J.V.* Guerre, commerce, guerre commerciale// Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. Vol.47. 1992. № 3.
555. *O'Brien P., Keyder C.* Economic Growth in Britain and France, 1780-1914. L., 1978.
556. *O'Brien P.* The Analysis and Measurement of the service Economy in European Economic History/Productivity in the Economies of Europe. Stuttgart, 1983.
557. *O'Brien P.* Do We Have a Typology for the Study of European Industrialization in the XIXth Century//The Journal of European Economic History. 1986. № 2.
558. *O'Brien P.* European Industrialization from the Voyages of Discovery to the Industrial Revolution//Papers of the Tenth International Economic History Congress. Stuttgart, 1990.
559. *O'Brien P.K. Prados de la Escosura L.* Agricultural Productivity and European Industrialization, 1890-1980//The Economic History Review. Vol.XLV. 1992. № 3.
560. *Ohkawa K., Rosovsky H.* Capital Formation in Japan//The Cambridge Economic History of Europe. Vol.VII. Pt.2. Cambridge, 1978.
561. *Ohkawa K., Shinohara M., Meissner L.* Patterns of Japanese Economic Development. New Haven, 1979.
562. *Ohkawa K., Kohama K.* Lectures on Developing Economies. Tokyo, 1989.
563. *Okyar O.* A New Look at the Problem of Economic Growth in the Ottoman Empire (1800-1914)//The Journal of European Economic History. Vol.16. 1987. № 1.
564. *Olson M.* The Rise and Decline of Nations. New Haven, 1982.
565. *Oshima H.* Economic Growth in Monsoon Asia. Tokyo, 1987.

566. Output, Employment, and Productivity in the United States After 1800//Studies in Income and Wealth. Vol.30. N.Y., 1966.
567. *Owen R.* The Middle East in the World Economy, 1800-1914. L., 1981.
568. *Pacey A.* Technology in World Civilization. A Thousand-Year History. Cambridge (Mass.), 1990.
569. *Pereira L.B.* Development and Crisis in Brazil, 1930-1983. Boulder, 1984.
570. *Perkins D.H.* Agricultural Development in China, 1368-1968. Chicago, 1969.
571. *Perkins D.H.* Asia's Next Economic Giant. Seattle, 1986.
572. *Perkins D.H.* Reforming China's Economic System//Journal of Economic Literature. Vol.XXVI. 1988. № 2.
573. *Persson K.G.* Pre-Industrial Economic Growth. Social Organisation and Technological Progress in Europe. N.Y., 1988.
574. *Pestieau P.* L'économie souterraine. P., 1989.
575. *Philipps J.* The Medieval Expansion of Europe. Oxford, 1988.
- 575a. *Pianta M.* New Technologies Across the Atlantic. Tokyo, 1988.
576. *Pichot A.* Comptabilité nationale et modèles économiques. P., 1988.
577. *Pilat D.* The Sectoral Productivity Performance of Japan and the U.S. 1885-1990//The Review of Income and Wealth. Ser.39. 1993. № 4.
578. *Piper P.* Construction Statistics Revisited//Technology and Capital Formation. Cambridge (Mass.), 1989.
579. *Pirenne H.* Histoire économique et sociale du Moyen Age. P., 1969.
- 579a. The Political Economy of Income Distribution in Egypt. N.Y., 1982.
580. The Political Economy of Japan. Vol.1,2,3. Stanford, 1987.
581. *Pollard S.* Typology of Industrialization Processes in the Nineteenth Century. L., 1990.
582. *Ponting C.* A Green History of the World. L., 1991.
583. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations. N.Y., 1990.
584. *Postan M.M.* Investment in Medieval Agriculture//The Journal of Economic History. Vol.XXVII. 1967. № 4.
585. *Pounds N.F.G.* An Economic History of Medieval Europe. N.Y., 1974.
586. Production and Productivity in the Service Industries//Studies in Income and Wealth. Vol.34. N.Y., 1969.
587. *Radwan S.* Capital Formation in Egyptian Industry and Agriculture, 1882-1967. L., 1974.
588. *Ramirez M.D.* Mexico's Economic Crisis. N.Y., 1989.
589. *Rao V.K.R.V.* India's National Income, 1950-1980. L., 1983.
590. *Rawski E.S.* Education and Popular Literacy in Ch'ing China. Ann Arbor, 1979.
591. *Rawski T.G.* Economic Growth in Prewar China. Los Angeles, 1989.
592. *Reynolds C.W.* The Mexican Economy. New Haven, 1970.
593. *Reynolds C.W.* A Shift Share Analysis of Regional and Sectoral Productivity Growth in Contemporary Mexico. Laxenburg, 1980.
594. *Reynolds L.G.* Economic Growth in the Third World, 1850-1980. New Haven, 1985.

595. *Richards A.* Egypt's Agricultural Development, 1800-1980. Boulder, 1982.
596. *Richards A., Waterbury J.* A Political Economy of the Middle East. Boulder, 1990.
- 596a. The Rise and Decline of the Nation State. L., 1990.
597. *Romer P.M.* Increasing Returns and Long-Run Growth//Journal of Political Economy. Vol.94. 1986. № 5.
598. *Rosenberg N.* Technology and American Economic Growth. N.Y., 1972.
599. *Rosenberg N., Birdzell L.* How the West Grew Rich. N.Y., 1986.
600. *Rosenberg N., Landau R., Mowery D., eds.* Technology and the Wealth of Nations. Stanford, 1992.
601. *Rossi N., Toniolo G.* Catching Up or Falling Behind? Italy's Economic Growth, 1895-1947//The Economic History Review. Vol.XLV. 1992. № 3.
602. *Rostow W.W.* How It All Began. Origins of the Modern Economy. N.Y., 1975.
603. *Rostow W.W.* The World Economy. History and Prospect. L., 1978.
604. *Rostow W.W.* Why the Poor Get Richer and the Rich Slow Down. L., 1980.
605. *Rostow W.W.* Theorists of Economic Growth from David Hume to the Present. N.Y., 1990.
606. *Roy Ladurie Le.* Histoire du Climat depuis l'an mil. Vol.1,2. P., 1983.
607. *Saboice J.* Travail, revenu et pauvreté dans les années 1980//Problèmes d'Amérique Latine. Spécial Brésil. 1993. № 9.
608. *Sangwan S.* Science, Technology and Colonisation. An Indian Experience, 1757-1857. Delhi, 1991.
609. *Sayigh Y.A.* The Economies of the Arab World. Development Since 1945. L., 1978.
610. *Scholing E., Timmermann V.* Why LDC Growth Rates Differ//World Development. 1988. № 11.
611. *Schultz T.W.* Education and Productivity. Wash., 1972.
- 611a. *Schultz T.W.* On the Economics of the Increases in the Value of Human Time over Time//Economic Growth and Resources. Vol.2. N.Y., 1980.
612. *Scott M.F.* A New View of Economic Growth. Oxford, 1989.
613. *Shafer J.R., Elmeskov J., Tease W.* Saving Trends and Measurement Issues//Scandinavian Journal of Economics. Vol.94. 1992. № 2.
614. *Shaffer L.* Southernization//Journal of World History. Vol.5. 1994. № 1.
- 614a. The Silent Revolution. San Francisco, 1991.
615. *Slicher van Bath B.H.* The Agrarian History of Western Europe, AD 500-1850. L., 1963.
616. *Slicher van Bath B.H.* Les problèmes fondamentaux de la société pré-industrielle en Europe occidentale//A.A.G.Bijdragen. 1965. № 12.
617. *Smeeding T.M., O'Higgins M., Rainwater L.* Poverty. Inequality and Income Distribution. Comparative Perspective. N.Y., 1992.
618. *Smith T.C.* Premodern Economic Growth: Japan and the West//Past and Present. 1973. № 60.

619. *Smith T.C.* Native Sources of Japanese Industrialization. Berkeley, 1988.
620. *Snooks G.D.* Economic Growth During the Last Millennium. A Quantitative Perspective for the British Industrial Revolution//Working Papers in Economic History. The Australian National University. Canberra, 1990. № 140.
621. *Snooks G.D.* Great Waves of Economic Change: Very Long-Run Growth in Britain, 1086-1990//Twenty-Second General Conference of the International Association for Research in Income and Wealth. Papers. Flimz, 1992.
622. *Snooks G.D.* Economics Without Time. L., 1993.
- 622a. Social Values and Development. New Delhi, 1988.
623. *Solow R.M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth//Quarterly Journal of Economics. Vol.LXX. 1956.
624. *Song B.N.* The Rise of the Korean Economy. N.Y., 1990.
625. *Spooner F.* The International Economy and Monetary Movements in France, 1493-1725. Cambridge (Mass.), 1972.
626. *Stavrianos L.* Global Rift. N.Y., 1981.
- 626a. *Stavrianos L.* A Global History. Englewood Cliffs, 1983.
627. *Stone L.* Literacy and Education in England, 1640-1900//Past and Present. 1969. № 42.
628. *Streeten P.* Human Development: Means and Ends//American Economic Review. Vol.84. 1994. № 2.
629. Studies in Capital Formation in the United Kingdom, 1750-1920. Oxford, 1988.
630. Lo Sviluppo economico italiano, 1861-1940. Roma, 1973.
631. *Summers R., Heston A.* Improved International Comparisons of Real Product and Its Composition: 1950-1980//The Review of Income and Wealth. 1984. № 2.
632. *Summers R., Heston A.* A New Set of International Comparisons of Real Product and Price Levels. Estimates for 130 Countries, 1950-1985//The Review of Income and Wealth. 1988. № 1.
633. *Sundrum R.M.* Economic Growth in Theory and Practice. L., 1990.
634. *Swamy S.* Economic Growth in China and India. New Delhi, 1989.
635. *Syrquin M.* Ressource Reallocation and Productivity Growth// Economic Structure and Performance. Orlande, 1984.
636. *Szostak R.* The Role of Transportation in the Industrial Revolution. Montreal, 1991.
637. *Tang A.M.* China's Agricultural Legacy//Economic Development and Cultural Change. Vol.28. 1979. № 1. }
638. Technological Development in China, India and Japan. L., 1986.
- 638a. Théories économiques et fonctionnement de l'économie mondiale. Grenoble, 1988.
639. *Thomas B.* Escaping from Constraints: the Industrial Revolution in a Malthusian Context//The Journal of Interdisciplinary History. Vol.XV. 1985. № 4.

640. *Thurow L.* Head to Head. The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America. N.Y., 1992.
- 640a. *Tignor R.L.* State, Private Enterprise, and Economic Change in Egypt, 1918-1952. Princeton, 1984.
641. Tiers-mondes. Contraverses et réalités. P., 1987.
642. Tilly Ch., Tilly L., Tilly R. European Economic History in the 1990s//The Journal of European Economic History. 1991. Vol.20. № 3.
643. *Tilly R.H.* Capital Formation in Germany in the Nineteenth Century//The Cambridge Economic History of Europe. Vol.VII. Pt.1. Cambridge, 1978.
- 643a. Time, Work and Organization. L., 1989.
644. *Toch M.* Lords and Peasants: A Reappraisal of Medieval Economic Relationships//The Journal of European Economic History. Vol.15. 1986. № 1.
- 644a. Tokugawa Japan. Tokyo, 1990.
645. *Tortella G., ed.* Education and Economic Development Since the Industrial Revolution. València, 1990.
646. *Tortella G.* Patterns of Economic Retardation and Recovery in South-Western Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries//The Economic History Review. Vol.XLVII. 1994. № 1.
- 646a. *Totman C.* Early Modern Japan. Berkeley, 1993.
647. *Toutain J.-Cl.* Le Produit Intérieur Brut de la France, de 1789 à 1982. P., 1987.
648. Trends in the American Economy in the Nineteenth Century//Studies in Income and Wealth. Vol.24. N.Y., 1960.
649. *Triplett J.E.* Price and Technological Change in a Capital Good. A Survey of Research on Computers//Technology and Capital Formation. Cambridge (Mass.), 1989.
650. *Tsujimura K., Kuroda M.* An Appraisal of the Japanese Economic Statistical Data from Viewpoints of User: Measurements of Sectoral Output and Inputs//Bulletin of the International Statistical Institute. Tokyo, 1987. Book 2.
651. *Tucker W.F.* Natural Disasters and the Peasantry in Mamluk Egypt//Journal of Economic and Social History of the Orient. Vol.XXIV. Pt.II. 1981.
652. *Udovitch A.L.* Technology, Land Tenure, and Rural Society: Aspects of Continuity in the Agricultural History of the Pre-Modern Middle East//The Islamic Middle East, 700-1900. Princeton, 1980.
653. *Urata S.* Sources of Economic Growth and Structural Change: An International Comparison//The Balance Between Industry and Agriculture in Economic Development. Vol.2. L., 1989.
654. *Usher D.* The Measurement of Economic Growth. Oxford, 1980.
655. *Van der Eng. P.* The Real Domestic Product of Indonesia, 1880-1989//Explorations in Economic History. Vol.29. 1992.
656. *Van der Meer C.L.J., Yamada S.* Japanese Agriculture. A Comparative Economic Analysis. L., 1990.

- 656a. *Van der Meer K.* A Comparison of Factors Influencing Economic Development in Thailand and Indonesia, 1820-1940//Economic Growth in Indonesia. Dordrecht, 1989.
657. *Van der Wee.H., Blomme J.* The Belgian Economy in the Very Long-Run. A Case Study: Economic Development in the Flanders-Brabant Region, 1500-1812//Twenty Second General Conference of the International Association for Research in Income and Wealth. Papers. Flimz, 1992.
658. *Van Zanden J.L.* The Dutch Economy in the Very Long Run//Explaining Economic Growth. Amsterdam, 1993.
659. *Vigo G.* Instruzione e sviluppo economico in Italia nel secolo XIX. Torino, 1971.
660. *Vogel E.F.* A Non-Traditional View of Japanese Modernisation//Japan and the World. N.Y., 1988.
661. *Vogel E.F.* The Four Little Dragons. Cambridge, 1991.
662. Le volume de travail et son partage: étude comparative de sept grands pays//Problèmes économiques. 1994. № 2365.
663. *Wallerstein I.* The Modern World System. Vol.I. N.Y., 1974.
664. *Wallerstein I.* The Modern World System. Vol.II. N.Y., 1980.
665. *Wallerstein I.* The Modern World System. Vol.III. San Diego. 1989.
666. *Watson A.M.* A Medieval Green Revolution//The Islamic Middle East, 700-1900. Princeton, 1980.
667. *Weber M.* General Economic History. N.Y., 1961.
668. *Wen G.J.* Total Factor Productivity Change in China's Farming Sector, 1952-1989//Economic Development and Cultural Change. Vol.42. 1993. № 1.
669. *White C.M.* The Proper Concerns of Economic /History. Ultimate and Proximate Growth Causality//Scandinavian Economic History Review. Vol.XL. 1992. № 2.
670. *White J.W.* The Demography of Sociopolitical Conflict in Japan, 1721-1846. Berkeley, 1992.
671. *White L.* Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1962.
672. *White L.* Dynamo and Virgin Reconsidered. Essays in Dynamism of Western Culture. Cambridge, 1976.
673. *White L.* Medieval Religion and Technology. Berkeley, 1978.
674. Why Does Overcrowded Ressource-Poor East Asia Succeed?//Economic Development and Cultural Change. Vol.36. 1988. Supplement.
675. *Wigen K.* Geographic Imagination and Early Modern Japanese History//The Journal of Asian Studies. Vol.51. 1992. № 1.
676. *Wilkins M.* The History of Foreign Investment in the United States to 1914. Cambridge (Mass.), 1989.
- 676a. *Williamson J.G., Lindert P.H.* American Inequality. L., 1980.
677. *Williamson J.G.* Debating the British Industrial Revolution//Explorations in Economic History. Vol.24. 1987. №3.
678. *Williamson J.G.* Productivity and American Leadership//The Journal of Economic Literature. Vol.XXIX. 1991. № 1.
679. *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. New Haven, 1957.

680. Wolff E.N. Capital Formation and Productivity Convergence over the Long Term//American Economic Review. Vol.81. 1991. № 3.
681. World Economic Growth. San Francisco, 1984.
- 681a. World Saving, Prosperity and Growth. L., 1993.
- 681b. World Economy in Transition. Oxford, 1986.
682. *Wrigley E.A.* Continuity, Chance and Change. The Character of the Industrial Revolution in England. Cambridge, 1988.
- 682a. *Wrigley E.A.* Population Growth: England 1680-1820//New Directions in Economic and Social History. L., 1989.
683. *Wrigley E.A., Schofield R.S.* The Population History of England, 1541-1871: A Reconstruction. Cambridge, 1989.
684. *Wu H.X.* The Real Chinese Gross Domestic Product (GDP) for the Pre-Reform Period, 1952-1977//The Review of Income and Wealth. 1993. № 1.
685. *Wyczanski A.* Peut-on comparer les niveaux économiques des pays aux temps prestatistiques?//Studi in Memoria di Federigo Melis. Vol.4. Roma, 1978.
686. *Yamamura K.* The Agricultural and Commercial Revolution in Japan, 1550-1650//Research in Economic History. Vol.5. 1980.
687. *Yasuba Y.* Standard of Living in Japan Before Industrialization: From What Level Did Japan Begin?//The Journal of Economic History. Vol.XLVI. 1986. № 1.
- 687a. *Young G.* Cross Purposes. East and West. Vol.2. L., 1990.
688. *Zantman A.* Le Tiers-monde. Les stratégies de développement à l'épreuve des faits. P., 1990.
689. *Zhao D.-X., Hall J.A.* State Power and Patterns of Late Development//Sociology. Vol.28. 1994. № 1.
690. *Zhihong Sh.* The Development and Underdevelopment of Agriculture during Early Qing Period (1644-1840)//Tenth International Economic History Congress. Leuven, 1990. B.3.

III. Периодические издания

691. Азия и Африка сегодня. М.
692. Вестн. Моск. ун-та. Сер. Востоковедение. М.
693. Вопросы экономики. М.
694. Восток (Народы Азии и Африки). М.
695. Мировая экономика и международные отношения. М.
696. Проблемы Дальнего Востока. М.
697. American Economic Review. Menasha.
698. Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. P.
699. Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review. Roma.
700. Bulletin of Economic Research. L.
701. Bulletin of Indonesian Economic Studies. Canberra.
- 701a. Cahiers Français P.
702. Comparative Civilizations Review. Carlisle.

703. *Developing Economies*. Tokyo.
704. *Economic Development and Cultural Change*. Chicago.
705. *Economic History Review*. L.
706. *Economic Policy*. Cambridge.
707. *Economie et statistique*. P.
708. *Economist*. L.
709. *Eurostatistics*. Bruxelles.
710. *Explorations in Economic History*. San Diego.
711. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge.
712. *Intereconomics*. Hamburg.
713. *International Journal of Middle East Studies*. Cambridge.
714. *International Labour Review*. Geneva.
715. *Journal of Asian Studies*. Ann Arbor.
716. *Journal of Comparative Economics*. L.
717. *Journal of Developing Areas*. Macomd.
718. *Journal of Development Economics*. Amsterdam.
719. *Journal of Development Studies*. L.
720. *Journal of Economic History*. Wilmington.
721. *Journal of Economic Literature*. Pittsburgh.
722. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Leiden.
723. *Journal of European Economic History*. Roma.
724. *Journal of Interdisciplinary History*. Cambridge.
725. *Journal of Latin American Studies*. L.
726. *Journal of Political Economy*. Chicago.
727. *Journal of World History*. Honolulu.
728. *Kyklos*. Basel.
729. *Latin American Monitor*. Brazil. L.
730. *Latin American Monitor*. Mexico. L.
731. *Middle Eastern Economic Papers*. Beirut.
732. *Middle Eastern Studies*. L.
733. *Oxford Economic Papers*. Oxford.
734. *Past and Present*. Oxford.
735. *Population*. P.
736. *Problèmes économiques*. P.
737. *Quarterly Journal of Economics*. Cambridge.
738. *Review*. Binghamton.
739. *Review of Economics and Statistics*. Amsterdam.
740. *Review of Income and Wealth*. New Haven.
741. *Revue Tiers-Monde*. P.
742. *Rivista Internazionale di Scienze Economiche e Commerciali*. Bologna.
743. *Scandinavian Economic History Review*. Jyvaskyla.
744. *Scandinavian Journal of Economics*. Stockholm.
745. *Speculum*. Cambridge.
746. *Weltwirtschaftliches Archiv*. Tübingen.
747. *World Development*. Oxford.

Научное издание

Мельянец Виталий Альбертович

ВОСТОК

и

ЗАПАД

во втором тысячелетии:

ЭКОНОМИКА, ИСТОРИЯ

И СОВРЕМЕННОСТЬ

Зав. редакцией

Н.А.Рябикина

Редактор

И.Е.Новикова

Художественный редактор

Ю.М.Добрянская

Оформление художника

Б.С.Казакова

Технический редактор

З.С.Кондрашова

Корректоры

Н.И. Коновалова

Г.А. Ярошенко

Компьютерная верстка

А.С.Рябчиков

Н/К

ЛР № 040414 от 27.03.92

**Сдано в набор 04.04.96. Подписано в печать 30.07.96. Формат 60×88/16. Бумага
офс. №1. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. 19,0 Уч.-изд. л. 18,07**

Тираж 2 000 экз. Заказ 2767 Изд. № 6129

Ордена “Знак Почета”

издательство Московского университета

103009, Москва, ул.Б.Никитская, 5/7.

Отпечатно в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ

140010, Люберцы, Октябрьский пр. 403

В.А.Мельянцев

В.А.Мельянцев

ВОСТОК
И
ЗАПАД
ВО ВТОРОМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ:
экономика,
история
и современность

